Книгоиздательство „Сотрудничество“

Карлъ Бюхеръ

Возникновеніе народнаго хозяйства

Изданіе третье исправленное и дополненное по 7-му нѣмецкому изданію

Подъ редакціей

І. М. Кулишера

Петроградъ

1918

Карлъ Бюхеръ.

Возникновеніе народнаго хозяйства.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ И ОЧЕРКИ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Изданіе третье исправленное и дополненное по 7-му нѣмецкому изданію.

ПЕТРОГРАДЪ
1918.
Хромо-Литографія Ватинскаго, 18 л.. Я. — Тел. [illegible].

I.

Первобытное хозяйство.

Научныя изслѣдованія хозяйственныхъ явленій обыкновенно исходятъ изъ того предположенія, что человѣку присуща «хозяйственная природа», не свойственная никакому другому живому существу. Изъ этой «хозяйственной природы» человѣка выводится то основное положеніе, которое опредѣляетъ всѣ его дѣйствія, направленныя на удовлетвореніе потребностей,—выводится принципъ хозяйственности (экономическій принципъ). Принципъ этотъ выражается въ томъ, что человѣкъ всегда и повсюду стремится достигнуть возможно болѣе полнаго удовлетворенія своихъ потребностей съ возможно меньшимъ напряженіемъ («принципъ наименьшихъ усилій»).

Далѣе дѣлается предположеніе, что всѣ хозяйственныя дѣйствія суть дѣйствія, сознательно направленныя къ опредѣленной цѣли, руководимыя опредѣленными сужденіями о цѣнности различныхъ предметовъ. Если даже искать конечнаго стимула хозяйственной дѣятельности въ инстинктахъ человѣка (въ чувствѣ самосохраненія и стремленіи къ личной выгодѣ), то все же для удовлетворенія этихъ инстинктовъ необходимъ цѣлый рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ духовныхъ актовъ. Человѣкъ оцѣниваетъ силу непріятнаго ощущенія, могущаго возникнуть вслѣдствіе неудовлетворенія чувствуемой имъ потребности; онъ оцѣниваетъ непріятное ощущеніе, связанное съ работой, которую необходимо произвести для полученія даннаго предмета; онъ сравниваетъ оба непріятныя ощущенія и выбираетъ то изъ нихъ, которое влечетъ за собой меньшую непріятность, т. е. онъ рѣшается предпринять работу лишь въ томъ случаѣ, если сопровождающая ее жертва меньше той жертвы, которая сопряжена съ неудовлетвореніемъ данной потребности. Приступая къ самой работѣ, онъ опять-таки выбираетъ изъ различныхъ возможныхъ способовъ дѣйствія наименѣе тягостный: онъ долженъ, слѣдовательно, и здѣсь произвести цѣлый рядъ взвѣшиваній, оцѣнокъ, сравненій и сужденій.

Въ самомъ дѣлѣ, вся экономическая наука исходитъ изъ этого предположенія: всѣ хозяйственныя дѣйствія суть для нея дѣйствія разумно мотивированныя, требующія участія высшихъ духовныхъ

силъ человѣка; ею выработана своего рода психологія хозяйства, посредствомъ которой экономическая наука старается объяснить этого рода дѣйствія въ ихъ типическомъ проявленіи. Поэтому и хозяйственная дѣятельность представляется ей въ видѣ чего-то, присущаго исключительно человѣку. Вопросъ о томъ, нѣтъ ли хозяйства и у животныхъ, повидимому, никогда не поднимался. Хозяйственная природа есть для нея нѣчто абсолютное, неразрывно связанное съ сущностью человѣка [1]).

Однако, даже у культурныхъ людей, изъ поведенія которыхъ былъ выведенъ принципъ хозяйственности, можно сдѣлать наблюденія, указывающія на то, что хозяйственная природа свойственна различнымъ индивидамъ въ различной степени. Между прилежнымъ и лѣнивымъ, между предусмотрительнымъ и легкомысленнымъ, между бережливымъ и расточительнымъ существуетъ безконечно много посредствующихъ ступеней хозяйственности. Обратимъ вниманіе хотя бы на то отношеніе къ предметамъ, какое обнаруживаютъ дѣти, охотнѣе всего уничтожающія ихъ, и мы легко убѣдимся въ томъ, что эта «хозяйственная природа» каждымъ человѣкомъ должна быть пріобрѣтена вновь, что она является у каждаго результатомъ воспитанія и привычки—результатомъ, представляющимъ у различныхъ людей столь же значительныя различія въ степени, какъ и весь ихъ тѣлесно-духовный складъ.

Разъ это такъ, то едва ли можно обойти вопросъ: прирождена ли вообще «хозяйственная природа» человѣку, или же она, наоборотъ, есть нѣчто имъ пріобрѣтенное, и не слѣдуетъ ли предположить существованіе вначалѣ такого, охватывающаго многія тысячелѣтія, періода человѣческаго развитія, въ теченіе котораго имѣло мѣсто чисто инстинктивное удовлетвореніе потребностей, въ родѣ того, какое мы обыкновенно предполагаемъ у животныхъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно получить только на основаніи опыта. Представленіе, которое мы составляемъ себѣ о первобытномъ человѣкѣ, не должно быть построено искусственно, не должно являть собой «робинзонады» какъ это нерѣдко встрѣчается въ дедукціяхъ «классическихъ» экономистовъ. Всѣ черты первобытнаго человѣка должны быть взяты изъ дѣйствительности; онѣ должны показать намъ реальныя условія, въ которыхъ живетъ человѣкъ внѣ вліянія культуры, и тѣ побужденія, на основаніи которыхъ онъ дѣйствуетъ, а впослѣдствіи также и мыслитъ. Но, конечно, первый методъ — дедуктивный—гораздо легче индуктивнаго, основаннаго на наблюденіяхъ. Культурный человѣкъ обнаруживалъ всегда сильную склонность вкладывать свои собственныя воззрѣнія и ощущенія въ душу первобытнаго человѣка; онъ лишь въ ограниченной мѣрѣ способенъ

---

[1]) „Основы хозяйственной природы твердо заложены въ человѣческой, тѣлесно-духовной организаціи и измѣняются столь же мало, какъ внѣшняя природа, по крайней мѣрѣ въ теченіе исторической эпохи жизни человѣчества“. Wagner: Grundlegung der politischen Oekonomie (3 Aufl.) I, 1, стр. 82.

понять мало развитую духовную жизнь первобытнаго человѣка, читать, такъ сказать, въ его душѣ.

Правда, въ настоящее время мы не имѣемъ уже возможности наблюдать въ дѣйствительности этого первобытнаго человѣка въ его чистой формѣ. Какъ ни велико число первобытныхъ народовъ, мало-по-малу вошедшихъ въ нашъ кругозоръ, однако ни одинъ изъ нихъ не находится болѣе на нижайшей ступени развитія; у всѣхъ мы находимъ уже зачатки культуры, всѣ они прежде всего знакомы съ огнемъ.

Впрочемъ, нѣкоторые писатели, которымъ теорія развитія вскружала голову, открывали то здѣсь, то тамъ племена, которыя будто бы остались до настоящаго времени въ первоначальномъ животномъ состояніи. Еще Джонъ Лёббокъ отрицалъ знакомство съ огнемъ у различныхъ племенъ, обитающихъ на островахъ Южнаго Океана. О. Пешель взялъ на себя трудъ доказать, что приведенные Лёббокомъ примѣры невѣрны, и мы можемъ вмѣстѣ съ нимъ считать доказаннымъ, что пока еще нигдѣ на земномъ шарѣ не найдено племя, которое бы не знало употребленія огня [1]).

Даже относящіяся къ доисторическому періоду, пещерныя раскопки, гдѣ человѣкъ ледяного періода занимаетъ такое же положеніе, какъ медвѣдь, зубръ, сѣверный олень, обнаруживаютъ слѣды употребленія огня. Огонь же является могучимъ двигателемъ культуры. Онъ увеличиваетъ число способовъ добыванія пропитанія, научаетъ закалять острія деревянныхъ стрѣлъ и копій, выдалбливать древесный стволъ, прогонять дикихъ звѣрей.

Другіе изслѣдователи открывали людей, живущихъ будто бы небольшими группами на деревьяхъ, питающихся плодами и употребляющихъ въ качествѣ оружія и орудій лишь камни да дубины, что мы находимъ и у высшихъ обезьянъ. Фридрихъ Энгельсъ [2]) полагаетъ даже, что только этимъ можно объяснить то, что человѣкъ могъ противостоять крупнымъ хищнымъ животнымъ. Липпертъ [3]), изслѣдовавшій эти факты болѣе тщательно, приходитъ къ тому выводу, что дерево играло въ миѳологіи египтянъ извѣстную роль въ качествѣ священнаго жилища духовъ, но онъ достаточно осторо-

---

[1]) Oskar Peschel: Völkerkunde, стр. 139 и слѣд. (Русск. переводъ: Оскаръ Пешель, Народовѣдѣніе. Перев. подъ редак. проф. Э. Ю. Петри съ 1-го изд., дополненнаго Кирхгофомъ. Спб. изд. А. Суворина 1890, стр. 133 и слѣдующія). Правда, американецъ Тилль (цит. у Ю. Липперта: Исторія культуры пер. А. Острогорскаго и П. Струве, стр. 46) въ одномъ случаѣ не соглашался съ нимъ. Послѣ Пешеля Мундтъ-Лауффъ все же утверждалъ („Natur“ Jahrg. 1879, стр. 478), что негритосы Филиппинскихъ острововъ не знали будто бы вареной пищи, но былъ въ свою очередь опровергнутъ А. Шаденбергомъ (Zeitschrift für Ethnologie XII 1880, стр. 143 и слѣд.).

[2]) Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates, стр. 7. (Русск. пер. Происхожденіе семьи, собственности и государства, 1899, изд. Ф. Іогансона, стр. 21 и слѣд.).

[3]) Kulturgeschichte der Menschheit, стр. 67 и слѣд. (въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ съ сокращеннаго нѣмецкаго изданія, соотвѣтствующаго мѣста нѣтъ. *Прим. пер.*).

женъ и не дѣлаетъ изъ этого заключенія, будто предки наши жили на деревьяхъ,—осторожнѣе лингвиста Лазаря Гейгера, который въ употребляемой южно-американскими индѣйцами подвѣсной цыновкѣ усмотрѣлъ слѣды того, что люди прежде жили на деревьяхъ. Правда, въ центральной Африкѣ (у габерійскихъ негровъ), на Суматрѣ, въ Луцонѣ, Новой Гвинеѣ и на Соломоновыхъ островахъ найдены были хижины, вдѣланныя между вѣтвями большихъ деревьевъ [1]; нѣчто подобное сообщается и объ отдѣльныхъ племенахъ южной Америки [2]; однако, поскольку эти произведенія первобытной архитектуры не только являются защищающими отъ нападенія врага временными убѣжищами, на-ряду съ которыми имѣются и постоянныя жилища, построенныя на землѣ, ихъ никоимъ образомъ нельзя считать наименѣе совершеннымъ типомъ жилья: народы, которые пользуются ими, обнаруживаютъ, судя по употребляемымъ ими орудіямъ, утвари, домашнимъ животнымъ, а нѣкоторые даже по своему умѣнію воздѣлывать землю, что они уже не находятся болѣе на самой низшей ступени цивилизаціи.

Послѣ сказаннаго нѣтъ надобности искать совершенно нетронутыхъ культурой народовъ, чтобы съ нихъ начать изложеніе предмета—подобно тому какъ Клеммъ свою «Всеобщую исторію человѣческой культуры» начинаетъ съ лѣсныхъ индѣйскихъ племенъ Бразиліи. Конечно, нельзя отрицать, что именно эти послѣднія племена стоятъ на чрезвычайно низкой ступени развитія, но рядомъ съ ними и, во всякомъ случаѣ, не выше ихъ ставятся другими изслѣдователями бушмены южной Африки, племя батуа южнаго бассейна Конго, ведды на островѣ Цейлонѣ, племя кубу на островѣ Суматрѣ, минкопики на Андаманскихъ островахъ, эты на Филиппинскихъ островахъ, австралійцы на материкѣ, вымершіе теперь жители Тасманіи, наконецъ, жители Огненной земли. Кому изъ этихъ народовъ отдать первенство въ дикости,—рѣшить весьма трудно. Пешель [3]) у всѣхъ этихъ племенъ находитъ нѣкоторые элементы культуры, даже у ботокудовъ, о которыхъ онъ самъ говоритъ, что они наиболѣе близки къ первобытному состоянію.

Однако, гипотеза о такомъ первобытномъ состояніи, въ которомъ человѣкъ вынужденъ выступать въ борьбу за существованіе, не обладая никакими иными средствами, кромѣ тѣхъ, какія находятся у звѣрей, является необходимой предпосылкой, изъ которой должна исходить всякая наука о человѣкѣ, желающая изобразить ходъ историческаго развитія. Мы вынуждены лишь отказаться отъ попытки иллюстрировать это первобытное состояніе на примѣрахъ изъ жизни

---

[1]) Nachtigal: Sahara und Sudan II стр. 628 и слѣд. Finsch: Samoafahrten, стр. 271 и слѣд. Ratzel: Völkerkunde (2 Aufl.) I стр. 101, 105, 245, 386 II стр. 83. (Ф. Ратцель: Народовѣдѣніе, русск. перев. со 2-го нѣм. изд., Д. А. Коропчевскаго, изд. Т-ва „Просвѣщеніе", I т., стр. 105, 106, 256, 407 и слѣд., II т., стр. 86).

[2]) Waitz: Anthropologie der Naturvölker III стр. 393.

[3]) O. Peschel. Völkerkunde, стр. 145 и слѣд. (Русск. пер., стр. 144 и слѣд.).

того или другого племени. Более плодотворные въ научномъ отношеніи результаты мы получимъ, если соединимъ вмѣстѣ черты, общія всѣмъ народамъ, стоящимъ на низкой ступени культуры, и такимъ путемъ воссоздадимъ картину первобытнаго хозяйства и общества. При этомъ, однако, нѣтъ надобности ограничиваться приведенными выше представителями наиболѣе низкой культуры; ибо всякое ограниченіе подобнаго рода вызвало бы возраженія и сузило бы нашъ кругозоръ. При томъ различные элементы духовной и матеріальной культуры вовсе не находятся между собой въ неразрывной связи и не развиваются вездѣ съ одинаковой скоростью, поэтому мы находимъ черты, которыя могли сложиться только при древнѣйшемъ образѣ жизни, почти у всѣхъ дикихъ народовъ. Объясненіе этихъ чертъ и установленіе идеальной связи между ними и составитъ прежде всего нашу задачу.

Въ этомъ отношеніи писатели обыкновенно слишкомъ облегчили себѣ задачу, заимствуя черты первобытнаго человѣка у человѣка культурнаго. Разсуждали такъ: различныя потребности первобытнаго человѣка требовали для своего удовлетворенія такихъ напряженій, которыя отдѣльному человѣку были не подъ силу, для защиты отъ дикихъ звѣрей и стихій также необходимъ былъ трудъ многихъ; изъ этого дѣлали выводъ о коллективной борьбѣ за существованіе, и такимъ образомъ получалось «первобытное общество» и нѣчто въ родѣ коммунистическаго хозяйства.

Однако несомнѣнно, что въ теченіе продолжительныхъ періодовъ, человѣкъ существовалъ не работая; да и въ настоящее время можно, пожалуй, найти на земномъ шарѣ мѣстности, гдѣ саговая пальма, бананъ, хлѣбное дерево, кокосовая и фиговая пальмы даютъ ему возможность жить при минимальной затратѣ труда. Въ такія-то мѣста легенда особенно охотно помѣщаетъ рай, первичную родину человѣка. Но и новѣйшее изслѣдованіе не можетъ обойтись безъ допущенія того, что вначалѣ человѣчество было связано именно съ этого рода мѣстами, гдѣ по природнымъ условіямъ человѣкъ могъ существовать почти безъ затраты труда, и лишь путемъ дальнѣйшаго развитія культуры онъ въ состояніи былъ подчинить себѣ весь земной шаръ.

У доступныхъ нашему наблюденію племенъ, стоящихъ наиболѣе низко въ культурномъ отношеніи, мы почти совершенно не находимъ организованныхъ общественныхъ союзовъ. Небольшими группами [1]), подобно стадамъ животныхъ, рыщутъ они въ поискахъ за пищей, находя ночлегъ въ пещерѣ или подъ деревомъ, за щитомъ противъ вѣтра, сдѣланнымъ наскоро изъ хвороста, а нерѣдко просто въ вырытой въ землѣ ямѣ; питаются, главнымъ образомъ, плодами и корнями, но ѣдятъ также всякую живность, какая попадается имъ

---

[1]) Сравн. E. Grosse: Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft, стр. 37. (Э. Гроссе: Формы семьи и формы хозяйства. Русск. перев. Изд. „Книжнаго дѣла", стр. 48 и слѣд.). A. Thonnar: Essai sur le système économique des primitifs d'après les population de l'etat indépendant du Congo, стр. 3.

въ руки вплоть до моллюсковъ, червей, кузнечиковъ и термитовъ. Мужчины обыкновенно вооружены лишь стрѣлами, лукомъ и метательнымъ древкомъ. У женщинъ главнымъ орудіемъ служитъ заостренный кусокъ дерева въ видѣ палки, которую онѣ употребляютъ для выкапыванія корней. Робкіе при столкновеніи съ выше стоящими племенами, часто коварные и хитрые, они ведутъ кочевой образъ жизни, при которомъ тѣло, правда, пріобрѣтаетъ много проворства и ловкости, но зато техническое искусство развивается чрезвычайно медленно и односторонне. Большинство относящихся сюда племенъ совершенно не знаютъ еще ни гончарнаго производства, ни обработки металловъ. И даже изъ дерева, лыка, камня и костей они дѣлаютъ мало употребленія; нигдѣ мы не находимъ запасовъ утваря и орудій, завести которыя и невозможно при бродячей жизни, наполняющейся ничѣмъ инымъ, какъ непрерывными поисками за пищей [1]).

Эти племена называютъ нерѣдко «низшими охотниками»; но едва ли охота въ тѣсномъ смыслѣ служитъ для нихъ главнымъ источникомъ пропитанія. Всѣ они питаются растительной пищей, поскольку могутъ ее достать, и среди тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ въ жаркихъ странахъ, такая пища, повидимому, преобладаетъ. Запасовъ изъ плодовъ и корней, служащихъ имъ для питанія, они, повидимому, не дѣлаютъ. Мѣсто, изобилующее предметами пропитанія, привлекаетъ, конечно, большое число соплеменниковъ, подобно тому, какъ богатая кормомъ мѣстность привлекаетъ стада животныхъ; но, какъ только запасъ исчерпанъ, они снова расходятся въ разныя стороны. То же относится къ моллюскамъ и насѣкомымъ, которыми они питаются: каждый индивидъ поѣдаетъ тотчасъ все, что находитъ; нѣтъ общаго домохозяйства, какъ нѣтъ и общаго дома. Лишь въ томъ случаѣ, когда убивается животное крупныхъ размѣровъ или его находятъ мертвымъ (пристрастіе къ загнившему мясу весьма распространено), собирается вся группа [2]), и каждый пожираетъ сколько можетъ. Но охота на этихъ животныхъ по своему характеру весьма напоминаетъ пріемы хищнаго звѣря, выслѣживающаго свою добычу. Обладая крайне несовершеннымъ оружіемъ, эти племена почти не въ состояніи убить звѣря

---

[1]) Сравн. описанія негритосовъ у A. Schadenberg'a l. c., ботокудовъ у Ehrenreich'a, Zeitsch. f. Ethnologie XIX стр. 1 и слѣд., племени бороро у K. v. d. Steinen, Unter den Naturvölkern Zentralbrasiliens, стр. 358 и слѣд., бушменовъ у Fritsch'a: Die Eingeborenen Südafrikas, стр. 418 и слѣд., веддовъ у P. и F. Sarasin: Die Weddas von Ceylon, австралійцевъ у Brentano: Zeitschr. f. Sozial-und Wirtschaftsgeschichte, I, стр. 133 и слѣд.

[2]) Lippert, l. c. I, стр. 246, отмѣчаетъ существующій у нѣкоторыхъ низшихъ племенъ обычай указывать другимъ на найденные съѣстные припасы посредствомъ громкаго крика и находитъ, что въ этомъ выражается „невѣстное вниманіе къ семьѣ“. Однако слѣдуетъ замѣтить, что и нѣкоторыя животныя (напримѣръ, пѣтухъ) поступаютъ подобнымъ же образомъ. Во всякомъ случаѣ, и Липпертъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что о накопленіи запасовъ никто и не думаетъ. Поэтому названіе „собиратели“, предложенное въ послѣднее время различными писателями къ этимъ народамъ совершенно не примѣнимо.

сразу; главная задача охотника состоитъ въ преслѣдованіи подстрѣленнаго звѣря до тѣхъ поръ, пока онъ не упадетъ въ изможденіи мертвымъ [1]).

Вопросъ о семейной организаціи у этихъ народовъ является весьма сложнымъ. По новѣйшимъ воззрѣніямъ, у нихъ между мужчиной и женщиной существуетъ пожизненная связь, представляющая нѣчто большее, чѣмъ одно лишь половое общеніе, хотя, съ другой стороны, нельзя отрицать, что эти слабо связанныя между собою группы людей при недостаткѣ пищи легко распадаются, или, по крайней мѣрѣ, отъ нихъ уходятъ отдѣльные члены. Болѣе устойчивой является лишь связь между матерью и ребенкомъ. При переходахъ мать вынуждена постоянно тащить ребенка съ собой; обыкновенно она привѣшиваетъ его у себя на спинѣ — обычай, весьма распространенный у всѣхъ первобытныхъ народовъ даже тамъ, гдѣ они уже перешли къ земледѣлію. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ ребенка кормитъ мать либо грудью, либо изо рта, но затѣмъ его посылаютъ скоро самого искать себѣ пищу, и часто на восьмомъ—десятомъ году онъ покидаетъ данную группу.

Всѣ относящіяся сюда племена принадлежатъ къ малорослымъ человѣческимъ расамъ и по своему тѣлесному сложенію производятъ впечатлѣніе отсталости, упадка. Но это еще не даетъ права принимать ихъ за вырождающіеся остатки различныхъ народовъ. Слѣдуетъ скорѣе предполагать, что болѣе развитыя племена обязаны своимъ лучшимъ тѣлеснымъ сложеніемъ лишь правильному и болѣе обильному питанію, доступному имъ уже въ теченіе тысячелѣтій, благодаря занятію скотоводствомъ и земледѣліемъ, тогда какъ эти «карликовыя племена» оставались все время на одной и той же ступени. Находясь въ полной зависимости отъ превратностей стихій и удачи на охотѣ, они либо обжираются, уничтожая невѣроятныя количества пищи, либо, еще чаще, испытываютъ горькую нужду, и ихъ единственная одежда—поясъ—служитъ имъ буквально тѣмъ «поясомъ голода», которымъ они стягиваютъ себѣ животъ [2]), чтобы хоть нѣсколько заглушить мученія сильнаго голода [3]).

Постепенный переходъ отъ этой ступени къ болѣе высокимъ ступенямъ развитія легко можно прослѣдить на безчисленныхъ типическихъ примѣрахъ, которые мы находимъ въ этнографіи. Женщина занимается не только собираніемъ дико растущихъ плодовъ и корней, но вмѣстѣ съ тѣмъ и насажденіемъ нѣкоторыхъ питательныхъ растеній—вначалѣ при помощи все той же заостren-

---

[1]) Сравн. G. Fritsch: Die Eingeborenen Süd-Afrikas, стр. 324, 425; Pogge: Im Reiche des Muata Jamwo, стр. 328 и слѣд.; Wissmann: Im Inneren Afrikas, стр. 260, 341; Martius: Zur Ethnographie Amerikas, zumal Brasiliens, стр. 665 и слѣд.

[2]) Den Schmachtriemen umschnallen—по народному нѣмецкому выраженію значитъ: терпѣть голодъ. *Прим. перев.*

[3]) О бушменахъ ср. Fritsch. l. c., стр. 405; объ австралійцахъ O. Peschel: Völkerkunde, стр. 350 (Русск. пер., стр. 338 и слѣд.); о ботокудахъ Ehrenreich въ Zeitschrift für Ethnologie. XIX (1887), стр. 27.

ной палки, позже посредствомъ кирки съ короткой рукояткой, мужчина продолжаетъ заниматься охотой и рыболовствомъ, но даже при болѣе совершенномъ оружіи онъ лишь въ богатыхъ дичиной мѣстахъ можетъ получить крупную добычу, доставляющую значительную часть пищи; иногда охота восполняется скотоводствомъ. Каждому полу соотвѣтствуетъ вполнѣ опредѣленная область добыванія пищи, къ которой, по мѣрѣ развитія техники, присоединяются еще кой-какіе промыслы, все же сохраняющіе обыкновенно связь съ добывающей промышленностью. Всякое хозяйство первобытныхъ народовъ, сдѣлавшихъ нѣкоторые успѣхи, является сочетаніемъ этихъ элементовъ; но въ отдѣльныхъ случаяхъ оно зависитъ всецѣло отъ условій природы въ данной мѣстности; поэтому было бы неправильно конструировать ступени развитія, одинаково примѣнимыя къ неграмъ, папуасамъ, полинезійцамъ или индійцамъ.

Однако, повсюду, гдѣ бы мы ни наблюдали жизнь дикихъ племенъ, удовлетвореніе ими потребностей во многомъ напоминаетъ намъ инстинктивныя дѣйствія животныхъ; повсюду они еще весьма далеки отъ осѣдлаго состоянія. Даже возводимыя ими легко построенныя хижины у большинства представляютъ лишь временныя строенія, напоминающія своими формами,—различными по мѣсту и племени, но всегда типичными,—гнѣзда птицъ, которыя покидаются, какъ только оперятся птенцы.

Липпертъ усматриваетъ главный и основной стимулъ культурнаго развитія въ з а б о т ѣ о с р е д с т в а х ъ ж и з н и; по сравненію съ взглядами прежнихъ изслѣдователей такое объясненіе несомнѣнно представляетъ шагъ впередъ; но самое выраженіе неудачно. О з а б о т ѣ въ смыслѣ заботы о будущемъ у первобытныхъ народовъ не можетъ быть рѣчи. Первобытный человѣкъ не думаетъ о будущемъ; онъ вообще не д у м а е т ъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово; онъ только имѣетъ ж е л а н і я и желаетъ именно сохраненія своей жизни. Инстинктъ самосохраненія и самоудовлетворенія является двигателемъ культурнаго развитія; рядомъ съ нимъ отступаетъ на второй планъ даже половой инстинктъ.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда европейцамъ приходилось въ теченіе продолжительнаго времени наблюдать людей, живущихъ въ первобытныхъ условіяхъ, они разсказываютъ о ни съ чѣмъ несравнимой тупости и лѣности мысли дикарей, ихъ равнодушіи къ самымъ грандіознымъ явленіямъ природы, объ отсутствіи у нихъ интереса ко всему, что лежитъ внѣ ихъ собственнаго «я». Дикарь хочетъ ѣсть, спать, защитить себя, когда это необходимо, отъ ненастной погоды—въ этомъ все содержаніе его жизни.

Поэтому совершенно ошибочно и противно многочисленнымъ вполнѣ достовѣрнымъ наблюденіямъ приписывать дикарямъ, какъ это дѣлаетъ Пешель, чрезмѣрное количество религіозныхъ суевѣрій и вообще думать, что чѣмъ ближе человѣкъ къ первобытному состоянію, тѣмъ будто бы больше у него вѣры. Пешель, очевидно, полагаетъ, что движеніе солнца и другія небесныя явленія несравненно сильнѣе захватываютъ дикаря и занимаютъ его мысли, чѣмъ

культурнаго человѣка. Но въ дѣйствительности это вовсе не такъ. Какъ у бразилійскихъ индійцевъ, такъ и у негровъ путешественники на вопросы, касающіеся этихъ явленій, получали отъ дикарей отвѣтъ, что они объ этомъ никогда не думали; а Гербертъ Спенсеръ [1]) собралъ цѣлую массу примѣровъ, указывающихъ на то, что народы, стоящіе на низшихъ ступеняхъ культуры, даже и по отношенію къ совершенно новымъ явленіямъ не проявляютъ никакого интереса. Такъ, патагонцы обнаружили полное равнодушіе, когда имъ показали зеркало, въ которомъ они видѣли самихъ себя. Дампье же разсказываетъ, что австралійцы, взятые имъ съ собой на корабль, ни на что не обращали вниманія, кромѣ ѣды, которую они получали. Бертонъ [2]) характеризуетъ восточныхъ африканцевъ какъ «людей, которые, хотя и способны мыслить, но ненавидятъ всякое мышленіе, ибо они всецѣло заняты удовлетвореніемъ своихъ тѣлесныхъ потребностей. Душа ихъ воспринимаетъ лишь такіе предметы, которые можно слышать, видѣть или чувствовать, и при томъ ихъ занимаетъ только переживаемый моментъ, только настоящее» [3]).

Такимъ образомъ, то же, что является двигательной силой у животнаго, а именно, стремленіе къ сохраненію жизни, составляетъ руководящій стимулъ и у первобытнаго человѣка. Это побужденіе ограничено пространственно отдѣльнымъ индивидомъ, а во времени моментомъ ощущенія потребности; иными словами: дикарь думаетъ только о себѣ и только о настоящемъ. То, что лежитъ за предѣлами этого, почти совершенно сокрыто отъ его душевной жизни. Если многіе наблюдатели находятъ у дикаря безграничный эгоизмъ, жестокосердіе по отношенію къ себѣ подобнымъ, жадность, вороватость, лѣнь, беззаботность по отношенію къ будущему, забывчивость, то это вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на то, что у дикарей еще совершенно не развиты чувство состраданія, память и способность къ умозаключеніямъ. И, чтобы уразумѣть отношенія первобытнаго человѣка къ окружающимъ его цѣнностямъ, необходимо исходить именно изъ этихъ характерныхъ чертъ.

Эгоизмъ дикаря и его жестокость по отношенію къ своимъ близкимъ является естественнымъ результатомъ безпокойной кочевой жизни, при которой каждый индивидъ заботится лишь о себѣ самомъ. Это обнаруживается прежде всего въ чрезвычайно распространенномъ обычаѣ умерщвленія дѣтей, который лишь въ видѣ исключенія отсутствуетъ у тѣхъ или иныхъ племенъ [4]). Дѣти за-

[1]) Principles of Sociology VII, § 45 и сл. (Русск. перев. Г. Спенсеръ: Основанія соціологіи, изд. Сытина. Спб. 1898, § 45, стр. 55).

[2]) Andree: Die Expeditionen Burtons und Spekes (Lpz. 1861) стр. 351.

[3]) Сравн. подобное же сужденіе миссіонера Cranz'a: Historie von Grönland (Frankfurt, 1780) стр. 163 и Lubbock: Entstehung der Zivilisation, стр. 430 и слѣд. (Русск. пер. подъ ред. Д. А. Коропчевскаго, Спб. 1876, стр. 296 и сл.).

[4]) Сравн. Lippert II, стр. 201 и слѣд. Ratzel: Völkerkunde I стр. 108, 154, 252, 277, 306, 338, 425. (Русск. пер., I т. стр. 114 слѣд., 163, 266, 293, 324, 358, 450).

трудняютъ передвиженіе орды и добываніе пищи—это и есть основная причина ихъ истребленія. Вошедши однажды въ обычай, умерщвленіе дѣтей удерживается и на позднѣйшихъ ступеняхъ развитія культуры; слѣды этого обычая найдены не только у дикихъ народовъ Азіи, Африки, Америки, Австраліи и Полинезіи, но даже у арабовъ, римлянъ и грековъ.

Обыкновенно въ умерщвленіи дѣтей видятъ причину крайне медленнаго прироста населенія у племенъ, стоящихъ на низшихъ ступенях культуры. Но это обстоятельство является послѣдствіемъ меньшей продолжительности жизни и долгаго кормленія грудью, въ теченіе котораго, какъ извѣстно, зачатіе невозможно. Этимъ, главнымъ образомъ, объясняется и медленность перехода къ болѣе высокимъ ступенямъ развитія. Что естественная связь между родителями и дѣтьми нигдѣ не является особенно прочной, обнаруживается также въ распространенномъ обычаѣ усыновленія [1]. Разсказываютъ, напримѣръ, что въ «семьяхъ» у миникопиковъ (адаманцевъ) пріемышей больше, чѣмъ родныхъ дѣтей. Характерно, что обыкновенно не дѣлается никакого различія между родными и усыновленными дѣтьми. Усыновленіе возникло, вѣроятно, вслѣдствіе того, что умерщвленіе дѣтей смѣнилось оставленіемъ ихъ на произволъ судьбы. Если родная мать не была въ состояніи тащить своего новорожденнаго, то это могла сдѣлать другая женщина, не имѣвшая дѣтей, и такимъ образомъ ребенокъ былъ спасенъ отъ смерти.

Новѣйшіе этнографы старались представить силу материнской любви, какъ черту, общую всѣмъ ступенямъ культуры. Въ самомъ дѣлѣ, какъ-то не хочется допустить въ человѣческомъ родѣ отсутствіе того чувства, которое такъ мило проявляется у различныхъ животныхъ. Однако, многочисленныя наблюденія указываютъ на то, что у низшихъ племенъ забота о собственной жизни подавляетъ всѣ прочія душевныя движенія, въ томъ числѣ и вытекающія изъ кровной связи, что на-ряду съ этой заботой нѣтъ мѣста ничему болѣе возвышенному. Всѣ, кто наблюдалъ подобнаго рода явленія, даже возмущены той легкостью, съ какой дѣти уходятъ отъ своихъ родныхъ, какъ только они сами въ состояніи себя прокормить [2]. Но все же это только оборотная сторона того жестокосердія, съ какимъ «мужья въ состояніи отказать въ пищѣ женамъ, отцы голодающимъ дѣтямъ, если только они сами имѣютъ намѣреніе ею насладиться».

Та же черта безграничнаго эгоизма обнаруживается въ той

---

[1]) Ср. Lubbock: Entstehung der Zivilisation, стр. 77 и слѣд. (русск. пер., стр. 70).

[2]) Срави. характерный примѣръ, приведенный у Ратцеля. Продажа дѣтей и женъ въ рабство встрѣчается не только въ Африкѣ. Martius l. c. стр. 123, срави. Post: Afrikanische Jurisprudenz I, стр. 94.

безпощадности, съ какою многія дикія племена оставляютъ на произволъ судьбы во время передвиженія или покидаютъ въ уединенныхъ мѣстахъ больныхъ и стариковъ, которые могли бы составить помѣху для здоровыхъ [1]. Эта черта нерѣдко истолковывалась какъ проявленіе суевѣрія, какъ страхъ передъ тѣми злыми силами, которымъ приписываются болѣзни. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы наблюдаемъ такого рода факты у племенъ, ставшихъ осѣдлыми, гдѣ условія существованія допускаютъ уходъ за больными, такое объясненіе какъ бы напрашивается само собой. При этомъ, однако, упускаютъ изъ виду, что разъ укоренившіеся обычаи упорно сохраняются и тогда, когда причины, вызвавшія ихъ, уже давно исчезли.

Между оставленіемъ на произволъ судьбы и намѣреннымъ умерщвленіемъ разстояніе весьма невелико. Вѣдь и у народовъ болѣе развитыхъ старость считается состояніемъ крайне печальнымъ. На то, чтобы украшать это состояніе любовью близкихъ, на этой ступени культуры не хватало средствъ, можно было его только сократить; вотъ почему мы рядомъ съ оставленіемъ на произволъ находимъ также закапываніе стариковъ и больныхъ живьемъ, или умерщвленіе и даже пожираніе ихъ, что доказывается многочисленными примѣрами, начиная отъ Геродота и вплоть до новѣйшихъ временъ. Мало того, первобытному человѣку совершеніе этого ужаснаго обряда со всею торжественностью могло представляться чуть ли не требованіемъ благочестія [2].

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ забота о пропитаніи при вѣчной кочевой жизни захватывала человѣка всецѣло, такъ что рядомъ съ ней не могли возникнуть даже тѣ чувства, которыя мы считаемъ самыми естественными; что эта забота могла даже представить религіозной обязанностью то, что мы считаемъ отвратительнѣйшимъ преступленіемъ, и мы начинаемъ понимать, какъ слаба должна была быть та личная связь, которая соединяла эти маленькія бродячія группы людей. Половое общеніе не могло стать этимъ связующимъ звеномъ; здѣсь совершенно отсутствовало то, что мы называемъ любовью [3]. Общаго хозяйства, домоводства, имущества также почти не существовало. Все это могло возникнуть лишь тогда, когда кругъ потребностей вышелъ изъ предѣловъ одного лишь пропитанія. Такое состояніе, однако, про-

[1] Lippert, l. c., стр. 229 и сл., такъ обстоятельно трактуетъ этотъ предметъ, что я могу не приводить примѣровъ. Сравн. также Fritsch. 116, 334, 351. Waitz: Anthropologie II. стр. 401.

[2] Сравн. примѣры, приведенные Липпертомъ (Lippert, l. c., стр. 232), а также Martius l. c., стр. 126, Ehrenreich: Beiträge zur Völkerkunde Brasiliens, стр. 69 и слѣд., Waitz: Anthropologie I, стр. 189, Schrader: Reallexikon der indogerm. Altertumskunde, стр. 36 и слѣд.

[3] Писатели, которые въ настоящее время занимаются вопросомъ о семьѣ,—ихъ весьма много,—слишкомъ мало обращаютъ вниманія на это обстоятельство, совершенно правильно отмѣченное Лёббокомъ (Entstehung d. Zivil, стр. 59 и слѣд.; русск. перев., стр. 54). При этомъ они также упускаютъ изъ виду связь между семьей и хозяйствомъ.

должалось значительно дольше, чѣмъ многіе думаютъ. Особенно потребности въ одеждѣ и жилищѣ у дикихъ народовъ совершенно отступаютъ на второй планъ.

Обратимся теперь къ другой не менѣе распространенной чертѣ характера первобытныхъ народовъ—ихъ безпечности; нужно сознаться, что она на первый взглядъ приводитъ насъ въ изумленіе. Казалось бы, что уже самъ по себѣ голодъ, причиняющій дикарю такъ часто большія страданія, долженъ былъ бы научить его, когда пища имѣется въ изобиліи, сохранять запасы на будущее время. Но всѣ наблюденія сходятся въ томъ, что дикарь и не думаетъ объ этомъ. «Они не привыкли, говоритъ Гекевельдеръ о сѣверо-американскихъ индійцахъ, дѣлать запасы пищевыхъ продуктовъ и сохранять ихъ. Вслѣдствіе этого они нерѣдко впадаютъ въ крайнюю нужду и терпятъ лишенія даже въ самомъ необходимомъ для жизни, особенно во время войны» [1]. Другой очевидецъ разсказываетъ о южно-американскихъ племенахъ [2]: «ихъ существу противно обладаніе съѣстными припасами въ количествѣ большемъ, чѣмъ это необходимо максимумъ на одинъ день». У многихъ негритянскихъ племенъ считается неприличнымъ сохранять пищевые продукты на будущее время; они объясняютъ это повѣріемъ, будто оставшаяся пища можетъ вызвать злые духи [3].

Когда эти народы, благодаря близорукой жаждѣ наживы европейцевъ, становятся обладателями болѣе совершеннаго оружія, они производятъ невѣроятное опустошеніе среди дичи своего охотничьяго района. Извѣстно истребленіе стадъ буйволовъ въ Сѣверной Америкѣ. «Огромныя количества мяса оставлялись безъ употребленія, а зимой, когда глубокіе сугробы снѣга дѣлали охоту невозможной, дикари терпѣли страшный голодъ и вынуждены были прибѣгать къ древесной корѣ и пырею» [4]. И въ настоящее время въ Африкѣ туземцы, ведущіе выгодный торговый обмѣнъ съ европейцами, безпощадно истребляютъ источники этихъ своихъ доходовъ—слоновъ и каучуковыя деревья.

Даже у болѣе развитыхъ племенъ и индивидовъ замѣтна эта черта. «Когда носильщики получали свои пайки, разсказываетъ П. Погге [5], то первые дни они несомнѣнно жили лучше, чѣмъ я; покупались лучшія козы и куры. Когда же я имъ давалъ ихъ пайки за 14 дней, то они почти всегда проѣдали ихъ въ 3—4 дня,

---

[1]) Joh. Heckewelders: Nachricht von der Geschichte, den Sitten und Gebräuchen, der indianischen Völkerschaften, uebers. von F. Hesse (Göttingen, 1821) стр. 330, 365.

[2]) Appun: Unter den Tropen II, стр. 321; срв. стр. 459.

[3]) Lippert, l. c., стр. 89 и сл.

[4]) Впрочемъ, большая часть вины въ истребленіи буйволовъ падаетъ на бѣлыхъ, какъ это доказано у Charles Maira въ его „Proceedings and Transactions of the R. Society of Canada, t. VIII.

[5]) In Reiche des Muata-Jamwo, стр. 14, срв. стр. 6, и Wissmann, Wolf etc., Im Inneren Afrikas, стр. 29.

а потомъ либо воровали съѣстные припасы, либо клянчили, либо голодали». Въ Вадаи все, что остается отъ трапезъ султана, зарывается въ землю [1]), а на праздникахъ жертвоприношеній у индѣйцевъ гости обязаны были съѣсть и хлѣбъ, и мясо начисто. «Разстройство желудка и рвоты при такихъ условіяхъ не составляютъ рѣдкости» [2]).

Въ тѣсной связи съ подобнаго рода опустошеніемъ запасовъ находится и то, какъ дикарь пользуется своимъ временемъ. Обычное представленіе, будто первобытные народы пріобрѣли особый навыкъ въ опредѣленіи времени по высотѣ солнца, совершенно невѣрно. Они вообще не измѣряютъ времени и потому его не раздѣляютъ. Ни одинъ первобытный народъ не имѣетъ установленнаго времени для трапезъ, сообразно которымъ культурный человѣкъ распредѣляетъ свои занятія [3]). Даже такое сравнительно развитое племя, какъ бедуины, не имѣетъ представленія о времени. Они ѣдятъ, когда голодны. Ливингстонъ какъ-то называетъ Африку «счастливой страной, гдѣ время не имѣетъ никакой цѣны и гдѣ люди тогда, когда устаютъ, садятся и отдыхаютъ» [4]). «Самая незначительная и для негра необходимая работа откладывается какъ можно далѣе. Туземецъ проводитъ весь день въ лѣни и бездѣйствіи, хотя бы онъ отлично зналъ, что къ ночи онъ будетъ нуждаться въ глоткѣ воды и полѣнѣ дровъ; и тѣмъ не менѣе онъ навѣрно не двинется до заката солнца, и лишь тогда, а можетъ уже когда стемнѣетъ, позаботится о самомъ необходимомъ» [5]).

Этимъ мы уже коснулись упрека въ лѣности, которому чрезвычайно часто подвергается первобытный человѣкъ [6]). Но то, что наблюдателямъ представляется лѣностью, есть также не болѣе какъ недостатокъ предусмотрительности, жизнь для данной минуты. Съ какой стати дикарю напрягаться, когда потребности его удовлетворены [7]), когда онъ не чувствуетъ болѣе голода? Онъ вовсе и не бездѣйствуетъ по этой причинѣ. Своими крайне жалкими орудіями онъ производитъ количество работы, въ суммѣ нисколько не меньше той, которую исполняетъ культурный человѣкъ; но онъ

---

[1]) Nachtigal, Sahara und Sudan III, стр. 230.

[2]) Heckewelder l. c., стр. 365.

[3]) Сравн. W. Wundt, Ethik (2 изд.) стр. 140 (Русск. перев. В. Вундтъ: Этика изд. „Русск. Богатства". 1887. Т. I, стр. 150 и слѣд.).

[4]) Neue Missionsreisen I, стр. 99. Даже о современныхъ индѣйцахъ французскій изслѣдователь (A. Métin, Musée social. Mém. et docum. No. 9, стр. 439) говоритъ: „Il semble, en ce pays, qu'on ne perde rien quand on ne perd que du temps" (въ этой странѣ полагаютъ, что ничего не потеряно, если потеряно только время).

[5]) W. Junker: Reisen in Afrika II, стр. 214.

[6]) Подробности см. въ моей книгѣ „Arbeit und Rythmus", 3 изд. (Leipzig: 1902), стр. 2 и слѣд. (К. Бюхеръ: Работа и ритмъ. Русск. перев. подъ ред. Д. Коропчевскаго, изд. Поповой. 1899, стр. 2 и слѣд.).

[7]) Даже индійскіе фабричные рабочіе бросаютъ работу, какъ только они заработали безусловно необходимое имъ для жизни („s'arrêtent dès qu'ils ont gagné le strict nécessaire"; поэтому у нихъ непримѣнима сдѣльная плата: Métin l. c., стр. 441.

совершаетъ эту работу не регулярно, не въ опредѣленное для того время, а скачками, урывками, когда его заставляетъ нужда или на него найдетъ особенно приподнятое настроеніе, да и тогда онъ исполняетъ ее не какъ серьезную жизненную задачу, а скорѣе на подобіе игры.

Вообще первобытный человѣкъ слѣдуетъ всегда лишь ближайшему побужденію; его образъ дѣйствія чисто импульсивный—такъ сказать, сплошь рефлекторное движеніе. Чѣмъ ближе у него находятся потребность и удовлетвореніе ея, тѣмъ лучше онъ себя чувствуетъ. Первобытный человѣкъ—дитя; онъ не думаетъ ни о будущемъ, ни о прошломъ; онъ легко забываетъ; всякое новое впечатлѣніе вытѣсняетъ предшествующее. Всѣ невзгоды жизни ни на минуту не въ состояніи омрачить его радостнаго душевнаго настроенія. О жителяхъ Новой Каледоніи, острововъ Фиджи, Таити и Новой Зеландіи сообщаютъ, что они постоянно смѣются и шутятъ. Во всей Африкѣ негры проявляютъ ту же черту; о другихъ расахъ описаніе путешественниковъ нерѣдко гласитъ: «полные забавъ и веселья», «полные жизни и огня», «веселые и разговорчивые», «всегда жизнерадостные, какъ птицы въ небесахъ» [1].

Характернымъ является нерѣдко дѣлавшееся наблюденіе, что туземцы, бывшіе долгое время въ услуженіи у европейцевъ, утрачивали свой веселый нравъ и становились угрюмы и мрачны. Фритшъ [2]) объясняетъ это тѣмъ, что такіе слуги мало-по-малу перенимаютъ отъ своихъ господъ привычку заботиться о будущемъ, а они съ такого рода заботами сжиться не могутъ [3]).

Такая жизнь данной минутой не отягчена, конечно, представленіями о цѣнностяхъ, ибо послѣднія всегда предполагаютъ способность сужденія, представленій о будущемъ. Всѣмъ извѣстно, какъ часто въ Америкѣ и въ Африкѣ туземцы уступаютъ иноземнымъ колонизаторамъ свою землю за пустяки, иногда за пару бусъ, не имѣющихъ, по нашимъ представленіямъ, никакой цѣнности; а негры, которые вѣдь не находятся уже болѣе на низшей ступени развитія, и въ настоящее время еще готовы отдать любую изъ принадлежащихъ имъ вещей, какъ бы необходима она ни была для ихъ существованія, если имъ предлагаютъ за это какія-нибудь бездѣлушки, случайно бросившіяся имъ въ глаза [4]). Съ другой стороны, однако, и жадность негра не знаетъ границъ. Путешественники вѣчно жалуются на то, что при всемъ гостепріимствѣ, какое имъ оказывается, негры буквально обираютъ ихъ, ибо каждый

---

1) Spencer, l. c. § 76. Много матеріала также въ его „Descriptive Sociology".

2) L. c., стр. 56.

3) Дикіе, воспитанные въ культурныхъ условіяхъ, охотно возвращаются къ своимъ племенамъ и къ совершенно дикому состоянію. O. Peschel: Völkerkunde, стр. 155 и слѣд. (Русск. пер., стр. 147 и слѣд.). Fritsch, l. c., стр. 423. K. L. Jung въ Petermanns Mitt. XXIV (1878) стр. 67.

4) Сравн. Fritsch, l. c., стр. 305.

старѣйшина селенія желаетъ получить въ подарокъ все, что онъ видитъ. Здѣсь опять выступаетъ наружу тотъ наивный эгоизмъ и безграничная алчность, которые ничего общаго не имѣютъ съ стремленіемъ къ наживѣ у хозяйственнаго человѣка. Рѣшающимъ является всегда минутное впечатлѣніе; о болѣе отдаленномъ нѣтъ и мысли. Первобытный человѣкъ какъ бы не въ состояніи вмѣстить двухъ мыслей, одновременно и сравнить ихъ между собой; его всегда захватываетъ лишь одна мысль, и ей онъ слѣдуетъ съ ужасающей послѣдовательностью.

Накопленіе опыта, переходъ знаній отъ одного поколѣнія къ другому вслѣдствіе этого крайне затрудняется, и въ этомъ заключается главная причина того, что такіе народы тысячелѣтіями остаются на одной и той же ступени развитія, не обнаруживая никакого болѣе или менѣе замѣтнаго движенія впередъ.

Мы представляемъ себѣ созданіе первыхъ элементовъ культуры чѣмъ-то весьма легкимъ; всякое изобрѣтеніе, всякое улучшеніе въ сооруженіи жилищъ, въ техникѣ, одеждѣ, въ примѣненіи орудій, какое вводитъ отдѣльный человѣкъ, должно, какъ нерѣдко полагаютъ, стать общимъ достояніемъ рода, его неотъемлемымъ сокровищемъ и должно развиваться дальше. Изобрѣтеніе гончарнаго искусства, прирученіе домашнихъ животныхъ, плавленіе желѣзной руды принимали даже за исходные пункты совершенно новыхъ культурныхъ эпохъ.

Какъ мало, однако, такое представленіе считается съ тѣми условіями, въ которыхъ живетъ дикарь. Конечно, надо думать, что дикарь очень привязанъ къ тому каменному топору, надъ которымъ онъ съ невѣроятнымъ напряженіемъ работалъ, быть можетъ, въ продолженіе цѣлаго года,—онъ смотритъ на него, какъ на часть своего собственнаго существа; но было бы ошибкой думать, что это цѣнное достояніе перейдетъ къ дѣтямъ и внукамъ и станетъ для нихъ основаніемъ дальнѣйшаго развитія. Хотя и несомнѣнно, что именно въ отношеніи такого рода предметовъ возникаютъ первыя понятія о «моемъ» и «твоемъ», однако, многочисленныя наблюденія указываютъ, съ другой стороны, на то, что эти понятія тѣсно связанныя съ опредѣленнымъ индивидомъ и вмѣстѣ съ нимъ исчезаютъ. Собственность уходитъ въ могилу вмѣстѣ съ собственникомъ, въ личный обиходъ котораго она входила при жизни. Этотъ обычай распространенъ во всѣхъ частяхъ свѣта; остатки его мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ народовъ еще и въ культурныя эпохи [1]).

Такъ, этотъ обычай соблюдается у всѣхъ американскихъ племенъ и при томъ въ такихъ размѣрахъ, что близкіе покойника остаются въ крайней нуждѣ. Туземные жители Калифорніи закапы-

---

[1]) Сравн. въ общемъ Andree: Enthnographische Parallelen und Vergleiche (Stuttgart 1878), стр. 26 и слѣд. Schurtz: Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes (Weimar 1898), стр. 56 и слѣд. Pancow-Ztschr. d. Ges. f. Erdkunde zu Berlin XXXI, стр. 172 и слѣд.—Замѣчательные остатки этого обычая у альтенбургскихъ крестьянъ: Mitt. d. Ver. f. Sächs. Volkskunde, II, стр. 24 и слѣд.

Нин. 38

ваютъ вмѣстѣ съ покойникомъ все оружіе и утварь, которыя онъ употреблялъ при жизни. «Нерѣдко, говоритъ одинъ путешественникъ, за покойникомъ въ могилу слѣдуютъ довольно таки странные предметы: ножи, вилки, ковши для уксуса, пустыя бутылки отъ виски, жестянки отъ консервовъ, лукъ, стрѣлы и т. п. А если это—усердная хозяйка, то туда же высыпаютъ еще и нѣсколько корзинъ желудей». «На могилѣ тегуэльхе (Патагонія) умерщвляются всѣ его собаки, лошади и другія животныя, а его накидка (пончо), его украшенія, его болы (метательные снаряды) и всякаго рода утварь, все это сваливается въ одну кучу и сожигается». У племени бороро въ Бразиліи семья, у которой умираетъ какой-нибудь членъ, терпитъ большіе убытки; ибо все, что употреблялъ покойникъ, сожигаютъ, бросаютъ въ рѣку, или укладываютъ въ ящикъ съ костями для того, чтобы у него не было повода возвращаться обратно; хижина въ такомъ случаѣ совершенно опорожняется [1]).

У племени багабо въ южномъ Минданао покойника хоронятъ въ его лучшей одеждѣ вмѣстѣ съ рабомъ, нарочно для этого убиваемымъ. На могилу ставятъ употреблявшіеся имъ при жизни горшки, наполненные рисомъ, а также коробки съ бетелемъ [3]), остальныя вещи его остаются нетронутыми дома. *Съ этихъ поръ подъ страхомъ смерти запрещается входить въ домъ или вступать на могилу. Домъ оставляется на произволъ судьбы* [2]).

Въ Австраліи и Африкѣ часто встрѣчается обычай, согласно которому всѣ оставшіеся послѣ покойника запасы поѣдаются на могилѣ во время поминокъ по умершемъ; въ другихъ мѣстахъ разбиваютъ сосуды, выбрасываютъ съѣстные припасы. Многія негритянскія племена хоронятъ покойника въ избѣ, въ которой онъ жилъ; остальные обитатели избы покидаютъ ее на произволъ судьбы или разрушаютъ [4]). Когда умираетъ *начальникъ*, то выселяется вся деревня, и это относится даже и къ столицамъ болѣе значительныхъ государствъ, какъ, напримѣръ, царство *Муата-Ямво* или *Казембе*. Въ странѣ Лунда сжигается королевская кипанга (дворецъ); столица переносится на другое мѣсто съ каждымъ новымъ царькомъ [5]). Въ древнемъ Перуанскомъ царствѣ также

---

[1]) K. von den Steinen: Unter den Naturvölkern Brasiliens, 2 изд. стр. 389. Сравн. также Ehrenreich: Beiträge zur Völkerkunde Brasiliens, стр. 30, 66. Heckewelder, l. c., стр. 469, 474.

[2]) Schadenberg въ Zeitschr. f. Ethnologie XVIII (1885), стр. 12 и слѣд. также на Гаиамагера, тамъ же стр. 83, у горцевъ Индіи: Jellinghaus въ томъ же журналѣ III, стр. 372, 374.

[3]) Родъ растенія для жеванія. *Прим. перев.*

[4]) Примѣры можно найти у M. Buchner'a: Kamerun, стр. 28, Fritsch'a l. c., 535, Bastian'a: Loangoküste I, стр. 164, Livingstone'a, l. c., стр. 131. Изъ Австраліи: Parkinson: Im Bismarck-archipel, стр. 102 и слѣд. Ztschr. f. Ethnol. XXI, стр. 28, Kubary: Ethnographische Beiträge zur Kenntnis der Karolinischen Inselgruppe und Nachbarschaft (Berlin 1885), стр. 70 и примѣч.

[5]) Pogge l. c., стр. 228, 234; Livingstone въ Petermanns Mitt. XXI (1875), стр. 104.

господствовало воззрѣніе, что съ каждымъ новымъ инка міръ какъ бы начинается сначала. Дворцы предшественника запирались навсегда со всѣми собранными въ нихъ богатствами, ни одинъ изъ царей никогда не пользовался сокровищами, накопленными его предшественниками.

Изъ сказаннаго видно, что возникновеніе и развитіе первыхъ зачатковъ культуры у первобытныхъ народовъ происходитъ съ чрезвычайными трудностями; однако, не слѣдуетъ при этомъ забывать, что выбранныя и приведенныя здѣсь наблюденія относятся къ народамъ весьма различнымъ, находящимся при томъ на разныхъ ступеняхъ развитія. Для того, чтобы австраліецъ материка собственными силами поднялся до культурной высоты жителя Тонго и Таити, ему понадобились бы многія тысячелѣтія; такая же пропасть отдѣляетъ бушмена отъ негра Конго и отъ ваніамвези. Но это, на мой взглядъ, именно свидѣтельствуетъ объ устойчивости тѣхъ психическихъ условій, при которыхъ нетронутый культурой человѣкъ удовлетворяетъ свои потребности, и мы несомнѣнно въ правѣ свести весь проявляющійся здѣсь кругъ представленій къ состоянію, въ которомъ человѣчество, надо думать, пребывало многія тысячелѣтія, прежде чѣмъ образовались племена и народы.

Это состояніе, послѣ всего, что мы о немъ знаемъ, представляетъ собой нѣчто прямо противоположное хозяйству. Ибо хозяйство всегда предполагаетъ обусловленное наличностью имущества человѣческое общеніе, предполагаетъ обдуманность, заботу не только о настоящемъ, но и о будущемъ, бережливое распредѣленіе времени, цѣлесообразное пользованіе имъ; хозяйство означаетъ трудъ, оцѣнку вещей, регулированное потребленіе, накопленіе имущества, переходъ культурныхъ пріобрѣтеній изъ рода въ родъ. Ничего подобнаго мы *не находимъ даже у болѣе развитыхъ* первобытныхъ народовъ; у низшихъ же расъ мы почти не замѣчаемъ даже слабыхъ зачатковъ хозяйства.

Если изъ жизни бушмена или ведды отнять употребленіе огня, лука и стрѣлъ, то она сведется къ индивидуальнымъ поискамъ пищи. Каждый здѣсь предоставленъ самому себѣ. Голый и безоружный рыщетъ онъ съ себѣ подобными по ограниченному району, подобно водящимся въ опредѣленномъ районѣ звѣрямъ, пользуясь при хватаніи предметовъ ногами такъ же ловко, какъ и руками [1]). Каждый и каждая уничтожаетъ въ сыромъ видѣ все, что можно поймать руками или вырыть ногтями изъ земли, какъ-то: низшихъ животныхъ, корни, плоды. Они то скопляются въ небольшія кучки или болѣе значительныя стада, то расходятся—въ зависимости отъ обильности пастбищъ или мѣстъ для охоты. Но такія скопища не образуютъ союзовъ; они не облегчаютъ существованія отдѣльному человѣку.

Картина эта не покажется особенно заманчивой, но она съ необходимостью выступаетъ какъ результатъ сравнительнаго наблюде-

---

[1]) R. Andree: „Der Fuss als Greiforgan" въ его Ethnogr. Parallelen und Vergl., Neue Folge, стр. 228 и слѣд.

ній. Въ ней нѣтъ ни одной вымышленной черты. Мы устранили изъ жизни наиболѣе низко стоящихъ племенъ только то, что признается уже достояніемъ культуры: употребленіе оружія и огня. Если, какъ мы видѣли, даже и болѣе развитыя первобытныя племена обнаруживаютъ чрезвычайно много такого, что является противоположностью понятію хозяйства, и, во всякомъ случаѣ, сознательное примѣненіе экономическаго принципа представляетъ у нихъ скорѣй исключеніе, чѣмъ правило, то по отношенію къ такъ называемымъ «низшимъ охотникамъ» и ихъ только что описаннымъ предшественникамъ, самое понятіе хозяйства никоимъ образомъ не примѣнимо. Мы должны признать у нихъ предшествующую хозяйству ступень развитія, которая не есть еще хозяйство. А такъ какъ каждая вещь должна имѣть свое имя, то мы назовемъ эту ступень **періодомъ индивидуальнаго добыванія пищи**.

Какимъ образомъ изъ него развивается хозяйство, мы въ настоящее время едва-ли можемъ выяснить. Есть основанія предполагать, что поворотный пунктъ находится тамъ, гдѣ простой захватъ природныхъ богатствъ замѣняется направленнымъ на болѣе или менѣе отдаленную цѣль производствомъ, а инстинктивное упражненіе органовъ замѣняется трудомъ, въ качествѣ цѣлесообразнаго примѣненія человѣческой силы. Но давая такое чисто теоретическое опредѣленіе, мы выясняемъ еще весьма мало. Трудъ у первобытныхъ народовъ представляетъ собой довольно туманное явленіе. Чѣмъ дальше мы пойдемъ назадъ, тѣмъ болѣе онъ по формулѣ и содержанію приближается къ игрѣ.

По всѣмъ вѣроятіямъ побужденія, заставляющія человѣка проявлять свою дѣятельность сверхъ поисковъ пищи, сходны съ тѣми, какія обнаруживаются и у высшихъ животныхъ: прежде всего, склонность къ подражанію и стремленіе ставить предметы въ различныя положенія [1]). Прирученіе животныхъ, напримѣръ, начинается не съ полезныхъ въ хозяйствѣ животныхъ, а съ такихъ, которыхъ человѣкъ держитъ либо для своего удовольствія, либо для религіозныхъ надобностей. Промышленная дѣятельность началась, повидимому, повсюду съ раскрашиванія тѣла, татуировки, прокалыванія шеи, уродованія инымъ образомъ отдѣльныхъ частей тѣла, и лишь постепенно перешла къ выдѣлыванію украшеній, масокъ, изображеній на корѣ, на камнѣ (петроглифы) и т. п. забавъ. Повсюду въ этихъ вещахъ замѣчается крайняя склонность къ воспроизведенію животныхъ, съ которыми дикарь обыкновенно встрѣчается и на которыхъ онъ смотритъ какъ на себѣ подобныхъ: такъ, нѣкоторые очень древніе рисунки на скалахъ и скульптуры бушменовъ, индѣйцевъ и австралійцевъ изображаютъ преимущественно животныхъ и человѣка [2]); гончарное искусство, рѣзьба по дереву, плетеніе тоже

---

[1]) Сравн. K. **Groos**: Die Spiele der Tiere. Jena. 1896.

[2]) **Andree**: Ethnogr. Parallelen und Vergleiche, стр. 258—299. **Ehrenreich** l. c., стр. 46 и слѣд., особенно же стр. 241 и слѣд.

начинаются съ воспроизведенія фигуръ животныхъ [1]), и даже тамъ, гдѣ переходятъ къ производству предметовъ домашняго обихода (горшковъ, скамеекъ и т. п.), фигура животнаго удерживается съ удивительнымъ постоянствомъ [2]). Наконецъ, подражаніе движеніямъ и звукамъ животныхъ играетъ значительную роль и въ танцахъ первобытнаго человѣка [3]). Слѣдуетъ здѣсь упомянуть еще о томъ, что всякая равномѣрно производимая работа получаетъ ритмическій характеръ и соединяется съ музыкою и пѣніемъ въ одно неразрывное цѣлое [4]).

Такимъ образомъ, техника развивается въ игрѣ и лишь постепенно она отъ занимательнаго переходитъ къ полезному [5]). Слѣдовательно, принятый до сихъ поръ порядокъ долженъ быть совершенно перевернутъ: игра древнѣе труда, искусство древнѣе производства полезныхъ вещей. Даже у болѣе развитыхъ изъ первобытныхъ народовъ, тамъ, гдѣ оба элемента начинаютъ отдѣляться другъ отъ друга, танецъ все еще предшествуетъ всякой болѣе или менѣе важной работѣ или слѣдуетъ за ней (танцы военные, охотничьи, по случаю жатвы), а пѣніе сопровождаетъ работу.

Итакъ, по мѣрѣ того, какъ мы проникали вглубь развитія народовъ, хозяйство мало-по-малу превращалось подъ нашими руками въ нѣчто ему противоположное; точно такъ же и трудъ въ концѣ концовъ обратился въ противоположное ему—въ отсутствіе труда. Подобные же результаты получились бы, вѣроятно, относительно всѣхъ наиболѣе важныхъ хозяйственныхъ явленій, если бы мы захотѣли продѣлать этотъ опытъ и съ ними. Одно лишь остается неизмѣннымъ—потребленіе. Потребности всегда были у человѣка и онъ долженъ былъ ихъ удовлетворять. Но вѣдь наши потребности,

---

[1]) Сравн. интересныя поясненія K. v. d. Steinen: l. c., стр. 231 и слѣд.

[2]) Примѣры можно найти во всякомъ этнографическомъ сборникѣ рисунковъ. Сомнѣвающіеся могутъ обратиться къ слѣд. сочиненіямъ: J. Boas: The Central Eskimo, Washington 1888. Sixt annual Report of the Bureau of Ethnologie to the Secretary of the Smithsonian-Institution 1884—85. Ethnographische Beschrijving van de west en noordkust van Nederlandsch Niew Guinea door F. S. A. de Clercq en I. D. E. Schmeltz, Leiden, 1893. Joest: Ethnographisches aus Guyana (Suppl. zu Bd. V des Intern. Archivs f. Ethnogr.) и v. d. Steinen l. c., стр. 216 и слѣд. Сравн. также Fritsch l. c., стр. 73; Schweinfurth: Im Herzen von Afrika I, стр. 178 и Grosse: Anfänge der Kunst, гл. VI и VII (Эрнстъ Гроссе: Происхожденіе искусства. Русск. перев. А. Е. Грузинскаго. Москва. 1899).

[3]) E. Grosse l. c., стр. 208 и слѣд. (Русск. перев., стр. 193 и слѣд.).

[4]) Я отсылаю читателя къ подробному изложенію вопроса въ моей книгѣ „Arbeit und Rythmus" (Русск. перев. К. Бюхеръ: Работа и ритмъ. Изд. Поповой. 1899).

[5]) „Просматривая сотни предметовъ домашняго обихода или видовъ оружія, употребляемаго внцуасами, мы рѣдко или даже никогда не находимъ такихъ, которые не имѣли бы украшеній, свидѣтельствующихъ о чувствѣ изящнаго у того, кто его изготовилъ; есть всегда хоть что-нибудь, выходящее за предѣлы полезнаго". Semon: Im australischen Busch und an den Küsten des Korallenmeeres, стр. 426 и слѣд.

поскольку они имѣютъ значеніе съ хозяйственной точки зрѣнія, представляются лишь въ самой малой части природными; естественно необходимымъ является лишь одинъ видъ потребленія— пропитаніе. Все прочее есть продуктъ культуры, слѣдствіе свободнаго творчества человѣческаго духа. Не будь этого послѣдняго, человѣкъ навсегда остался бы выкапывающимъ корни и ищущимъ плодовъ животнымъ.

Въ виду всего этого мы не имѣемъ возможности указать опредѣленно, когда кончается индивидуальное добываніе пищи и начинается хозяйство. Въ культурной исторіи человѣчества не существуетъ поворотныхъ пунктовъ; здѣсь все растетъ и тлѣетъ подобно растенію; всякое состояніе является только абстракціей, въ которой мы нуждаемся, для того, чтобы сдѣлать доступнымъ нашему слабому зрѣнію чудеса природы и человѣческой жизни. Да и самое хозяйство подвержено вѣдь въ свою очередь непрерывному измѣненію. Но тамъ, гдѣ оно впервые выступаетъ въ исторіи, оно является въ качествѣ руководимой опредѣленными нормами дѣйствія матеріальной организаціи жизни, тѣсно примыкающей къ лично-нравственной организаціи — семьѣ [1]). Въ этой формѣ оно представлялось тѣмъ людямъ, которые впервые фиксировали его сущность въ языкѣ. «Хозяинъ» — «Wirt» на верхнегерманскомъ нарѣчіи имѣетъ то же значеніе, что «глава семейства», «хозяйка»— «Wirtin» то же, что «жена»; и точно такъ же образовалось и заимствованное у грековъ слово «экономія».

Наличность хозяйства мы должны принять, слѣдовательно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы находимъ совмѣстно живущія группы, которыя въ созданіи и употребленіи служащихъ для ихъ цѣлей вещей всегда дѣйствуютъ согласно экономическому принципу. Такое состояніе можно совершенно ясно распознать уже у первобытныхъ народовъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени развитія. Однако здѣсь многое еще напоминаетъ дохозяйственный періодъ индивидуальнаго добыванія пищи. Хозяйство во многихъ мѣстахъ обнаруживаетъ еще, такъ сказать, большія трещины.

У всѣхъ народовъ, стоящихъ на низшей ступени развитія, раздѣленіе труда между обоими полами твердо установлено обычаемъ, при чемъ, однако, рѣшающимъ вовсе не являлось одно лишь различіе въ природныхъ способностяхъ. По крайней мѣрѣ нельзя утверждать, что повсюду болѣе слабому полу выпадала на долю болѣе легкая часть работы. Въ то время какъ въ нормальномъ хозяйствѣ культурныхъ народовъ проведенъ какъ бы поперечный разрѣзъ, въ силу котораго на долю мужчинъ выпадаетъ производительный трудъ, а на долю женщинъ—заботы о потребленіи, въ хозяйствѣ первобыт

---

[1]) Э. Гроссе въ своей книгѣ „Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft", Leipzig 1896 (Русск. перев.: „Формы семьи и формы хозяйства", изд. „Книжнаго дѣла") изслѣдовалъ связь между формами семьи и формами хозяйства. Онъ придерживался при этомъ чисто внѣшнихъ категорій—охотниковъ, скотоводовъ, земледѣльцевъ и не удѣлялъ должнаго вниманія внутренней жизни хозяйства.

ныхъ народовъ проведенъ разрѣзъ продольный: каждый полъ принимаетъ участіе въ производствѣ и нерѣдко каждый изъ половъ имѣетъ свою особую область потребленія. Характерно при этомъ, что женщинамъ почти всегда предоставлено добываніе и приготовленіе растительной пищи; часто также и постройка хижинъ, тогда какъ на мужчину возлагается охота и обработка добытыхъ охотой животныхъ продуктовъ. Если имѣется скотоводство, то мужчина пасетъ скотъ, дѣлаетъ для него изгороди, доитъ его и т. д. Это раздѣленіе иногда проведено до того рѣзко, что можно было бы, пожалуй, говорить о распаденіи семейнаго хозяйства на особое мужское и особое женское хозяйство.

Въ интересномъ очеркѣ объ употребляемыхъ въ пищу растеніяхъ у бразильскихъ племенъ шингу К. фонъ-денъ-Штейненъ [1]), подводя итоги ранней эпохѣ развитія этихъ племенъ, говоритъ: «мужчина занимался охотой, а въ это время женщина изобрѣла земледѣліе». У племени бороро, находящемся на низшей ступени развитія, женщина, вооруженная остроконечной палкой, отправлялась въ лѣсъ искать корней и клубней, лазила на деревья за кокосовыми орѣхами и таскала домой большія тяжести; между тѣмъ мужчина выслѣживалъ животныхъ. У болѣе развитыхъ народовъ на обязанности женщинъ лежитъ воздѣлываніе и приготовленіе мандіока. «Онѣ очищаютъ землю отъ сорной травы заостренными кусками дерева, засаживаютъ въ нее стебли, посредствомъ которыхъ разводится мандіокъ; онѣ собираютъ ежедневно необходимое количество этого продукта, которое онѣ уносятъ на спинѣ въ высокихъ туго набитыхъ корзинахъ». Дома онѣ варятъ плоды, пекутъ тѣсто, колятъ кокосовые орѣхи, приготовляютъ напитки. Мужчины занимаются охотой и рыбной ловлей; но они же жарятъ мясо и рыбу и плетутъ необходимыя для этого вертела. Прибавимъ къ этому, что мужчина же изготовляетъ необходимое оружіе, что охота и рыбная ловля должны снабдить его всѣми инструментами для рѣзанія, скребанья, сглаживанья, прокалыванья, скобленья, копанья, а женщина должна изготовить изъ глины посуду для варки [2]), и мы получимъ для каждаго пола естественно разграниченную область производства, въ которой самостоятельно протекаетъ вся его дѣятельность. Мало того, и потребленіе по преимуществу тоже является раздѣльнымъ: въ семьѣ нѣтъ общихъ трапезъ. Каждый индивидъ ѣстъ отдѣльно, отвернувшись отъ другихъ, и считается неприличнымъ мѣшать кому либо во время ѣды или ѣсть въ присутствіи чужихъ [3]).

Подобныя индивидуально-хозяйственныя черты мы встрѣчаемъ и у индѣйцевъ Сѣверной Америки, уже имѣющихъ полное семейное хозяйство. Въ то время, какъ имъ совершенно чужда частная

---

[1]) Unter der Naturvölkern Zentral-Asiens, стр. 206 и слѣд.

[2]) L. c., стр. 197 и слѣд., 207 и слѣд., 318.

[3]) K. von d. Steinen l. c., стр. 69 и Ehrenreich: Beiträge zur Völkerkunde Brasiliens, стр. 17. О туземцахъ Борнео: Hose въ Journ. of the Anthropol. Inst. XXIII стр. 160.

собственность на землю, въ «домѣ или семьѣ индѣйца нѣтъ вещи, которая бы не имѣла своего собственника. Каждый членъ семьи знаетъ, что ему принадлежитъ, начиная съ лошади или коровы и кончая собакой, кошкой, котенкомъ или цыпленкомъ. Родители дѣлаютъ подарки дѣтямъ, а дѣти родителямъ. Иногда отецъ семейства проситъ жену или кого-нибудь изъ дѣтей одолжить ему лошадь, чтобы поѣхать на охоту. Выводокъ молодыхъ котятъ или цыплятъ имѣетъ нерѣдко столько же собственниковъ, сколько въ немъ животныхъ. Чтобы купить наседку съ цыплятами, приходится торговаться съ нѣсколькими дѣтьми» [1]. «Тамъ, гдѣ у индѣйцевъ допускается многоженство, обыкновенно для каждой жены строится отдѣльная хижина; у тѣхъ племенъ, гдѣ имѣются общинные дома, каждая изъ нихъ имѣетъ по крайней мѣрѣ свой очагъ» [2].

Тѣ же основныя черты мы находимъ и въ хозяйствѣ племенъ Полинезіи и Микронезіи—съ тою только разницею, что охота здѣсь замѣняется рыбной ловлей и разведеніемъ мелкаго скота [3]. На островахъ Тихаго океана мы также находимъ раздѣльную кухню, какъ и раздѣльныя трапезы обоихъ половъ. На островахъ Фаджи мужчины приготовляютъ тѣ кушанья, которыя изготовляются внѣ дома при помощи раскаленныхъ камней. «Въ настоящее время это ограничивается жареньемъ свиней; а прежде на обязанности мужчинъ лежало также приготовленіе человѣческаго мяса» [4]. На западно-каролинскихъ островахъ женщины варятъ растеніе таро и онѣ же приготовляютъ сладкія кушанья, а приготовленіе мясныхъ блюдъ составляетъ обязанность мужчинъ [5]. Въ большей части Океаніи «женщинамъ запрещено ѣсть вмѣстѣ съ мужчинами, имъ запрещено даже ѣсть то, что изготовлено послѣдними. Точно такъ же тщательно избѣгаютъ ѣсть съ кѣмъ-либо изъ одной посуды» [6].

То же рѣзкое раздѣленіе производства, а во многихъ случаяхъ и потребленія мы находимъ въ хозяйствѣ многихъ негритянскихъ племенъ [7]; здѣсь это раздѣленіе распространяется даже на имущество и на правовыя отношенія по имуществу. Одинъ изъ наиболѣе достовѣрныхъ наблюдателей П. Погге коротко и ясно говоритъ о негритянскомъ племени сонраи [8]: «женщина ведетъ на-ряду съ хозяйствомъ мужа свое, особое». А при описаніи негритянскаго племени башиланге онъ замѣчаетъ [9]: «ни единому члену семейства во время ѣды нѣтъ дѣла до другого; въ то время

[1] Heckewelder, l. c., стр. 253.
[2] Waitz: Anthropologie III, стр. 109.
[3] Срвн. Parkinson l. c., стр. 113, 122 (ueber Neu-Pommern).
[4] Bässler: Südsee Bilder, стр. 226 и слѣд.
[5] Kubary l. c., стр. 173.
[6] Ratzel: Völkerkunde I, стр. 240. (Русск. пер. I, т., стр. 254).
[7] Ѣда врозь мужа и жены: Stanley, Wie ich Livingstone fand II, стр. 174. Nachtigal, Sahara und Sudan I стр. 664.—Подробности см. у Thonarr'a, l. c., стр. 10 и слѣд.
[8] Im Reiche des Muata Jamwo, стр. 40.
[9] У Wissmann'a: Unter deutscher Flagge quer durch Afrika, стр. 387. Im Reiche des Muata Jamwo, стр. 178, 231.

какъ одни ѣдятъ, другіе приходятъ и уходятъ, какъ имъ вздумается; однако женщины большею частью ѣдятъ съ маленькими дѣтьми». Наконецъ, о племени Лунда онъ сообщаетъ: «когда караванъ располагается лагеремъ въ какомъ-нибудь селеніи, то мѣстныя женщины приносятъ обыкновенно въ лагерь для продажи растительные продукты и куръ, между тѣмъ какъ козы, свиньи и овцы обыкновенно продаются только мужчинами [1]). Точно такъ же и А. Вольфъ [2]) разсказываетъ, что на рынкѣ въ Ибанша всѣми сельскохозяйственными продуктами, матеріями, цыновками, гончарными издѣліями торговали женщины, лишь козы и вино продавались мужчинами. Такимъ образомъ, каждый полъ является собственникомъ продуктовъ своего труда и распоряжается ими самостоятельно [3]). Даже у племенъ съ ясно выраженнымъ родовымъ строемъ большая часть движимаго имущества является личною собственностью отдѣльныхъ индивидовъ, будутъ ли они свободны, или нѣтъ, мужского или женскаго пола [4]).

Распредѣленіе производства между обоими полами въ Африкѣ различается въ частностяхъ у разныхъ племенъ, но въ общемъ и здѣсь полеводство, приготовленіе всякой растительной пищи есть дѣло женщины, а охота, скотоводство, выдѣлка кожъ и ткачество выпадаетъ на долю мужчинъ [5]).

Часто этотъ порядокъ поддерживается еще и суевѣрными обы-

---

[1]) Im Reiche des Muata Jamwo, стр. 29.

[2]) У Wissmann'a и пр.: Im Innern Afrikas. стр. 249 срвн.; Livingstone: Neue Missionsreisen I, стр. 115 II, 276 и слѣд.; Paulitschke: Ethnographie Nordost-Afrikas I, стр. 314; Pechuel-Loesche: Deutsche Rundschau LIX, стр. 290.

[3]) О семьѣ и хозяйствѣ племени ваньямвези, не стоящаго уже болѣе на низшей ступени развитія, Бертонъ даетъ слѣдующую характеристику (Exp. стр. 215 и слѣд., стр. 356): „Дѣти вскармливаются грудью цѣлыхъ два года. Мальчикъ уже въ четыре года начинаетъ учиться владѣть лукомъ. Въ очень раннемъ возрастѣ онъ уже пасетъ стадо. На одиннадцатомъ году онъ становится самостоятельнымъ пастухомъ, независимымъ отъ отца, засѣваетъ часть поля табакомъ и строитъ себѣ отдѣльную хижину. Дѣвушки до наступленія половой зрѣлости остаются въ родительской хижинѣ; потомъ онѣ группами въ 5—12 человѣкъ одного возраста совмѣстно строютъ себѣ жилище, въ которомъ онѣ принимаютъ своихъ возлюбленныхъ, при чемъ родители нисколько не вмѣшиваются въ это... Семейная привязанность у этого племени вообще чрезвычайно слаба. Такъ, напримѣръ, мужъ, пріѣзжающій съ берега съ грузомъ тканей, рѣшительно ничего не даетъ своей женѣ, она съ своей стороны не удѣлитъ ему ничего изъ полученнаго наслѣдства, хотя бы онъ умиралъ съ голоду. Онъ заботится о рогатомъ скотѣ, козахъ, овцахъ и домашней птицѣ, она смотритъ за хлѣбомъ и плодами. Табакъ каждая половина сѣетъ для себя отдѣльно, и если у мужа выйдетъ весь, то жена навѣрно не одолжитъ ему изъ своего запаса.—Въ этой странѣ оба пола не ѣдятъ вмѣстѣ. Мальчикъ никогда не будетъ ѣсть со своею матерью".

[4]) Thonnar l. c., стр. 44 и слѣд.

[5]) Срвн. въ особенности Fritsch: l. c., стр. 79 и слѣд. 183, 229, 325. Livingstone: Neue Missionsreisen I, стр. 72, III, 327 и слѣд. Подробно см. Schurtz: Das afrikanische Gewerbe (Leipzig. 1900) стр. 7 и слѣд. Thonnar: l. c., стр. 5, 37 и слѣд.

чаями. Въ Угандѣ доеніе коровъ исполняется исключительно мужчинами: женщинѣ строго воспрещается даже прикасаться къ вымени коровы [1]. Съ другой стороны, въ государствѣ Лунда ни одинъ мужчина не долженъ присутствовать при добываніи масла изъ земляныхъ орѣховъ, ибо присутствіе его можетъ якобы испортить дѣло [2]. Обыкновенно носильщики, прислуживающіе путешественникамъ, отказываются исполнять женскія работы; двѣнадцатилѣтній мальчикъ, которому европеецъ приказываетъ принести дровъ, отвѣчаетъ, что позоветъ для этого свою мать. Ливингстонъ [3] сообщаетъ о голодѣ среди мужчинъ въ какой-то мѣстности, гдѣ не было женщинъ, чтобы смолоть имѣвшуюся рожь. Раздѣльное потребленіе пищи обоихъ половъ закрѣпляется иногда и предписаніями полурелигіознаго характера [4]: женщинѣ запрещается употребленіе нѣкоторыхъ родовъ мяса, которые такимъ образомъ предоставлены однимъ мужчинамъ [5].

Дѣти повсюду становятся очень рано самостоятельными и отдѣляются отъ родителей. Они въ такихъ случаяхъ часто живутъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ особыхъ общинныхъ домахъ, какіе строятся мѣстами также и для женатыхъ мужчинъ. Такіе общинные дома для различныхъ возрастовъ мужского, а иногда и для незамужняго женскаго населенія, весьма распространены какъ въ Африкѣ, такъ въ Америкѣ, особенно же въ Океаніи. Общежитія служатъ мѣстомъ собраній, развлеченій, а для молодежи и мѣстомъ для ночлега; они служатъ также пріютомъ для чужестранцевъ. Разумѣется, такіе дома являются новымъ препятствіемъ для развитія общаго домохозяйства, тѣмъ болѣе, что нерѣдко семья распадается еще на нѣсколько частей, живущихъ врозь. Напримѣръ, на одномъ изъ Каролинскихъ островов—Гуапъ рядомъ съ ночлежными домами для холостыхъ имѣется еще для каждой семьи главный домъ, въ которомъ живетъ глава семьи, и жилье для каждой женщины; кромѣ того «приготовленіе пищи перенесено изъ жилого помѣщенія въ особый для каждаго члена семьи домикъ, который служитъ ему кухней» [6]. То же находимъ и на островѣ

---

1) Emin Bey въ Petermanns Mitt. XXV (1879) стр. 392.

2) Wissmann, Wolf и др. Im Innern Afrikas, стр. 63.

3) L. c., стр. 180, 266. Нѣчто подобное у индѣйцевъ: Waitz l. c. III, стр. 100.

4) Еще чаще въ Полинезіи. Срвн. Andree: Ethnographische Parallelen und Vergleiche, стр. 114 и слѣд.

5) О своеобразномъ развитіи такого хозяйства срвн. Nachtigal: Sahara und Sudan III стр. 243, 162, 244. Иногда раздѣленіе сферъ дѣятельности обоихъ половъ простирается даже на духовную жизнь. У многихъ карaибскихъ племенъ женщины многіе предметы называютъ другими словами, чѣмъ мужчины, такъ что можно говорить объ особомъ мужскомъ и женскомъ языкѣ. Въ новѣйшее время это явленіе сводится къ различію соціальнаго положенія обоихъ половъ и къ рѣзкому раздѣленію сферъ ихъ занятій. Срвн. Sapper: Intern. Archiv f. Ethnogr. X, стр. 56 и слѣд.

6) Kubary: Ethnogr. Beiträge zur Kenntnis des Karol.-Archip. (Leiden), стр. 39.

Малликоло, принадлежащемъ къ Ново-Гебридскимъ островамъ [1]). Дальше этого индивидуализмъ въ области хозяйства едва-ли можетъ идти.

Вообще для живущихъ въ полигаміи дикихъ племенъ можно установить за правило, что каждая женщина имѣетъ свое особое жилье [2]). У зулусовъ строятся даже особыя хижины почти для каждаго взрослаго члена семьи:—для мужа, особая—для его матери, особая—для каждой изъ женъ и прочихъ взрослыхъ членовъ. Всѣ эти хижины расположены рядомъ и полукругомъ, при томъ такъ, что жилище мужа находится посрединѣ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, упускать изъ виду, что такую хижину можно соорудить въ нѣсколько часовъ.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, число которыхъ легко можно бы увеличить, повсюду, даже у болѣе развитыхъ первобытныхъ племенъ, многаго еще не хватаетъ до замкнутаго единства того типа отдѣльнаго хозяйства, съ какимъ культурные народы Европы, судя по всему, что сохранилось объ ихъ первоначальномъ состояніи, уже вступили въ исторію. Объ общемъ домохозяйствѣ семьи не можетъ быть и рѣчи. Повсюду замѣтны еще крупные пробѣлы, и отдѣльному индивиду предоставляется особое хозяйственное существованіе, кажущееся намъ весьма страннымъ. Не слѣдуетъ, конечно, изъ-за этой особенности упускать изъ виду объединяющіе моменты совмѣстнаго труда и взаимнаго содѣйствія другъ другу и преувеличивать проявляющіяся здѣсь центробѣжныя силы; но все же нельзя отрицать, что всѣ онѣ одного происхожденія: источникъ ихъ—практиковавшееся у всѣхъ этихъ народовъ въ теченіе тысячелѣтій индивидуальное добываніе пищи.

Въ этомъ заключается также и методологическое обоснованіе примѣненнаго здѣсь пріема изслѣдованія, при которомъ мы соединили вмѣстѣ народы весьма различнаго происхожденія и культурнаго уровня и разсматривали экономическія явленія изолированно отъ всѣхъ другихъ.

Такой методъ въ политической экономіи, какъ и въ другихъ соціальныхъ наукахъ, находитъ себѣ полное оправданіе [3]), если только этимъ путемъ получается возможность изъ огромной массы разъединенныхъ фактовъ, загромождающихъ этнологію подобно обширной кладовой, наполненной хламомъ, подвести значительное число подъ

---

[1]) Journal of the Antropol. Institute of Great Britain and Ireland XXIII (1894), стр. 381.

[2]) Такъ, напримѣръ (ограничимся лишь немногими примѣрами), на Антильскихъ островахъ: Starcke, Die primitive Familie, стр. 43; на островѣ Минданао: Schadenberg, Ztschr. f. Ethnol. XVII, стр. 12; у племени бакуба: Wissmann, Im Innern Afrikas, стр. 209; у племени монбутту: Schweinfurth, Ztschr. f. Ethnol. V, стр. 12, и Im Herzen Afrikas II, стр. 19 и слѣд., Casalis, Les Basoutos, стр. 132.

[3]) L. Wodon. (Sur quelques erreurs de méthode dans l'étude de l'homme primitif, Brux. 1906), правда, оспариваетъ это и требуетъ приложенія „психологическаго" метода. Жаль, что онъ съ такимъ открытіемъ опоздалъ на полтораста лѣтъ.

общій знаменатель и найти для нихъ простое объясненіе. Спеціально для политической экономіи такимъ путемъ достигается еще и та немаловажная выгода, что игрушечное изображеніе дикаря, произвольно вымышленнаго, выведеннаго абстрактно изъ представленія о культурномъ человѣкѣ, сходитъ со сцены и замѣняется образами, взятыми изъ дѣйствительности, хотя, конечно, наблюденія, при посредствѣ которыхъ они получены, въ смыслѣ точности оставляютъ желать еще многаго.

II.

Экономическій быть современныхъ нецивилизованныхъ народовъ.

Нѣмецкое обозначеніе нецивилизованныхъ народовъ—«Naturvölker» является особенно подходящимъ для характеристики низшихъ человѣческихъ расъ въ хозяйственномъ отношеніи. Они стоятъ къ природѣ ближе, чѣмъ мы; они находятся въ большей зависимости отъ нея, на нихъ силы природы оказываютъ болѣе непосредственное вліяніе, и они погибаютъ отъ этихъ силъ скорѣй, чѣмъ мы. Культурный человѣкъ дѣлаетъ запасы; у него множество средствъ къ сохраненію и украшенію своего существованія; благодаря нынѣшнему развитію путей сообщенія, онъ, въ случаѣ неурожая, располагаетъ урожаемъ полу-міра; онъ подчиняетъ себѣ силы природы и заставляетъ ихъ служить своимъ цѣлямъ; торговля предоставляетъ къ услугамъ каждаго изъ насъ трудъ тысячъ другихъ людей, и въ каждомъ домохозяйствѣ есть заботливое око, которое слѣдитъ за правильнымъ и бережливымъ потребленіемъ предметовъ, предназначенныхъ къ поддержанію нашего существованія. Нецивилизованный человѣкъ обыкновенно не дѣлаетъ сколько-нибудь значительныхъ запасовъ. Неурожай или вообще отсутствіе въ данное время тѣхъ источниковъ пропитанія, которые доставляетъ ему природа, поражаютъ его со всею силою; ему не извѣстны орудія, сокращающія количество необходимаго въ производствѣ труда, не извѣстно планомѣрное пользованіе временемъ, не извѣстно упорядоченное потребленіе; предоставленный своимъ слабымъ человѣческимъ силамъ, угрожаемый со всѣхъ сторонъ враждебными стихіями, онъ вынужденъ каждый день сызнова завоевывать себѣ права на жизнь и не знаетъ иногда, будетъ ли у него завтра средства хотя бы для утоленія голода. Тѣмъ не менѣе онъ безбоязненно смотритъ въ будущее; онъ дитя минуты; его не мучатъ никакія заботы; душа его преисполнена безграничнаго наивнаго эгоизма. Мысль его не уходитъ за предѣлы мгновенія, онъ лишь инстинктивно слѣдуетъ своимъ побужденіямъ, находясь и въ этомъ отношеніи ближе къ природѣ, нежели мы [1]).

---

[1]) Сравн. въ общемъ R. Vierkandt: Naturvölker und Kulturvölker (Leipzig, 1896) стр. 260 и слѣд. О понятіи „Naturvölker", см. также Pankow: Ztschr. d. Ges. f. Erdkunde zu Berlin, т. XXXI (1896) стр. 158

Прежде принято было дѣлить нецивилизованныя племена по роду ихъ занятій на охотниковъ, рыболововъ, пастуховъ и земледѣльцевъ. На эту классификацію смотрѣли вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на послѣдовательныя ступени развитія, которыя каждый народъ долженъ пройти на пути къ культурному состоянію. Исходили изъ того предположенія, что первобытный человѣкъ первоначально питался животной пищей и лишь мало-по-малу подъ вліяніемъ нужды перешелъ къ растительной пищѣ. Самое добываніе растительной пищи разсматривалось, какъ нѣчто сопряженное съ большими трудностями, чѣмъ добываніе животной пищи, исходя изъ представленія о современномъ европейскомъ земледѣліи, для котораго необходимъ рабочій скотъ и искусственныя приспособленія, въ видѣ орудій и инструментовъ. Это предположеніе, однако, должно быть признано столь же ошибочнымъ, какъ и тѣ предпосылки, на которыхъ оно основывается. Конечно, исходнымъ пунктомъ всякаго хозяйства является добываніе пищи, а это послѣднее всецѣло зависитъ отъ распредѣленія природныхъ богатствъ на земномъ шарѣ. Вслѣдствіе этого человѣку съ самаго начала пришлось обратиться къ растительной пищѣ, и повсюду, гдѣ можно было добыть древесные плоды, ягоды, корни, онъ пользовался прежде всего ими. Въ случаѣ нужды онъ потреблялъ и мелкихъ животныхъ, которыхъ могъ пожирать въ сыромъ видѣ: моллюсковъ, червей, жуковъ, саранчу, муравьевъ и т. п. Въ непрестанныхъ поискахъ за пищей онъ, подобно звѣрямъ, пожиралъ тотчасъ же все, что находилъ, не заботясь о будущемъ.

Если мы пожелаемъ установить переходъ отъ этой ступени къ слѣдующей, то послѣ нѣкотораго размышленія намъ станетъ ясно, что первобытному человѣку нетрудно было сдѣлать наблюденіе, что отъ зарытаго въ землю клубня или орѣха получаются новыя растенія—ужъ, конечно, не труднѣе, чѣмъ приручать животныхъ или изобрѣсти удочку, лукъ и стрѣлы, которые необходимы были для того, чтобы перейти къ охотѣ [1]). Въ отношеніи развитія техники и теперь еще многіе охотничьи и пастушескія племена стоятъ гораздо выше, чѣмъ такъ называемыя земледѣльческія племена. Въ послѣднее время нѣкоторые ученые пришли къ тому выводу, что кочевники-скотоводы представляютъ собой, повидимому, одичавшихъ земледѣльцевъ; и въ самомъ дѣлѣ, весьма мало вѣроятно, чтобы охотники впервые пришли къ мысли приручать животныхъ для того, чтобы добывать молоко, яйца и масло. Кромѣ того, если оставить въ сторонѣ народы крайняго сѣвера, нѣтъ ни одного рыболовнаго, охотничьяго или пастушескаго племени, которое не добы-

---

и слѣд. Кому не нравится неопредѣленность этого понятія, не долженъ упускать изъ виду, что на практикѣ врядъ ли когда-либо возникалъ споръ, слѣдуетъ ли отнести данный народъ къ первобытнымъ (Naturvölker), или нѣтъ.

[1]) Сравн. въ общемъ E. Hahn: Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft des Menschen. Leipzig 1896. P. R. Roos: Jagd, Viehzucht und Ackerbau als Kulturstufen въ Intern. Archiv f. Ethnographie. X (1897), стр. 187 и слѣд.

вало бы болѣе или менѣе значительную часть своей пищи изъ растительнаго царства. Съ этой цѣлью многіе изъ нихъ вынуждены вступать въ сношенія съ сосѣдними, занимающимися воздѣлываніемъ земли, племенами и вслѣдствіе этого лишены той хозяйственной самостоятельности, которая намъ необходима для нашего изслѣдованія и для полученія выводовъ общаго характера.

Такъ какъ типическими представителями охотничьихъ, рыболовныхъ и пастушескихъ народовъ являются тѣ племена, которыя живутъ въ исключительныхъ географическихъ и климатическихъ условіяхъ, не дающихъ никакихъ другихъ средствъ пропитанія (охотники и рыболовы крайняго сѣвера, кочевники-скотоводы въ степяхъ и пустыняхъ Стараго Свѣта), то правильнѣе будетъ оставить ихъ при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи въ сторонѣ и ограничить площадь изслѣдованія лежащими между тропиками частями Америки, Африки, Австраліи, Малайскаго архипелага, Меланезіи и Полинезіи. Остается все же весьма обширное пространство, въ предѣлахъ котораго разнообразіе условій природы вызываетъ массу различій въ матеріальномъ быту человѣка. Но различія между отдѣльными племенами въ этомъ отношеніи будутъ далеко не столь значительными, какъ между эскимосомъ и жителемъ Полинезіи. Во всякомъ случаѣ при всемъ различіи племенъ въ условіяхъ и образѣ жизни у нихъ достаточно много общихъ чертъ, которыя способны приковать наше вниманіе. Въ то же время мы имѣемъ здѣсь передъ собой мѣстности древнѣйшихъ человѣческихъ поселеній, которыя, несмотря на богатства тропической природы, или, быть можетъ, именно вслѣдствіе этого, являются, повидимому, также и тѣми, гдѣ люди развиваются наиболѣе медленно.

На всѣхъ ступеняхъ своего развитія обитающій въ этихъ широтахъ дикарь питается, повидимому, прежде всего растительной пищей—хотя бы уже по той причинѣ, что животная пища ему всегда доставалась съ гораздо большимъ трудомъ. Этому не противорѣчитъ то, что у многихъ дикихъ племенъ мы замѣчаемъ, по временамъ, жадность по отношенію къ мясной пищѣ, которая насъ ужасаетъ, ибо для удовлетворенія ея они не останавливаются даже передъ людоѣдствомъ. Это, по всѣмъ вѣроятіямъ, происходитъ отъ того, что для нормальнаго физическаго существованія человѣка необходимо опредѣленное количество соли, котораго ему чисто-растительная пища не доставляетъ, между тѣмъ какъ, питаясь время отъ времени сырымъ мясомъ, можно обойтись безъ соли. Ту же жадность по отношенію къ соли обнаруживаютъ вѣдь и наши чисто-травоядныя домашнія животныя.

Потребность въ пищѣ является наиболѣе настоятельною, а первоначально и единственной потребностью, которая побуждаетъ человѣка къ дѣятельности, заставляетъ его безостановочно рыскать до тѣхъ поръ, пока онъ не удовлетворитъ эту потребность. У наиболѣе низко стоящихъ племенъ разсматриваемой нами части земного шара это происходитъ такимъ образомъ, что мужчины, вооруженные лукомъ и стрѣлами, занимаются охотой, женщины же

лазаютъ на деревья за плодами, собираютъ ягоды, или, въ поискахъ за корнями, разрываютъ землю заостреннымъ кускомъ дерева. Такимъ образомъ уже при этомъ примитивномъ добываніи пищи устанавливается раздѣленіе труда между полами, которое доходитъ до того, что женщина добываетъ растительную пищу, а мужчина животную. И такъ какъ добытая пища обыкновенно тутъ же и пожирается, и одинъ индивидъ не считается съ другимъ, пока онъ самъ голоденъ, то получается различіе въ питаніи обоихъ половъ,—различіе, которое, быть можетъ, существеннымъ образомъ повліяло на дифференціацію въ физическомъ ихъ развитіи.

Раздѣленіе труда у этихъ первобытныхъ кочующихъ ордъ, на образѣ жизни которыхъ мы не можемъ здѣсь останавливаться болѣе подробно, продолжается и на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія и достигаетъ впослѣдствіи столь рѣзкаго проявленія, что разграниченныя разъ навсегда области дѣятельности мужчины и женщины становятся какъ бы своего рода вторичными половыми признаками, уразумѣніе которыхъ даетъ намъ возможность выяснить особенности хозяйства первобытныхъ народовъ. Указаннымъ моментомъ прежде всего опредѣляется весь характеръ производства у этихъ народовъ.

Обращаясь къ этому послѣднему, слѣдуетъ прежде всего указать на то, что огромное большинство первобытныхъ народовъ, въ то время, когда они стали извѣстны европейцамъ, уже знали земледѣліе и занимались имъ, какъ-то: всѣ негритянскія племена Африки (за ничтожными исключеніями), малайцы, жители Полинезіи и Меланезіи, туземное населеніе Америки, за исключеніемъ племенъ, живущихъ на крайнемъ сѣверѣ и на крайнемъ югѣ этой части свѣта. Благодаря литературѣ, которую мы читаемъ въ дѣтствѣ, очень распространено заблужденіе, будто сѣверо-американскіе индѣйцы принадлежатъ къ чисто-охотничьимъ племенамъ. Между тѣмъ всѣ племена на востокѣ отъ Миссисипи и къ югу отъ рѣки Св. Лаврентія, знакомы были съ воздѣлываніемъ идущихъ въ пищу растеній еще до появленія европейцевъ, а племена, живущія въ другихъ областяхъ, по крайней мѣрѣ, собирали зерна водяного риса (zizania aquatica) и мололи муку изъ плодовъ кустарника манцанита [1]).

Однако земледѣліе у первобытныхъ народовъ носитъ совершенно своеобразный характеръ [2]). Прежде всего отсутствуетъ то орудіе, которое намъ представляется безусловно необходимымъ для сельскаго хозяйства—плугъ. Этимъ народамъ неизвѣстны также повозки и упряжныя животныя, наконецъ, скотоводство не является у нихъ составною частью сельскаго хозяйства. Удобреніе почвы хотя кой-гдѣ и встрѣчается, но чрезвычайно рѣдко; чаще находимъ мы приспособленія для орошенія, особенно на плантаціяхъ риса и тарро. По общему правилу, однако, когда въ воздѣлываемомъ участкѣ

---

1) Waitz: Anthropologie der Naturvölker III, стр. 8 и слѣд.

2) Сравн. E. Hahn, l. c., стр. 388 и слѣд., а также тщательныя изслѣдованія R. Lasch'a: Ztschr. f. Socialwissenschaft VII, стр. 24 и слѣд., 97 и слѣд., 190 и слѣд., 248 и слѣд.

истощаются питательныя вещества, племя переходитъ на другое мѣсто; это облегчается тѣмъ, что частной собственности на землю не существуетъ; земля составляетъ общую собственность племени или же сельской общины. Наконецъ, всѣ полевыя работы производятся почти исключительно женщинами. Лишь при распахиваніи нови мужчины приходятъ имъ на помощь.

Въ послѣднее время эта обработка полей у первобытныхъ народовъ получила названіе «киркованія» (Hackbau), ибо главнымъ инструментомъ при этомъ служитъ короткая кирка, вмѣсто которой у нѣкоторыхъ племенъ еще сохранялась первоначально употребляемая *заостренная палка* для разрыванія почвы. Главными предметами воздѣлыванія были тропическія клубневыя растенія: мандіокъ, ямъ, тарро, бататы, земляной орѣхъ, затѣмъ бананы, различныя тыквенныя растенія, бобы, наконецъ злачныя—рисъ, дурра и маисъ. Родиной риса былъ, вѣроятно, южный Китай, родиной дурры является Африка, а маиса, какъ извѣстно, Америка. Наконецъ, при этой системѣ обработки земли воздѣлываются и тропическія фруктовыя деревья: саговая, финиковая и кокосовая пальмы, хлѣбное дерево и т. п.

Вслѣдствіе несовершенства орудій при такомъ способѣ обработки (киркованіи) могутъ воздѣлываться лишь небольшіе участки. Съ внѣшней стороны и по характеру обработки эта система родственна нашему садоводству. Поля большею частью раздѣлены на гряды, которыя нерѣдко образцово вспаханы и тщательно выполены. Кругомъ поле обнесено оградой для защиты отъ дикихъ звѣрей; противъ зерноядныхъ птицъ, особенно вредныхъ для урожая въ тропическихъ странахъ, малайцы ставятъ искусно сооруженныя чучела; въ Африкѣ большею частью строятся на поляхъ особыя сторожевыя будки, откуда дѣвушки крикомъ прогоняютъ животныхъ. Иногда поле покидаютъ уже послѣ первой жатвы, но чаще примѣняется опредѣленный сѣвооборотъ. Въ бассейнѣ Конго, напримѣръ, вновь вспаханное поле засѣвается, прежде всего, бобами: когда бобы сняты, сѣется желтое початковое просо; между нимъ нерѣдко уже сажаютъ разводки мандіока, который даетъ полную жатву лишь черезъ $1^1/_2$—2 года, поле остается подъ нимъ до тѣхъ поръ, пока корни его не начнутъ деревенѣть, послѣ чего нужно искать другой пашни. На островѣ Новопомераніи сначала сѣютъ корни ямъ, затѣмъ тарро и лишь послѣ этого бананы, сахарный тростникъ и т. п. [1]).

Путешественники часто разсказываютъ о томъ сильномъ впе-

---

[1]) Описанія киркованія земли въ Анголѣ (бассейнъ Конго): Pogge, Im Reiche des Muata Jamwo, стр. 8 сл., и у Wissmann'a, Unter deutscher Flagge quer durch Afrika, стр. 33 и сл.; у племени монбутту: Schweinfurth, Im Herzen Afrikas II, стр. 91 и сл.; въ Минданао: Ztschr. f. Ethnol., XVII стр. 19 и сл.; въ Новой Гвинеѣ: Finsch, Samoafahrten, стр. 56 и сл.; въ Ново-Померании: Parkinson, Im Bismarck-Archipel, стр. 118 и сл.; въ Южной Америкѣ: Martius, Zur Ethnographie Amerikas, стр. 84 и сл., 489 и сл. Сравн. также Lasch, l. c., стр. 114 и сл.

хищенія, какое они переживали, когда при выходѣ изъ негостепріимныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ вдругъ открывались передъ ними тщательно воздѣланныя поля туземцевъ. Въ сравнительно густо населенныхъ частяхъ Африки такіе посѣвы тянутся иногда на значительномъ пространствѣ, и если кромѣ того принять во вниманіе непрочность существованія, постоянныя распри и разбойничьи набѣги, при которыхъ никто не увѣренъ, пожнетъ ли онъ то, что посѣялъ, то трудолюбіе негритянокъ представится намъ весьма замѣчательнымъ. Ливингстонъ въ одномъ мѣстѣ въ трогательной формѣ описываетъ опустошенія во время охоты на невольниковъ: люди были убиты, дома разрушены, на поляхъ же зрѣли колосья, и не было никого, кто могъ бы убрать жатву. Однако, существованіе этихъ народовъ вообще еще не связано прочно съ землей; ихъ селенія рѣдко остаются въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній на одномъ и томъ же мѣстѣ [1]); дома ихъ представляютъ временныя постройки изъ прутьевъ и травы; все остальное добро ихъ легко можетъ быть унесено на спинѣ, либо добыто вновь, и въ нѣсколько дней на новомъ мѣстѣ возникаетъ село, въ которомъ имѣется все, что было въ старомъ—за исключеніемъ развѣ насѣкомыхъ.

Для такого образа жизни обработка земли въ формѣ киркованія какъ бы создана. Она не требуетъ никакихъ постоянныхъ средствъ производства, кромѣ маленькой кирки, а при посѣвѣ злаковъ еще и ножа для срѣзыванія колосьевъ. Запасовъ почти никакихъ дѣлать не нужно, ибо климатъ даетъ возможность собирать жатву нѣсколько разъ въ годъ. Сохраняется обыкновенно только хлѣбное зерно въ небольшихъ выстроенныхъ на сваяхъ кладовыхъ, въ погребахъ или большихъ глиняныхъ сосудахъ; но и оно должно быть скоро съѣдено, ибо иначе оно все равно сгніетъ отъ сырости, зерновой моли и термитовъ. Ливингстонъ въ этомъ усматриваетъ причину того, что негры при хорошемъ урожаѣ варятъ такъ много пива [2]).

Киркованіе и въ настоящее время представляетъ одну изъ наиболѣе распространенныхъ системъ сельскаго хозяйства. Мы находимъ ее во всей центральной Африкѣ (отъ 18° с. ш. до 22° ю. ш.), въ Южной и Средней Америкѣ, на австралійскихъ островахъ, въ значительной части Индо-Китая и индійскаго архипелага. Первоначально оно, повидимому, производилось женщинами и какъ таковое оно представляетъ существенный факторъ въ развитіи культуры. Женщина, съ древнѣйшихъ временъ занимавшаяся разрываніемъ корней, отсюда, очевидно, и перешла къ обработкѣ земли. Вотъ почему главнымъ предметомъ ея посѣвовъ являются мучнистые клубни и корни. На этомъ пути она пріобрѣла техническій опытъ, котораго не было у мужчины; вскорѣ ея трудомъ стали удовлетворяться важнѣйшія жизненныя потребности, и такимъ образомъ создалось основаніе для прочной семейной организаціи, въ

---

[1]) Ratzel: Völkerkunde I, стр. 85 (Русск. перев., I т., стр. 90) Pankow, l. c., стр. 167 и слѣд.

[2]) Neue Missionsreisen in Süd-Afrika (нѣм. пер. Martin'a) I, стр. 60

которой мужчинѣ предоставлены были функціи защиты и добываніе мясной пищи. Лишь тамъ, гдѣ мало охотничьей добычи, мужчина также принимаетъ участіе въ обработкѣ земли, какъ, напримѣръ, у малайцевъ.

Обратимся теперь ко второму источнику пропитанія: охотѣ и рыболовству. Вслѣдствіе несовершенства оружія, охота у первобытныхъ народовъ имѣетъ много сходства съ тѣмъ, какъ хищный звѣрь преслѣдуетъ свою добычу. Стрѣлой или копьемъ можно ранить крупнаго звѣря, но нельзя убить его, и задача охотника заключается въ преслѣдованіи его до тѣхъ поръ, пока онъ не упадетъ въ изнеможеніи. Но такъ какъ такой способъ охоты въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ стать весьма опаснымъ, то были выдуманы разнообразные способы ловли (ямы, засѣки, заставы), или же, при непосредственномъ нападеніи на дикаго звѣря, охота ведется совмѣстно цѣлыми племенами или селеніями [1]). Выработалась общинная собственность на мѣста охоты, и установлены точныя правила относительно раздѣла добычи, на которыхъ мы однако не имѣемъ возможности останавливаться подробно [2]). Для насъ существенно то, что это добываніе пищи вызываетъ извѣстную организацію труда по принципу соединенія труда,—обстоятельство, которое, конечно, имѣло значеніе для возникновенія первоначальныхъ политическихъ союзовъ.

То же слѣдуетъ сказать и относительно рыболовства [3]), особенно тамъ, гдѣ оно производится у берега моря съ помощью лодокъ и большихъ неводовъ, сооруженіе которыхъ, какъ и пользованіе ими, требуетъ совмѣстнаго труда многихъ. Жители Новой Зеландіи плетутъ, напримѣръ, сѣти въ 1000 аршинъ длины, при употребленіи которыхъ необходимы сотни рукъ. Первобытные народы выдумали безчисленное количество всевозможныхъ способовъ ловли рыбы: наряду съ удочкой и неводомъ употребляются стрѣлы, копья, кузова и одурманивающія средства. Всѣ извѣстные намъ факты свидѣтельствуютъ о томъ, что на этой ступени развитія рыболовство имѣетъ болѣе правильный характеръ и играетъ болѣе крупную роль въ жизни племени, нежели охота; на нѣкоторыхъ островахъ Южнаго Океана опредѣлены даже разъ навсегда дни въ недѣлѣ, которые посвящаются общимъ рыболовнымъ экспедиціямъ, а предводители этихъ экспедицій являются вмѣстѣ съ тѣмъ и военачальниками.

Рѣчное рыболовство особенно развито у туземныхъ жителей Южной Америки, среди которыхъ есть племена, получившія названіе рыболововъ-кочевниковъ, такъ какъ они странствуютъ отъ одной рѣки къ другой и такимъ образомъ снискиваютъ себѣ пропитаніе. Такія явленія въ видѣ единичныхъ случаевъ встрѣчаются и въ

---

1) Ср. напр. о способахъ охоты у кафровъ G. Fritsch: Die Eingeborenen Süd-Afrikas, стр. 81 и сл., у южноамериканцевъ—Martius, l. c., стр. 89, 101.

2) Нѣкоторыя данныя собраны у Post'а Afrikanische Jurisprudenz, II, стр. 162 и сл.; Lubbock: Entstehung der Zivilisation, стр. 377 (Русск. пер., стр. 331).

3) Объ этомъ срвн. въ общемъ Ratzel: Völkerkunde I, стр. 234, 398 506, 531. (Русск. перев., I т., стр. 247, 419, 535, 562 слѣд.).

Африкѣ. Но вездѣ, повидимому, рыболовство какъ таковое является дѣломъ мужчинъ, и лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ Полинезіи женщины также принимаютъ въ немъ извѣстное участіе.

Въ виду того, что мясо легко подвержено порчѣ, продукты охоты и рыболовства въ тропическихъ странахъ составляютъ лишь временное дополненіе къ растительной пищѣ. Правда, сушка и даже копченіе рыбъ и нарѣзаннаго полосками мяса было извѣстно и примѣнялось уже въ раннія времена; это практикуется какъ у жителей Полинезіи, такъ и у малайцевъ, американцевъ и даже у негровъ и австралійцевъ. Но все же этимъ путемъ можетъ быть удовлетворена лишь столь незначительная часть потребности въ пищѣ, что у многихъ народовъ только знатнымъ лицамъ разрѣшается потребленіе извѣстныхъ сортовъ дичи, и довольно широко распространенъ запретъ женщинамъ ѣсть нѣкоторыя мясныя блюда. Основой же хозяйства охота и рыболовство являются лишь у небольшихъ лѣсныхъ племенъ, а равно племенъ, живущихъ у берега моря, которымъ сушеное мясо даетъ возможность поддерживать обмѣнъ съ занимающимися земледѣліемъ сосѣдями.

Въ виду этого можно было бы предположить, что первобытные народы рано напали на мысль о прирученіи животныхъ и разведеніи ихъ для правильнаго добыванія мясной пищи. Однако, о скотоводствѣ, въ полномъ смыслѣ этого слова, у народовъ тропическихъ странъ едва-ли можетъ быть рѣчь. Изъ нашихъ домашнихъ животныхъ всеобщимъ распространеніемъ пользуется только курица; кромѣ того въ Африкѣ встрѣчается еще коза, у малайцевъ и жителей Полинезіи—свинья, у американцевъ—индюкъ, турецкая утка и морская свинка. Быкъ имѣется только у нѣкоторыхъ малайскихъ племенъ и въ полосѣ восточной Африки, которая, то съуживаясь, то расширяясь, проходитъ почти чрезъ весь материкъ, отъ негритянскихъ племенъ динка и бари на сѣверномъ Нилѣ до готтентотовъ и нама (намаква) на югѣ. Но большинство этихъ народовъ не впрягаютъ быка въ повозку; нѣкоторые изъ нихъ даже не потребляютъ коровьяго молока; многія племена убиваютъ животныхъ только въ томъ случаѣ, если они достались имъ въ добычу отъ другихъ племенъ [1]). Лишь въ единичныхъ случаяхъ въ экваторіальной Африкѣ быкъ служитъ для верховой ѣзды и въ качествѣ вьючнаго животнаго; по общему же правилу у негритянскихъ народовъ быкъ является лишь «символомъ богатства и предметомъ почти мистическаго поклоненія», т. е. служитъ лишь для забавы.

И такимъ именно характеромъ, вообще говоря, отличается разведеніе животныхъ у нецивилизованныхъ народовъ. Индѣйская деревня во внутренней Бразиліи походитъ на большой звѣринецъ; въ хижинахъ и около нихъ мы находимъ всякую тварь земную, начиная отъ попугая и обезьяны и кончая тапиромъ, орломъ и

---

[1]) Schweinfurth: Im Herzen Afrikas I стр. 176. Livingstone, Expedition to Zambesi, стр. 528, Pogge l. c., стр. 25, Wissmann. Wolf etc, Im Innern Afrikas, стр. 25, 127.

ящерицей; тутъ даже умѣютъ красить перья живыхъ птицъ, но ни одно изъ этихъ животныхъ не разводится ради хозяйственныхъ цѣлей; даже яйца куръ, содержимыхъ въ большомъ количествѣ, не употребляются въ пищу [1]. Животныя являются для индѣйца товарищами, которые доставляютъ ему удовольствіе; но такого рода разведеніе животныхъ находится очевидно въ гораздо болѣе тѣсной связи съ охотой, чѣмъ съ земледѣліемъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ прирученными, а не съ домашними животными. Весьма сходно съ этимъ положеніе, какое занимаетъ свинья въ домохозяйствѣ океанійцевъ: она является баловнемъ всей семьи, женщины нерѣдко вскармливаютъ ея дѣтенышей своимъ молокомъ; но мясо ея потребляется только знатью по праздничнымъ днямъ. Единственное животное, распространенное у всѣхъ нецивилизованныхъ народовъ — собака составляетъ только предметъ роскоши; нигдѣ почти она не употребляется для охоты; нѣкоторыя племена потребляютъ собачье мясо, но, по словамъ различныхъ путешественниковъ, это дѣлаютъ исключительно тѣ племена, которыя являются и людоѣдами.

Изъ всего изложеннаго видно, что, вообще говоря, скотоводство у нецивилизованныхъ народовъ существеннаго значенія въ дѣлѣ производства пищевыхъ продуктовъ не имѣетъ и является въ ихъ хозяйствѣ почти исключительно потребляющимъ элементомъ.

Однако, потребности этихъ народовъ не ограничиваются однимъ лишь питаніемъ. Даже стоящіе на самой низкой ступени развитія разрисовываютъ и разукрашиваютъ свое тѣло, выдѣлываютъ стрѣлы и луки; болѣе развитыя племена строятъ дома, плетутъ и ткутъ всякаго рода ткани, выдѣлываютъ утварь, обжигаютъ глиняную посуду; всѣ они приготовляютъ пищу на огнѣ и всѣ они, за немногими исключеніями, умѣютъ изготовлять хмѣльные напитки. Для всего этого необходимъ трудъ различнаго рода, который мы можемъ обозначить обработкой вещества и который по существу составляетъ то, что мы называемъ промышленностью или индустріей. Какъ же организованъ этотъ трудъ у нецивилизованныхъ народовъ?

Давая отвѣтъ на этотъ вопросъ, надо различать двѣ вещи — техническую сторону и хозяйственную сторону промышленности.

Техника обработки вещества зависитъ прежде всего отъ условій природы, и поэтому она у большинства нецивилизованныхъ народовъ развита весьма односторонне [2]. Орудіями ея являются первоначально лишь предметы въ ихъ естественномъ видѣ, както: камни, кости животныхъ, раковины, заостренные куски дерева, — предназначенные почти исключительно для увеличенія силы чело-

---

[1]) Ehrenreich l. c., стр. 13 и сл. 54. Martius l. c., стр. 672 и сл. K. v. d. Steinen l. c., стр. 210, 379. То же и у жителей Океаніи: Ratzel, Völkerk. I, стр. 236. (Русск. пер. I т., стр. 249).

[2]) Относительно дальнѣйшаго см. K. Bücher: Arbeit und Rhythmus, 3. Aufl., стр. 10 и сл. (К. Бюхеръ: Работа и ритмъ, русск. пер. подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. 1899, изд. Поповой, стр. 6 и слѣд.).

вѣческихъ органовъ. Изъ болѣе сложныхъ орудій можно назвать только ручную мельницу и ступку для толченія. Первая въ своемъ первоначальномъ видѣ состоитъ изъ одного подвижнаго камня и другого неподвижнаго, на которомъ хлѣбныя зерна размалываются приблизительно такъ же, какъ краски на растирательномъ камнѣ у нашихъ ремесленниковъ. Ступка представляетъ собой выдолбленный кусокъ древеснаго ствола съ деревяннымъ пестомъ. Простѣйшія, сберегающія трудъ механическія приспособленія—какъ-то: клинъ, рычагъ, клещи, винтъ, имъ неизвѣстны. Лодки ихъ представляютъ собой выдолбленные посредствомъ огня древесные стволы или соединенные вмѣстѣ куски коры, а весла—ложкообразные куски дерева съ короткими рукоятками, которые являются не болѣе какъ расширеніемъ человѣческой ладони. Искусство соединять куски дерева или другого матеріала посредствомъ шиповъ, гвоздей, зубцовъ, клея—имъ неизвѣстно. Примѣняется лишь связыванье посредствомъ тягучихъ волоконъ или бичевокъ или же просто стеблей вьющихся растеній. Обитатели о. Самоа даже при сооруженіи своихъ большихъ военныхъ лодокъ, въ которыхъ помѣщается нѣсколько сотъ человѣкъ, не употребляютъ желѣзныхъ гвоздей. Отдѣльныя планки связываются бичевками изъ кокосовыхъ волоконъ. Обработка металловъ австралійцамъ, жителямъ Меланезіи и Полинезіи и первоначальнымъ обитателямъ Америки была до появленія европейцевъ неизвѣстна. Напротивъ, среди негритянскихъ племенъ повсюду распространено добываніе и обработка желѣза, а мѣстами и мѣди; еще болѣе развитую технику обработки металловъ мы находимъ лишь у малайцевъ. Но именно въ характерѣ производства желѣза у негровъ обнаруживается вся техническая безпомощность этихъ народовъ. Ихъ кузнецы не додумались даже до того, чтобы собственныя орудія сдѣлать изъ желѣза. Молотъ и наковальня представляютъ собою камни, а щипцами часто служатъ ребра пальмоваго листа.

Несмотря на такую техническую отсталость, многіе первобытные народы своими убогими орудіями изготовляютъ предметы такого качества и обнаруживающіе такой художественный вкусъ, что приводятъ насъ въ изумленіе. Это мыслимо лишь благодаря тому, что въ зависимости отъ распространенія того или другого вида сырья въ данной мѣстности опредѣленныя техническія искусства культивируются односторонне, но вмѣстѣ съ тѣмъ широко—въ особенности, плетеніе, гончарное искусство, рѣзьба по дереву. Чего только тропическіе народы не выдѣлываютъ изъ лыка и волокнистыхъ веществъ, которыя они находятъ въ своихъ лѣсахъ, изъ вязкихъ травъ и ситника—начиная отъ матерій изъ коры и цыновокъ и кончая непромокаемыми корзинами, чашками и бутылками! Чего только не дѣлаютъ жители индійскаго архипелага и восточной Азіи изъ бамбука, отъ балокъ для постройки домовъ вплоть до посуды для сохраненія воды и музыкальныхъ инструментовъ! А какъ пышно развилась рѣзьба по дереву у папуасовъ! И сколько терпѣнія и выдержки требуютъ всѣ эти издѣлія! На выдѣлку одной

изъ тѣхъ тонкихъ цыновокъ, какія жители о. Самоа плетутъ изъ пандануса, необходимо потратить иногда цѣлый годъ. Чтобы сработать кусокъ матеріи изъ волоконъ Rafia на Мадагаскарѣ, затрачиваютъ нерѣдко нѣсколько мѣсяцевъ. Столь же долго продолжается выдѣлка гамака у индѣйцевъ Южной Америки. Шлифовка и сверленіе кусочковъ молочно-бѣлаго кварца, которые бразильское племя Uaupes носятъ на шеѣ, составляетъ нерѣдко продуктъ труда двухъ поколѣній.

Это приводитъ насъ непосредственно къ разсмотрѣнію хозяйственной организаціи производства. Собственно профессіональныхъ работниковъ, за немногими исключеніями, у нецивилизованныхъ народовъ вовсе нѣтъ. Каждая семья собственнымъ трудомъ должна удовлетворить этого рода потребности своихъ членовъ и удовлетворяетъ ихъ, благодаря тому своеобразному раздѣленію функцій между обоими полами, съ которымъ мы уже познакомились. Каждому не только отведена опредѣленная область въ сферѣ добыванія пищи, но каждый полъ кромѣ того производитъ и всѣ состоящія въ связи съ этимъ техническія работы: женщина производитъ все, что связано съ растительнымъ міромъ, мужчина выдѣлываетъ оружіе, орудія для охоты, рыболовства и скотоводства, производитъ предметы изъ костей и шкуръ животныхъ и строитъ лодки. Обыкновенно мужчина также жаритъ мясо, сушитъ рыбу; на женщинѣ же лежитъ еще трудная обязанность смолоть сжатый ею хлѣбъ, далѣе—пивовареніе, выдѣлка и обжиганіе глиняныхъ горшковъ, а въ большинствѣ случаевъ и постройка хижины. Рядомъ съ этими имѣются еще и другіе виды обрабатывающей промышленности, которые выполняются то однимъ, то другимъ поломъ, какъ, напримѣръ: пряденіе, тканье, плетеніе, приготовленіе пальмоваго вина, матерій изъ коры и т. п. Но въ общемъ раздѣленіе областей труда проведено довольно строго; мало того, это раздѣленіе между полами простирается даже на потребленіе [1]).

Мы не можемъ болѣе подробно останавливаться на этомъ своеобразно сложившемся дуализмѣ домохозяйства у нецивилизованныхъ народовъ. Но необходимо отмѣтить, что такой трудъ отдѣльныхъ членовъ семьи, предоставленныхъ собственнымъ силамъ, недостаточенъ для удовлетворенія всѣхъ потребностей хозяйственной жизни. Въ такихъ случаяхъ, при работахъ, требующихъ больше силъ, чѣмъ имѣется въ одной семьѣ, прибѣгаютъ прежде всего къ помощи сосѣдей, или же работа производится совмѣстно всею сельской общиной. Такъ производится въ Африкѣ выкорчеваніе лѣсовъ для посѣвовъ, сооруженіе засѣкъ и рвовъ для поимки дикихъ звѣрей, охота на слоновъ, въ Полинезіи—выдѣлка большихъ рыболовныхъ сѣтей, постройка обширныхъ жилищъ, печеніе хлѣбныхъ плодовъ въ общественныхъ печахъ и т. п. Тамъ, гдѣ существуетъ родовой строй, имѣется возможность умноженія рабочихъ силъ, которыми располагаетъ хозяйство, а слѣдовательно, повышенія

---

1) См. выше стр. 32 и слѣд.

производительности, по сравненію съ тѣмъ, что доставляетъ сила одного человѣка. Это особенно замѣтно тамъ, гдѣ родъ покоится на полигамическомъ основаніи. Такъ какъ на женщинѣ съиздавна лежала значительная часть производительнаго труда, то хозяйственная сила рода возрастала въ тѣмъ большей степени, чѣмъ больше женъ было у главы семейства. Кто не можетъ купить себѣ жены, вынужденъ, въ виду беззащитности каждаго въ отдѣльности, удовлетвориться пріютомъ въ родственной семьѣ, глава которой соглашается купить ему жену; въ другихъ случаяхъ онъ входитъ въ чужой родъ въ качествѣ крѣпостного или раба. Съ количествомъ женъ увеличивается также и число дѣтей, и такимъ образомъ въ самомъ родѣ заключена способность естественнаго роста хозяйства. Онъ располагаетъ многочисленными женскими и мужскими рабочими силами и можетъ поэтому, смотря по потребностямъ и желанію, примѣнять въ однихъ случаяхъ соединеніе, въ другихъ раздѣленіе труда [1]).

Такимъ образомъ, въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго племени обработка и отдѣлка сырого матеріала, вслѣдствіе того, что она производится каждымъ родовымъ хозяйствомъ самостоятельно, не представляетъ возможности образованія отдѣльныхъ профессій. Правда, нѣкоторые писатели, ссылаясь на разсказы путешественниковъ, судившихъ лишь по внѣшнимъ признакамъ, утверждали, будто у различныхъ нецивилизованныхъ народовъ существуютъ ремесленники. Такъ, указывали, что на нѣкоторыхъ островахъ Тихаго океана встрѣчаются особые плотники, строители лодокъ, буравщики камней, спеціалисты по плетенію сѣтей и рѣзьбѣ по дереву. Однако, при болѣе тщательной провѣркѣ этихъ указаній они не подтвердились. Сомнѣніе возникаетъ относительно малайцевъ; впрочемъ, доказано, на мой взглядъ, лишь существованіе туземныхъ работниковъ по металлу. Въ Африкѣ только у полукультурныхъ народовъ Судана имѣются зачатки особаго сословія ремесленниковъ. Всѣ же остальные случаи, гдѣ у нецивилизованныхъ народовъ были обнаружены яко-бы профессіональные ремесленники, сводятся либо къ тому, что путешественники случайно встрѣчали отдѣльныхъ особенно искусныхъ въ какой-либо отрасли техники лицъ, либо цѣлыя племена или мѣстности преимущественно занимались какимъ-нибудь домашнимъ производствомъ, о чемъ подробно будетъ сказано ниже. Ремесла, развившіяся подъ вліяніемъ европейцевъ, сюда, конечно, не относятся.

Напротивъ, между отдѣльными племенами именно въ области обрабатывающей промышленности замѣчаются значительныя различія. Можно даже утверждать, что почти каждое племя обладаетъ излюбленной отраслью производства, въ которой оно превосходитъ другія племена. Тамъ, гдѣ имѣется хорошая горшечная глина женщины легко достигаютъ значительной искусности въ гончарномъ производствѣ; гдѣ есть желѣзная руда, процвѣтаетъ кузнеч

---

[1]) Сравн. ясное изображеніе этого у Thomas'a l. c., стр. 17 и сл.

ный промыселъ; въ изобилующихъ лѣсами мѣстностяхъ у морского берега—сооруженіе лодокъ. Особенность другихъ племенъ и мѣстностей составляетъ приготовленіе соли изъ растительной золы, пальмоваго вина, кожи или одежды изъ шкуръ, третьихъ—выдѣлка тыквенной посуды, корзинъ, цыновокъ, тканей; но всѣ эти искусства извѣстны всякому мужчинѣ или всякой женщинѣ даннаго племени или даннаго мѣста — и примѣняются ими; и если путешественники называютъ ихъ кузнецами, солеварами, корзинщиками, ткачами, то это слѣдуетъ понимать въ томъ же смыслѣ, какъ если, говоря о нашихъ крестьянахъ, мы называемъ ихъ пахарями, жнецами, косарями, молотильщиками, смотря по тому, какую работу они исполняютъ въ данное время. Здѣсь рѣчь идетъ не о спеціальной профессіи, которой посвящена вся жизнь человѣка, а о дѣйствіяхъ, составляющихъ неотъемлемыя части отдѣльнаго семейнаго хозяйства, что, конечно, не мѣшаетъ отдѣльнымъ лицамъ превзойти въ данномъ искусствѣ своихъ соплеменниковъ — совершенно такъ же, какъ среди нашихъ крестьянокъ встрѣчаются особенно искусныя прядильщицы, или среди сельскихъ хозяевъ—коневоды и пчеловоды, получающіе преміи на выставкахъ.

Эта спеціализація въ отношеніи промышленной техники у отдѣльныхъ племенъ и селеній нерѣдко отмѣчалась путешественниками. «Села туземцевъ — пишетъ одинъ бельгійскій путешественникъ о нижнемъ Конго—расположены группами. Жизнь ихъ основана на взаимопомощи, и они до извѣстной степени дополняютъ другъ друга. Каждая группа имѣетъ свою болѣе или менѣе выраженную склонность: одна занимается рыболовствомъ, другая изготовляетъ пальмовое вино, третья посвятила себя торговлѣ и является для другихъ банкиромъ, снабжающимъ ихъ всѣмъ, что получается извнѣ, четвертая оставила за собой обработку желѣза и мѣди и производитъ оружіе для войны и охоты, утварь различнаго рода и т. п. Никто не въ правѣ перейти за предѣлы своей спеціальности подъ страхомъ подвергнуться опозоренію». Бастіанъ сообщаетъ о значительномъ числѣ такихъ мѣстъ производства опредѣленныхъ издѣлій въ предѣлахъ домашняго хозяйства, которыя онъ наблюдалъ на побережьи Лоанго. Можно было бы привести еще больше такихъ наблюденій и не только относительно Африки [1]), острововъ Тихаго океана, но также относительно Южной и Средней Америки [2]).

Мы врядъ ли ошибемся, если предположимъ, что въ этой племенной промышленности выраженъ принципъ, управляющій хозяйственнымъ развитіемъ нецивилизованныхъ народовъ. Здѣсь впервые дана возможность расширить удовлетвореніе потребностей отдѣльнаго лица и цѣлыхъ группъ за предѣлы ихъ непосредственной производительной способности. Промышленное издѣліе, имѣющееся

---

[1]) Относительно Африки собраны у H. Schurtz'a: Afrik. Gewerbe, стр. 29—65. Срвн. также Hutter: Wanderungen und Forschungen im Nord-Hinterland von Kamerun (1902) стр. 360 и слѣд.

[2]) Срв. K. Sapper: Das nördliche Mittel-Amerika (Braunschweig 1897), стр. 299 и сл. и приведенные далѣе примѣры.

только у производителя, должно было, особенно если оно въ весьма простыхъ условіяхъ жизни дикаря имѣло какое-нибудь значеніе, возбудить желаніе обладанія имъ у окружающихъ племенъ. Но путь отъ желанія къ удовлетворенію въ хозяйственномъ строѣ, покоющемся на чисто-индивидуальномъ производствѣ, много длиннѣе, чѣмъ мы склонны думать, имѣя въ виду нынѣшній основанный на обмѣнѣ общественный строй.

Дѣйствительно, относительно обмѣна у первобытныхъ народовъ въ широкихъ кругахъ господствують довольно неясныя представленія. Мы знаемъ, что во всей центральной Африкѣ отъ португальскихъ владѣній на западѣ вплоть до нѣмецкихъ на востокѣ черезъ каждую пару миль встрѣчается рыночное мѣсто, на которомъ каждыю 4—6 дней сходятся окрестныя племена для взаимнаго обмѣна предметовъ; намъ извѣстно и о томъ, что у малайцевъ на о-вахъ Борнео и Целебесѣ въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ селѣ имѣется еженедѣльный рынокъ, и уже первые изслѣдователи острововъ Тихаго океана разсказываютъ о больнихъ «торговыхъ путешествіяхъ», которыя предпринимаются туземцами, переѣзжающими съ острова на островъ для обмѣна своихъ продуктовъ. Въ Америкѣ нѣкоторые предметы, произведенные изъ матеріала, находящагося лишь въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ,—какъ, напримѣръ, наконечники для стрѣлъ, каменные топоры изъ особыхъ каменныхъ породъ,—тѣмъ не менѣе распространены въ значительной части материка [1]; и даже среди туземнаго населенія Австраліи находимъ мы примѣры, что дары природы, имѣющіеся только въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ (какъ, напримѣръ, листья пичери, земляная краска), обращаются въ значительной части Австраліи. Въ этихъ фактахъ усматриваютъ новое подтвержденіе значенія торговли, какъ разсадника культуры; о роли торговли говорятъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда при раскопкахъ въ Европѣ находятъ издѣлія на большомъ разстояніи отъ мѣстонахожденія матеріала, изъ котораго они сдѣланы. Наша наука о доисторическомъ человѣкѣ на основаніи однихъ только топоровъ изъ нефрита построила цѣлую систему развитія торговли и даже дошла до предположенія о существованіи доисторическихъ «промышленныхъ округовъ», и точно также наша этнографическая литература упоминаетъ о промышленныхъ центрахъ выдѣлки оружія и плетенія цыновокъ въ Борнео, гончарныхъ издѣлій во многихъ частяхъ Новой Гвинеи, кораблестроенія въ нѣкоторыхъ побережныхъ округахъ Іоркской группы, обработки желѣза въ негритянскихъ странахъ и т. п.

Въ противоположность этимъ утвержденіямъ необходимо указать на то, что торговля въ политико-экономическомъ смыслѣ, т. е. правильная, профессіонально-организованная покупка товаровъ съ цѣлью перепродажи ихъ съ барышомъ, у нецивилизованныхъ народовъ совершенно отсутствуетъ. Если мы встрѣчаемъ

[1]) Waitz: Anthropologie III, стр. 75. Рынки въ Южной Америкѣ: тамъ же, стр. 380, въ Мексикѣ—IV, стр. 99 и слѣд.

въ Африкѣ туземнаго торговца, то мы либо имѣемъ дѣло съ посредникомъ, дѣятельность котораго вызвана къ жизни европейскими или арабскими купцами, либо съ явленіями полукультурнаго Судана. Среди туземныхъ жителей существуютъ только мѣновыя сношенія между отдѣльными племенами, обусловленныя неравномѣрнымъ распредѣленіемъ природныхъ богатствъ и различіями въ развитіи техники производства у отдѣльныхъ племенъ. Но внутри одного и того же племени нѣтъ мѣста регулярному обмѣну между отдѣльными хозяйствами, ибо всѣ производятъ одни и тѣ же предметы и не существуетъ профессіональной дифференціаціи, которая только и можетъ вызвать постоянную зависимость между отдѣльными хозяйствами.

Мы представляемъ себѣ возникновеніе обмѣна дѣломъ весьма простымъ—по той причинѣ, что культурный человѣкъ привыкъ все, что ему нужно, находить готовымъ на рынкѣ или въ магазинахъ и пріобрѣтать за деньги. Для человѣка же нецивилизованнаго, прежде чѣмъ онъ вступилъ въ сношенія съ болѣе культурными народами, понятія цѣнности и цѣны вовсе не были столь привычны. Первые путешественники, открывшіе Австралію, всѣ въ одинъ голосъ повѣствуютъ о томъ, что ни на материкѣ, ни на близлежащихъ островахъ туземцы не имѣли понятія объ обмѣнѣ [1]. Украшенія, которыя имъ давались, они оставляли безъ всякаго вниманія; навязанные имъ подарки были затѣмъ найдены разбросанными въ лѣсахъ. Подобныя же наблюденія недавно сдѣлали Эренрейхъ [2] и К. фонъ-денъ Штейненъ [3] у индѣйскихъ племенъ Бразиліи. И все же здѣсь происходили оживленныя сношенія между племенами, благодаря которымъ горшки, каменные топоры, гамаки, бумажныя нитки, ожерелья изъ раковинъ и т. п. предметы переходили отъ одного племени къ другому. Какимъ же образомъ это дѣлалось при отсутствіи обмѣна и торговли?

Загадка разрѣшается весьма просто. Переходъ предметовъ совершается путемъ даренія, а иногда—похищенія, военной добычи, дани, имущественнаго штрафа, возмѣщенія убытковъ или выигрыша. Среди членовъ одного и того же племени по отношенію къ пищевымъ продуктамъ господствуетъ почти полное общеніе имущества; если зарѣзывается животное и объ этомъ не сообщается сосѣду, или если кто-либо не приглашаетъ прохожаго принять участіе въ ѣдѣ, то такой поступокъ приравнивается къ воровству. Каждый можетъ зайти въ любую хижину и потребовать себѣ ѣсть, и въ этомъ ему никогда не будетъ отказано. Въ случаѣ неурожая цѣлыя общины отправляются къ своимъ сосѣдямъ и остаются нѣкоторое время на ихъ иждивеніи. По отношенію къ утвари и оружіямъ общераспространенъ обычай ссуды, превращающійся даже въ обязанность.

---

[1]) Источн.: Sartorius von Waltershausen: Zeitschrift für Social und Wirtschaftsgeschichte. IV, стр. 5 и слѣд. и Schurtz: Entstehungsgesch. des Geldes, стр. 66.

[2]) Beiträge zur Völkerkunde Brasiliens, стр. 53.

[3]) Unter den Naturvölkern Central-Brasiliens (2 изд.) стр. 287 и сл.

частной собственности на землю не существуетъ. Внутри племени, гдѣ всѣ хозяйства производятъ одно и то же, и въ случаѣ нужды помогаютъ другъ другу, гдѣ излишки никакого примѣненія, кромѣ потребленія ихъ, не находятъ, не можетъ возникнуть возмезднаго обмѣна предметовъ между отдѣльными хозяйствами; исключеніе составляетъ лишь покупка женъ, уплата лѣкарю, пѣвцу, танцовщику, музыканту — единственнымъ представителямъ уже выдѣлившихся профессій.

Между племенами существуютъ извѣстныя правила гостепріимства [1]), почти однообразно повторяющіяся у всѣхъ первобытныхъ народовъ. Чужеземецъ получаетъ подарокъ, на который онъ черезъ нѣкоторое время также отвѣчаетъ подаркомъ, послѣ чего при прощаніи ему снова дается подарокъ [2]). По отношенію къ такимъ дарамъ обѣ стороны могутъ выражать свои пожеланія; этимъ дается возможность пріобрѣтать предметы, въ которыхъ ощущается потребность—съ тѣмъ большей вѣроятностью успѣха, что каждая сторона не выполнила своего долга гостепріимства, пока другая не выразитъ своего полнаго удовлетворенія относительно полученныхъ предметовъ.

Благодаря этому обычаю взаимнаго даренія, рѣдкіе продукты какой-нибудь страны или искусныя издѣлія какого-нибудь племени, передаваемые однимъ народомъ другому, могли совершать столь же далекія странствія отъ мѣста своего возникновенія, какъ и теперь путемъ торговли; это станетъ, можетъ быть, болѣе понятнымъ, если мы вспомнимъ, что такимъ же точно путемъ обошли полміра легенды и сказки. Просто не понятно, какимъ образомъ на это до сихъ поръ не обратили вниманія. Вѣдь уже у Гомера приводятся различные примѣры, свидѣтельствующіе о существованіи этого обычая. Телемахъ привозитъ изъ Спарты въ качествѣ подарка отъ Менелая серебряный сосудъ, который Менелай въ свою очередь въ Сидонѣ получилъ въ даръ отъ короля Файдима, а отецъ его Одиссей получаетъ въ даръ отъ феаковъ платья, холстъ, золотые сосуды и цѣлую коллекцію треножниковъ и чашъ. Какъ извѣстно, до прибытіи своемъ на родину въ Итаку, онъ все это прячетъ въ гротѣ нимфъ. Представьте же себѣ, что это не разсказъ поэта, а историческое событіе, и вообразите, что случилось бы, если бы Одиссей былъ своевременно узнанъ женихами и убитъ ими: дары феаковъ хранились бы и по сей день въ потаенномъ мѣстѣ и были бы вынесены на свѣтъ божій какимъ-нибудь современнымъ археологомъ. Не принялъ ли бы онъ всѣ эти сокровища за складъ товаровъ странствующаго купца героическаго періода Греціи, тѣмъ болѣе, что онъ могъ бы сослаться на то, что у Гомера дѣйствительно встрѣчаются случаи обмѣна?

---

[1]) О нихъ сравн. K. H a b e r l a n d: Die Gastfreundschaft auf niederen Kulturstufen: Ausland. 1878, стр. 282 и слѣд.

[2]) Дареніе безъ отвѣтнаго подарка появляется вообще только на болѣе высокой ступени культуры. См. R i c h a r d M. M e y e r: Zeitschr. f. deutsche Kulturgeschichte, V, стр. 18 и слѣд.

У нѣкоторыхъ нецивилизованныхъ народовъ сохранились своеобразные обычаи, которые наглядно представляютъ, какъ совершился переходъ отъ даренія къ обмѣну. У племени діери въ центральной Австраліи мужчина или женщина за подарокъ принимаетъ на себя обязанность достать дарителю предметъ, который онъ желаетъ получить въ качествѣ отвѣтнаго подарка, пойти за него на охоту или исполнить какую-нибудь другую работу. Обязавшійся называется «ючинъ» и носитъ для памяти до исполненія имъ обѣщаннаго веревку на шеѣ. Обыкновенно требуемый предметъ нужно достать изъ далека [1]). Въ Новой Зеландіи жители береговъ рѣки Ваигаи массами ловятъ попугаевъ, жарятъ ихъ и приготовляютъ въ жиру, чтобы получить за нихъ отъ туземцевъ, живущихъ въ другихъ частяхъ острова, сушеную рыбу и другіе предметы въ качествѣ отвѣтныхъ подарковъ [2]). У индѣйскихъ племенъ Центральной Бразиліи обмѣнъ сохраняетъ еще характеръ обмѣна подарковъ, а племя бакаири переводитъ португальское слово comprar—«покупать» словомъ, обозначающимъ «садиться», ибо гость долженъ былъ сѣсть, чтобы получить подарокъ. Въ Суданѣ принято посылать гостю подарки на домъ, и эти подарки нерѣдко бываютъ очень кстати. Но при всякомъ посѣщеніи болѣе или менѣе большого города часто присылаются и бѣдными и богатыми такія вещи, которыя какъ будто бы посланы лишь для выраженія почтенія бѣлому, но на самомъ дѣлѣ доставляются лишь по той причинѣ, что даритель ожидаетъ получить въ отвѣтъ на нихъ отъ щедраго европейца въ три и четыре раза больше [3]).

Когда обмѣнъ возникъ, то и тогда онъ еще долго сохраняетъ печать своего происхожденія въ правилахъ, которыми онъ обставленъ и которыя непосредственно заимствованы изъ обычаевъ, установившихся для дареній. Это прежде всего проявляется въ общераспространенномъ у первобытныхъ народовъ обычаѣ предварительной уплаты [4]). Лѣкарь не тронется съ мѣста, чтобы помочь больному, прежде чѣмъ окружающіе не уплатятъ ему гонорара, и онъ не выразитъ ясно своего удовлетворенія. Купля-продажа не считается совершенной, пока покупатель и продавецъ при свидѣтеляхъ не объявятъ, что остались довольны полученнымъ. У многихъ народовъ существуетъ обычай до и послѣ совершенія мѣновой

---

[1]) A. W. Howitt въ Journal of the Anthrop. Inst. XX (1891), стр. 76 и слѣд.

[2]) Shortland: Tradition and Superstition of the New-Zealanders (London 1856), стр. 214 и сл.

[3]) Staudinger: Im Herzen der Haussaländer (2 изд.), стр. 216 и сл. Срвн. Sachau: Reisen in Syrien und Mesopotamien, стр. 191. v. Hügel: Kaschmir, стр. 406 и слѣд.

[4]) Въ Африкѣ и европейскіе купцы вынуждены уплачивать впередъ за товаръ, который туземные торговые посредники берутся имъ доставить. Срвн. напр. Pogge: Im Reiche des Muata Jamwo, стр. 11, 140 и слѣд., M. Buchner: Kamerun, стр. 98 и сл. Такъ же происходитъ дѣло на востокѣ при заключеніи договоровъ о наймѣ: Sachau, l. c., стр. 34. Даже жертвоприношеніе божеству представляется народомъ на этой ступени развитія не иначе, какъ уплатой впередъ за ожидаемое благодѣяніе: Heckewelder l. c., стр. 367, срвн. также стр. 405, 411.

сдѣлки давать подарки [1]); прибавки нашихъ деревенскихъ лавочниковъ (басарники) и литки—остатки этого обычая. Отказъ отъ предложенной мѣновой сдѣлки безъ объясненія причинъ считается у негровъ такимъ же оскорбленіемъ, какъ у насъ отказъ отъ подарка. Нецивилизованный человѣкъ совершенно не способенъ понять того, что при обмѣнѣ отдаваемый предметъ и получаемый предметъ должны быть равноцѣнны; мальчикъ за свой трудъ ожидаетъ такого же вознагражденія, какъ и взрослый; тотъ, кто помогалъ въ теченіе часа, требуетъ столько же, сколько тотъ, кто работалъ цѣлый день; и такъ какъ жадность съ обѣихъ сторонъ не знаетъ предѣловъ, то заключенію обмѣна предшествуютъ долгіе переговоры. Подобные же переговоры происходятъ и при передачѣ подарковъ гостю, если послѣдній находитъ подарокъ не отвѣчающимъ его достоинству.

Съ теченіемъ времени при обмѣнѣ между отдѣльными племенами возникаютъ спеціальные институты, которые должны облегчать совершеніе обмѣна. Важнѣйшіе изъ нихъ—рынокъ и деньги.

Рынки повсюду — у негровъ, индійцевъ, жителей Полинезіи устраиваются на порубежной чертѣ, отдѣляющей территоріи двухъ племенъ на открытыхъ мѣстахъ, нерѣдко среди дѣвственнаго лѣса. Они являются нейтральными мѣстами, гдѣ должна умолкнуть всякая племенная вражда;—кто нарушаетъ миръ на рынкѣ, подвергается самымъ строгимъ карамъ. Каждое племя доставляетъ на рынокъ тѣ предметы, которыми оно славится: одно—медъ, другое—пальмовое вино, третье — сушеное мясо, четвертое — глиняную посуду, либо желѣзную утварь, либо цыновки, либо ткани [2]). Цѣль обмѣна— пріобрѣсти продукты, которые или совсѣмъ не производятся собственнымъ племенемъ, или выдѣлываются здѣсь хуже, чѣмъ у сосѣдей. Это приводитъ къ тому, что каждое племя старается производить въ избыткѣ тѣ именно продукты, которые другими племенами не выдѣлываются и особенно высоко цѣнятся, ибо въ обмѣнъ на нихъ легче всего пріобрѣсти то, чего у даннаго племени нѣтъ и что въ избыткѣ производится другими племенами. Но внутри одного и того же племени всѣ хозяйства изготовляютъ одинъ и тотъ же излюбленный, ходкій на рынкѣ товаръ. Вслѣдствіе этого, когда рѣчь идетъ о производствѣ такихъ вещей, какъ гончарныя издѣлія или предметы изъ коры, цѣлыя деревни или племенныя области производятъ на путешественниковъ впечатлѣніе промышленныхъ округовъ, хотя здѣсь нѣтъ профессіональныхъ ремесленниковъ, и каждая семья

---

[1]) Schurtz: Entstehungsgesch. d. Geldes стр. 67 и сл. Landor: Auf verbotenen Wegen (Tibet), стр. 296, 313.

[2]) Хотя многіе нецивилизованные народы готовы отдать все, что угодно за европейскіе товары, которые они знаютъ и цѣнятъ, тѣмъ не менѣе ихъ обычныя мѣновыя сношенія носятъ весьма односторонній характеръ и ограничиваются лишь немногими предметами. Срвн. Waitz: Anthrop. IV, стр. 100, VI стр. 76 и сл. Нѣкоторые предметы повседневнаго потребленія, въ особенности украшенія, они не отдадутъ ни за какія деньги. Срвн. Finsch: Samoafahrten, стр. 108, 119, 236, 282 и сл., 315. Martius, l. c., стр. 89, 596. Zeitschrift für Ethnographie, XVII, стр. 24, 62. Livingstone l. c. I, стр. 257.

производить сама все, что ей нужно, за исключеніемъ немногихъ предметовъ, изготовляемыхъ другими племенами, къ которымъ уже привыкли и которыя пріобрѣтаются путемъ обмѣна, заполняющаго однако лишь пробѣлы въ собственномъ производствѣ.

Такой упрощенный характеръ имѣетъ рынокъ у первобытныхъ народовъ. Но перейдемъ къ разсмотрѣнію денегъ. Какъ много писалось о различныхъ видахъ денегъ у первобытныхъ народовъ, сколько гипотезъ [1]) строилось по этому поводу, и какъ просто разъясняется ихъ возникновеніе! Деньгами для каждаго племени является тотъ товаръ, который не производится самимъ племенемъ, но который оно регулярно получаетъ въ обмѣнъ отъ иноплеменниковъ. Этотъ товаръ естественно становится для племени всеобщимъ орудіемъ обмѣна, за которое оно отдаетъ свои продукты; этотъ товаръ является для племени мѣриломъ цѣнности, имъ оно измѣряетъ собственное имущество, которое никакъ иначе не можетъ быть оцѣнено; въ этомъ товарѣ племя усматриваетъ свое богатство, ибо не можетъ произвольно увеличить его количество; этотъ товаръ становится, наконецъ, средствомъ передачи цѣнностей и между единоплеменниками, ибо, вслѣдствіе своей рѣдкости, онъ для всѣхъ одинаково дорогъ. Вотъ почему путешественникамъ такъ часто приходилось наблюдать то явленіе, что у каждаго племени, иногда въ каждомъ селѣ, были въ ходу другія деньги,—тотъ или другой сортъ раковинъ, жемчуга или бумажной ткани, за который сегодня можно купить все, что угодно, уже на мѣстѣ слѣдующаго ночлега никѣмъ не принимается, и поэтому путешественники вынуждены предварительно пріобрѣсти мѣстный ходячій товаръ, прежде чѣмъ покупать что-нибудь на рынкѣ. Въ связи съ этимъ находится и другое явленіе, что дары природы, встрѣчающіеся лишь въ немногихъ мѣстахъ, какъ-то: соль, сѣмена кола, раковины улитокъ каури, мѣдные слитки или рѣдкія произведенія, какъ-то: проволока изъ латуни, желѣзныя лопаты, глиняныя чашки, предметы изъ коры, у многихъ племенъ, не имѣющихъ таковыхъ, принимаются въ качествѣ денегъ. Этимъ же объясняется и общеизвѣстный фактъ, что предметы междуплеменнаго обмѣна, какъ, напримѣръ, привезенныя изъ Европы бумажныя ткани, ружья, порохъ, ножи, становятся всеобщими орудіями обмѣна.

Такимъ образомъ, нѣкоторые виды денегъ пріобрѣтаютъ довольно обширные районы обращенія; они проникаютъ также во внутреннія сношенія между единоплеменниками и употребляются при покупкѣ жены, уплатѣ виры, податей и т. п.; нѣкоторые договоры заключаются только на эти деньги. Но мы не имѣемъ еще примѣровъ того, чтобы нецивилизованный народъ помимо вліянія европейцевъ ввелъ у себя единую монетную систему, установленное закономъ

---

[1]) R. Andree: Ethnogr. Parallelen und Vergleiche, Stuttgart 1878 стр. 221 и сл. O. Lenz: Ueber Geld bei Naturvölkern. Hamburg 1895. F. Ilwof: Tauschhandel und Geldsurrogate in alter und neuer Zeit. Graz 1882. H. Schurtz: Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes, Weimar, 1898. Ср. Internat. Archiv für Ethnogr. VI, стр. 57.

платежное средство для обязательствъ всякаго рода и размѣра. Обыкновенно употребляются одновременно различные виды денегъ, которые находятся между собой въ опредѣленныхъ, издавна сложившихся мѣновыхъ отношеніяхъ; часто опредѣленныя обязательства могутъ быть уплачены лишь деньгами извѣстнаго рода. Перемѣны въ предметахъ, употребляемыхъ въ качествѣ денегъ, происходятъ нерѣдко; но, съ другой стороны, имѣются и примѣры того, что какой-нибудь видъ денегъ долго переживаетъ тѣ междуплеменныя отношенія, изъ которыхъ онъ возникъ, и, оставаясь во внутреннемъ обращеніи племени, играетъ здѣсь весьма своеобразную, чуть ли не демоническую роль, хотя люди одного племени другъ другу ничего необходимаго для жизни не продаютъ и ничего другъ у друга не покупаютъ. Пережиткомъ такихъ прекратившихся междуплеменныхъ сношеній является, повидимому, употребленіе въ качествѣ денегъ китайскихъ фарфоровыхъ вазъ у племени багобосъ на о. Минданао и у даяковъ на о. Борнео, употребленіе раковинныхъ денегъ (деварра) у жителей Меланезіи и употребленіе довольно странныхъ денегъ на Каролинскомъ архипелагѣ, гдѣ требуются даже особые законы и государственныя учрежденія, чтобы поддерживать обращеніе этого мертваго имущества [1]). Вообще же государство не вмѣшивается въ такого рода вещи, и въ болѣе обширныхъ государствахъ Африки, какъ, напримѣръ, въ странѣ Муата-Ямво, у каждаго племени употребляются другія деньги. И даже тамъ, гдѣ какая-либо категорія денегъ имѣетъ болѣе или менѣе обширный раіонъ обращенія, цѣнность ихъ колеблется на различныхъ рынкахъ въ широкихъ предѣлахъ, возрастая обыкновенно по мѣрѣ удаленія отъ мѣста добычи матеріала, изъ котораго онѣ сдѣланы [2]).

Рынокъ и деньги находятся въ тѣсной связи между собой, если имѣть въ виду деньги только въ качествѣ орудія обмѣна. Но не всѣ виды денегъ, которые мы находимъ у нецивилизованныхъ народовъ, возникаютъ изъ рыночныхъ сношеній. Въ своей окончательной формѣ деньги представляютъ столь сложное соціальное явленіе, что правдоподобнымъ является предположеніе, не слались ли здѣсь различные моменты развитія. Такъ, напримѣръ, употребленіе въ качествѣ денегъ скота возникло, повидимому, вслѣдствіе того, что у даннаго народа домашнія животныя являлись выразителями богатства и средствомъ его накопленія. Къ тому же и тотъ фактъ, что нѣкоторыя племена употребляютъ для покупки невѣстъ и подобныхъ цѣлей не ходячій сортъ денегъ, а другіе спеціально для этого предназначенные предметы, подтверждаетъ, повидимому, то предположеніе, что при окончательномъ установленіи денежныхъ системъ рядомъ

[1]) Kubary: Ethnographische Beiträge zur Kenntniss des Karolinen-archipels. стр. I и сл. и Parkinson: Im. Bismarck Archipel. стр. 79, 101 и слѣд.

[2]) Срав. Cecchi: Fünf Jahre in Ostafrika. стр. 271.

съ основнымъ моментомъ имѣло значеніе и много побочныхъ обстоятельствъ [1]).

Для общей же теоріи развитія культуры въ результатѣ все-таки получается тотъ выводъ, что деньги въ видѣ излюбленнаго товара явились средствомъ установленія правильныхъ мирныхъ сношеній между племенами и вызвали дифференціацію племенъ въ отношеніи производимыхъ ими товаровъ. Въ томъ, что всѣ лица, принадлежащія къ одному и тому же племени или селу, рядомъ съ добываніемъ съѣстныхъ припасовъ, занимались преимущественно какой-нибудь опредѣленной отраслью производства, заложена была возможность развитія техническихъ знаній и техническаго искусства; здѣсь въ миніатюрѣ устанавливалось раздѣленіе труда между племенами и мѣстностями, за которыми много позже послѣдовало раздѣленіе труда между индивидуумами, принадлежащими къ одному и тому же племени или живущими въ одной и той же мѣстности. Но не слѣдуетъ умалять и того непосредственнаго значенія, которое возникновеніе рынка имѣетъ на этой ступени развитія культуры для личныхъ сношеній, особенно тамъ, гдѣ обмѣнъ продуктовъ внѣ рынка представляется чѣмъ-то столь необычнымъ, что даже путешественникамъ, желающимъ пріобрѣсти что-нибудь, говорятъ: «пойдите на рынокъ!» Рынокъ служитъ также для сообщенія извѣстій, здѣсь же завязываются личныя отношенія; мы невольно вспоминаемъ при этомъ то выдающееся положеніе, какое рынки занимали въ соціальной и политической жизни народовъ классической древности.

Однако, изображенная нами организація производства и обмѣна допускаетъ лишь очень одностороннее развитіе отдѣльныхъ племенъ, и этимъ, вѣроятно, объясняется то поразительное явленіе, что въ глубинѣ континентовъ, даже тамъ, гдѣ для воспріятія какого-нибудь искусства однимъ племенемъ у другого нѣтъ особенныхъ препятствій въ видѣ средствъ сообщенія, все же рядомъ съ довольно развитыми народами мы находимъ и племена, сохранившія свой старинный хозяйственный укладъ въ продолженіе тысячелѣтій. Замѣчательный примѣръ такого рода представляетъ племя карликовъ батуа или акка въ Центральной Африкѣ. Оно находится еще всецѣло на ступени «низшихъ охотниковъ», строго держится пояса дѣвственныхъ лѣсовъ, но въ опредѣленные дни является на рынки обитающихъ по близости негритянскихъ племенъ, чтобы обмѣнять главный продуктъ своего хозяйства—сушеную дичь—на бананы, земляные орѣхи, маисъ и т. п. Мало того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранилась еще болѣе древняя форма обмѣна между этими карликами и ихъ сосѣ-

---

[1]) Марксъ, пожалуй, правъ, когда онъ коротко и опредѣленно заявляетъ (K. Marx: Das Kapital, 2 Aufl. стр. 67; К. Марксъ: Капиталъ, русск. перев. подъ ред. П. Струве, изд. Поповой, т. I, стр. 49): „Денежная форма присваивается или наиболѣе важнымъ предметамъ ввоза, которые дѣйствительно суть первичныя формы, въ коихъ обнаруживается мѣновая цѣнность туземныхъ продуктовъ, или такому предмету потребленія, который составляетъ главный элементъ туземнаго движимаго богатства,—какъ, напримѣръ, скотъ".—Срави. также W. Lotz въ Jahrb. f. Nat.-Oek. u. Stat. III Folge. Bd. 7, стр. 345.

дями: во время созрѣванія плодовъ батуа вторгаются въ поля негровъ, похищаютъ бананы, клубни и хлѣбъ и взамѣнъ этого оставляютъ мясо [1]). То обстоятельство, что батуа являются хорошими охотниками, повидимому, привело къ тому, что окрестныя племена забросили добываніе мяса посредствомъ охоты или скотоводства; карлики же, наоборотъ—какъ разсказываютъ, они даже своихъ орудій не выдѣлываютъ сами, а обмѣниваютъ ихъ у момву и у другихъ племенъ.

Другимъ еще болѣе любопытнымъ примѣромъ такого односторонняго развитія являются кузнецы. Не только у многихъ племенъ Африки, но иногда также въ Азіи и юго-восточной Европѣ они составляютъ чужеплеменную касту, къ членамъ которой относятся либо съ благоговѣніемъ, либо съ презрѣніемъ; съ коренными жителями они не могутъ вступать ни въ брачныя, ни въ какія-либо иныя соціальныя отношенія [2]). Это странное явленіе издавна объясняли тѣмъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ остатками покоренныхъ племенъ, сохранившихъ неизвѣстное ихъ побѣдителямъ искусство обработки металловъ. Но можно также предположить, что въ данномъ случаѣ эти племена добровольно разсѣялись, при чемъ ихъ національность и ихъ искусство, которое для всѣхъ другихъ было и оставалось чуждымъ, ставило ихъ, гдѣ бы они ни селились, внѣ даннаго народа.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое одностороннее производство племенного промысла приводитъ къ возникновенію народовъ, которыхъ путешественники обозначаютъ либо промышленными народами—въ томъ случаѣ, когда они работаютъ на всѣхъ своихъ сосѣдей, либо торговыми народами—когда они встрѣчаются на всѣхъ рынкахъ болѣе или менѣе обширнаго района и захватываютъ въ свои руки снабженіе окружающихъ племенъ извѣстными видами товаровъ. Первое происходитъ, когда потребитель обращается туда, гдѣ имѣется какая-нибудь племенная промышленность, чтобы на мѣстѣ производства вымѣнять необходимый ему продуктъ; второй случай—когда производитель остающійся у него за покрытіемъ собственныхъ потребностей товаръ доставляетъ племенамъ, не имѣющимъ его.

Хорошей иллюстраціей для первой формы развитія можетъ служить маленькое племя озака, живущее въ бассейнѣ рѣки Огове къ востоку отъ рѣки Лоло, среди многолюдныхъ сосѣднихъ племенъ. Озака раздѣляются на пять-шесть селеній, по 60—100 хижинъ въ каждомъ. Ленцъ встрѣчалъ здѣсь много чужихъ, принадлежавшихъ къ различнымъ племенамъ и пришедшихъ иногда изъ очень отдаленныхъ мѣстъ. Дѣло въ томъ, что озака славятся какъ лучшіе

---

[1]) Casati: Zehn Jahre in Aequatoria I стр. 151. Schweinfurth. Im Herzen Afrikas II, стр. 131 и сл. D-r W. Junker's Reisen in Afrika: III стр. 86 и сл. Wissmann, Wolf etc.: Im inneren Afrikas, стр. 256, 258 и сл. Burrows: The Land of the Pigmies и Johnson: The Uganda Protectorate 1902.—То же разсказываетъ W. Geiger: о веддахъ (Ceylon, Tagebuchblätter und Reiseerinnerungen. Wiesbaden 1897).

[2]) R. Andree: Ethnographische Parallelen und Vergleiche, стр. 153 и слѣд.

кузнецы, и всѣ окружающія племена покупают у нихъ большую часть охотничьяго и военнаго оружія, которое затѣмъ путемъ обмѣна переходитъ отъ одного племени къ другому и доходитъ вплоть до берега моря. «Въ качествѣ платы за оружіе племя оцебя-адума даетъ обыкновенно племени озака пальмовое вино и земляные орѣхи, племя же фанъ, представители котораго являются лучшими охотниками среди всѣхъ этихъ племенъ, вымѣниваетъ копья и мечевидные ножи на сушеное и копченое мясо. Вотъ почему въ селеніяхъ озака я всюду встрѣчалъ большое оживленіе и, очень часто, неизбѣжныя при стеченіи стольких различныхъ племенъ ссоры, принимавшія иногда большіе размѣры»[1].

Типичнымъ примѣромъ второй формы развитія является племя кіоко, обитающее въ южной части бассейна Конго. Оно живетъ въ государствѣ Лунда, разсѣяно среди племени калунда, но имѣетъ своихъ предводителей, обязанныхъ данью царьку Муата-Ямво. Кіоко охотно устраиваютъ свои села въ лѣсахъ, такъ какъ они, прежде всего, являются хорошими охотниками, эксплоатируютъ лѣса въ цѣляхъ добыванія гумми (камеди) и занимаются особаго рода дикимъ пчеловодствомъ, для добыванія воска. Но въ то же время они ловкіе кузнецы и въ качествѣ таковыхъ не только выдѣлываютъ хорошіе топоры, но умѣютъ также чинить старыя ружья и даже дѣлать новыя ложа и приклады. Они одѣваются въ шкуры животныхъ; съ искусствомъ выдѣлыванія тканей изъ растительнаго матеріала они почти не знакомы. Женщины у нихъ сѣютъ главнымъ образомъ маніокъ, маисъ, просо, земляные орѣхи и бобы. Продукты, добываемые кіоко въ лѣсахъ, они обмѣниваютъ на западномъ побережьи на товары (преимущественно на порохъ), съ которыми они направляются вглубь страны, чтобы тамъ купить на нихъ слоновую кость и рабовъ. Слоновую кость они снова перепродаютъ, а пріобрѣтенныхъ рабовъ присоединяютъ къ своему хозяйству. Въ своихъ охотничьихъ экспедиціяхъ они успѣли зайти дальше всѣхъ въ восточномъ направленіи, и тамъ, раньше чѣмъ двинуться въ обратный путь, они обыкновенно обмѣниваютъ часть своего огнестрѣльнаго оружія на рабовъ. Сами же они вооружаются временно лукомъ и стрѣлами[2].

Картина эта часто повторяется въ негритянскихъ земляхъ. Какъ видимъ, она не подходитъ ни подъ одну категорію историческихъ формъ развитія хозяйства. Кіоко представляютъ собою не охотничье племя, не скотоводовъ-кочевниковъ, не земледѣльцевъ, не торгово-промышленный народъ, а все это вмѣстѣ взятое. Они въ извѣстной мѣрѣ исполняютъ роль посредниковъ въ сношеніяхъ съ факторіями европейцевъ, устроенными на берегу океана, и сами занимаются при этомъ отчасти перепродажей товаровъ, при чемъ врожденная

---

[1]) Mittailungen der geogr. Gesellschaft in Wien. 1878, стр. 475.

[2]) См. Pogge: Im Reiche des Muata Jamwo, стр. 45—47 и Wissman: Wolf etc.: Im Innern Afrikas, стр. 59—62. — Сравн. также Schurtz: Afr. Gew., стр. 50. — Подобное находимъ и у племени капіока: Wissmann, Zweite Durchquerung Afrikas, стр. 84.

наклонность негровъ къ барышничеству даетъ себя знать; однако, главную часть своего пропитанія они добываютъ посредствомъ охоты и земледѣлія.

Обѣ формы развитія мы находимъ рядомъ на двухъ извѣстныхъ гончарнымъ производствомъ островахъ Новой Гвинеи, Билибѣ и Хасѣ. Изготовленіе горшковъ находится здѣсь въ рукахъ женщинъ; на островъ Хасъ являются жители ближнихъ и даже отдаленныхъ острововъ, чтобы обмѣнять свои изделія на посуду; а на островѣ Билибѣ мужчины нагружаютъ посудой цѣлыя лодки и развозятъ ее повсюду вдоль берега. Каждая горшечница на своихъ издѣліяхъ дѣлаетъ свой особый значекъ, который, однако, врядъ ли можно, какъ это полагаетъ одинъ европейскій путешественникъ, разсматривать какъ торговый знакъ [1]).

Чтобы исчерпать всѣ существенныя стороны хозяйства нецивилизованныхъ народовъ, намъ необходимо еще бросить бѣглый взглядъ на ихъ средства сообщенія и общественное хозяйство. То и другое тѣсно между собою связано. Ибо устройство сообщеній, въ сущности, представляетъ собою дѣло общественное; частныхъ путей сообщенія вообще не существуетъ у этихъ народовъ; при нѣкоторой смѣлости можно было бы даже утверждать, что на этой ступени развитія средства сообщенія не носятъ еще хозяйственнаго характера.

Дороги по сушѣ имѣются лишь въ томъ случаѣ, если онѣ протоptены ногою человѣка или дикаго звѣря; единственными искусственными сооруженіями для облегченія сообщенія на сушѣ являются примитивные мосты, состоящіе нерѣдко изъ одного только древеснаго ствола, а при переходѣ черезъ рѣки—пароны, за пользованіе которыми путешественникъ обязанъ уплатить старшинѣ села пошлину, что обыкновенно служитъ поводомъ для большихъ вымогательствъ [2]). Зато естественными водными путями пользуются повсюду весьма широко, и врядъ ли найдется какой-нибудь нецивилизованный народъ, живущій на берегу моря или рѣки, который не изобрѣлъ бы своеобразнаго средства передвиженія водой. Перечисленіе и описаніе ихъ могло бы занять цѣлую книгу; представлены всѣ типы—начиная отъ выдолбленнаго изъ дерева челнока и лодки изъ коры, которые мы находимъ у индѣйцевъ, вплоть до искусно построенныхъ весельныхъ и парусныхъ лодокъ, имѣющихся у островитянъ Тихаго океана. Въ общемъ, однако, искусство судостроенія и мореплаванія у этихъ народовъ все-таки мало развито; ни одно изъ ихъ сооруженій не заслуживаетъ въ сущности названія корабля—ихъ можно скорѣй разсматривать какъ орудія производства, чѣмъ какъ средства сообщенія. Они служатъ для рыболовства,

---

[1]) Сравн. Finsch: Samoafahrten, стр. 82 и слѣд., 281 и слѣд.—Semon: Im Austral. Busch, стр. 348 и слѣд. Подобные же гончарные округа указаны у Schurtz'a, l. c., стр. 54.

[2]) Сравн. Pogge, l. c., стр. 64, 70, 78, 95, 97, 115, 169.—Wissmann: Unter deutscher Flagge quer durch Afrika, стр. 343, 361, 364, 394 и Zweite Durchquerung, стр. 56.

морского разбоя, войны; значительно позже они получают нѣкоторое значеніе и для передвиженія людей; перевозка же товаровъ нигдѣ не достигла сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ.

Какъ это ни странно, тѣ средства сообщенія, которыя мы привыкли считать продуктомъ высшей культуры, у нецивилизованныхъ народовъ получили широкое развитіе; именно—средства передачи извѣстій. Мало того, это единственный способъ сообщенія, для котораго нецивилизованные народы создали прочныя учрежденія въ видѣ института гонцовъ и различныхъ приспособленій для переговоровъ на разстояніи. Однако, то и другое являются, собственно говоря, лишь средствами, необходимыми при первобытномъ состояніи государственнаго управленія и веденія войнъ.

Посылка гонцовъ и посольствъ къ сосѣднимъ племенамъ въ мирное и военное время уже на низшей ступени развитія ведетъ къ образованію цѣлой системы символическихъ знаковъ и другихъ способовъ передачи [1]. Такъ, мы находимъ даже у дикихъ племенъ центральной Австраліи различные виды окраски тѣла головныхъ украшеній или другихъ условныхъ знаковъ, имѣющихъ цѣлью сообщить сосѣднему племени о смерти, объ устройствѣ празднества, объ угрожающей опасности, или служащихъ для созыва соплеменниковъ и т. п. [2]. У туземцевъ Южной Америки для той же цѣли употребляются искусно завязанные узлами веревки или ремни (квипусъ), у сѣверо-американцевъ—знаменитый «вампумъ» [3]; въ Африкѣ примѣняются обыкновенно жезлы, съ вырѣзанными на нихъ знаками и безъ таковыхъ; подобное же мы находимъ у малайцевъ и жителей Полинезіи. Въ случаѣ необходимости гонцы должны заучивать порученіе наизусть и передавать его устно [4]. Въ негритянскихъ государствахъ, гдѣ государственная власть правителя простирается лишь настолько, насколько достигаетъ его личное или черезъ родственника вмѣшательство [5], правительственные гонцы

[1]) Въ общемъ срвн. R. Andree: Merkzeichen und Knotenschrift въ его Ethnogr. Parallelen u. Vergleiche, стр. 184 и сл.—Waitz: Anthropol. IV, стр. 89.

[2]) Подробности см. въ Journal of the Anthropological Institute XX, стр. 71 и сл.

[3]) Martius: Zur Ethnographie Americas, zumal Brasiliens, стр. 98 и слѣд., 694. Waitz: Anthropologie der Naturvölker III, стр. 188 и слѣд. Условные знаки въ Африкѣ: Bastian, D. Exp. n. d. Loango-Küste I. стр. 181.

[4]) Livingstone: Neue Missionsreisen, нѣмец. перев. Martin's I, стр. 297. Срвн. также прекрасное описаніе у Casalis, Les Bassoutos, стр. 234 и сл. „Les messagers sont généralement doués d'une mémoire prodigieuse, et l'on peut s'attendre à ce qu'ils transmettent textuellement les depêches orales, dont ils se chargent".

[5]) Это относится, впрочемъ, также и къ политическому строю полуцивилизованныхъ народовъ. G. Rohlf: Land und Volk in Afrika, стр. 168: „Абиссинецъ привыкъ слушаться только вблизи; удалившись нѣсколько дальше отъ своего господина, онъ совершенно не обращаетъ на него вниманія. То же имѣетъ мѣсто у всѣхъ полуцивилизованныхъ народовъ; въ Турціи, Марроко, Египтѣ, Борну наблюдается то же явленіе".

играютъ весьма важную роль: черезъ ихъ посредство повсюду какъ бы присутствуетъ глава государства и новыя событія доходятъ до него съ поразительной быстротой. Но и для сношенія единоплеменниковъ между собой, напримѣръ, на охотѣ или войнѣ, имѣется порой весьма искусно придуманный символическій языкъ, остающійся обыкновенно сокрытымъ для непосвященныхъ.

Не менѣе удивительны переговоры на разстояніи при помощи искуснаго употребленія барабана, наиболѣе распространеннаго у нецивилизованныхъ народовъ музыкальнаго инструмента. Иногда, какъ, напримѣръ, у индѣйцевъ [1]) и жителей Меланезіи [2]), оно представляетъ собой законченную систему сигнализаціи, въ другихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, во многихъ мѣстахъ Африки [3]), мы имѣемъ передъ собой настоящій языкъ словъ, посредствомъ котораго можно вести продолжительные переговоры на большомъ разстояніи. Обыкновенно этимъ барабаннымъ языкомъ владѣютъ только начальники и ихъ родня, а обладаніе необходимымъ для этого инструментомъ является знакомъ ихъ достоинства, подобно коронѣ и державѣ въ цивилизованныхъ странахъ. Менѣе распространена сигнализація посредствомъ огня въ цѣляхъ созыва племени или для сообщенія новостей [4]).

Государственнаго хозяйства въ современномъ смыслѣ слова у нецивилизованныхъ народовъ не существуетъ. Правда, тамъ, гдѣ власть начальниковъ болѣе или менѣе укрѣпилась, они получаютъ всякаго рода подати либо въ формѣ издавна установившагося участія въ охотничьей добычѣ, либо въ видѣ земледѣльческихъ продуктовъ, пошлинъ за пользованіе мостами, паромами, рыночными площадями, а въ болѣе обширныхъ государствахъ подчиненные имъ старѣйшины обязаны уплачивать имъ дань [5]). Но все это облекается обыкновенно въ форму дара, на который начальникъ съ своей стороны долженъ отвѣтить подаркомъ, хотя бы въ видѣ угощенія, предложеннаго подателю. Даже при уплатѣ торговцами рыночнаго сбора старѣйшинѣ на рынкѣ, этотъ послѣдній въ области Конго дол-

---

[1]) Martius, l. c., стр. 65. Объ удивительномъ приспособленіи для переговоровъ на разстояніи у индѣйцевъ Кватуквинару срав. Archiv f. Post und Telegraphie 1893, стр. 87 и слѣд.

[2]) Parkinson l. c., стр. 127, срав. стр. 72—121. Finsch, Samoafarten, стр. 68.—То же въ Африкѣ: Schweinfurth, Im Herzen Afrikas I стр. 94, II стр. 27.

[3]) Болѣе подробно описано у M. Buchner's Kamerun, стр. 37 и сл. Wissmann, Wolf etc., Im Innern Afrikas, стр. 4, 228, 232, Betz въ Mitt. aus d. deutschen Schutzgebieten XI (1898) стр. 1—86. Wissmann: Unter deutscher Flagge, стр. 215. Hübbe-Schleiden: Ethiopien, стр. 203. Stanley: Durch den dunklen Weltteil, стр. 250, 261. Livingstone, l. c. I стр. 88.—О сигнализаціи посредствомъ свистковъ въ Тиморѣ см.: Jacobson: Reise in der Inselwelt des Banda-Meeres, стр. 262.

[4]) Срав. напр. Petermanns Mitteilungen XXI (1875) стр. 381. Дальнѣйшія свѣдѣнія о системахъ сигнализаціи сообщаетъ Frobenius: Aus den Flegeljahren der Menschheit (Hannover 1901), стр. 49—62.

[5]) Подробности см. Post: Afrikanische Jurisprudenz I, стр. 261 и слѣд.

женъ отплатить имъ тѣмъ, что для удовольствія посѣтителей рынка воспроизводитъ передъ ними какой-нибудь танецъ. Особенный интересъ представляютъ тѣ подарки, которые путешественники обязаны дарить старѣйшинѣ селенія, черезъ которое они проѣзжаютъ, ибо изъ этихъ-то подарковъ возникли наши таможенныя пошлины. Не менѣе важно отмѣтить и тотъ фактъ, что въ сравнительно значительныхъ государствахъ дань покоренныхъ племенъ уплачивается ими въ тѣхъ именно продуктахъ, которые являются специфическими произведеніями этого племени, обыкновенно поставляемыми имъ на рынокъ. Въ государствѣ Лунда, напримѣръ, однѣ области платятъ дань слоновой костью или звѣриными шкурами, другія—солью или мѣдью, сѣверныя части страны—плетеніями изъ соломы, а живущіе на побережьи подчиненные предводители вносятъ иногда дань порохомъ и европейскими хлопчато-бумажными тканями [1]. Это нерѣдко приводитъ къ тому, что начальники племенъ, въ рукахъ которыхъ массами скопляются такого рода продукты, начинаютъ торговать ими или объявляютъ продажу ихъ своей монополіей. Фраза, что цари являются первыми купцами, получаетъ здѣсь глубокое значеніе.

Вообще говоря, права начальниковъ по сбору податей опредѣляются исключительно ихъ силой, и имущество подданныхъ лишено той защиты, которую ему даютъ законы въ культурныхъ государствахъ. Экспедиціи, снаряжаемыя негритянскими царьками для сбора дани и податей, очень нерѣдко превращаются въ разбойничьи набѣги; ихъ право на взиманіе штрафовъ за преступленія (виры) приводитъ къ тому, что судъ превращается въ средство вымогательства, а обычныя въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ даренія легко переходятъ въ систему взяточничества.

Все это, конечно, должно весьма пагубно отражаться на частномъ хозяйствѣ. При непрерывныхъ междуусобицахъ между отдѣльными маленькими племенами, при господствѣ произвола во внутреннемъ управленіи, которое обыкновенно слѣдуетъ за образованіемъ болѣе значительныхъ государствъ, большинство нецивилизованныхъ народовъ находятся въ вѣчномъ страхѣ за свою жизнь и имущество. Правда, долговременная привычка дѣлаетъ въ концѣ концовъ такое состояніе сноснымъ, но эти условія во всякомъ случаѣ задерживаютъ экономическое развитіе. Общинное землевладѣніе, обязанность всегда и повсюду дѣлать подарки, отношеніе къ съѣстнымъ припасамъ, какъ къ предметамъ, принадлежащимъ всѣмъ, оставляютъ слишкомъ мало простора для проявленія личнаго интереса. Одинъ англичанинъ замѣтилъ—и съ точки зрѣнія европейскаго хозяйства не безъ основанія,—что этотъ вынужденный обычаями дѣлежъ съ другимъ усиливаетъ въ людяхъ привычку предаваться обжорству,

---

[1]) Pogge: Im Reiche des Muata-Jamwo, стр. 226 и сл.—Срвн. Wissmann: Im Reiche Afrikas, стр. 171, 202, 249, 267, 286, 289, 308; Unter deutscher Flagge, стр. 95, 332, 339. То же въ государствѣ Марутве къ сѣверу отъ р. Замбези: E. Holub, Sieben Jahre in Südafrika II, стр. 173, 187, 253 и сл. 257, 268, 271.

ибо имъ принадлежитъ только то, что они благополучно проглотили; это же препятствуетъ разумной заботѣ о будущемъ, вслѣдствіе невозможности дѣлать какіе-либо запасы [1]). «Попрошайничество» и «наклонность къ воровству», которыя многіе нецивилизованные народы проявляютъ въ сношеніяхъ съ европейцами, тоже можно, пожалуй, поставить въ связь съ обычаемъ даренія и съ тѣмъ, что не проводится надлежащаго различія между «моимъ» и «твоимъ» [2]). Пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ точно также является слѣдствіемъ недостаточной обезпеченности. Но если мы станемъ оцѣнивать всѣ эти явленія съ точки зрѣнія тѣхъ культурныхъ условій, при которыхъ они возникли, то легко убѣдимся, что они лежатъ по «ту сторону добра и зла», а то, что на взглядъ современнаго англичанина является порокомъ, есть выраженіе добродѣтелей—безкорыстія, доброты и щедрости.

Многимъ, которые по отношенію къ своимъ чернокожимъ и краснокожимъ собратьямъ мнятъ себя носителями культуры, нецивилизованный человѣкъ представляется совокупностью хозяйственныхъ пороковъ: лѣнивымъ, безпорядочнымъ, безпечнымъ, расточительнымъ, ненадежнымъ, жаднымъ, вороватымъ, безсердечнымъ, прожорливымъ. Совершенно вѣрно, онъ живетъ только минутой, избѣгаетъ всякой регулярной работы, онъ не имѣетъ понятія о долгѣ, о призваніи какъ о нравственной задачѣ жизни. Но не менѣе вѣрно и то, что онъ своими жалкими орудіями въ общемъ производитъ такое количество работы, которое должно вызвать въ насъ крайнее изумленіе, разсматриваемъ ли мы на мѣстахъ тщательно воздѣланныя женщинами поля, или въ нашихъ музеяхъ исполненныя съ невѣроятными усиліями издѣлія мужчинъ—оружіе и утварь. А главное, при своемъ способѣ хозяйничанія нецивилизованный человѣкъ сохраняетъ такую жизнерадостность и такое веселье, что измученный трудомъ и подавленный заботами европеецъ можетъ ему позавидовать.

Если нѣкоторые нецивилизованные народы, послѣ знакомства съ европейской культурой, пошли въ своемъ развитіи назадъ, а иные даже совершенно вымерли, то причина этого, по мнѣнію лучшихъ знатоковъ, заключается главнымъ образомъ въ разлагающемъ вліяніи, какое оказывали на нихъ нашъ экономическій укладъ и техника. Въ ихъ дѣтское существованіе мы внесли нервное безпокойство нашей промышленной жизни, вѣчную погоню за наживой, разрушающія здоровье наслажденія, религіозныя распри. Наши совершенныя орудія освободили ихъ сразу отъ огромнаго количества труда: то, что они прежде осиливали своими каменными топорами въ мѣсяцы, теперь съ помощью желѣзнаго топора они могли сдѣлать въ нѣсколько часовъ, а пара ружей по своему дѣйствію вполнѣ замѣняли сотни луковъ и стрѣлъ. Вмѣстѣ съ этимъ отпало благо-

---

[1]) Tindall у Fritsch'a: Die Eingeborenen Südafrikas, стр. 351; срав. также стр. 362.—Waitz: Anthropologie II, стр. 402; III, стр. 80.

[2]) Срав. Waitz: Anthropologie III, стр. 163 и слѣд.

творное напряженіе, въ которомъ старый способъ труда постоянно держалъ тѣло и душу нецивилизованнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что его потребности оставались по-прежнему на той же низкой ступени. Вотъ почему онъ погибъ, какъ погибаетъ растеніе, растущее въ тѣни, если его ставятъ подъ лучи полуденнаго солнца.

Но не всѣ нецивилизованные народы постигаетъ столь печальная участь. Цѣлыя расы, какъ, напримѣръ, негритянская, оказались способными противостоять этимъ вліяніямъ. И если культурныя націи, которыя ихъ себѣ подчинили, дѣйствительно хотятъ проявить себя истинными друзьями, то онѣ должны подвергнуть тщательному и серьезному научному изслѣдованію сложившіяся у этихъ народовъ въ теченіе тысячелѣтій формы хозяйства, способы труда, характеръ потребленія, и результаты его положить въ основу своихъ колонизаторскихъ мѣропріятій. Удивительно, что они до сихъ поръ не сдѣлали этого, хотя бы въ правильно понятыхъ собственныхъ интересахъ.

Въ дѣйствительности, путешественники, разсказами которыхъ мы главнымъ образомъ вынуждены пользоваться, именно хозяйству нецивилизованныхъ народовъ не удѣляли почти никакого вниманія. Они ставили себѣ другія цѣли. За изслѣдованіями религіи, идолопоклонства, брачныхъ обрядовъ, украшеній, искусствъ, техники, они часто упускали изъ виду близлежащее,—въ длинныхъ указателяхъ къ этнографическимъ сборникамъ слово «хозяйство» совсѣмъ отсутствуетъ, какъ и слово «домохозяйство» въ указателяхъ къ безчисленнымъ изслѣдованіямъ семейнаго строя. Но изслѣдованія въ родѣ предлагаемаго здѣсь читателю отъ этого, быть можетъ, отчасти даже выиграли. Вслѣдствіе того, что использованныя нами наблюденія сдѣланы были мимоходомъ и не учеными экономистами, они обладаютъ большею степенью правдоподобности, ибо тѣмъ самымъ они избѣгли участи быть подведенными подъ какую-нибудь изъ заранѣе установленныхъ схемъ развитія, взятыхъ изъ нашихъ культурныхъ условій и совершенно неприложимыхъ къ совершенно иначе сложившейся жизни малокультурныхъ народовъ.

III.

Возникновеніе народнаго хозяйства.

Всякій знаетъ, что способы, какими современный человѣкъ удовлетворяетъ свои многочисленныя потребности, непрерывно видоизмѣняются. Многія изъ приспособленій и учрежденій, необходимыхъ намъ для этой цѣли, не были извѣстны нашимъ прадѣдамъ, а внуки наши, вѣроятно, найдутъ неудовлетворительнымъ многое изъ того, что еще недавно вызывало наше удивленіе.

Совокупность учрежденій, институтовъ и дѣйствій, направленныхъ на удовлетвореніе потребностей цѣлаго народа, и составляетъ народное хозяйство. Народное хозяйство распадается, въ свою очередь, на многочисленныя отдѣльныя хозяйства, находящіяся другъ съ другомъ въ опредѣленныхъ сношеніяхъ и многообразной зависимости, вслѣдствіе того, что каждое изъ нихъ беретъ на себя извѣстнаго рода обязанности по отношенію ко всѣмъ другимъ и возлагаетъ на другихъ обязанности по отношенію къ себѣ.

Въ этой формѣ зависимости всѣхъ отъ каждаго народное хозяйство является продуктомъ всего, лежащаго позади насъ, культурнаго развитія. Оно подвержено видоизмѣненію такъ же, какъ и отдѣльное хозяйство, частное или общественное, служащее для большого или меньшаго числа людей. И всѣ явленія, относящіяся къ области народнаго хозяйства, представляютъ продукты культурнаго развитія. Тотъ, кто въ научныхъ цѣляхъ желаетъ опредѣлить эти явленія и объяснить ихъ закономѣрность, долженъ твердо помнить, что существенные признаки этихъ явленій и законъ ихъ развитія не имѣютъ абсолютнаго характера, т. е. не имѣютъ значенія для всѣхъ временъ и всѣхъ ступеней культуры.

Поэтому-то задача, которая ставится наукѣ по отношенію къ народному хозяйству, будетъ заключаться прежде всего въ томъ, чтобы познать и объяснить то, что е с т ь. Но она не можетъ удовлетвориться однимъ лишь динамическимъ изложеніемъ хозяйственныхъ явленій, она должна также стараться раскрыть ихъ генетическую связь. Для совершеннаго пониманія какого-нибудь культурно-историческаго факта необходимо знакомство съ исторіей его развитія: поэтому и намъ нельзя будетъ обойтись безъ разсмотрѣнія того, черезъ какія ступени развитія прошло хозяйство культурныхъ народовъ, прежде чѣмъ оно получило форму современнаго народнаго хозяйства, и какія измѣненія претерпѣло при этомъ каждое

частное хозяйственное явленіе. Матеріалъ для второй этой части нашей задачи дастъ намъ экономическая исторія европейскихъ культурныхъ народовъ. Ибо только эти послѣдніе представляютъ достаточно выясненную историческимъ изслѣдованіемъ картину постепеннаго развитія, теченіе котораго не было выбито изъ колеи могучими внѣшними вліяніями, хотя это, конечно, вовсе еще не значитъ, что оно постоянно шло впередъ, не прерывалось и не дѣлало шаговъ назадъ.

Первый вопросъ, на который долженъ отвѣтить экономистъ, желающій уяснить себѣ хозяйство народа въ весьма отдаленную эпоху, заключается въ слѣдующемъ: есть ли это хозяйство народное хозяйство? однородны ли его „явленія съ явленіями нашего современнаго мѣнового хозяйства, или же они существенно различны? Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ лишь въ томъ случаѣ, если къ экономическимъ явленіямъ прошлаго будутъ приложены тѣ же методы изслѣдованія—расчлененія понятій и психологически-изолирующей дедукціи—которые такъ блестяще оправдали себя въ приложеніи къ современному хозяйству въ рукахъ представителей старой «абстрактной» экономической науки.

Мы не можемъ не упрекнуть новую «историческую» школу въ томъ, что она, вмѣсто того, чтобы такого рода изслѣдованіями проникнуть въ сущность прошлыхъ эпохъ хозяйственной жизни, не задумавшись, переносила на это прошлое обычныя абстрактныя категоріи, взятыя изъ явленій современнаго народнаго хозяйства, либо дѣлала понятія, относящіяся къ мѣновому хозяйству, столь растяжимыми, что они, худо ли, хорошо ли, въ концѣ концовъ казались примѣнимыми къ всѣмъ хозяйственнымъ эпохамъ. Этимъ она, несомнѣнно, не разъ закрывала себѣ путь къ научному пониманію этихъ историческихъ явленій. Вслѣдствіе этого, обильный, извлеченный на свѣтъ Божій матеріалъ по исторіи хозяйства въ большей своей части представляетъ и до сихъ поръ мертвый кладъ, который еще ждетъ своего научнаго использованія.

Едва-ли не наиболѣе ярко это выступаетъ наружу въ томъ, какъ характеризуются отличія современнаго хозяйства у культурныхъ народовъ отъ хозяйства прошедшихъ эпохъ или хозяйства нецивилизованныхъ народовъ. Это дѣлается установленіемъ такъ называемыхъ ступеней развитія, въ обозначеніи которыхъ выражены основныя черты хозяйственной эволюціи.

Установленіе такихъ „хозяйственныхъ ступеней“ является неизбѣжнымъ методологическимъ подспорьемъ. Оно представляетъ даже единственный путь, какимъ экономическая теорія можетъ использовать результаты историческихъ изслѣдованій о хозяйствѣ. Однако, эти ступени развитія не слѣдуетъ смѣшивать съ хронологическими эпохами, на которыя историкъ раздѣляетъ свой матеріалъ. Историкъ, разсказывая о какомъ-нибудь «вѣкѣ», ничего не можетъ выпустить изъ него, что было въ немъ замѣчательнаго, тогда какъ ступени теоретика отмѣчаютъ только характерныя явленія, спокойно оставляя все случайное безъ вниманія. При мед-

леніемъ, продолжающемся нерѣдко цѣлыя столѣтія, видоизмѣненіи всѣхъ хозяйственныхъ явленій и институтовъ необходимо должно произойти то, что развитіе въ одной области далеко уходитъ впередъ, тогда какъ въ другихъ оно мало подвигается, и такого рода ненормальныя явленія могутъ представиться историку особенно значительными. Для теоретика же самое важное заключается въ томъ, чтобы уловить общій характеръ эволюціи въ ея главнѣйшихъ фазахъ, оставляя безъ вниманія переходныя эпохи, въ которыя всѣ явленія какъ бы находятся въ движеніи. Только такимъ путемъ можно установить общія черты, скажемъ смѣло,— законы развитія.

Всѣ прежнія попытки такого рода страдали тѣмъ недостаткомъ, что онѣ не углублялись въ сущность вещей, а оставались на поверхности.

Наиболѣе извѣстно раздѣленіе ступеней, установленное Фридрихомъ Листомъ, имѣющее исходной точкой преобладающую отрасль производства. Оно различаетъ пять періодовъ, которые одинъ за другимъ проходятъ народы умѣреннаго пояса до достиженія ими нормальнаго экономическаго состоянія: 1) періодъ охотничьей жизни, 2) періодъ пастушеской жизни, 3) періодъ земледѣлія, 4) земледѣльческо-промышленный періодъ и 5) земледѣльческо-промышленно-торговый періодъ. Въ другой періодизаціи, предложенной Бруно Гильдебрандомъ, отличительнымъ признакомъ является характеръ мѣновыхъ сношеній и сообразно съ этимъ предполагаются три ступени развитія: натуральное хозяйство, денежное хозяйство и кредитное хозяйство.

И та и другая періодизація исходитъ, однако, изъ того положенія, что во всѣ времена,—поскольку исторія проникаетъ вглубь вѣковъ,—за исключеніемъ развѣ «первобытнаго состоянія», существовало народное хозяйство, основанное на обмѣнѣ, и что отдѣльныя эпохи отличались другъ отъ друга только формами производства и обмѣна. Они не сомнѣваются также и въ томъ, что основныя явленія хозяйственной жизни во всѣ времена были въ основахъ своихъ однородны. Имъ важно только показать, что различныя экономическія мѣропріятія и учрежденія прошедшихъ временъ имѣютъ свое оправданіе въ преходящемъ характерѣ формъ производства и обмѣна, что и въ настоящее время различныя условія вызываютъ различныя мѣропріятія.

Даже новѣйшія системы политической экономіи, созданныя исторической школой, успокаиваются на такомъ пониманіи развитія хозяйственной жизни, хотя оно въ сущности немногимъ выше того чисто раціоналистическаго построенія исторіи, какое принято абстрактнымъ направленіемъ англійскихъ экономистовъ. Я позволю себѣ выяснить это въ немногихъ словахъ.

То состояніе хозяйственной жизни, которое является исходной точкой въ экономической системѣ Адама Смита и Рикардо, есть именно мѣновое хозяйство, основанное на раздѣленіи труда, или, лучше сказать, народное хозяйство, въ истинномъ смыслѣ

этого слова. Это именно то состояніе, при которомъ каждый производитъ не тѣ предметы, которые нужны ему, а тѣ, которые (по его мнѣнію) нужны другимъ, для того, чтобы путемъ обмѣна получить всѣ тѣ разнообразные предметы и услуги, въ которыхъ онъ нуждается; короче говоря: это есть то состояніе, при которомъ требуется взаимодѣйствіе многихъ или всѣхъ для удовлетворенія потребностей каждаго отдѣльнаго индивида. Поэтому англійская политическая экономія есть въ сущности теорія обмѣна. Она изучаетъ, главнымъ образомъ, явленія и законы раздѣленія труда, капитала, цѣны, заработной платы, земельной ренты, прибыли съ капитала. Все ученіе о производствѣ, въ особенности же о потребленіи, находится у нея въ загонѣ. Все вниманіе сосредоточено на обмѣнѣ предметовъ, въ который включается и ихъ распредѣленіе.

Имъ и въ голову не приходитъ, что когда-либо существовалъ такой общественный строй, гдѣ не было обмѣна; тамъ, гдѣ такого рода предположеніе имъ необходимо, какъ вспомогательное методологическое средство, они пользуются освѣянной новѣйшими учеными фикціей робинзонады. Обычно же они даже весьма сложныя мѣновыя отношенія выводятъ прямо изъ первобытнаго состоянія [1]). Адамъ Смитъ утверждаетъ, что въ природѣ человѣка заложена склонность къ обмѣну, и даже раздѣленіе труда онъ разсматриваетъ какъ результатъ этой склонности. Рикардо первобытнаго охотника и рыболова разсматриваетъ какъ двухъ капиталистическихъ предпринимателей. У него они уплачиваютъ заработную плату и получаютъ прибыль на капиталъ; онъ говоритъ о повышеніи и пониженіи ихъ издержекъ производства и цѣнъ производимыхъ ими товаровъ. Чтобы упомянуть и о выдающемся нѣмецкомъ экономистѣ этого направленія, укажемъ на Тюнена, который въ своемъ построеніи изолированнаго государства всецѣло исходитъ изъ предпосылокъ мѣнового хозяйства. Даже въ отдаленнѣйшемъ поясѣ, еще не достигшемъ ступени земледѣлія, хозяйство сообразуется исключительно со сбытомъ продуктовъ въ центральномъ городѣ.

Историческая и этнографическая наука давно могла бы убѣдиться, какъ далеки подобнаго рода фикціи отъ дѣйствительныхъ условій хозяйства первобытныхъ народовъ, если бы она сама не находилась подъ властью этихъ представленій современнаго мѣнового хозяйства и не переносила ихъ на прошлое. Основательное изученіе, справедливо оцѣнивающее жизненныя условія прошлаго и не измѣряющее его явленій мѣркой настоящаго, должно придти къ тому выводу, что народное хозяйство есть продуктъ тысячелѣтняго историческаго развитія, что оно не старше современнаго государства, и что до его возникновенія человѣческое хозяйство въ теченіе продолжительныхъ періодовъ либо вовсе не знало

[1]) Впрочемъ, еще до нихъ точно такъ же поступали и физіократы. Сравн. Turgot, Réflexions § 2 и слѣд.

обмѣна, либо формы обмѣна предметовъ и услугъ имѣли такой характеръ, который не соотвѣтствуетъ понятію народнаго хозяйства.

Объединяющей точкой зрѣнія, которая дала бы намъ возможность уразумѣть все это развитіе какъ единое цѣлое, только и можетъ быть такая точка зрѣнія, которая способна ввести насъ въ самое существо явленій народнаго хозяйства и въ то же время раскрыть намъ характерныя особенности прошлыхъ эпохъ хозяйственной жизни. Такимъ исходнымъ положеніемъ является не что иное, какъ отношеніе между производствомъ предметовъ и ихъ потребленіемъ, опредѣляемое длиной того пути, который долженъ пройти предметъ отъ производителя къ потребителю. Съ этой точки зрѣнія все экономическое развитіе,—по крайней мѣрѣ, народовъ средней и западной Европы, поскольку оно доступно историческому изслѣдованію,—можетъ быть раздѣлено на три ступени:

1. Ступень замкнутаго домашняго хозяйства (производство для собственнаго потребленія въ его чистой формѣ, хозяйство безъ обмѣна): предметы потребляются въ томъ же хозяйствѣ, въ какомъ они произведены.

2. Ступень городского хозяйства (производство на потребителя или ступень непосредственнаго обмѣна): предметы изъ производящаго хозяйства непосредственно поступаютъ въ потребляющее хозяйство.

3. Ступень народнаго хозяйства (производство товаровъ, ступень товарнаго обмѣна): предметы проходятъ черезъ цѣлый рядъ хозяйствъ, прежде чѣмъ они доходятъ до потребителя.

Мы попытаемся ближе охарактеризовать эти три хозяйственныя ступени, при чемъ постараемся уловить типическія черты каждой изъ нихъ, не увлекаясь случайными проявленіями переходныхъ формъ или единичныхъ явленій, хотя и установленныхъ исторически въ какомъ-нибудь періодѣ, но представляющихъ для данной эпохи либо пережитки прошлаго, либо предвѣстники будущаго. Только такимъ путемъ намъ удается выяснить коренныя различія этихъ трехъ ступеней развитія и характерныя черты, присущія каждой изъ нихъ.

1. *Домашнее хозяйство.*

Періодъ замкнутаго домашняго хозяйства характеризуется, какъ мы уже указали, тѣмъ, что весь круговоротъ хозяйственной жизни отъ производства къ потребленію совершается здѣсь въ замкнутомъ кругу дома (семьи, рода). Характеръ и размѣры производства въ каждомъ домѣ опредѣляются тѣмъ, что необходимо для потребленія его членовъ. Каждый продуктъ продѣлываетъ весь путь отъ момента полученія сырого матеріала до достиженія имъ окончательной, годной для потребленія формы въ одномъ и томъ же хозяйствѣ и непосредственно переходитъ въ потребленіе, при которомъ

онъ снова уничтожается. Производство и потребленіе сливаются воедино; они составляютъ одинъ непрерывный, нераздѣльный процессъ. Добывающее и расходующее хозяйство не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. Доходъ каждой сообща хозяйничающей группы людей совпадаетъ съ продуктомъ ея труда, а послѣдній въ свою очередь совпадаетъ съ удовлетвореніемъ потребностей, т. е. съ потребленіемъ.

Обмѣнъ первоначально совершенно неизвѣстенъ (см. выше стр. 52 и слѣд.). Первобытный человѣкъ не только не имѣетъ врожденной склонности къ обмѣну, но, напротивъ, питаетъ отвращеніе къ нему. Обмѣнивать и обманывать (въ нѣмецкомъ языкѣ общій корень: tauschen и täuschen) въ раннія времена означаетъ одно и то же. Нѣтъ и общепринятаго мѣрила обмѣна, вслѣдствіе чего всегда приходится опасаться обмана при заключеніи мѣновой сдѣлки. При томъ продуктъ труда представляетъ какъ бы частицу того человѣка, который его произвелъ. И кто отдаетъ его другому, отчуждаетъ частицу своего «я» и даетъ злымъ духамъ власть надъ собой. И въ древнемъ мірѣ и въ теченіе всего средневѣковаго періода обмѣнъ носитъ публичный характеръ, совершается при свидѣтеляхъ съ употребленіемъ символическихъ формулъ.

Такое автономное хозяйство прежде всего находится въ зависимости отъ почвы, которой оно располагаетъ. Будетъ ли хозяинъ охотникомъ или рыболовомъ, присвaивающимъ себѣ дары природы, будетъ ли онъ кочевникомъ, странствующимъ со своими стадами и попутно обрабатывающимъ землю, будетъ ли онъ исключительно земледѣльцемъ—во всѣхъ случаяхъ его трудъ и заботы опредѣляются тѣмъ участкомъ земли, которымъ онъ владѣетъ. И чѣмъ далѣе онъ подвигается въ умственномъ развитіи и техникѣ, тѣмъ правильнѣе и полнѣе удовлетворяются его потребности, тѣмъ эта зависимость становится больше, такъ что въ концѣ концовъ земля подчиняетъ себѣ человѣка, призваннаго господствовать надъ ней. Это явленіе получило названіе овеществленія человѣка. Здѣсь мы ограничимся указаніемъ на то, что въ этотъ періодъ хозяйственной жизни лишь тотъ можетъ вести собственное хозяйство, кто имѣетъ въ своемъ распоряженіи участокъ земли. Кто не находится въ такомъ положеніи, можетъ существовать лишь въ качествѣ батрака землевладѣльца, прикрѣпленнаго къ землѣ.

Въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ членамъ его приходится не только извлекать изъ земли дары ея, но и своимъ же трудомъ изготовлять всѣ необходимыя для этого орудія и инструменты; наконецъ, они же обрабатываютъ и отдѣлываютъ сырой матеріалъ и приспособляютъ его для потребленія. Все это обусловливаетъ такое многообразіе дѣятельности и, при несложности орудій производства, требуетъ такой разносторонности способностей и умѣнья, о которой современный культурный человѣкъ врядъ-ли можетъ составить себѣ правильное представленіе [1]). Для отдѣльныхъ членовъ

[1]) Чтобы представить себѣ это состояніе, мы должны обратиться къ древнимъ описаніямъ крестьянской жизни въ отдаленныхъ частяхъ

автономнаго хозяйства это многообразіе можетъ быть ограничено лишь въ томъ случаѣ, если они между собой раздѣлятъ трудъ сообразно возрасту, полу, индивидуальной силѣ и способности каждаго. Это обстоятельство на-ряду съ другими привело къ тому рѣзкому раздѣленію труда между полами, какое мы повсюду находимъ у первобытныхъ народовъ. Съ другой стороны, однако, при малой производительности старыхъ формъ труда во многихъ случаяхъ для достиженія какой-нибудь хозяйственной цѣли необходима совмѣстная и одновременная дѣятельность многихъ. Вслѣдствіе этого, соединеніе труда играетъ на этой ступени болѣе важную роль, чѣмъ раздѣленіе его.

Но и то и другое нашло бы весьма мало простора въ семьѣ, если бы послѣдняя была организована на подобіе нашей современной семьи, т. е. состояла бы изъ супруговъ, дѣтей и, пожалуй, еще прислуги; къ тому же она обладала бы весьма малою устойчивостью и способностью къ развитію, если бы личность въ семьѣ была бы такъ же самостоятельна, какъ и въ настоящее время.

Поэтому имѣетъ особенное значеніе то обстоятельство, что у всѣхъ современныхъ культурныхъ народовъ Европы, при ихъ появленіи на горизонтѣ исторіи, существовалъ родовой строй [1]. Родовыя семьи (роды, gentes, кланы, семейныя общины) представляютъ болѣе или менѣе значительныя группы, состоящія изъ нѣсколькихъ поколѣній связанныхъ кровными узами людей; онѣ организованы сначала на основаніяхъ матріархата, а затѣмъ патріархата, владѣютъ сообща землей, ведутъ общее хозяйство и образуютъ правовой союзъ для взаимной защиты. У тѣхъ народовъ, у которыхъ существуетъ моногамія — ихъ мы только и имѣемъ въ виду — родъ образуется изъ нѣсколькихъ небольшихъ родственныхъ группъ, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ супружеской четы и дѣтей. Человѣкъ внѣ рода лишенъ защиты, его существованіе не имѣетъ ни юридической, ни экономической почвы, ему никто не оказываетъ

Европы. Сравн., напримѣръ, H. F. Tiebe: Lief und Esthlands Ehrenrettung (Halle 1804), стр. 100. Сравн. также M. A. Pogio: Korea (Wien—Leipzig 1895), стр. 222. „Во всей Кореѣ съ незапамятныхъ временъ все необходимое производится въ домашнемъ хозяйствѣ. Жена и дочь прядутъ не только ленъ, но и шелкъ, — для этой цѣли во многихъ хозяйствахъ разводится шелковичный червь. Глава семьи вынужденъ исполнять всякаго рода работы и, смотря по надобности, быть маляромъ, каменотесомъ, столяромъ. Производство спиртныхъ напитковъ, растительныхъ маслъ, красильныхъ веществъ, выдѣлка соломенныхъ циновокъ, шляпъ, корзинъ, деревянной обуви, земледѣльческихъ орудій — все это входитъ въ домашнюю работу. Словомъ, всякій работаетъ только на себя, только для удовлетворенія своихъ потребностей. Благодаря этому, кореецъ представляетъ собой универсальнаго ремесленника, который работаетъ только для производства необходимыхъ предметовъ“.

[1] Объ этомъ срвн. Fustel de Coulanges: La cité antique. Paris 1864. (Фюстель де Куланжъ: Древняя община. Русск. перев. Спиридоновой. 1895). E. de Laveleye: Das Ureigentum, Leipzig 1879 (Эмиль-де-Лавеле: Первобытная собственность. Русск. перев., подъ ред. Кутейникова) и E. Grosse: Die Formen der Familie und Formen der Wirtschaft (Русск. пер. изд. „Книжнаго дѣла“), особ. гл. VIII.

помощи въ нуждѣ, за убійство его не найдется мстителя, никто не идетъ за его гробомъ къ мѣсту послѣдняго успокоенія [1]).

Всѣ насъ здѣсь интересующіе народы при переходѣ къ осѣдлому образу жизни уже были знакомы съ обработкой земли посредствомъ плуга. Они селились обыкновенно такимъ образомъ, что члены рода устраивали совмѣстно большіе общинные дома, хутора, деревни. Когда владѣніе землей обезпечено, общинный духъ падаетъ, отъ большого союза откалываются болѣе мелкія патріархальныя семейныя общины съ меньшимъ числомъ членовъ, какими еще нынѣ являются задруга южныхъ славянъ, большая семья у великороссовъ, кавказцевъ и индусовъ. Но еще въ теченіе многихъ вѣковъ семейныя общины одной деревни владѣли землей сообща, а нѣкоторое время и сообща обрабатывали ее; лишь плоды ея они потребляли порознь.

Въ такихъ большихъ семейныхъ союзахъ соединеніе и раздѣленіе труда могутъ быть проведены въ довольно большихъ размѣрахъ. Мужья и жены, матери и дѣти, отцы и дѣды—каждая изъ этихъ группъ получаетъ особое мѣсто въ производствѣ и домоводствѣ; индивидуальныя способности находятъ себѣ примѣненіе въ дѣятельности для рода, но ею же онѣ и ограничиваются. Братскія чувства, покорность дѣтей, уваженіе къ старикамъ, подчиненіе и послушаніе—всѣ эти чувства при такомъ семейномъ строѣ достигаютъ высшаго развитія. Подобно тому какъ родъ за каждаго своего члена платитъ долги или виру и мститъ за нанесенную ему обиду, каждый отдѣльный членъ, въ свою очередь, посвящаетъ роду всю свою жизнь, отказываясь отъ проявленія даже малѣйшей самостоятельности.

Однако и тогда, когда начинаетъ ослабѣвать сила этихъ чувствъ, еще не сразу возникаетъ современная семья съ ея вполнѣ обособленнымъ хозяйствомъ. Ибо ея возникновеніе, несомнѣнно, привело бы къ ослабленію хозяйства, къ исчезновенію автономнаго домашняго хозяйства и, быть можетъ, даже къ возврату въ состояніе варварства. Для избѣжанія этого было два средства.

Одно средство заключалось въ томъ, что для выполненія такихъ хозяйственныхъ задачъ, которыя отдѣльная уменьшившаяся семья не могла выполнить, существовали прежніе крупные родовые союзы въ видѣ мѣстныхъ организацій. Эти организаціи на основаніи общин-

[1]) Въ Африкѣ мы и нынѣ еще находимъ подобныя условія. Характерную черту правовыхъ понятій у негровъ составляетъ то, что субъектомъ права является не личность, а община, семья, родня. Внутри каждой общины права и обязанности могутъ переходить безгранично. Должникъ, преступникъ можетъ быть наказанъ въ лицѣ своихъ сочленовъ по общинѣ, и отвѣтственность общины за преступленіе какого-нибудь принадлежащаго къ ней по рожденію члена не уничтожается даже въ случаѣ его переселенія или отдѣленія. Даже смертной казни можетъ быть подвергнутъ не виновный, а кто-либо иной. M. Buchner: Kamerun, стр. 183. Срав. Thonnar: Essai sur le système économique des primitifs, стр 17. Нѣчто подобное мы встрѣчаемъ и на островахъ Тихаго океана: см. Parkinson: Im Bismarck-Archipel, стр. 80 и сл.

ной собственности и общиннаго пользованія имуществомъ представляли собою частичныя общинныя хозяйства, которыя при случаѣ брали на себя такія задачи, выполненіе которыхъ каждымъ отдѣльнымъ домомъ привело бы къ нехозяйственной тратѣ силъ (например, охрана полей, пастьба скота). Но были и такія хозяйственныя задачи, въ которыхъ не всѣ отдѣльныя хозяйства мѣстной группы были одинаково заинтересованы, но которыя тѣмъ не менѣе не могли быть выполнены каждымъ въ отдѣльности. При постройкѣ дома или корабля, при выкорчевываніи участка лѣса, отведеніи ручья, когда предпринималась на большомъ разстояніи охота или рыбная ловля, или же время года требовало особенно большого количества рабочихъ рукъ въ томъ или другомъ хозяйствѣ—во всѣхъ этихъ случаяхъ выручали «помочи» [1], т. е. по приглашенію главы семьи, сосѣди составляли добровольные временные рабочіе союзы, которые по исполненіи задачи опять распадались. Многое изъ этого впослѣдствіи видоизмѣнилось, но кое-что сохранилось. Вспомнимъ хотя бы только рабочіе союзы у славянъ: русскую артель, болгарскую чету или дружину, сербскую мобу, далѣе взаимопомощь нашихъ крестьянъ при постройкѣ домовъ, стрижкѣ овецъ, трепаніи льна и т. п.

Но какъ бы широко ни распространялись эти учрежденія, количество потребностей, удовлетворяемыхъ такимъ путемъ, представляется сравнительно не великимъ и столь же мало нарушаетъ экономическую автономію отдѣльнаго хозяйства, какъ существующее еще теперь домашнее производство нашихъ сельскихъ хозяевъ — господство мѣнового хозяйства. При томъ эти временные рабочіе союзы не представляютъ собой предпріятій, а суть лишь организаціи для удовлетворенія непосредственной потребности. Сегодня помощь оказывается одному участнику союза, завтра—другому, или же продуктъ совмѣстнаго труда распредѣляется между всѣми и потребляется каждымъ хозяйствомъ въ отдѣльности. Спеціально оплачиваемаго обмѣна услугъ и предметовъ нигдѣ не существуетъ. Его нѣтъ даже тамъ, гдѣ, какъ напр. въ индійскихъ сельскихъ общинахъ, имѣется извѣстное количество рабочихъ-ремесленниковъ, находящихся, на подобіе нашихъ деревенскихъ пастуховъ, въ услуженіи у всей общины. Они работаютъ на всѣхъ и содержатся зато на общій счетъ.

Другое средство избѣжать вредныхъ послѣдствій прекращенія родового союза заключалось въ томъ, что искусственно расширялся кругъ семьи, и это искусственное расширеніе поддерживалось. Совершалось оно путемъ принятія и присоединенія чужихъ (неродственныхъ по крови) элементовъ. Такимъ образомъ возникли институты рабства и крѣпостничества.

Мы не будемъ заниматься рѣшеніемъ вопроса о томъ, является ли фактъ порабощенія и закрѣпощенія беззащитнаго соплеменника или покореннаго врага слѣдствіемъ или скорѣе причиной распаденія

---

[1] Сравн. K. Bücher: Arbeit und Rhythmus, стр. 237 и сл. (русск. перев. подъ ред. Корсачевскаго, стр. 94 и слѣд.).

стараго родового союза. Одно только несомнѣнно, что въ рабствѣ найдено было средство уберечь замкнутое домашнее хозяйство съ его обычнымъ раздѣленіемъ труда отъ разрушенія и одновременно съ этимъ подвигаться впередъ по пути расширенія потребностей и облагороженія ихъ. Ибо теперь тѣмъ легче было приспособить работу дома къ его потребностямъ, чѣмъ больше было количество принадлежащихъ къ нему рабовъ или крѣпостныхъ. Оказалось возможнымъ обрабатывать большія площади земли цѣлыми отрядами рабочихъ; опредѣленныя техническія работы,—какъ, напримѣръ, молотьба хлѣба, печенье его, пряденье, тканье, изготовленіе орудій, уходъ за скотомъ,—можно было поручить отдѣльнымъ рабамъ въ качествѣ ихъ пожизненнаго занятія, для котораго они могли получать спеціальную подготовку. И чѣмъ знатнѣе былъ домъ, чѣмъ богаче его хозяинъ, чѣмъ обширнѣе его хозяйство,—тѣмъ разнообразнѣе и шире могла въ немъ развиться техника добыванія и обработки матеріала.

Таково было хозяйство грековъ, карѳагенянъ, римлянъ. Родбертусъ, который указалъ на это уже четверть вѣка тому назадъ, называетъ это хозяйство ойкосным, ибо οἶκος—домъ обозначаетъ самодовлѣющую хозяйственную организацію. «Домъ» представляетъ собою не только жилище, но и сообща хозяйничающую группу людей; принадлежащіе къ ней являются «домашними» (οἰκέται)—выраженіе, которое—и это весьма характерно—въ исторіи обозначало только домашнихъ рабовъ, на которыхъ въ то время лежала вся домашняя работа. Подобный же смыслъ имѣетъ и римская familia, т. е. совокупность famuli, домашнихъ рабовъ, челяди. Pater familias—есть господинъ этихъ рабовъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается весь продуктъ, добываемый въ хозяйствѣ; patria potestas соединяетъ въ себѣ вмѣстѣ съ понятіями супружеской и отцовской власти и понятіе его права въ качествѣ рабовладѣльца. Никто въ домѣ не добываетъ для себя, всѣ работаютъ на pater familias; онъ же располагаетъ жизнью и смертью всѣхъ въ равной мѣрѣ. Въ правѣ римскаго главы семьи, какъ господина, простирающемся въ равной мѣрѣ какъ на кровныхъ, такъ и на некровныхъ членовъ дома, замкнутое домашнее хозяйство нашло гораздо болѣе твердую опору и вслѣдствіе этого могло обнаружить значительно бо́льшую трудоспособность, чѣмъ это было возможно въ матріархальной или даже въ прежней патріархальной семьѣ, состоявшей исключительно изъ кровныхъ родственниковъ. Всякое индивидуальное существованіе исчезаетъ; государство, право, знаетъ только семейныя общины; оно регулируетъ отношенія между отдѣльными домами, а не между отдѣльными людьми. То, что происходитъ внутри дома, ихъ не касается.

Хозяйственной автономіей, покоющейся на рабствѣ дома, объясняется вся соціальная и значительная часть политической исторіи древняго Рима. Нѣтъ производительныхъ классовъ съ самостоятельными профессіями, нѣтъ сельскихъ хозяевъ, нѣтъ ремесленниковъ. Существуютъ только крупные и мелкіе владѣльцы, богатые и бѣд-

ние. Въ томъ случаѣ, когда богатый вытѣсняетъ бѣднаго изъ его земельнаго участка, послѣдній превращается въ пролетарія. Безземельный, хотя бы и свободный гражданинъ почти совершенно лишенъ возможности пропитанія, ибо предпринимательскаго капитала, покупающаго трудъ за плату, нѣтъ; нѣтъ и промышленности внѣ замкнутаго домашняго хозяйства. Упоминаемые въ памятникахъ artifices представляютъ собою не свободныхъ ремесленниковъ, а лишь специализировавшихся въ какомъ-нибудь ремеслѣ рабовъ, превращающихъ полученное ими отъ рабовъ-земледѣльцевъ и пастуховъ сырье—зерно, шерсть, дерево—въ хлѣбъ, одежду, утварь. «Ты не думай, что онъ что-нибудь покупаетъ», говорится у Петронія объ одномъ богатомъ parvenu, «все производится у него въ домѣ» [1]). Отсюда-то тѣ огромныя латифундіи, тѣ несмѣтныя полчища рабовъ, которыя сосредоточиваются въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, давая имъ возможность проводить столь разностороннее раздѣленіе труда, что продукты ихъ производства могли удовлетворять самому избалованному вкусу.

Голландецъ Т. Попма, написавшій въ XVII вѣкѣ обстоятельную книжку [2]) о занятіяхъ римскихъ рабовъ, насчитываетъ 146 различныхъ функцій этихъ несвободныхъ рабочихъ богатыхъ римскихъ домовъ. Въ настоящее время на основаніи надписей можно было бы еще увеличить это число. Необходимо углубиться въ детали этой утонченной организаціи труда, чтобы понять размѣры и производительную способность такого гигантскаго домохозяйства, предоставлявшаго въ безусловное распоряженіе владѣльца предметы и услуги, какіе въ настоящее время могутъ доставить лишь многочисленныя торговыя предпріятія большого города, купно съ общественными и государственными учрежденіями. При томъ владѣніе подобной массой людей являлось средствомъ увеличенія крупныхъ состояній, которыя выдерживаютъ сравненіе лишь съ колоссальными капиталами современныхъ милліонеровъ.

Вся подневольная рабочая масса богатаго римскаго дома распадается на двѣ главныя группы: на familia rustica и на familia urbana. Familia rustica служитъ цѣлямъ производства. Въ каждомъ большомъ помѣстьѣ имѣется управляющій и его помощникъ съ цѣлымъ штатомъ надсмотрщиковъ и мастеровъ, въ вѣдѣніи которыхъ находится значительное количество рабочихъ на поляхъ и виноградникахъ, пастуховъ и скотниковъ, кухонной и домашней челяди, прядильщицъ, ткачей и ткачихъ, валяльщиковъ, портныхъ, плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ и рабочихъ для производства

---

[1]) И въ Россіи до отмѣны крѣпостного права „завѣтнымъ желаніемъ каждаго помѣщика было, чтобы все необходимое въ хозяйствѣ изготовлялось собственными крѣпостными людьми“. См. кн. П. Кропоткинъ: Записки революціонера. Изд. „Свободная мысль“. Лондонъ-Петербургъ. Стр. 23 и слѣд. Тамъ же сообщаются интересныя детали. Сравн. П. Милюковъ: Очерки по исторіи русской культуры. 5-е изд. журн. „Міръ Божій“. Часть первая, стр. 67.

[2]) Titi Popmae Phrysii de operis servorum liber. Editio novissima. Amstelodami 1672.

сельскохозяйственныхъ промысловъ. Въ болѣе крупныхъ имѣніяхъ каждая группа рабочихъ раздѣляется въ свою очередь на части, по 10 человѣкъ въ каждой (decuriae) съ начальникомъ (десятскимъ) или «погонщикомъ» (decurio, monitor) во главѣ [1]).

Familia urbana раздѣляется на управляющій хозяйствомъ персоналъ и на лицъ, существующихъ для услугъ господина и госпожи внутри дома и внѣ его. Къ первой группѣ относится прежде всего завѣдывающій имуществомъ, далѣе—кассиръ, бухгалтеры, управляющіе домами, отдаваемыми въ наемъ, закупщики и т. п. Въ томъ случаѣ, когда господинъ занимается государственными откупами и мореплаваніемъ, для этого имѣется отдѣльный штатъ несвободныхъ служащихъ и рабочихъ. Въ самомъ домѣ заняты: управляющій домомъ, привратникъ, комнатные и гостиные сторожа, хранители мебели, серебра, гардероба; столомъ завѣдуетъ дворецкій, ключникъ, смотритель кладовыхъ; въ кухнѣ толпится куча поваровъ, истопниковъ, пекарей, пирожниковъ, паштетниковъ; имѣются особые лакеи для накрыванія столовъ, для разрѣзыванья кушанья, для пробованья его, для наливанья вина; за столомъ гостей увеселяетъ толпа красивыхъ мальчиковъ, танцовщицъ, карликовъ и шутовъ. Для личныхъ услугъ господину имѣются церемоніймейстеръ, докладывающій о посѣтителяхъ, разные камердинеры, купальщики, мастильщики, массеры, хирурги, врачи (чуть ли не для каждой части тѣла особый), брадобрей, чтецы, секретари и т. п. Для домашняго употребленія содержится также ученый или философъ, архитекторъ, художникъ, скульпторъ, оркестръ, въ библіотекѣ работаютъ переписчики, гладильщики пергамента, переплетчики, съ помощью которыхъ библіотекарь составляетъ книги въ стѣнахъ самаго дома. Въ знатномъ домѣ должны быть и свои подневольные журналисты и стенографы [2]). При появленіи господина въ какомъ-нибудь публичномъ мѣстѣ, ему предшествуетъ большая толпа рабовъ (anteambulones) и такая же толпа слѣдуетъ за нимъ (pedisequi); nomenclator называетъ имена встрѣчныхъ, съ которыми слѣдуетъ раскланяться; собственные distributores и tesserarii раздаютъ народу взятки и объявляютъ избирательный пароль. Эти camelots древняго Рима особенно цѣны тѣмъ, что становятся собственностью пользующагося ими знатнаго честолюбца. Такая политическая система давленія на избирателей дополняется устройствомъ зрѣлищъ, бѣговъ на колесницахъ, звѣриныхъ боевъ, состязаній гладіаторовъ, для чего также содержатся особые рабы. Когда господинъ назначается правителемъ какой-нибудь провинціи, или живетъ въ какомъ-нибудь изъ своихъ помѣстій, особые подневольные курьеры и гонцы поддерживаютъ ежедневное сношеніе со столицей. Но что же сказать относительно придворнаго штата рабовъ

---

[1]) Сравн. наглядное изображеніе римскаго помѣщичьяго хозяйства временъ имперіи у M. Weber'a въ журналѣ „Die Wahrheit" т. VI, стр. 65 и слѣд.

[2]) Срав. ниже шестой очеркъ.

госпожи, о которомъ Беттигеръ написалъ цѣлую книгу («Сабина»), и о безконечно дифференцированномъ персоналѣ для ухода и воспитанія дѣтей! Здѣсь происходило невѣроятное расточеніе человѣческихъ силъ; но въ концѣ концовъ посредствомъ этого многорукаго организма замкнутаго домашняго хозяйства, поддерживаемаго грандіозной системой дисциплины и воспитанія, личная сила рабовладѣльца увеличивалась во много тысячъ разъ—обстоятельство, значительно способствовавшее тому, что власть надъ полміромъ сосредоточилась въ рукахъ кучки аристократовъ [1].

Подобный же характеръ носитъ и хозяйство самого государства. Какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ Римѣ всѣ низшія должности и мѣста заняты рабами. Рабы прокладываютъ улицы и водопроводы, которые сооружаются за собственный счетъ государства, работаютъ въ каменоломняхъ и рудникахъ, занимаются очисткой клоакъ. Рабы являются полицейскими, палачами, тюремщиками, герольдами въ народныхъ собраніяхъ, они раздаютъ хлѣбъ народу, прислуживаютъ коллегіи жрецовъ въ храмахъ и при жертвоприношеніяхъ, изъ нихъ же состоятъ государственные казначеи, писцы, гонцы должностныхъ лицъ; свита изъ государственныхъ рабовъ сопровождаетъ всякаго провинціальнаго чиновника или полководца къ мѣсту его служенія. Средства на содержаніе этого персонала составлялись главнымъ образомъ изъ доходовъ съ государственныхъ имуществъ, дани, которую въ Аѳинахъ платили союзники, а въ Римѣ—провинціи (Цицеронъ называетъ ихъ quasi praedia populi Romani) и, наконецъ, сборовъ пошлиннаго характера.

Тѣ же черты обнаруживаетъ хозяйство романскихъ и германскихъ народовъ въ раннее средневѣковье. И здѣсь потребностями дальнѣйшаго развитія хозяйства вызвано было расширеніе замкнутаго домашняго хозяйства, которое получило наибольшее выраженіе въ тѣхъ крупныхъ хозяйственныхъ организмахъ, какіе мы находимъ на обширныхъ помѣстьяхъ королей, свѣтской и духовной аристократіи, покоившихся на крѣпостномъ трудѣ. Средневѣковое крѣпостное помѣстное хозяйство во многомъ примыкаетъ къ той формѣ, какую приняло сельское хозяйство въ римскомъ государствѣ въ послѣдній періодъ имперіи, подъ вліяніемъ развитія

[1] Конечно, такого развитія хозяйство, основанное на рабствѣ, достигало только у очень богатыхъ; но при наличности соотвѣтствующихъ условій мы его всегда находимъ. Такъ, Ellis въ своей History of Madagaskar I, стр. 194 разсказываетъ: „When slaves in a family are numerous, some attend to cattle: others are employed in cultivating esculents roots; others collect fuel, and of the femals some are employed in spinning, weaving and making nets, washing and other domestic occupations“ (Если въ семьѣ было много рабовъ, то одни изъ нихъ ухаживали за скотомъ, другіе занимались разведеніемъ съѣдобныхъ растеній, третьи собирали топливо, а женщины были заняты пряденіемъ, тканьемъ, вязаньемъ, стиркой и другими хозяйственными работами). Даже въ странѣ Муата-Ямво, гдѣ, кромѣ кузнецовъ, повидимому, нѣтъ спеціальныхъ ремесленниковъ, глава государства все же имѣетъ собственныхъ музыкантовъ, знахарей, кузнецовъ, парикмахеровъ, кухаровъ. Pogge: Im Reiche des M. I., стр. 231, 187.

колоната. Но у него много сходства и съ описаннымъ нами выше концентрированнымъ плантаторскимъ хозяйствомъ послѣдняго періода римской республики. Однако, въ одномъ существенномъ пунктѣ развитіе этого крупнаго, покоющагося на раздѣленіи труда, хозяйства отличается отъ римскаго. Въ Римѣ крупное землевладѣніе поглощаетъ мелкое, и трудъ крестьянина замѣняется трудомъ раба, который впослѣдствіи превращается въ колона. Экономическій прогрессъ, достигнутый ойкоснымъ хозяйствомъ былъ купленъ цѣною пролетаризаціи свободнаго крестьянства. Въ помѣстной организаціи средневѣкового періода свободный мелкій землевладѣлецъ, правда, лишается своей независимости, но у него не отнимается земля; онъ сохраняетъ нѣкоторую личную и экономическую самостоятельность и въ то же время онъ пользуется выгодами лучшаго снабженія продуктами, которыя, при господствѣ системы замкнутаго домашняго хозяйства, доставляетъ веденіе хозяйства на крупныхъ началахъ.

Чѣмъ же это было вызвано?

Въ древней Италіи мелкій землевладѣлецъ погибъ вслѣдствіе того, что, съ одной стороны, лежавшія на немъ государственныя повинности, какъ, напримѣръ, воинская, были ему не подъ силу, а съ другой стороны, войны и голодъ вогнали его въ долговую кабалу и нищету. Въ германо-романскихъ странахъ, въ средніе вѣка, онъ, въ силу тѣхъ же причинъ, передалъ свой земельный участокъ крупному землевладѣльцу и взамѣнъ этого получалъ отъ него защиту и помощь въ нуждѣ.

Лучше всего мы поймемъ средневѣковый барщинный строй, если представимъ себѣ хозяйство цѣлой деревни какъ единое цѣлое, центромъ котораго является барская усадьба [1]). Мелкій по-

[1]) Если и было много деревень, крестьяне которыхъ отбывали повинности различнымъ господамъ, или такія помѣстья, которымъ обязаны были крестьяне различныхъ деревень, то все же разсмотрѣнный здѣсь случай долженъ быть признанъ нормальнымъ. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи источники большею частью относятся къ черезполоснымъ владѣніямъ монастырей, которыя группировались вокругъ барскаго двора, тогда какъ о помѣстьяхъ крупныхъ и мелкихъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ раннихъ эпохъ мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ. Но поскольку деревни возникли путемъ поселенія колонистовъ вокругъ отдѣльныхъ помѣщичьихъ усадебъ, мы именно для нихъ должны считать нормальными приведенныя въ текстѣ условія. Въ цѣляхъ нашего изложенія мы оставляемъ въ сторонѣ нѣкоторыя отличія въ правовомъ положеніи оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ, въ особенности различіе между барщинниками, принадлежавшими къ помѣщичьему двору, и тѣми, которые входили въ составъ всей марки. Ибо послѣдніе тоже входили въ составъ хозяйственнаго организма, вслѣдствіе верховнаго права собственности господина на общинныя земли. Наконецъ, я хотя и не отрицаю различія между организаціей виллъ Карла Великаго и позднѣйшей организаціей крупныхъ помѣстій, но полагаю, что различіе это лишь поверхностно касалось хозяйства отдѣльнаго помѣстья. Относительно дальнѣйшаго отсылаю къ Maurer'у: Geschichte der Fronhöfe, Inama-Sternegg'у: Die Ausbildung der grossen Grundherrschaften in Deutschand и Lamprecht'у: Deutsches Wirtschaftsleben im M. A., особенно I, стр. 719 и слѣд.—Подобнаго же рода условія въ Закавказьи описываетъ Gogitschayschwili: Das Gewerbe in Georgien, стр. 2 и слѣд.

мѣщикъ ведетъ здѣсь хозяйство лично, крупный—черезъ своего управляющаго. Къ барской усадьбѣ непосредственно примыкаетъ усадебная земля, обрабатываемая дворовыми людьми, которые живутъ и содержатся на барскомъ дворѣ и, образуя разнообразныя группы сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ рабочихъ, употребляются въ домашнемъ хозяйствѣ и для личныхъ услугъ помѣщика. Обрабатываемая за счетъ помѣщика земля разбросана среди земельныхъ участковъ болѣе или менѣе значительнаго числа прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ, изъ которыхъ каждый самостоятельно обрабатываетъ свой надѣлъ, пользуясь при этомъ пастбищами, лѣсами и водами совмѣстно съ помѣщикомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый земельный участокъ налагаетъ на содержателя его обязанность по отношенію къ помѣщику исполнять извѣстныя работы и доставлять оброкъ въ натурѣ. Размѣръ этихъ повинностей первоначально опредѣлялся потребностями помѣщика, а позже сталъ измѣряться временемъ, которое обязанъ былъ затратить крѣпостной, была ли то работа на полѣ во время посѣва и жатвы, на лугу, въ виноградникѣ, въ саду, въ лѣсу, въ находившихся въ усадьбѣ мастерскихъ или свѣтелкахъ, гдѣ и дворовыя дѣвушки заняты были праденьемъ, тканьемъ, шитьемъ, печеньемъ хлѣба, варкой пива и т. п. работами. Въ дни барщины крѣпостные рабочіе получали харчи на барскомъ дворѣ наравнѣ съ дворовыми. Кромѣ того они обязаны были содержать въ порядкѣ изгороди усадьбы и полей, сторожить усадьбу, исполнять родъ посыльныхъ и поставлять подводы. Натуральные оброки приносились либо въ видѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, какъ, напримѣръ: хлѣба разнаго рода, шерсти, льна, воска, рогатаго скота, свиней, куръ, яицъ—, либо въ видѣ нарубленнаго въ усадебной рощѣ и заготовленнаго лѣса (въ формѣ дровъ, строительнаго матеріала, виноградныхъ кольевъ, сосновыхъ лучинъ, брусочковъ, досокъ для бочекъ, обручей), либо же въ видѣ промышленныхъ издѣлій, какъ, напримѣръ: шерстяныхъ тканей, холста, носковъ, сапогъ, хлѣба, пива, бочекъ, тарелокъ, мисокъ, кубковъ, желѣза, котловъ, кожей. Такія приношенія предполагаютъ наличность какъ у барщинныхъ крестьянъ, такъ и у дворовыхъ крѣпостныхъ извѣстной промышленной спеціализаціи, которая была соединена съ надѣломъ, передавалась вмѣстѣ съ нимъ по наслѣдству, и которая, конечно, оказывалась полезной не только для барскаго хозяйства, но и для хозяйства крестьянъ, содѣйствуя лучшему снабженію ихъ необходимыми предметами. Среднее положеніе между барщиной и оброкомъ занимаетъ цѣлый рядъ смѣшанныхъ повинностей, какъ, напримѣръ: снабженіе барскаго поля навозомъ съ крестьянскихъ дворовъ, зимовка у крестьянина барскаго скота, доставка припасовъ для гостей помѣщика. Но и помѣщикъ, съ своей стороны, оказывалъ поддержку хозяйству крестьянина: онъ держалъ племенной скотъ, устраивалъ для общаго пользованія пароны, мельницы, хлѣбныя печи, холодильники [1]), за-

[1]) Обыкновенно упускаютъ изъ виду, что такого рода учрежденія, оплачивающіяся только при общемъ пользованіи, первоначально соста-

щищать всѣхъ отъ насилія и нарушенія правъ, обязанъ былъ выдавать крестьянамъ изъ своихъ запасовъ продовольствіе во время неурожая и другихъ бѣдствій.

Мы имѣемъ здѣсь передъ собой небольшой вполнѣ самодовлѣющій хозяйственный организмъ, въ которомъ, благодаря отсутствію рѣзкой концентраціи римскаго рабовладѣльческаго хозяйства и примѣненію труда не свободныхъ рабочихъ, ограниченному размѣрами, необходимыми для веденія личнаго, въ тѣсномъ смыслѣ слова [1]), хозяйства помѣщика, масса крѣпостныхъ рабочихъ имѣетъ возможность вести самостоятельное сельское хозяйство для собственныхъ потребностей и вслѣдствіе этого пользуется нѣкоторой личной свободой. Подобную организацію, гдѣ существуютъ отдѣльныя мелкія хозяйства внутри одного замкнутаго домохозяйства, мы встрѣчаемъ, хотя и въ значительно меньшихъ размѣрахъ, въ южно-славянскихъ задругахъ, гдѣ она замѣняется отдѣльными хозяйствами, соединенными въ одну родовую общину [2]). Тамъ, гдѣ помѣстная община совпадаетъ съ маркой, она является въ извѣстномъ смыслѣ ограниченной въ хозяйственномъ отношеніи отъ внѣшняго міра тѣми постановленіями, которыми запрещается отчужденіе земельной собственности и пользованіе общинными угодьями лицамъ, не принадлежащимъ къ данной маркѣ. Внутреннее единство устанавливается наличностью собственныхъ мѣръ и вѣсовъ, служащихъ, однако, не для правильнаго обмѣна, а для измѣренія оброка въ натурѣ, доставляемаго помѣщику.

Ибо необходимо имѣть въ виду слѣдующее: хозяйственныя отношенія между помѣщикомъ и крѣпостными, хотя ихъ и можно разсматривать съ общей точки зрѣнія обмѣна услугъ, совершенно и подводить ихъ подъ одну изъ экономическихъ категорій, сложившихся при мѣновомъ хозяйствѣ. Въ этомъ хозяйствѣ нѣтъ спеціальнаго возмездія: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ имѣется лишь общее вознагражденіе; не существуетъ поэтому ни цѣны, ни заработной платы, ни арендной или наемной платы, ни прибыли на капиталъ, нѣтъ ни предпринимателей, ни наемныхъ рабочихъ. Мы имѣемъ дѣло съ своеобразными экономическими явленіями и фактами, которыхъ историческое направленіе экономической науки, такъ часто пенявшее на насиліе со стороны юриспруденціи, съ своей стороны не должно насиловать.

Въ рукахъ помѣщика скопляются избытки помѣстнаго хозяйства. Но это все предметы потребленія, которыхъ ни сохранять надолго, ни капитализировать невозможно. Въ королевскихъ по-

---

вляли обязанность помѣщика и право крестьянина, тогда какъ впослѣдствіи они разсматривались только съ финансовой точки зрѣнія и являлись уже повинностью крестьянъ и правомъ помѣщика.

[1]) По мнѣнію Лампрехта (I, 782), барщиннымъ трудомъ крѣпостныхъ крестьянъ обрабатывались помѣщичьи участки или участки, занятые на общинныхъ земляхъ, тогда какъ подневольный трудъ дворовыхъ примѣнялся исключительно для обработки усадебныхъ земель.

[2]) Срвн. E. Laveleye: Ureigentum, стр. 377 (русск. перев. стр. 195).

мѣстіяхъ они идутъ на содержаніе двора, при чемъ дѣло происходитъ такимъ образомъ, что король, переѣзжая со своей свитой изъ одного имѣнія (палаціума) въ другое, непосредственно пользуется ими для потребленія; въ крупныхъ помѣстіяхъ церковныхъ корпорацій и высшей аристократіи они, вслѣдствіе установленной для крѣпостныхъ перевозочной повинности, доставляются въ ихъ резиденціи, гдѣ также идутъ на непосредственное потребленіе.

Такимъ образомъ и въ этомъ хозяйствѣ мы встрѣчаемъ коекакія явленія мѣнового характера: мѣры и вѣсы, передвиженіе людей, перевозка предметовъ, сообщеніе извѣстій, постоялые дворы, передачу предметовъ и услугъ. Но всѣмъ имъ недостаетъ самаго характернаго для мѣнового хозяйства: тѣсной связи между отдѣльной услугой и ея вознагражденіемъ и свободнаго самоопредѣленія отдѣльныхъ обмѣнивающихся хозяйствъ. Все это отношенія между господиномъ и слугой, а не между договаривающимися сторонами.

Но какъ бы широко ни развивалось замкнутое домашнее хозяйство при посредствѣ крѣпостного и обязаннаго труда, оно все же никогда не можетъ приспособиться къ человѣческимъ потребностямъ и удовлетворить ихъ во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, не можетъ этого даже въ своихъ высшихъ проявленіяхъ, не говоря уже о низшихъ формахъ. Въ однихъ случаяхъ останутся пробѣлы въ удовлетвореніи потребностей, въ другихъ—окажется избытокъ, который хозяйство, его произведшее, не въ состояніи потребить, или окажутся средства производства и квалифицированныя рабочія силы, которыя не могутъ быть вполнѣ использованы.

Вслѣдствіе этого, возникаютъ новыя своеобразныя явленія мѣнового характера. Хозяинъ, котораго постигъ неурожай, одалживаетъ у сосѣда хлѣбъ и солому до слѣдующаго урожая, когда онъ возвращаетъ взятое въ томъ же количествѣ [1]). Пострадавшаго отъ пожара или падежа скота поддерживаютъ сосѣди—въ молчаливомъ предположеніи, что и потерпѣвшій въ аналогичномъ случаѣ, въ свою очередь, окажетъ имъ помощь. Кто имѣетъ особенно ловкаго раба, ссужаетъ его въ подмогу сосѣду, который содержитъ на это время раба—совершенно такъ же, какъ ссужаютъ лошадь, сковороду или лѣстницу. Владѣлецъ холодильника, сушильни для солода, хлѣбной печи предоставляетъ пользованіе ими въ теченіе извѣстнаго времени менѣе состоятельному односельчанину, за что послѣдній при случаѣ выдѣлываетъ для него грабли, помогаетъ при стрижкѣ овецъ или въ качествѣ гонца исполняетъ какое-нибудь по-

---

[1]) Уже у Гезіода („Ἔργα καὶ Ἡμέραι", стр. 349 и слѣд.; сравн. 396 слѣд; русск перев. П. Голенищева-Кутузова „Творенія Гезіода". Москва. 1807, стр. 29):

„Коль долженъ будешь ты сосѣду своему,
„То съ вѣрностью отдай занятое ему;
„Не отрекись ему содѣлать одолженье,
„Чтобъ послѣ отъ него имѣлъ ты вспоможенье".

ручeніе. Все это проявленія взаимопомощи, и никто не рѣшится подвести ихъ подъ категорію обмѣна [1]).

Однако, въ концѣ концовъ выступаетъ наружу и настоящій обмѣнъ. Переходную ступень составляютъ такого рода отношенія: рабовладѣлецъ ссужаетъ сосѣду своего крѣпостного ткача или плотника и взамѣнъ получаетъ извѣстное количество вина или лѣса, который у того имѣется въ избыткѣ; или же крѣпостной сапожникъ или портной, рабочая сила котораго не можетъ быть вполнѣ использована, получаетъ отъ помѣщика участокъ земли подъ условіемъ работать опредѣленное число дней въ году на усадьбѣ. Въ дни, свободные отъ барщины и работъ въ собственномъ хозяйствѣ, онъ работаетъ на своихъ товарищей-крѣпостныхъ, за что получаетъ харчи и нѣкоторое количество хлѣба и сала для семьи. Если прежде онъ былъ слугою одного лишь помѣщика, то теперь онъ является поочередно слугой всѣхъ, но каждаго лишь въ теченіе короткаго времени [2]). Довольно скоро устанавливается и настоящій натуральный обмѣнъ, въ цѣляхъ уравненія недостатка въ одномъ и избытка въ другомъ хозяйствѣ: обмѣнивается хлѣбъ на вино, лошадь на хлѣбъ, кусокъ холста на извѣстное количество соли. Эти мѣновыя сношенія становятся необходимостью при маломъ распространеніи нѣкоторыхъ даровъ природы и при связанномъ съ мѣстомъ производствѣ тѣхъ предметовъ, на которые имѣется большой спросъ; они могутъ даже принять довольно значительные размѣры, когда отдѣльное хозяйство не велико, а распредѣленіе природныхъ богатствъ сосѣднихъ областей отличается особенной неравномѣрностью [3]). Нѣкоторые объекты этого обмѣна становятся, какъ это неоднократно указывалось, всеобщими орудіями обмѣна: мѣха, шерстяныя ткани, цыновки, скотъ, украшенія, благородные металлы. Возникаютъ деньги, рынки, кочевая торговля, появляются зачатки возмезднаго кредита.

Но все это затрагиваетъ замкнутое домашнее хозяйство лишь на поверхности. Къ сожалѣнію, существующая литература по исторіи торговли и рынковъ въ древнѣйшія времена не даетъ намъ правильнаго представленія о характерѣ этихъ явленій; мы самымъ

---

[1]) Срвн. Plautus Aulul. I, 2, 17: Cultrum, securim, pistillum, mortarium, quae utenda vasa semper vicini rogant.

[2]) О соотвѣтствующихъ явленіяхъ въ Греціи и Римѣ см. мою статью „Gewerbe" въ „Handwörterbuch der Staatwissenschaften", 2 изд. IV, стр. 369, 370 и слѣд. (Русск. перев. этой статьи въ сборникѣ „Исторія труда, въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности". Статьи изъ „Handw. f. Staatw.", подъ ред. С. Н. Булгакова. Изд. Водовозовой. 1897, стр. 53 и слѣд.).

[3]) Этому обстоятельству слѣдуетъ приписать сравнительно богато развитой обмѣнъ на еженедѣльныхъ базарахъ древней Греціи и теперешнихъ негритянскихъ странъ; а въ Океаніи разница въ природныхъ условіяхъ маленькихъ острововъ и неравномѣрное развитіе домашняго производства мѣстами вызываетъ среди обитателей ихъ весьма оживленныя морскія сношенія. Подобнымъ же образомъ надо объяснить и знаменитую „морскую торговлю" средиземныхъ народовъ въ древности.

рѣшительнымъ образомъ должны подчеркнуть, что ни у древне-классическихъ народовъ, ни въ первую эпоху среднихъ вѣковъ, предметы повседневнаго обихода не составляли объекта постояннаго обмѣна. Немногими предметами торговли являются рѣдкіе дары природы, а въ единичныхъ случаяхъ и промышленныя издѣлія высокой цѣнности. Поскольку эти предметы входятъ во всеобщее потребленіе,—какъ, напримѣръ: въ древности—янтарь, металлическая утварь, гончарныя издѣлія, пряности и притиранія, а въ средніе вѣка—вино, соль, сушеная рыба, шерстяныя ткани,—появляются и хозяйства, ставящія себѣ цѣлью производство этихъ предметовъ для сбыта, а это, въ свою очередь, ведетъ къ появленію другихъ хозяйствъ, занимающихся производствомъ эквивалентовъ, за которые можно вымѣнять эти предметы, въ количествѣ, превышающемъ личное потребленіе, какъ, напримѣръ: сѣверяне—мѣха и особаго рода шерстяныя ткани, современные африканцы—издѣлія изъ коры и хлопка, орѣхи кола и плитки соли. Тамъ, гдѣ населеніе скопляется, можетъ возникнуть оживленный обмѣнъ съѣстныхъ припасовъ на рынкѣ, какъ это имѣло мѣсто въ классической древности и встрѣчается нынѣ во многихъ негритянскихъ странахъ. Мыслимо даже возникновеніе въ извѣстныхъ предѣлахъ профессіональныхъ ремесленниковъ и торговцевъ.

И все же внутренняя структура хозяйственной жизни нисколько этимъ не затрагивается. Направленіе и характеръ дѣятельности каждаго отдѣльнаго хозяйства опредѣляются, какъ и ранѣе, исключительно потребностями его членовъ: оно должно произвести по возможности все, что нужно для удовлетворенія ихъ потребностей. Значеніе для него имѣетъ лишь потребительная цѣнность. «Никуда не годенъ тотъ сельскій хозяинъ», говоритъ Плиній Старшій, «который покупаетъ то, что можетъ произвести въ своемъ собственномъ хозяйствѣ»,—и этотъ принципъ сохраняетъ свое значеніе еще много вѣковъ спустя.

То обстоятельство, что въ раннія историческія эпохи употребленіе денегъ было, повидимому, довольно распространено, не должно вводить насъ въ заблужденіе при оцѣнкѣ этого хозяйственнаго періода. Деньги являются не только орудіемъ обмѣна, но и мѣриломъ цѣнностей, платежнымъ средствомъ и средствомъ накопленія богатствъ. Платить же приходилось очень много и помимо обмѣна (денежные штрафы, дань, издержки, пошлины, возмѣщеніе убытковъ, подношенія и подарки гостямъ), при чемъ первоначально платятъ продуктами собственнаго хозяйства (хлѣбомъ, сушенымъ мясомъ, тканями, солью, скотомъ, рабами), которые непосредственно переходили въ хозяйство получателя. Вслѣдствіе этого, всѣ старинные виды денегъ, долгое время даже благородные металлы, обращаются въ той годной для употребленія формѣ, въ какой они въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ могутъ служить какъ для непосредственнаго потребленія, такъ и для пріобрѣтенія путемъ обмѣна другихъ потребительныхъ цѣнностей. Тамъ, гдѣ цѣнность ихъ особенно устойчива, они въ значительной степени

являются средствомъ для накопленія богатствъ. Это относится въ особенности къ благороднымъ металламъ, въ благопріятныя времена такъ же быстро принимающимъ форму грубыхъ украшеній, какъ и теряющимъ ее въ неблагопріятныя эпохи. Что, наконецъ, металлическія деньги могутъ служить мѣриломъ цѣнности даже тогда, когда фактически обмѣнъ производится посредствомъ другихъ предметовъ,—на это указываетъ употребленіе въ древнемъ Египтѣ кусочковъ мѣдной проволоки (уты), которыми опредѣлялась цѣна, хотя платежи производились самыми разнообразными предметами потребленія [1]. То же явствуетъ изъ многочисленныхъ средневѣковыхъ источниковъ, въ которыхъ - далеко за предѣлами интересующей насъ здѣсь эпохи—цѣны выражены отчасти деньгами, отчасти лошадьми, собаками, виномъ, хлѣбнымъ зерномъ и т. п., или же покупателю предоставляется заплатить сумму, «чѣмъ онъ можетъ» (in quo potuerit).

Если въ хозяйственной жизни французовъ XI вѣка рѣдко что-либо покупалось [2], то это же можно сказать и относительно продажи. Обмѣнъ представляетъ чуждый замкнутому домашнему хозяйству элементъ, проникновенію котораго оно долго и стойко сопротивляется. Купля является обыкновенно покупкой на наличныя деньги и происходитъ въ торжественныхъ и тяжеловѣсныхъ формахъ. Древнѣйшее римское право предписываетъ, что она должна происходить въ присутствіи пяти совершеннолѣтнихъ гражданъ въ качествѣ свидѣтелей. Вѣсодержатель (libripens) отвѣшиваетъ продавцу мѣдь, въ которой состоитъ плата, и покупатель завладѣваетъ купленнымъ предметомъ, произнося при этомъ опредѣленныя торжественныя формулы. Если мы сопоставимъ съ этимъ сложную символику древняго нѣмецкаго торговаго права, то легко убѣдимся въ томъ, что въ хозяйственный періодъ, создавшій этотъ неподвижный правовой формализмъ, купля и продажа, аренда и наемъ не могли быть обычными явленіями повседневной жизни. Точно также и мѣновая цѣнность не оказывала вліянія на внутреннюю жизнь отдѣльнаго домашняго хозяйства. Оно знало только производство для собственнаго потребленія, гдѣ этого было недостаточно — дареніе, которое дѣлалось въ разсчетѣ на отвѣтный подарокъ, ссуду утвари и орудій, а въ случаѣ необходимости—и грабежъ. Развитіе гостепріимства, признаніе нищенства какъ занятія, связь кочевой жизни и древнѣйшей морской торговли съ грабежомъ, распространенность покражъ полевыхъ плодовъ и скота — все это обычные спутники замкнутаго домашняго хозяйства.

Послѣ всего сказаннаго, станетъ, намъ кажется, ясно, что при такомъ способѣ удовлетворенія потребностей характеръ хозяйствен-

---

[1]) Erman: Aegypten und ägypt. Leben im Altertum. стр. 170, 667. То же находимъ и нынѣ при подобныхъ же условіяхъ. Buchner: Kamerun. стр. 93.

[2]) Lamprecht, Französ. Wirtschaftsleben. стр. 132 Срвн. также Erone: Wirtschaftsleben im Mittelalter II, стр. 374 и слѣд.

ной жизни долженъ сложиться совершенно иначе, чѣмъ въ современномъ народномъ хозяйствѣ. Потребность, трудъ, производство, средства производства, продуктъ, потребительный запасъ, потребительная цѣнность, потребленіе — вотъ тѣ немногія понятія, которыми при нормальномъ ходѣ вещей исчерпывается кругъ хозяйственныхъ явленій. Не существуетъ никакого народно-хозяйственнаго раздѣленія труда, а слѣдовательно, никакихъ профессій, никакихъ предпріятій, никакого капитала въ смыслѣ запаса предметовъ, служащихъ только для извлеченія дохода. Если мы, по распространенному обычаю, будемъ примѣнять понятіе капитала только для обозначенія средствъ производства, то подъ нимъ надо будетъ, во всякомъ случаѣ, понимать только орудія и инструменты (т. н. основной капиталъ). Ибо то, что обыкновенно называютъ оборотнымъ капиталомъ, въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ является исключительно потребительнымъ имуществомъ, которое мало по малу становится годнымъ для потребленія: это сырые или полуобработанные продукты. При нормальномъ ходѣ хозяйства здѣсь нѣтъ также ни товаровъ, ни цѣны, ни обращенія цѣнностей, ни распредѣленія дохода, — нѣтъ, слѣдовательно, и заработной платы, предпринимательской прибыли, процента на капиталъ, какъ особыхъ видовъ дохода [1]). Одна лишь земельная рента начинаетъ выдѣляться изъ продукта, получаемаго отъ земли, но и она еще нигдѣ не принимаетъ чистой формы, а всегда смѣшана съ другими элементами дохода.

Но можетъ быть вообще неумѣстно говорить на этой ступени хозяйства о доходѣ? То, что мы называемъ доходомъ, при нормальныхъ условіяхъ является результатомъ обмѣна; въ замкнутомъ же домашнемъ хозяйствѣ это есть сумма потребительныхъ цѣнностей, произведенныхъ въ самомъ хозяйствѣ, весь продуктъ, полученный хозяиномъ. Его, однако, тѣмъ труднѣе отдѣлить отъ имущества, чѣмъ болѣе зависимость хозяйства отъ стихійныхъ случайностей дѣлаетъ необходимымъ накопленіе запасовъ. Доходъ и имущество составляютъ нераздѣльную массу, одна часть которой всегда приближается къ состоянію, пригодному для потребленія, другая — находится въ состояніи все болѣе отъ него удаляющемся, между тѣмъ

---

[1]) Для большинства приведенныхъ понятій въ латинскомъ и греческомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ выраженій. Ихъ приходится обозначать или описательно, или въ очень общихъ выраженіяхъ. Это прежде всего относится къ понятію „дохода". Латинское reditus обозначаетъ то, что получается съ поля. Подобнымъ же образомъ употребляетъ выраженіе въ переносномъ смыслѣ Тацитъ (Ann. IV, 6, 9), когда онъ обозначаетъ государственные доходы какъ fructus publici. Сравните съ этимъ многочисленныя весьма тонкія выраженія для обозначенія понятія „имущество"! „Merces" обозначаетъ какъ заработную плату, такъ и арендную плату, доходъ по найму, процентъ на капиталъ, цѣну. То же относится и къ греческому слову μισθός. Для словъ „профессія", „дѣло", „предпріятіе", „промыселъ"—классическіе языки не имѣютъ соотвѣтствующихъ выраженій.

какъ третья покоится въ сундукахъ и ящикахъ, въ погребахъ и кладовыхъ, какъ своего рода страховой фондъ.

Въ составъ послѣдняго входятъ и деньги. Поскольку деньги употребляются при обмѣнѣ, онѣ являются для полученія не временнымъ, а окончательнымъ эквивалентомъ. Главную роль деньги играютъ не въ качествѣ орудія обмѣна, а въ видѣ средства накопленія цѣнностей, мѣрила цѣнностей и передачи цѣнностей. Ссуды между отдѣльными хозяйствами хотя и имѣютъ мѣсто, но обычно дѣлаются безпроцентно и служатъ цѣлямъ потребленія. Производительный кредитъ съ этой формой хозяйства не вяжется. Тамъ, гдѣ въ нее проникаютъ денежныя процентныя ссуды, онѣ являются чѣмъ-то неестественнымъ и влекутъ за собою, какъ это извѣстно изъ греческой и римской исторіи, гибель должника. Поэтому запрещеніе церковью ростовщичества основывалось не на морально-богословскихъ теоріяхъ, а на экономической необходимости.

Тамъ, гдѣ возникаютъ прямые налоги, они всегда имѣютъ характеръ налога на имущество, большей частью приближаясь по характеру своему къ налогу на землю. Такова аѳинская εἰσφορά, римское tributum civium и средневѣковый «Schoss» или «Bede». На-ряду съ этимъ государство и община налагаютъ на отдѣльныхъ лицъ повинности имущественнаго характера (постройка кораблей, устройство празднествъ и угощеній—греческая «литургія»). Идея подоходнаго налога, которая представляется намъ естественной и какъ бы сама собой разумѣющейся, предкамъ нашимъ была бы совершенно непонятна.

2. *Городское хозяйство.*

Замкнутое домашнее хозяйство въ своемъ дальнѣйшемъ, продолжающемся столѣтіе, развитіи переходитъ въ хозяйство непосредственнаго обмѣна: производство для личнаго потребленія замѣняется производствомъ непосредственно на потребителя. Этотъ періодъ развитія мы назвали эпохой **городского** хозяйства потому, что въ наиболѣе типичной формѣ онъ обнаруживается въ средневѣковыхъ городахъ германскихъ и романскихъ странъ. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что зачатки этого развитія мы можемъ найти еще въ древности [1]).

Постепенный переходъ къ этой формѣ хозяйства замѣчается уже въ періодѣ домашняго хозяйства: основанное на воздѣлываніи земли, отдѣльное хозяйство, не будучи болѣе въ состояніи производить собственными усиліями всѣ необходимые ему предметы, вынуждено постоянно и регулярно прибѣгать къ чужому труду, утрачивая, такимъ образомъ, часть своей самостоятельности. Но все же

[1]) Срвн. ниже очеркъ X.

образованіе оторванныхъ отъ земли хозяйствъ, носители которыхъ сдѣлали бы единственнымъ источникомъ своего дохода обработку промышленныхъ издѣлій на другихъ или выполненіе различныхъ услугъ въ качествѣ профессіи или, наконецъ, посредничество въ обмѣнѣ, не происходитъ сразу. Каждый хозяинъ стремится по-прежнему добыть отъ земли все необходимое для своего существованія; если же у него, сверхъ того, имѣются еще иныя потребности, то онъ, пользуясь особой ловкостью своихъ рукъ, либо какимъ-нибудь мѣстнымъ преимуществомъ, доставляемымъ полями, лѣсами, водами, производитъ въ избыткѣ какой-нибудь специальный продуктъ: одинъ —хлѣбъ, другой—вино, третій—соль, четвертый—рыбу, пятый—холстъ или другой продуктъ домашняго труда. Такимъ образомъ возникаютъ одностороние развитыя отдѣльныя хозяйства, которыя регулярно обмѣниваются произведенными въ избыткѣ продуктами. Такой обмѣнъ нисколько не нуждается въ организованной торговлѣ; но для него необходимы болѣе упрощенныя формы, нежели тѣ, которыя мы находимъ въ старинномъ правѣ, и эти формы создаются рыночной организаціей, возникающей въ своихъ основахъ еще на почвѣ домашняго хозяйства.

Рынокъ есть собраніе многочисленныхъ покупателей и продавцовъ на опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время. Соединяется ли онъ съ религіозными празднествами и народными собраніями, или возникаетъ въ особенно выгодно для обмѣна расположенныхъ мѣстахъ, во всякомъ случаѣ онъ всегда доставляетъ производителю и потребителю съ ихъ противоположными потребностями возможность встрѣтиться для обмѣна, и такъ это по существу осталось и до настоящаго времени. Рынокъ и постоянная торговля взаимно исключаютъ другъ друга. Тамъ, гдѣ существуютъ профессіональные купцы, нѣтъ надобности въ рынкахъ; тамъ, гдѣ есть рынки, не нужны купцы. Лишь въ тѣхъ странахъ, которыя самѣ не производятъ необходимыхъ для нихъ продуктовъ, а получаютъ ихъ изъ другихъ странъ, уже въ періодѣ домашняго хозяйства образуется особое сословіе, которое соединяетъ въ своихъ рукахъ покупку, перевозку и сбытъ этихъ товаровъ, пользуясь, однако, для послѣдняго опять-таки, и почти исключительно, рынками. Такъ дѣло обстояло въ древности и въ раннее средневѣковье.

Что же измѣнилъ городъ въ этомъ положеніи вещей, и въ чемъ состоитъ та хозяйственная организація, которую мы назвали замкнутымъ городскимъ хозяйствомъ?

Средневѣковый городъ есть прежде всего бургъ (Burg)—замокъ (городище), т. е. мѣсто, укрѣпленное стѣной и рвомъ, которое служитъ убѣжищемъ для жителей окружныхъ селеній. Такимъ образомъ городъ всегда имѣетъ въ своемъ основаніи союзъ взаимной обороны, который объединяетъ селенія болѣе или менѣе значительной округи въ своего рода военную общину съ опредѣленными правами и обязанностями. Всѣ входящія въ этотъ союзъ селенія обязаны заботиться о поддержаніи укрѣпленій города, а въ случаѣ войны защищать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. За это они поль-

зуются правомъ въ случаѣ необходимости укрываться за его стѣнами вмѣстѣ съ семьями, домашнимъ скотомъ и движимымъ имуществомъ. Это право носитъ названіе — Burgrecht, а тотъ, кто пользуется имъ, есть Burger (burgensis)—посадскій.

Первоначально постоянные жители города рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ жителей окрестныхъ селеній, даже по своимъ занятіямъ. Они также занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ; они совмѣстно пользуются лѣсомъ, водами и лугами; жилища ихъ, какъ и теперь еще можно видѣть изъ характера расположенія построекъ во многихъ старинныхъ городахъ, представляютъ собой крестьянскіе дворы съ ригами, конюшнями и обширными отдѣляющими ихъ дворами. Но ихъ общинная жизнь не исчерпывается нормировкой пользованія общинными землями (альмендой) и прочими сельско-хозяйственными интересами. Они вѣдь являются какъ бы постояннымъ гарнизономъ замка, и ихъ обязанность—поочередное несеніе сторожевой службы на башняхъ и у городскихъ воротъ. Кто хочетъ стать постояннымъ жителемъ города, тотъ долженъ поэтому не только владѣть недвижимымъ имуществомъ (по меньшей мѣрѣ—домомъ), но долженъ также обзавестись оружіемъ и броней. Сторожевая служба и обусловленная правомъ, принадлежащимъ посадскимъ людямъ, обширность городскихъ сооруженій требовали сравнительно значительнаго количества людей, и вскорѣ принадлежащей замку земли не хватало на то, чтобы ихъ прокормить. Тутъ-то на помощь пришло упомянутое нами одностороннее развитіе отдѣльныхъ хозяйствъ: городъ сталъ центромъ промышленности и вмѣстѣ съ тѣмъ рынкомъ; на рынкѣ крестьянинъ впослѣдствіи сбывалъ свой излишекъ и взамѣнъ пріобрѣталъ отъ горожанъ то, чего онъ самъ болѣе не производилъ и что теперь исключительно или почти исключительно выдѣлывали горожане — промышленныя издѣлія.

Вслѣдствіе этого, область примѣненія права посадскихъ людей стала расширяться. Всѣ, кто пользовались имъ, имѣли право посѣщеній рынка и были освобождены отъ пошлинъ. Право свободной купли и продажи на городскомъ рынкѣ первоначально вытекало, слѣдовательно, изъ права посадскихъ людей. Тѣмъ самымъ союзъ взаимной обороны превратился въ территоріальную хозяйственную общину, покоющуюся на непосредственномъ, взаимномъ обмѣнѣ земледѣльческихъ и промышленныхъ продуктовъ между производителями и потребителями.

Всѣ посѣтители рынка на пути туда и обратно пользовались— безъ сомнѣнія еще въ періодъ, предшествующій возникновенію городовъ — усиленной защитой, простиравшейся какъ на самый рынокъ, такъ и на всю его округу. Изъ этого рыночнаго мира вытекало то, что торгующіе на рынкѣ, на время пребыванія въ городѣ, не подлежали судебному преслѣдованію за прежнія долговыя обязательства и что насиліе, въ отношеніи ихъ жизни и имущества, каралось вдвое сильнѣе, какъ за квалифицированное нарушеніе

мира. Всѣ торгующіе на рынкѣ называются вообще купцами, mercatores, negotiatores, emptores [1]).

Такъ какъ главными продавцами и покупателями на рынкѣ являлись сами жители города, то названіе торговцевъ или купцовъ связывалось съ ними тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ большее значеніе получалъ рынокъ для ихъ пропитанія. Но въ той же мѣрѣ расширялась все болѣе вглубь страны та область, центромъ которой являлся рынокъ. Она уже болѣе не совпадала съ первоначальнымъ поселеніемъ, значеніе котораго для сельскаго населенія и безъ того должно было ослабѣть съ возростаніемъ безопасности всей страны отъ нападеній извнѣ. Съ другой стороны, съ развитіемъ ремеслъ не только отведенное первоначально ограниченное мѣсто, но и весь городъ превратился въ рынокъ; рыночный миръ сталъ городскимъ миромъ, для поддержанія котораго городъ былъ выдѣленъ въ особый судебный округъ. Установился принципъ: «городской воздухъ дѣлаетъ человѣка свободнымъ» (Stadtluft macht frei)—и тѣмъ самымъ образовалась соціальная пропасть между горожаниномъ и крестьяниномъ, черезъ которую тщетно старались перекинуть мостъ дарованіемъ гражданскихъ правъ нѣкоторымъ лицамъ, живущимъ внѣ городовъ, въ слободахъ (Aus- и Pfahlbürger'ы). Названіе гражданина (Bürger) въ концѣ концовъ закрѣпилось только за членами городской общины, и съ теченіемъ времени это названіе пріобрѣло правовое и моральное содержаніе, въ которомъ какъ будто воскресла идея древнихъ грековъ о государствѣ.

---

1) Новѣйшая литература о происхожденіи городского строя въ Германіи упустила изъ виду широкое значеніе слова купецъ (Kaufmann) и населила многочисленные города, возникшіе въ Германіи къ концу среднихъ вѣковъ, отъ Кельна и Аугсбурга до Медебаха и Радольфцеля, купцами въ современномъ смыслѣ слова, т. е. профессіональными торговцами, которыхъ вдобавокъ представляютъ себѣ обыкновенно оптовыми торговцами. Вся исторія хозяйства вопіетъ противъ такого пониманія этого термина. Чѣмъ же торговали эти люди и чѣмъ они платили за свои товары? А что доказываетъ самое словоупотребленіе? Вѣдь отличительнымъ признакомъ профессіональнаго купца въ его отношеніяхъ къ публикѣ является его свойство продавать, а не покупать. Между тѣмъ средневѣковое слово купецъ образовано отъ покупать (Kaufmann-kaufen). Въ грамотахъ Оттона 990—1000 гг., относящихся къ Дортмунду, говорится объ emptores Trotmanniae, право которыхъ (какъ въ Кельнѣ и Майнцѣ) должно было служить образцомъ для другихъ городовъ, въ той же связи, какъ и въ другихъ источникахъ о mercatores или negotiatores. Если понимать подъ купцомъ профессіональнаго торговца, то никакое толкованіе въ мірѣ не въ состояніи будетъ объяснить, какимъ образомъ въ 1075 г. Райхенаускій аббатъ однимъ росчеркомъ пера превратилъ крестьянъ изъ Алленсбаха и ихъ потомство въ купцовъ (ut ipsi et eorum posteri sint mercatores). И все же Sieveking, въ „Vierteljahrschrift für Social-u. Wirtschaftsgeschichte", II (1904), стр. 191 и слѣд., впадаетъ въ прежнюю ошибку. Онъ упускаетъ изъ виду, что въ источникахъ подъ словомъ „купецъ" подразумѣвается всякій, кто являлся на рынокъ со своимъ товаромъ,—кто бы онъ ни былъ, горожанинъ или крестьянинъ, ремесленникъ или торговецъ,—и что даже тотъ, кто посѣщалъ рынокъ въ качествѣ покупателя, въ средніе вѣка назывался „купцомъ".

Мы не можемъ здѣсь дольше останавливаться ни на вопросѣ о развитіи городского строя съ его коммунальнымъ іерархическимъ самоуправленіемъ, ни на томъ политическомъ значеніи, какого достигли города Германіи, Франціи и Италіи въ позднѣйшее средневѣковье. Насъ интересуетъ только тотъ уже сложившійся экономическій строй, центромъ котораго являлись города.

Если мы возьмемъ карту Священной Римской имперіи и нанесемъ на ней тѣ мѣста, которыя къ концу среднихъ вѣковъ обладали городскимъ правомъ (ихъ будетъ около 3000), то вся страна окажется усѣянной городами, расположенными другъ отъ друга въ среднемъ на разстояніи 4—5 часовъ ѣзды на югѣ и западѣ и 6—8 часовъ на сѣверѣ и востокѣ. Не всѣ города имѣли одинаковое значеніе; но всѣ они въ свое время были (или по крайней мѣрѣ старались быть) средоточіями территоріальныхъ хозяйственныхъ округовъ и вели столь же самодовлѣющую жизнь, какъ раньше помѣстья. Чтобы составить себѣ представленіе о размѣрахъ этихъ округовъ, вообразимъ себѣ всю страну распредѣленною равномѣрно между городами. Тогда въ юго-западной части Германіи на городъ въ среднемъ придется около 2—2½ квадратныхъ миль, въ центральной и сѣверо-западной части 3—4, въ восточной 5—8 миль. Представимъ себѣ, что городъ находится всегда въ центрѣ такого округа, и мы убѣдимся, что почти во всей Германіи крестьянинъ даже изъ отдаленныхъ селеній могъ въ одинъ день добраться до городского рынка и къ вечеру вернуться домой [1]).

Все городское рыночное право, какъ оно было установлено сначала владѣльцами городовъ, а затѣмъ городскими совѣтами, сводится къ двумъ главнымъ положеніямъ; все должно покупаться публично и изъ первыхъ рукъ, и все, что можетъ быть произведено въ самомъ городѣ, должно быть дѣйствительно произведено въ немъ. Торговля произведеніями мѣстной промышленности запрещалась всѣмъ, даже ремесленникамъ; для привезенныхъ въ городъ товаровъ она разрѣшалась лишь послѣ того, какъ они были выставлены на рынкѣ и остались непроданными. Цѣль этихъ постановленій заключалась въ возможно болѣе полномъ и дешевомъ обез-

---

[1]) Хотя со времени среднихъ вѣковъ многіе пункты утратили городское право, а другіе, наоборотъ, пріобрѣли его, все же число мѣстъ, носящихъ въ настоящее время названіе городовъ, даетъ приблизительно вѣрное представленіе. Въ среднемъ въ настоящее время на городъ приходится квадратныхъ километровъ: въ Баденѣ—182, въ Вюртембергѣ—134, въ Эльзасъ-Лотарингіи—137, въ Гессенѣ—118, въ корол. Саксоніи—105, въ Гессенъ-Нассау—145, въ Рейнской провинціи—193, въ Вестфаліи—196, въ провинціи Саксоніи—175, въ Бранденбургѣ—291, въ корол. Баваріи—328, въ Ганноверѣ—341, въ Шлезвигъ-Гольштиніи—350, въ Помераніи—412, въ Западной Пруссіи—473, въ Восточной Пруссіи—552.— Лихорадочное стремленіе основывать города, наблюдаемое въ средніе вѣка у многихъ территоріальныхъ государей, вызвало возникновеніе большого числа нежизнеспособныхъ городовъ. Какъ извѣстно, Саксонское зерцало воспрещаетъ это: „Man enmuz cheinen markt buwen deme andern einer mile nah" (не слѣдуетъ устраивать одинъ рынокъ на разстояніи одной мили отъ другого рынка). Weiske III, 66 § 1.

печенія мѣстнаго потребителя и надлежащемъ удовлетвореніи иногороднихъ при покупкѣ ими произведеній городскихъ промысловъ.

Области привоза и сбыта городского рынка другъ съ другомъ совпадали. Сельскіе жители привозили съѣстные припасы и сырье и за выручку покупали трудъ городского ремесленника либо непосредственно въ формѣ отдачи ему матеріала для обработки, либо косвенно въ видѣ готовыхъ издѣлій, заранѣе заказанныхъ или купленныхъ прямо съ ларя ремесленника на рынкѣ. Горожанинъ и крестьянинъ находились такимъ образомъ въ отношеніи обоюдныхъ заказчиковъ: въ томъ, что производилъ одинъ, нуждался другой, при чемъ большая часть этихъ мѣновыхъ сдѣлокъ совершалась безъ посредства денегъ или такимъ образомъ, что деньгами пользовались только для уравненія разницы въ цѣнности.

Городское ремесло обладало исключительнымъ правомъ сбыта на рынкѣ. Издѣлія ремесла, произведенныя въ другихъ городахъ, допускались лишь въ томъ случаѣ, если данное ремесло не имѣло представителя въ городѣ. Обыкновенно же они привозились иногородними производителями лишь для продажи на ярмаркѣ, и только въ этомъ одномъ пунктѣ различные городскіе рынки приходили въ соприкосновеніе другъ съ другомъ. Но существеннымъ является то, что и здѣсь соблюдался принципъ непосредственнаго сбыта продуктовъ производителемъ потребителю, да и вообще это были исключительные случаи. Если какое-нибудь ремесло отсутствовало въ городѣ, вслѣдствіе того, что оно не могло пропитывать, то городской совѣтъ призывалъ изъ другихъ мѣстностей искуснаго мастера и освобожденіемъ его отъ податей, а равно установленіемъ другихъ привилегій въ его пользу старался склонить его къ поселенію въ городѣ. Если ему нуженъ былъ болѣе или менѣе значительный основной капиталъ, то городская община сама приходила ему на помощь, устраивала на свой счетъ мастерскія, лавки, мельницы, шлифовальни, рамы для сушки сукна, бѣлильни, красильни, валяльныя мельницы и т. п. — все съ тою же цѣлью возможно болѣе разносторонняго удовлетворенія потребностей городскихъ жителей издѣліями мѣстнаго производства.

Непосредственныя сношенія ремесленника съ потребителемъ его издѣлій уже и сами по себѣ должны были поддерживать въ первомъ чувство личной отвѣтственности; но этотъ моментъ этическаго характера старались еще усилить особыми мѣрами. Ремесло представляетъ собою извѣстную повинность, службу, которая должна отправляться въ видахъ общественной пользы. Мастеръ обязанъ производить «правильную» работу. На тѣ случаи, когда ремесленникъ предоставляетъ въ распоряженіе заказчика свой трудъ, установлена такса — опредѣлено, сколько онъ долженъ получать, работая у заказчика, въ видѣ поденной платы и харчей. Если заказчикъ самъ даетъ матеріалъ ремесленнику на домъ (напримѣръ: олово — оловянщику, золото и серебро — золотыхъ дѣлъ мастеру, пряжу — ткачу), то принимаются мѣры, чтобы матеріалъ не былъ замѣненъ худшимъ сортомъ. Для ремесленниковъ же, работающихъ изъ сво-

его матеріала, устроены — на рынкѣ, около церквей у городскихъ воротъ, на нѣкоторыхъ улицахъ — ряды, нерѣдко служащіе одновременно и мастерскими (хари для пекарей, мясниковъ, портняжныя, суконныя, скорняжныя, сапожныя лавки и т. п.). По рыночнымъ правиламъ, всѣ продавцы одного и того же товара должны имѣть свои лавки рядомъ и продавать свои товары на началахъ свободной конкурренціи, подъ наблюденіемъ рыночнаго старосты и надсмотрщиковъ; правило это отчасти распространялось и на ремесленниковъ, работающихъ въ своихъ домахъ на заказъ; они обыкновенно живутъ рядомъ на одной и той же улицѣ. Многіе нѣмецкіе города сохранили и понынѣ воспоминаніе объ этомъ въ названіяхъ улицъ (сапожныя, кожевенныя, ткацкія, бондарныя), изъ которыхъ большая часть выходитъ прямо на прежнее рыночное мѣсто. Такимъ образомъ, и по внѣшнему виду большая часть города, если не весь городъ, представлялъ собою сплошной обширный рынокъ. Извѣстны также многочисленныя постановленія въ интересахъ потребителя, которыми опредѣлялось качество сырого матеріала, способы производства, длина и ширина штуки сукна и даже прямо цѣны продуктовъ.

Подобно тому, какъ городской производитель пользуется исключительнымъ правомъ сбыта своихъ промышленныхъ издѣлій въ городѣ и городскомъ округѣ, городской потребитель въ предѣлахъ той же области обладаетъ исключительнымъ правомъ купли привозныхъ товаровъ. Но такъ какъ для этого нужно, чтобы привозные товары дѣйствительно доставлялись на рынокъ и въ теченіе нѣкотораго времени выставлялись тамъ для продажи, то съ этой цѣлью устанавливается складочное право: запрещается продавать эти товары въ селахъ и на пути въ городъ, а продажа ихъ торговцамъ, ремесленникамъ и иногороднимъ допускается лишь послѣ того, какъ удовлетворены городскіе потребители—и то съ ограниченіемъ, что, по желанію потребителей, они должны уступить часть купленнаго послѣднимъ; наконецъ, и обратный вывозъ разъ привезенныхъ на рынокъ товаровъ также запрещается или разрѣшается лишь послѣ трехдневнаго безрезультатнаго нахожденія ихъ на рынкѣ.

Но по отношенію къ иногороднему продавцу господствуетъ глубоко укоренившееся недовѣріе. Этому именно обязана своимъ существованіемъ своеобразная форма посредничества при обмѣнѣ черезъ маклеровъ, мѣрильщиковъ, вѣсовщиковъ. Въ наше время государство посредствомъ наложенія клейма и полицейскаго контроля надзираетъ за правильностью мѣръ и вѣсовъ, предоставляя, однако, покупателямъ и продавцамъ вступать въ обмѣнъ по своему усмотрѣнію. Въ средніе вѣка не было надлежащихъ техническихъ приспособленій для установки точныхъ мѣръ и вѣсовъ и ихъ повѣрки. Употреблялись же вмѣсто гирь обыкновенные булыжники (на франкфуртской ярмаркѣ въ XV в. даже деревяшки). Но чтобы все-таки обезпечить правильное опредѣленіе количества обмѣниваемыхъ предметовъ, пользованіе мѣрами и вѣсами не предостав-

лялось участвующимъ въ обмѣнѣ лицамъ, а было передано въ руки особыхъ должностныхъ лицъ, которыя должны были всегда присутствовать при продажѣ товаровъ иногородними. Обязанность этихъ маклеровъ заключалась въ томъ, чтобы свести покупателя съ продавцомъ, быть посредникомъ при опредѣленіи цѣны, испытывать товаръ со стороны доброкачественности, содѣйствовать покупателю при выбираніи его и заботиться о правильной доставкѣ. Вести самостоятельныя торговыя дѣла имъ воспрещалось; не разрѣшалось даже предъ отъѣздомъ иностранныхъ торговцевъ, которые обыкновенно останавливались у нихъ, пріобрѣтать оставшіеся непроданными остатки товаровъ.

Эта система непосредственнаго обмѣна проводится во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ, хотя и съ различными мѣстными особенностями, во всѣхъ средневѣковыхъ городахъ. Отсюда слѣдуетъ, что къ этому вынуждали тѣ жизненныя условія, на которыхъ покоились основныя положенія этой системы. Насколько, однако, послѣдняя была фактически проведена въ жизнь, можно судить, лишь разобравъ вопросъ: какое положеніе при этомъ занимала торговля?

Существованіе въ городахъ осѣдлой розничной торговли несомнѣнно установлено. Сюда относятся всѣ тѣ лица, которыя «продаютъ по мелочамъ (Pfennwerte) для бѣдныхъ людей». Чтобы понять это, нужно помнить, что состоятельные люди все необходимое покупали обыкновенно на базарахъ и ярмаркахъ, непосредственно отъ иногороднихъ торговцевъ. Бѣдные же люди не могли запасаться на долгое время; они, какъ и теперь, жили изо дня въ день. Для нихъ-то и держалъ запасы мелочный торговецъ, сбывавшій товаръ въ розницу.

Выдѣляются три группы такихъ розничныхъ торговцевъ: лавочники, разносные торговцы (Hocken) и суконщики (Gewandschneider oder Gadenleute). Послѣдніе занимали въ раннiй періодъ городской жизни наиболѣе почетное положеніе, ибо въ многихъ городахъ еще не было мѣстнаго промысла шерстяныхъ тканей. Съ появленіемъ этого производства, дѣятельность ихъ ограничилась продажею тонкаго нидерландскаго сукна, шелковыхъ и бумажныхъ тканей, или же они вовсе вынуждены были уступить свое мѣсто въ гостином дворѣ ткачамъ.

Оптовая торговля была исключительно кочевая, рыночная и ярмарочная, и большинство городовъ до конца среднихъ вѣковъ не видали въ стѣнахъ своихъ осѣдлыхъ купцовъ, которые занимались бы постоянно и исключительно оптовой торговлей. Ей подлежали только тѣ предметы, которые не производились въ предѣлахъ городской округи. Мы можемъ насчитать всего пять предметовъ такого рода, а именно: 1) пряности и южные плоды; 2) сушеную и соленую рыбу, потребленіе которой въ то время являлось обычнымъ въ народѣ; 3) мѣха; 4) тонкія сукна; 5) для сѣверогерманскихъ городовъ—также вино. Для нѣкоторыхъ частей Германіи сюда можно отнести еще соль. Но большею частью городской совѣтъ самъ выписывалъ соль оптомъ съ мѣстъ ея добыванія, сохранялъ ее въ

собственныхъ складахъ и съ нѣкоторой надбавкой въ цѣнѣ пускалъ ее черезъ лавочниковъ и толкачей (съ уступкой послѣднимъ) въ въ продажу. Иностранные оптовые торговцы [1]) могли обыкновенно продавать свой товаръ только цѣлыми партіями, или же въ количествѣ не менѣе опредѣленнаго вѣса (пряности, напримѣръ, въ количествѣ не менѣе $12^1/_2$ фунтовъ). Продажей по мелочамъ занимались уже городскіе лавочники и разносные торговцы. То же относится и къ нѣкоторымъ крупнымъ производителямъ, напримѣръ, къ кузнецамъ; желѣзо, не проданное кузнецамъ и частнымъ лицамъ, они могли сбывать мелочнымъ торговцамъ желѣзомъ.

Если и трудно топографически точно обозначить границы области ввоза и сбыта рынка средневѣковаго города, ибо для каждаго товара они естественно имѣли иные размѣры, то все же въ экономическомъ отношеніи эта область является вполнѣ замкнутой. Каждый городъ съ окружными селеніями («Landschaft») составлялъ автономную хозяйственную единицу, внутри которой вся экономическая жизнь отъ начала до конца протекала совершенно самостоятельно. Эта самостоятельность выражалась въ собственной монетѣ, собственныхъ мѣрахъ и вѣсахъ для каждой городской территоріи. Отношеніе между городомъ и деревней является фактически принудительнымъ, подобно отношенію главы къ членамъ, и обнаруживаетъ сильную тенденцію превратиться и въ принудительное правовое отношеніе. На это ясно указываетъ существованіе городской округи (Bannmeile), запрещеніе ввоза и вывоза, дифференціальныя пошлины, пріобрѣтеніе собственной земли большими городами.

Сколько бы ни говорили противъ выведенія городского строя изъ барщиннаго, мы все же можемъ понять и объяснить себѣ хозяйственный строй города лишь какъ дальнѣйшее развитіе помѣстной организаціи. То, что въ этой организаціи имѣлось только въ зачаточномъ состояніи, превратилось въ законченные органы и системы органовъ; что въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ свалено было въ безформенную кучу, разошлось въ разныя стороны путемъ дифференціаціи и обособленія. Принудительное раздѣленіе труда въ крѣпостномъ помѣстьи превратилось въ свободное раздѣленіе производства между крестьянами и горожанами, а у горожанъ дало, въ свою очередь, пестрое многообразіе различныхъ профессій. Рабочій барщиннаго двора, производящій необходимые въ хозяйствѣ предметы, превратился въ работающаго по заказу потребителя ре-

---

[1]) G. v. Below въ Jhb. f. N. Oek. u. Stac. (3 F. Bd. XX (1900), стр. 1 и сл.) также доказываетъ, что въ средніе вѣка не было особой группы оптовыхъ торговцевъ; характернымъ для этого періода является соединеніе оптовой и розничной торговли въ одномъ лицѣ. Онъ возстаетъ поэтому противъ употребленія для того времени выраженія „оптовый торговецъ", не будучи однако въ состояніи доказать, что вообще не существовало оптовыхъ торговцевъ, которые бы не были одновременно и розничными торговцами. Срвн. F. Keutgen: Der Grosshandel im M. A. in d. Hansischen Geschichtsbl. 1901, стр. 67 и слѣд. и противъ него Below: Histor. Ztschr. N. F. Bd. LV, стр. 455 и слѣд.

месленника, который съ теченіемъ времени обзаводится не только собственной мастерской, но и собственными орудіями производства. Пуповина между вотчиннымъ и крестьянскими хозяйствами разрѣзана; отдѣльныя хозяйства начинають вести самостоятельную жизнь; отношенія между ними регулируются не по принципу общей, а по принципу специальной на каждый случай оцѣнки отдаваемаго и получаемаго. Правда, и горожане еще не совсѣмъ оторваны отъ земли; производство еще крѣпко сидитъ въ тискахъ домашняго хозяйства; однако уже образовались професcія земледѣльца, ремесленника, торговца, вслѣдствіе чего хозяйство и жизнь этихъ послѣднихъ пошли по особому пути. Общество дифференцировалось; образовались сословія, которыхъ прежде не было.

Весь кругъ хозяйственныхъ явленій, по сравненію съ замкнутымъ хозяйствомъ, представляется болѣе богатымъ и разнообразнымъ; отдѣльныя хозяйства по количеству своихъ членовъ стали меньше; они находятся въ зависимости другъ отъ друга; они исполняютъ другъ за друга извѣстнаго рода функціи; мѣновая цѣнность получаетъ уже рѣшающее значеніе въ ихъ внутренней жизни. Однако производительная единица все еще совпадаетъ съ потребительной: даже чужой подмастерье ремесленника или приказчикъ купца являются членами его домохозяйства, подчиненными его дисциплинарной власти. Онъ ихъ хозяинъ, они его слуги («Knechte»).

И въ этомъ періодѣ еще большая часть предметовъ не выходитъ изъ того хозяйства, въ которомъ она произведены. Меньшая часть путемъ обмѣна переходитъ въ другія хозяйства; но путь, который она совершаетъ, очень коротокъ: отъ производителя къ потребителю. Обращенія предметовъ не существуетъ. Исключеніе составляютъ немногіе предметы внѣшней торговли и громвые товары; только они становятся товарами; только они должны пройти нѣсколько разъ черезъ денежную форму, пока они достигнутъ своего назначенія въ домохозяйствѣ. Но дѣло идетъ объ исключительныхъ явленіяхъ въ системѣ прямого обмѣна, а не о существенныхъ элементахъ хозяйственнаго строя.

Хотя и имѣется уже народно-хозяйственное раздѣленіе труда и профессіональная дифференцировка, но все же нѣтъ еще ни постоянныхъ предпріятій, ни предпринимательскаго капитала. Самое большее—могла бы быть рѣчь о торговомъ капиталѣ. Ремесло представляетъ собой исполненіе извѣстной работы, а не предпріятіе. Когда оно имѣетъ форму работы на дому у заказчика (Stör) или въ мастерской, но изъ полученнаго отъ потребителя матеріала (Heimwerk), капиталъ совершенно не играетъ никакой роли. Ремесло присоединяетъ трудъ за извѣстную плату къ чужому матеріалу, а даже тамъ, гдѣ ремесленникъ имѣетъ собственныя средства производства, увеличеніе цѣнности продукта происходитъ не вслѣдствіе того, что онъ при производствѣ поглощаетъ все новыя части капитала, приносящаго владѣльцу прибыль, а потому, что въ него вкладывается трудъ, вознагражденіе за который непосредственно заключается въ продажной цѣнѣ продукта.

Количество капиталовъ, отдаваемыхъ и получаемыхъ въ кредитъ, также крайне ничтожно. Сомнительно даже, можно ли вообще говорить о кредитныхъ операціяхъ въ средневѣковомъ обмѣнѣ. Раннія ступени мѣнового хозяйства представляютъ собой обмѣнъ на наличныя; дается лишь при условіи немедленнаго полученія эквивалента. Почти весь кредитъ облекается въ форму купли. Такой характеръ онъ имѣетъ въ крестьянскомъ наслѣдственномъ держаніи и въ чиншевой арендѣ городской земли для построекъ, гдѣ имущество является платой за право на чиншъ [1]). Такъ это было въ старомъ залоговомъ правѣ, согласно которому предоставленный въ пользованіе «кредитора», въ качествѣ предварительнаго эквивалента, земельный участокъ переходилъ въ его владѣніе въ случаѣ неуплаты должникомъ долга. Съ хозяйственной стороны это отношеніе нисколько не отличается отъ продажи съ правомъ обратной покупки, да и съ юридической точки зрѣнія между ними, по общему признанію, невозможно установить отличій. Тотъ же характеръ имѣетъ наиболѣе обычная кредитная операція средневѣковыхъ городовъ—покупка ренты, какъ на это указываетъ уже самое обозначеніе ея какъ «покупки». Цѣной является отдаваемый капиталъ, предметомъ купли—право на полученіе ежегодной ренты, которую предоставляетъ лицо, получающее капиталъ подъ обезпеченіе принадлежащаго ему дома, съ тѣмъ, что каждый владѣлецъ дома обязанъ выплачивать эту ренту. Рента носитъ характеръ вещнаго обремененія и первоначально не могла быть выкуплена; обязавшійся отвѣчалъ за нее тѣмъ домомъ или земельнымъ участкомъ, который обремененъ ею, но ничѣмъ другимъ изъ прочаго своего имущества. Купившій ренту разстается съ уплаченнымъ капиталомъ навсегда; документъ, дающій право на полученіе ренты, можетъ быть передаваемъ безъ всякихъ формальностей, какъ бумага на предъявителя. Такимъ образомъ здѣсь исчезаетъ всякое личное отношеніе, отсутствуетъ моментъ довѣрія, присущій кредиту. Тотъ же характеръ носитъ обратная покупка ренты; она представляетъ покупку ренты съ правомъ выкупа.

Какъ въ сдѣлкахъ съ недвижимымъ имуществомъ, такъ и въ сдѣлкахъ на движимость кредитъ является ничѣмъ инымъ, какъ «смягченной куплей-продажей на наличныя». Залогъ, какъ говоритъ Гейслеръ, есть временный эквивалентъ, который лишь можетъ быть выкупленъ должникомъ (Verfallpfand), а не предметъ, который кредиторъ только въ случаѣ неуплаты можетъ употребить на покрытіе долга, реализовавъ его путемъ продажи (Verkaufspfand). Залоговыя ссудныя кассы евреевъ [2]) фактически имѣютъ то же значеніе, что и современныя торговыя операціи съ правомъ обратной

---

[1]) Сравн. относящіяся къ этому вопросу весьма ясныя сужденія у A. Heusler'a: Institutionen des deutschen Privatrechts II, стр. 128 и сл. и Kuske: Das Schuldenwesen der deutschen Städte im Mittelalter (Erg. Heft XII къ Ztschr. f. d. ges. Staatsw.).

[2]) Сравн. мое соч. „Bevölkerung von Frankfurt“, I, стр. 573 и сл.

покупки, а «кредитъ товаромъ», допускаемый нашими ремесленниками и лавочниками, въ средніе вѣка облекаются въ форму купли подъ залогъ [1]). Если при этомъ мы будемъ имѣть въ виду, что личный кредитъ того времени согласно договору почти всегда подчинялъ должника залоговому праву кредитора, что получить деньги можно было только при многочисленныхъ поручительствахъ, заложникахъ и на подобныхъ тому тягостныхъ условіяхъ, что кредиторъ выговаривалъ себѣ право, въ случаѣ неуплаты въ срокъ, занять деньги у евреевъ, возложивъ убытки на должника, что если должникъ былъ чужой, то за долгъ отвѣчали своимъ имуществомъ его согражданс или зависимые отъ него крестьяне,—тогда намъ станетъ ясно, что о кредитѣ въ современномъ смыслѣ въ средневѣковомъ городскомъ хозяйствѣ не можетъ быть и рѣчи [2]).

Два момента въ этой области должны казаться особенно странными тому, кто изучалъ категоріи современнаго хозяйства: во-первыхъ, что невещественныя цѣнности чрезвычайно часто становятся хозяйственными благами и подлежатъ обмѣну, и во-вторыхъ—отношеніе къ нимъ торговаго права какъ къ недвижимостямъ. На нихъ-то лучше всего видно, какъ нарождающееся мѣновое хозяйство, стѣсненное тогдашней организаціей производства, стремилось расшириться, неуклюже хватаясь за все и превращая все въ мѣновую цѣнность, неизмѣримо расширяя такимъ образомъ область частнаго права. Что только ни одалживали, дарили, продавали, закладывали въ средніе вѣка! Сеньоріальную власть надъ землями и городами, права графовъ и фогтовъ, сотскіе и областные суды, духовный санъ, церковный патронатъ, баналитеты, право на перевозный и подорожный сборъ, право чеканить монету, собирать пошлину, право охоты, рыбной ловли, порубки и разведенія лѣса, сборъ десятины, оброки, чиншъ, ренту, вообще всякаго рода реальныя повинности! Съ хозяйственной точки зрѣнія всѣ эти права и «отношенія» имѣютъ съ землевладѣніемъ ту общую черту, что они связаны съ мѣстомъ ихъ осуществленія и не могутъ быть произвольно увеличены.

Доходъ и имущество и на этой ступени развитія еще не вполнѣ ясно отдѣлились другъ отъ друга. Когда въ 1451 г. въ Базелѣ была введена «новая фунтовая пошлина», то предписывалось взимать ее: 1) съ покупной цѣны товаровъ, 2) съ капиталовъ, внесенныхъ за покупку рентъ и доходовъ и 3) съ полученныхъ

---

[1]) Сравн. Stieda: Jhb. f. N. Oek. u. Stat. XXVII, стр. 104.

[2]) Поразительное сходство съ характеромъ и правовыми формами средневѣкового кредита имѣетъ кредитъ у грековъ. И у нихъ покупка и ссуда переходятъ одно въ другое, и языкъ не дошелъ до яснаго различенія понятій „покупать“, „закладывать“, „арендовать“, „нанимать“. Греческое залоговое право въ его основахъ вполнѣ согласно съ древне-германскимъ. Сравн. K. F. Hermann: Lehrbuch der griech. Privataltertümer mit Einschluss der Rechtsaltertümer §§ 67 и 68. Можно также для сравненія взять древне-римскую fiducia и развившійся изъ нея pignus.

рентъ [1]). Съ каждаго фунта взималось 4 пфеннига — все равно, получались ли они съ покупной цѣны, капитала или ренты. Въ первомъ случаѣ по нашей терминологіи рѣчь идетъ о валовомъ доходѣ, во второмъ—объ имуществѣ, въ третьемъ—о чистомъ доходѣ, и однако всѣ три случая трактуются одинаково [2]).

Тѣмъ не менѣе двѣ современныя категоріи дохода начинаютъ выступать яснѣе, а именно: земельная рента и заработная плата. Послѣдняя, впрочемъ, носитъ своеобразный характеръ; она представляетъ собой плату, получаемую ремесленникомъ, т. е. вознагражденіе за пользованіе потребителемъ рабочей силой ремесленника, а не такъ, какъ въ настоящее время,—плату наемнаго рабочаго, получаемую отъ предпринимателя. Правда, зачатки этой послѣдней мы находимъ въ незначительномъ денежномъ вознагражденіи, которое ремесленникъ даетъ подмастерью сверхъ харчей, вслѣдствіе чего послѣдній имѣетъ возможность удовлетворять небольшую часть своихъ потребностей по своему усмотрѣнію. Предпринимательская прибыль имѣется только въ торговлѣ, и, слѣдовательно, какъ и послѣдняя, составляетъ исключеніе; при томъ, вслѣдствіе связи торговли съ транспортомъ, она гораздо болѣе перемѣшана съ элементами заработной платы, чѣмъ современная торговая прибыль. Процентъ на капиталъ обычно принимаетъ характеръ земельной ренты, и то же можно сказать о всякаго рода сборахъ съ обращенія. Такъ какъ кредитныя операціи обыкновенно облекаются въ форму купли-продажи, то для кредитора онѣ равны окончательному отчужденію части имущества взамѣнъ полученія ежегоднаго дохода или продолжительнаго пользованія какимъ-нибудь предметомъ (чиншъ при наслѣдственной арендѣ, натуральный доходъ съ заложеннаго участка земли при закладныхъ, земельный оброкъ, рента при покупкѣ дохода). На этой почвѣ возникаетъ одновременно и древнѣйшая вѣтвь личнаго страхованія, и главная форма публичнаго кредита—покупка пожизненныхъ рентъ. Скопившіеся въ отдѣльныхъ хозяйствахъ наличные запасы иммобилизуются, слѣдовательно, большею частью въ видѣ земли, или же поступаютъ въ хозяйство публичныхъ союзовъ, а затѣмъ возвращаются по частямъ, идущимъ на потребленіе, къ прежнему ихъ собственнику, пока они не исчезаютъ съ его смертью.

Хозяйство публичныхъ союзовъ все еще носитъ преимущественно характеръ частнаго хозяйства. Государство получаетъ доходы главнымъ образомъ съ доменъ, регалій, въ видѣ десятины, барщины, службъ, поземельнаго оброка, пошлинъ; городъ—съ рыночныхъ сборовъ и налоговъ на предметы потребленія [3]). Един-

---

[1]) Сравн. Schönberg: Finanzverhältnisse der Stadt Basel im XIV и XV Jh., стр. 267.

[2]) Примѣры подобнаго же рода приведены и въ моей статьѣ о двухъ средневѣковыхъ формахъ обложенія: Kleinere Beiträge zur Geschichte von Dozenten der Leipziger Hochschule. Festschrift zum dritten Historikertage, Leipzig 1894, стр. 163 и слѣд.

[3]) Т. наз. „Ungelder“. Интересна противоположность между Ungeld и

ственнымъ прямымъ налогомъ все еще является налогъ съ имущества, кое-гдѣ перемѣшанный съ элементами подоходнаго налога. Онъ, правда, взимается чаще, чѣмъ въ предыдущемъ періодѣ, но все еще не взимается регулярно.

Экономическое господство городовъ надъ окружающими селеніями въ Германіи лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ перешло въ господство политическое. Въ Италіи тотъ же процессъ привелъ къ развитію тираніи городовъ; во Франціи короли при помощи феодальнаго дворянства рано подавили зачатки автономіи свободныхъ городскихъ коммунъ. Это произошло вслѣдствіе того, что въ Германіи и во Франціи все, что лежало за городскими стѣнами, состояло изъ феодальныхъ владѣній. Крупные феодалы, правда, давно уже бросили личное управленіе своими землями, и землевладѣніе стало для нихъ просто источникомъ ренты, такъ же какъ владѣніе землей и домами въ городахъ для патриціевъ. Но ихъ первоначальная экономическая власть превратилась въ политическую, и феодальный владѣлецъ сталъ государемъ, а въ теченіе этого процесса образовался новый многочисленный классъ мелкихъ землевладѣльцевъ-дворянъ, интересы которыхъ, чисто аграрные, тѣсно связаны были съ интересами государей. Въ этомъ-то и кроются причины той ожесточенной борьбы въ Германіи между горожанами и дворянствомъ, которая заполняетъ собой послѣднія столѣтія средневѣковья. Въ результатѣ города хотя и отстояли свою политическую автономію, пріобрѣтенную у городскихъ владѣльцевъ главнымъ образомъ путемъ купли и невыкупленныхъ залоговъ, но имъ не удалось вырвать изъ рукъ феодальныхъ властей крестьянское сословіе.

Можно поэтому сказать, что развитіе городского хозяйства въ Германіи и Франціи осталось незаконченнымъ, ибо ему не удалось сдѣлать то, чего фактически добились наиболѣе сильныя образованія періода замкнутаго домашняго хозяйства: обезпечить за областью экономическаго могущества политическую самостоятельность. И быть можетъ это было счастьемъ. Въ Италіи городской капиталъ широко экспропріировалъ крестьянина и превратилъ его въ жалкаго половника, эксплоатируемаго и по сей день; въ Германіи дворянству хотя и удалось надѣть на него крѣпостное ярмо, но зародившаяся въ княжествахъ идея государственности съумѣла предохранить его отъ пролетаризаціи.

3. *Народное хозяйство.*

Развитіе народнаго хозяйства является, главнымъ образомъ, плодомъ политической централизаціи, начавшейся къ концу среднихъ вѣковъ съ возникновеніемъ территоріальныхъ государствен-

---

Geld. Послѣднее есть общее выраженіе для купленной ренты. Geld, слѣдовательно, представляетъ собою ежегодный доходъ оплаченный, а Ungeld—не оплаченный.

ныхъ союзовъ и завершившейся въ новое время созданіемъ единаго національнаго государства. Объединеніе экономическихъ связъ идетъ рука объ руку съ подчиненіемъ сепаратныхъ политическихъ интересовъ высшимъ цѣлямъ единаго государственнаго цѣлаго.

Въ Германіи носителями идеи современнаго государства были государи отдѣльныхъ крупныхъ территорій, которые боролись за нее съ помѣстнымъ дворянствомъ и городами; правда, трудности были при этомъ значительныя, въ особенности тамъ, гдѣ территорія была сильно раздроблена. Уже со второй половины XV столѣтія мы замѣчаемъ здѣсь нѣкоторые признаки болѣе тѣснаго экономическаго сплоченія: установленіе единой для всей страны монетной системы вмѣсто многочисленныхъ городскихъ, изданіе общихъ для всей страны постановленій, касающихся торговли, рынковъ, промысловъ, лѣсоводства, рудниковъ, охоты и рыболовства; постепенное образованіе системы государственныхъ привилегій и концессій; введеніе земскихъ положеній, приведшихъ къ большему правовому единству; учрежденіе правильнаго государственнаго хозяйства.

Въ то время, какъ въ Германіи еще въ теченіе многихъ вѣковъ преобладали мѣстные интересы, и именно о нихъ разбивались стремленія имперской власти создать національную экономическую политику, другія западно-европейскія страны—Испанія, Португалія, Франція и Нидерланды—съ XVI вѣка выступаютъ и съ внѣшней стороны какъ сплоченныя экономическія единицы, развивающія мощную колоніальную политику, съ цѣлью воспользоваться богатствами вновь открытыхъ заокеанскихъ странъ.

Во всѣхъ этихъ государствахъ, хотя и въ различной степени, происходитъ борьба съ феодальнымъ дворянствомъ, городами, провинціями, духовными и свѣтскими корпораціями. Ближайшей цѣлью ея, конечно, было уничтоженіе сохранившихся со средневѣковаго періода самостоятельныхъ группъ, препятствовавшихъ политическому объединенію страны. Но въ глубинѣ этого движенія, приведшаго къ развитію государственнаго абсолютизма, таится всемірно-историческая идея того, что для новыхъ болѣе значительныхъ культурныхъ задачъ человѣчества необходима единая организація цѣлыхъ народовъ, широкая, живая общность интересовъ, которая однако могла возникнуть лишь на почвѣ общаго хозяйства. Каждая часть страны, каждая группа населенія должна была для общаго блага взять на себя такія задачи, которыя, смотря по культурѣ ея и природнымъ дарованіямъ, она лучше всего могла бы выполнить. Является необходимость въ царскомъ распредѣленіи функцій, въ охватывающей все населеніе профессіональной дифференціаціи, что въ свою очередь предполагало значительное развитіе путей и средствъ сообщенія и оживленный обмѣнъ товаровъ среди населенія. Если въ древности въ хозяйствѣ все было направлено къ автономному удовлетворенію потребностей дома, а въ средніе вѣка—къ обезпеченію всѣмъ необходимымъ города, то теперь

образуется въ высшей степени сложная и искусная система національнаго удовлетворенія потребностей.

Осуществленіе этой системы составляетъ съ XVI до XVII столѣтія цѣль экономической политики всѣхъ передовыхъ европейскихъ государствъ. Мѣропріятія, направленныя къ этой цѣли, являются почти со всѣхъ деталяхъ снимкомъ съ экономической политики средневѣковыхъ городовъ [1]), съ той только разницей, что мѣсто городского совѣта занялъ государь („Landesvater"), а на мѣсто хозяйственной политики, не видящей дальше собственной колокольни, выступаетъ забота объ общемъ благѣ всѣхъ „подданныхъ" („Landeskinder"). Эти мѣропріятія соединяютъ обыкновенно подъ названіемъ меркантильной системы. На послѣднюю долгое время смотрѣли какъ на теоретическое построеніе, основывающееся на томъ принципѣ, что богатство страны заключается въ суммѣ наличныхъ денегъ, находящихся въ ея предѣлахъ. Въ настоящее время такое пониманіе, я думаю, всѣми оставлено. Меркантилизмъ есть не мертвая догма, а живая практика всѣхъ крупныхъ государственныхъ людей отъ Карла V до Фридриха Великаго. Его типическимъ выраженіемъ является экономическая политика Кольбера. Уничтоженіе или уменьшеніе внутреннихъ пошлинъ и проѣздныхъ сборовъ, введеніе единой пограничной таможенной системы, обезпеченіе страны необходимыми сырыми продуктами и съѣстными припасами путемъ стѣсненія ихъ вывоза и введенія лѣсной регаліи; содѣйствіе развитію крупной промышленности посредствомъ насажденія новыхъ отраслей, выдачи государственныхъ субсидій и регламентаціи техники, посредствомъ устраненія внѣшней конкурренціи мѣрами таможенной политики; проведеніе искусственныхъ путей сообщенія, сооруженіе каналовъ, портовъ; мѣропріятія къ объединенію системъ мѣръ и вѣсовъ, регулированіе торговаго права и средствъ для сообщенія коммерческихъ извѣстій; забота о развитіи техники, искусства и науки посредствомъ устройства соотвѣтствующихъ государственныхъ учрежденій; организація государственнаго и общиннаго хозяйства; устраненіе неравенства въ податномъ обложеніи—все это служило одной цѣли: создать замкнутое по отношенію къ внѣшнему міру государственное хозяйство, которое въ состояніи было бы удовлетворить національнымъ трудомъ всѣ потребности своихъ подданныхъ и путемъ оживленнаго обмѣна внутри государства использовать въ интересахъ цѣлаго всѣ естественныя богатства страны и всѣ индивидуальныя силы народа. Отмѣчая въ «кольбертизмѣ» свойственное ему поощреніе внѣшней торговли, мореплаванія и колоніальнаго дѣла, слишкомъ часто упускали изъ виду, что эти мѣропріятія одновременно усиливали и внутреннее могущество страны, и что теорія торговаго баланса была необходимостью въ ту эпоху, когда необходимымъ условіемъ перехода

[1]) Относительно германскихъ государствъ это развитіе прекрасно изложено у Schmoller'а въ Jhb. f. Gesetzgeb., Verw. [u. Volksw. VIII (1881), стр. 22 и слѣд.

отъ все еще преобладавшаго производства для личнаго потребленія къ общему мѣновому хозяйству являлось увеличеніе наличныхъ оборотныхъ средствъ страны.

Разумѣется, говоря о мѣропріятіяхъ государства, слѣдуетъ принять во вниманіе и общественныя силы, дѣйствовавшія въ томъ же направленіи. Исходнымъ пунктомъ этихъ послѣднихъ были естественно города. Здѣсь путемъ постепенныхъ измѣненій покупка ренты превратилась въ заемъ подъ проценты, и такимъ образомъ въ теченіе XVI вѣка появился дѣйствительно кредитъ. Въ этомъ сказалось вліяніе торговли, впервые открывшей секретъ добыванія денегъ деньгами. Имущество богатыхъ горожанъ вслѣдствіе освобожденія фондовъ, помѣщаемыхъ прежде въ формѣ рентъ, получило значительно бо́льшую подвижность и способность къ накопленію; къ торговому капиталу присоединился и заемный капиталъ; оба дополняютъ и усиливаютъ другъ друга въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи.

Ближайшимъ послѣдствіемъ этого былъ значительный подъемъ торговли. Отдѣльные города начинаютъ выдѣляться изъ однородной массы средневѣковыхъ рыночно-ремесленныхъ городовъ и превращаются въ административные или торговые центры. Въ Германіи, которая вслѣдствіе распаденія Ганзейскаго союза и измѣненія международныхъ торговыхъ путей, въ значительной степени утратила свое значеніе какъ торговаго посредника для сѣвера, переворотъ этотъ сказался, по крайней мѣрѣ, въ усиливающемся значеніи большихъ ярмарокъ и въ паденіи мѣстныхъ рынковъ. Франкфуртская ярмарка достигла наибольшаго расцвѣта въ XVI столѣтіи, а Лейпцигская еще значительно позднѣе. Но торговый капиталъ вскорѣ не удовлетворяется болѣе ввозомъ и сбытомъ иностранныхъ продуктовъ; онъ становится теперь и капиталомъ скупщика, въ рукахъ котораго сосредоточиваются продукты мѣстной промышленности и избытки крестьянскаго хозяйства. Создается основанное на раздѣленіи труда массовое производство на мануфактурахъ и фабрикахъ, а съ нимъ возникаетъ и классъ наемныхъ рабочихъ. Средневѣковые мѣнялы замѣняются сначала депозитными и переводными банками, а затѣмъ и современными кредитными учрежденіями. Перевозка товаровъ, представлявшая составную часть торговли, обособляется. Возникаетъ государственная почта, газеты, національный торговый флотъ; появляется страхованіе. Повсюду мы находимъ новыя организаціи, имѣющія цѣлью удовлетвореніе экономическихъ потребностей многихъ: національную промышленность, національный рынокъ, національныя учрежденія въ области обращенія товаровъ; повсюду выступаетъ наружу свойственный торговлѣ принципъ капиталистическаго предпріятія.

Извѣстно, какъ абсолютная монархія содѣйствовала этому развитію, какъ часто она, чтобы ускорить этотъ процессъ, искусственно вызывала къ жизни институты, которые не могли возникнуть самостоятельно. Тѣмъ не менѣе, до конца XVIII столѣтія, по крайней мѣрѣ въ Германіи, сохранялся старый, основанный на

городской системѣ хозяйства, правопорядокъ съ цехами и городской чертой, съ запрещеніемъ производить товары въ окружныхъ селахъ и обязанностью покупать ихъ на городскомъ рынкѣ—порядокъ (правда, нѣсколько ограниченный общегосударственными законами), совершенно застывшій и не тронутый новой пробивавшейся вокругъ народно-хозяйственной жизнью и богатствомъ взрощенныхъ ею экономическихъ явленій [1]). Когда фізіократы и Адамъ-Смитъ подвергли эти явленія во Франціи и Англіи научному изслѣдованію, они страннымъ образомъ совершенно упустили изъ виду, что здѣсь дѣло идетъ не о самопроизвольномъ результатѣ чисто общественной дѣятельности, а о продуктѣ воспитательной дѣятельности государства. Препятствія, устраненія которыхъ они требуютъ, были либо окаменѣвшіе остатки болѣе раннихъ ступеней хозяйственной жизни, каковы, напримѣръ, земельныя повинности, цехи, мѣстныя ограничительныя постановленія для иногороднихъ и сельскихъ жителей, ограниченія свободы передвиженія, либо же это были воспитательныя мѣропріятія меркантилизма, вродѣ монополій и привилегій, которыя, достигнувъ своей цѣли, должны были исчезнуть.

Въ отношеніи дальнѣйшаго развитія народнаго хозяйства можно сказать, что буржуазный либерализмъ послѣднихъ вѣковъ только продолжалъ дѣло, начатое государственнымъ абсолютизмомъ. Однако, въ такомъ видѣ это утвержденіе можетъ легко показаться нелѣпостью. Съ внѣшней стороны кажется, что либерализмъ только разрушалъ. Онъ разрушилъ отжившія формы домашняго и городского хозяйства и не создалъ ничего новаго; онъ устранилъ исключительное положеніе и исключительныя права отдѣльныхъ мѣстностей и отдѣльныхъ соціальныхъ группъ, поставивъ взамѣнъ свободную конкурренцію и равноправіе. Но разложивъ такимъ образомъ унаслѣдованное на его элементы, онъ расчистилъ путь истиннымъ народно-хозяйственнымъ формамъ и сдѣлалъ возможнымъ то, чтобы при соотвѣтствующемъ развитіи техники каждая сила могла быть использована для общаго блага именно тамъ, гдѣ въ ней чувствовалась наибольшая потребность.

Хотя либерализмъ поставилъ все дальнѣйшее развитіе народнаго хозяйства на почву свободной самодѣятельности общества и поэтому нерѣдко принималъ направленіе прямо-таки враждебное государству, онъ тѣмъ не менѣе не могъ воспрепятствовать дальнѣйшему развитію современнаго государства въ томъ направленіи, какое оно приняло съ XVI столѣтія, а именно—въ направленіи все болѣе тѣснаго сплоченія всѣхъ частей народа и всѣхъ частей территоріи для выполненія все болѣе значительныхъ культурныхъ задачъ. Для этой цѣли потрудились за послѣдніе три вѣка всѣ крупные государственные люди отъ Кромвеля и Кольбера до Кавура и Бисмарка. Французская революція оказала не менѣе централизующее вліяніе, чѣмъ государственные перевороты послѣднихъ десятилѣтій.

---

[1]) Сравн. также статьи Belowa: „Der Untergang d. mittelalt. Stadtwirtschaft" въ Conrads Jhb. III. F. XXI. стр. 449 и слѣд., 593 и слѣд.

Въ новѣйшей фазѣ этого развитія національный принципъ сталъ краеугольнымъ камнемъ мощной сплачивающей силы. Мелкія территоріальныя государства прежняго времени не могли выполнять широкихъ экономическихъ задачъ современности. Они должны были либо раствориться въ одномъ большомъ національномъ государствѣ, какъ напримѣръ, Италія,—либо, образуя союзное государство, отказаться въ его пользу отъ значительной части своей самостоятельности, въ особенности отъ законодательства въ экономической области, какъ, напримѣръ, отдѣльныя государства Германіи и кантоны Швейцаріи.

Изъ того, что эпоха либерализма значительно облегчила международныя сношенія, нельзя еще заключать, что періодъ народнаго хозяйства приближается къ концу и уступаетъ мѣсто хозяйству міровому. Какъ разъ новѣйшее политическое развитіе въ европейскихъ государствахъ вызвало возвратъ къ идеямъ меркантилизма и отчасти стараго городского хозяйства. Возрожденіе протекціонныхъ пошлинъ, сохраненіе національной монетной системы и національнаго рабочаго законодательства, совершившійся или хотя бы предполагаемый переходъ путей сообщенія въ руки государства, страхованіе рабочихъ, банковая политика и вообще возрастающая дѣятельность государства въ экономической области — все это указываетъ на то, что послѣ періодовъ абсолютизма и либерализма мы вступили въ третій періодъ народнаго хозяйства. Соціальная физіономія этого послѣдняго весьма своеобразна. Теперь уже дѣло не въ томъ только, чтобы возможно самостоятельно и полно удовлетворять народныя потребности національнымъ производствомъ: цѣлью является справедливое распредѣленіе благъ, самостоятельная соціально-экономическая дѣятельность государства, имѣющая въ виду надѣленіе благами культуры всего населенія, въ зависимости отъ его дѣйствій въ хозяйственной сферѣ. Необходимыя для этого мѣропріятія могутъ быть выполнены лишь на широкихъ основаніяхъ; необходимо то тѣсное сліяніе всѣхъ единичныхъ силъ, какое можетъ дать только обширное національное государство.

Правда, въ настоящее время мы находимъ въ Европѣ цѣлый рядъ государствъ, которыя въ отношеніи удовлетворенія своихъ потребностей въ извѣстной мѣрѣ лишены національной самостоятельности; ибо значительное количество пищевыхъ продуктовъ они вынуждены пріобрѣтать изъ-за границы, тогда какъ ихъ промышленность далеко переросла потребности народа и даетъ постоянные избытки, которые должны сбываться на иностранныхъ рынкахъ Но существованіе рядомъ промышленныхъ и земледѣльческихъ странъ, —которыя находятся во взаимной зависимости другъ отъ друга,—это «международное раздѣленіе труда», не является признакомъ того, что человѣчество находится по пути къ новой ступени развитія, которая подъ названіемъ мірового хозяйства могла бы быть противопоставлена тремъ прежнимъ ступенямъ. Ибо, съ одной стороны, ни одинъ хозяйственный періодъ не обезпечивалъ

над-кто абсолютной независимости въ удовлетворенія потребностей; каждый изъ нихъ, какъ мы видѣли, оставлялъ пробѣлы, которые такъ или иначе должны были быть заполнены [1]). Съ другой стороны, такъ называемое міровое хозяйство не обнаружило пока еще никакихъ признаковъ, въ существѣ своемъ отличныхъ отъ явленій народнаго хозяйства, и можно сильно сомнѣваться въ появленіи таковыхъ въ ближайшемъ будущемъ.

4. Сравненіе трехъ ступеней.

Для лучшаго пониманія всего сказаннаго полезно будетъ сопоставить нѣкоторыя изъ главныхъ явленій всѣхъ трехъ ступеней развитія, чтобы, такимъ образомъ, яснѣе выдѣлить развитіе отдѣльныхъ сторонъ хозяйственной жизни.

Наиболѣе ярко выступающая черта этого развитія заключается въ томъ, что человѣчество на протяженіи исторіи ставитъ себѣ все болѣе высокія хозяйственныя цѣли, достиженіе которыхъ становится возможнымъ благодаря тому, что трудъ распредѣляется между прогрессивно возростающимъ кругомъ населенія и, въ концѣ концовъ, охватываетъ весь народъ, такъ что всѣ работаютъ для всѣхъ. Если такая совмѣстная дѣятельность въ домашнемъ хозяйствѣ покоится на кровномъ родствѣ, то въ городскомъ оно замѣняется сосѣдствомъ по мѣстности, а въ народномъ—національностью. Человѣчество продѣлываетъ путь отъ родового строя къ общественной организаціи—путь, который, насколько можно видѣть, кончается все болѣе развивающимся обобществленіемъ. На этомъ пути удовлетвореніе потребностей каждаго становится все болѣе полнымъ и разнообразнымъ, но въ то же время все менѣе самостоятельнымъ и болѣе сложнымъ. Жизнь и трудъ каждаго переплетаются все болѣе съ жизнью и трудомъ многихъ другихъ. Но въ то же время обезпеченіе каждаго отдѣльнаго хозяйства всѣмъ необходимымъ становится болѣе устойчивымъ и независимымъ отъ стихійныхъ случайностей.

На ступени домашняго хозяйства каждый предметъ потребляется въ томъ хозяйствѣ, въ которомъ онъ произведенъ; на ступени городского хозяйства онъ изъ производящаго хозяйства непосредственно поступаетъ въ потребляющее хозяйство; на ступени народнаго хозяйства онъ, какъ при возникновеніи своемъ, такъ и въ готовомъ видѣ проходитъ черезъ цѣлый рядъ хозяйствъ. На протяженіи всего развитія разстояніе между производствомъ и потребленіемъ все увеличивается. На первой ступени всѣ продукты представляютъ потребительныя цѣнности, на второй — часть ихъ уже становится мѣновыми цѣнностями, на третьей — большинство

[1]) Напомнимъ, напримѣръ, ввозъ сырыхъ продуктовъ въ древнюю Грецію изъ понтійскихъ областей и привозъ хлѣба въ древнемъ Римѣ.

изъ нихъ становятся товарами. Если первоначально характеръ и размѣры производства опредѣляются потребительной цѣнностью, то къ концу значеніе мѣновой цѣнности дѣлается все болѣе рѣшающимъ.

На первой ступени каждое отдѣльное хозяйство представляетъ собой одновременно производительную и потребительную ассоціацію; организація ея опредѣляется семьей; на ступени городского хозяйства это до нѣкоторой степени сохраняется, ибо подмастерье ремесленника и батракъ крестьянина являются членами его домохозяйства; въ народномъ хозяйствѣ потребительная и производительная ассоціація отдѣлены другъ отъ друга. Производительная ассоціація составляетъ основанное на договорномъ принципѣ предпріятіе и является одновременно носительницей капитала; обыкновенно на ея доходы живетъ множество отдѣльныхъ домохозяйствъ. Такимъ образомъ значеніе семьи, какъ хозяйственной единицы, прекращается; производство лишь въ видѣ исключенія составляетъ ея функцію; она является только потребительнымъ органомъ, носительницей потребительнаго имущества.

На всѣхъ ступеняхъ болѣе значительныя хозяйственныя задачи могутъ быть выполнены лишь благодаря тому, что трудъ находится въ служебномъ, подчиненномъ положеніи у руководящихъ элементовъ. Тамъ, гдѣ является потребность въ чужомъ трудѣ, между трудомъ и руководителемъ хозяйства на первой ступени устанавливаются постоянныя принудительныя отношенія (рабы, крѣпостные); на второй—болѣе или менѣе продолжительныя служебныя; на третьей—краткосрочныя договорныя отношенія. Потребитель въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ является либо самъ рабочимъ, либо собственникомъ рабочаго; въ городскомъ хозяйствѣ онъ покупаетъ непосредственно у рабочаго его трудъ (работа на заказъ) или продуктъ его труда (ремесло); въ народномъ хозяйствѣ потребитель не имѣетъ никакого отношенія къ рабочему: онъ покупаетъ товаръ у предпринимателя или торговца, а этотъ послѣдній самъ вознаграждаетъ рабочаго.

Деньги въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ первоначально совершенно отсутствуютъ; позже онѣ представляютъ предметы непосредственнаго потребленія и средство для накопленія цѣнностей. Въ городскомъ хозяйствѣ онѣ являются преимущественно орудіемъ обмѣна. Въ народномъ хозяйствѣ онѣ рядомъ съ этимъ становятся средствомъ обращенія и извлеченія дохода. Категоріями натуральнаго, денежнаго и кредитнаго хозяйства довольно мѣтко характеризуется, хотя и не вполнѣ исчерпывается, измѣняющаяся роль денегъ.

Капиталъ на первой ступени почти отсутствуетъ, имѣются только предметы потребленія. На второй ступени подъ обычную категорію производительнаго капитала можно было бы, пожалуй, подвести орудія, но едва-ли и сырые матеріалы вообще. Капиталомъ, доставляющимъ прибыль, является собственно только торговый капиталъ. На третьей ступени капиталъ, приносящій доходъ, пред-

ставляетъ то средство, благодаря которому предметы проводятся отъ одного этапа раздѣленія труда къ другому и совершаютъ весь кругъ обращенія [1]). Здѣсь все становится капиталомъ. Въ этомъ отношеніи можно было бы замкнутое домашнее хозяйство обозначать какъ хозяйство безъ капитала, городское хозяйство какъ враждебное капиталу, а современное народное хозяйство какъ капиталистическое.

Доходъ и имущество въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ представляютъ нераздѣльное и нераздѣлимое цѣлое; но все же замѣчаются зачатки земельной ренты. Въ городскомъ хозяйствѣ форму земельной ренты принимаетъ и процентъ на капиталъ; предпринимательская прибыль получается исключительно въ торговлѣ; главной формой заработной платы является плата потребителя за трудъ ремесленника. Но большая часть предметовъ все еще не выходитъ изъ предѣловъ хозяйства, въ которомъ они произведены. Частный доходъ получаетъ лишь тотъ, кто для покупки ренты окончательно разстается съ имуществомъ. На ступени народнаго хозяйства четыре отрасли дохода ясно отдѣляются другъ отъ друга. Почти весь продуктъ производства исчезаетъ въ обороте. Въ имуществѣ рента и прочія отрасли дохода отдѣляются отъ потребительныхъ запасовъ, при чемъ послѣдніе сводятся къ возможно меньшимъ размѣрамъ, такъ какъ торговля освобождаетъ частное хозяйство отъ необходимости держать запасы. Съ другой стороны, непотребленные избытки дохода, которые на первой и второй ступени хозяйства присоединялись къ потребительной части имущества, теперь либо прямо присоединяются къ помѣщаемому въ предпріятіи капиталу, либо въ ссудныхъ кассахъ и банкахъ превращаются въ процентныя ссуды,—слѣдовательно, во всякомъ случаѣ капитализируются.

Промысла какъ самостоятельной профессіи на первой ступени не имѣется: вся обработка матеріала производится въ домашнемъ хозяйствѣ. Въ городскомъ хозяйствѣ мы, правда, уже находимъ профессіональныхъ ремесленниковъ, но нѣтъ еще предпринимателей; ремесло принимаетъ форму производства на заказъ или на сбытъ, и кто желаетъ имъ заниматься, долженъ его знать. Въ народномъ хозяйствѣ господствуетъ фабрика и домашняя или кустарная промышленность, которыя предполагаютъ наличность коммерчески образованнаго предпринимателя и большого капитала. Знакомство съ техникой процесса производства не является безусловной необходимостью для предпринимателя.

Подобнымъ же образомъ измѣняются и формы торговли. Замкнутому домашнему хозяйству соотвѣтствуетъ кочевая торговля, городскому—рыночная, народному—постоянная. Если на первыхъ двухъ ступеняхъ развитія торговля является только средствомъ заполнить пробѣлы автономнаго производства, то въ народномъ хозяйствѣ она становится необходимымъ посредствующимъ звеномъ

---

[1]) Сравн. ниже очерки IV и VIII.

между производствомъ и потребленіемъ. Торговля отдѣляется отъ транспорта, который получаетъ самостоятельное значеніе и организацію.

Правда, транспортныя функціи выполнялись и въ древнемъ рабскомъ, и въ средневѣковомъ помѣстномъ хозяйствѣ; онѣ были поручены особымъ рабамъ и крѣпостнымъ. Въ средніе вѣка мы находимъ городскихъ гонцовъ, которые первоначально служатъ для нуждъ городского совѣта, но доставляютъ также письма и по порученію частныхъ лицъ. На порогѣ новаго времени появляется почта—сначала лишь въ цѣляхъ государственнаго управленія, а затѣмъ и для публики. Въ XIX столѣтіи происходитъ сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, телеграфа, телефона, устройство пароходнаго сообщенія, при чемъ въ устройствѣ всѣхъ этихъ путей и средствъ сообщенія принимаетъ участіе само государство; кромѣ того возникаютъ многообразныя частныя предпріятія [1]). Однако, на всѣхъ ступенахъ имѣются извѣстныя средства сообщенія, созданныя высшей хозяйственной администраціей, и прежде всего для ея собственныхъ надобностей.

Кредитъ на первой ступени есть чисто потребительный кредитъ; онъ дается только подъ залогъ самой личности и всего имущества. На второй ступени въ личномъ кредитѣ долговое рабство смягчилось до заложничества. Рядомъ съ потребительнымъ кредитомъ выступаетъ особаго рода кредитъ подъ залогъ недвижимостей, облекающійся, однако, въ форму купли, которая вообще представляетъ обычную форму кредита въ городскомъ хозяйствѣ. Специфическая форма кредита новаго времени — производительный кредитъ развивается сначала въ торговлѣ, но затѣмъ проникаетъ во всѣ отрасли хозяйства. Государственный кредитъ въ древнихъ государствахъ носитъ естественно характеръ принудительнаго займа, въ средневѣковыхъ городахъ онъ является въ формѣ продажи пожизненныхъ рентъ, а въ современномъ государствѣ—въ формѣ погашаемыхъ процентныхъ займовъ или вѣчныхъ рентъ.

Такую же постепенность можно отмѣтить въ области общественныхъ функцій. Правовая защита есть первоначально дѣло рода, затѣмъ—помѣстнаго владѣльца; въ средніе вѣка города имѣютъ самостоятельную судебную власть; въ настоящее время судопроизводство и охрана личности являются государственными функціями. То же можно сказать относительно образованія. Вначалѣ оно является дѣломъ дома, какъ и теперь еще въ Исландіи. Римскій paedagogus былъ рабомъ. Въ средніе вѣка дѣло образованія сначала организуется автономными хозяйственными общинами—монастырскими; нѣсколько позже появляются городскія и церковныя школы; отличительную черту новаго времени составляетъ концентрація и спеціализація обученія въ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Еще менѣе этотъ ходъ развитія выступаетъ въ организаціи средствъ защиты. У многихъ народовъ, которые и теперь

---

[1]) Объ аналогичномъ развитіи въ области прессы срав. очеркъ VI.

еще находятся на ступени изолированнаго хозяйства, каждый домъ въ отдѣльности укрѣпленъ (свайныя постройки малайцевъ и полинезійцевъ); въ раннее средневѣковье помѣщичья усадьба обносеѣна валомъ и рвомъ. На второй хозяйственной ступени каждый городъ является крѣпостью. На третьей —все государство защищено немногими пограничными укрѣпленіями, и характерно, что Лувуа, творецъ первой системы пограничныхъ укрѣпленій, былъ современникомъ Кольбера, основателя новаго французскаго народнаго хозяйства.

Эти параллели можно было бы проводить и дальше. Но какъ при переѣздѣ на новую квартиру прежде всего необходимо установить хоть какой-нибудь порядокъ, такъ и по отношенію къ разсматриваемому здѣсь предмету нельзя ожидать, что все будетъ исчерпано и каждая деталь поставлена на свое мѣсто. Я самъ прекрасно сознаю, что кругъ явленій первыхъ двухъ ступеней развитія разработанъ еще весьма мало, а экономическія понятія, относящіяся къ этимъ періодамъ, нуждаются въ болѣе точномъ опредѣленіи. Но на этотъ разъ можно будетъ удовольствоваться и тѣмъ, что есть, ибо закономѣрность явленій въ общемъ и въ частномъ выступаетъ съ достаточной ясностью.

Лишь одно обстоятельство я хотѣлъ бы еще разъ подчеркнуть. Домашнее хозяйство, городское хозяйство, народное хозяйство не представляютъ послѣдовательныхъ ступеней, изъ коихъ каждая вполнѣ исключаетъ остальныя. Всегда какая-нибудь одна форма хозяйства преобладала, и она въ глазахъ современниковъ считалась нормальной. Но еще и въ настоящее время сохранились нѣкоторые элементы городского хозяйства и даже замкнутаго домашняго. И нынѣ еще значительная часть продуктовъ національнаго производства не вступаетъ въ народно-хозяйственный оборотъ, а потребляется въ тѣхъ отдѣльныхъ хозяйствахъ, гдѣ они произведены; другая же часть совершаетъ лишь краткій путь отъ одного хозяйства къ другому.

Отсюда какъ будто вытекаетъ, что не правы тѣ, которые видятъ задачу политической экономіи въ выясненіи сущности и связи хозяйственныхъ явленій, и правильнѣе поступаютъ тѣ, кто удовлетворяется описаніемъ хозяйственныхъ формъ и ихъ историческихъ видоизмѣненій.

Однако, такого рода заключеніе было бы роковой ошибкой; это значило бы отказаться отъ результатовъ научнаго труда болѣе чѣмъ столѣтняго періода и совершенно превратно понимать нашу современную экономическую жизнь. Въ настоящее время даже въ самомъ отдаленномъ крестьянскомъ хозяйствѣ ни одинъ мѣшокъ пшеницы не производится внѣ связи съ общимъ народно-хозяйственнымъ обращеніемъ. Если онъ и потребляется въ домѣ производителя, то все же значительная часть орудій производства (плугъ, коса, молотилка, искусственное удобреніе, рабочій скотъ и т. п.) пріобрѣтены крестьяниномъ путемъ обмѣна, и самое потребленіе имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если по условіямъ рынка оно является вы-

годнымъ. Такимъ образомъ, и мѣшокъ пшеницы крѣпкой нитью вплетенъ въ великую и искусную ткань народно-хозяйственнаго обращенія, и совершенно также связаны съ нею всѣ мы въ нашей экономической дѣятельности.

Мы съ большимъ удовлетвореніемъ привѣтствуемъ поэтому тотъ фактъ, что послѣ періода усерднаго собиранія матеріаловъ въ новѣйшее время опять равностно принялись за проблемы современнаго мѣнового хозяйства, при чемъ провѣрка и дальнѣйшее развитіе прежней системы совершается по тому же пути, которымъ она возникла, но на основаніи болѣе богатаго фактическаго матеріала. Ибо помимо изолирующей абстракціи и логической дедукціи, нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, другого метода изслѣдованія, съ которымъ можно было бы подойти къ выясненію сложныхъ причинъ мѣновыхъ явленій. Единственный индуктивный методъ, о которомъ можетъ здѣсь еще идти рѣчь — статистическій—для большинства относящихся сюда вопросовъ слишкомъ грубъ и можетъ служить лишь какъ дополнительное или повѣрочное вспомогательное средство.

Относительно хозяйственныхъ періодовъ прошлаго задача не можетъ быть иною. Правда, здѣсь, прежде всего, въ большей еще мѣрѣ имѣетъ значеніе собираніе фактовъ и ихъ морфологическое описаніе; но затѣмъ явленія должны быть правильно опредѣлены по существу, логически расчленены и изслѣдованы въ отношеніи ихъ причинной связи. Необходимо, слѣдовательно, пользоваться тѣмъ же методомъ, какой «классическая экономическая наука» примѣняла къ изученію современнаго хозяйства. По нѣкоторымъ вопросамъ древняго ойкоснаго хозяйства это уже мастерски выполнено Родбертусомъ; въ области средневѣкового хозяйства попытокъ въ этомъ направленіи до сихъ поръ не дѣлалось. Задача эта будетъ разрѣшена только въ томъ случаѣ, если найдутся изслѣдователи, которые съумѣютъ вполнѣ углубиться въ условія жизни прошедшихъ хозяйственныхъ эпохъ и погрузиться въ совершенно отличныя отъ нашего экономическаго пониманія представленія нашихъ предковъ; но цѣль никоимъ образомъ не будетъ достигнута, если наполовину раціоналистически конструированныя хозяйственныя явленія прошлаго постоянно будутъ представлены въ видѣ категорій современной, основанной на обмѣнѣ, экономической жизни.

Только этимъ путемъ, на мой взглядъ, исторія экономическаго быта можетъ оказать плодотворное вліяніе на теорію современнаго народнаго хозяйства, а эта послѣдняя, въ свою очередь, на исторію хозяйства; только такимъ образомъ можно познать одновременно закономѣрность хозяйственнаго развитія и народно-хозяйственной жизни.

VI.

Формы промышленности въ ихъ историческомъ развитіи.

Большинство людей въ вопросахъ экономическихъ и соціальныхъ имѣютъ весьма опредѣленное мнѣніе о томъ, что должно быть—нерѣдко гораздо болѣе опредѣленное, чѣмъ о томъ, что существуетъ въ дѣйствительности. То, что по ихъ мнѣнію должно быть, не представляетъ собой непремѣнно какого-то идеальнаго состоянія, еще никогда не осуществленнаго произведенія фантазіи. Очень часто, наоборотъ, это есть представленіе, почерпнутое изъ фактовъ болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго, представленіе, которое, благодаря продолжительной привычкѣ, пріобрѣло для насъ характеръ чего-то нормальнаго.

Это именно наблюдается, если не ошибаюсь, у многихъ нашихъ современниковъ по отношенію къ тому, что мы называемъ ремесломъ и къ такъ называемому ремесленному вопросу. Привыкли считать ремесло нормальной формой промышленности, благодаря тому, что оно въ теченіе свыше полутысячелѣтія господствовало въ жизни средняго сословія Германіи. Существуетъ поговорка: ремесло имѣетъ золотое дно (т. е. процвѣтаетъ); но наблюденіе показываетъ, что это дно по современной оцѣнкѣ уже болѣе не золотое. Возникаетъ вопросъ, какъ вернуть это блаженное состояніе, какъ вдохнуть новую жизнь въ ремесло.

Но какое мы имѣемъ право считать ремесло нормальной формой производства и, такимъ образомъ, какъ бы стремиться къ идеалу, который былъ осуществленъ въ прошломъ?

Экономисты старой школы изображаютъ намъ ремесло какъ первичную форму промышленности: «Среди охотничьяго или пастушескаго племени», говоритъ Адамъ Смитъ, «оказывается человѣкъ, который производитъ лукъ и стрѣлы болѣе искусно, чѣмъ другіе. Онъ обмѣниваетъ ихъ у своихъ соплеменниковъ на скотъ или на дичь и приходитъ къ тому заключенію, что это для него гораздо выгоднѣе, чѣмъ если бы онъ самъ отправился на охоту. Въ концѣ концовъ изготовленіе оружія становится его главнымъ занятіемъ и онъ превращается, такъ сказать, въ оружейнаго мастера». Если мы продолжимъ эту историческую конструкцію на два шага дальше, то первообразъ ремесленника приметъ, вѣроятно, чрезъ нѣкоторое время, ученика, а когда этотъ кончитъ ученіе—другого, первый же станетъ его подмастерьемъ.

К. Бюхеръ.

Дальнѣйшее развитіе при всемъ желаніи ничего рѣшительно нового къ этому прибавить не можетъ. Когда мы въ настоящее время говоримъ о ремесленникѣ, то мы представляемъ себѣ мелкаго предпринимателя, который въ опредѣленной послѣдовательности изъ ученика превратился въ подмастерья, а изъ подмастерья въ мастера, который собственными руками и на собственный капиталъ изготовляетъ предметы для мѣстнаго ограниченнаго круга потребителей и которому достается полностью весь продуктъ его труда. Все, что можно требовать отъ системы хозяйства, удовлетворяющей требованіямъ справедливости, какъ будто осуществлено въ жизни ремесленника при нормальныхъ условіяхъ: постепенный переходъ отъ одной соціальной ступени къ слѣдующей, самостоятельность и доходъ по заслугамъ. Тѣ же формы обрабатывающей промышленности, которыя уклоняются отъ этого первообраза—кустарная промышленность и фабрика—легко могутъ тогда показаться ненормальными; обусловливаемое ими соціальное разслоеніе и распредѣленіе дохода представляются несоотвѣтствующими идеѣ экономической справедливости.

И новѣйшіе экономисты рѣдко и въ очень немногомъ уклоняются отъ этого популярнаго представленія. Противопоставляя другъ другу три признаваемыя ими системы производства: ремесло, кустарную промышленность и фабрику, они почти безсознательно пользуются основными чертами ремесла какъ нормами при оцѣнкѣ двухъ остальныхъ формъ. Кустарное производство до недавняго времени представлялось многимъ ничѣмъ инымъ, какъ вырожденіемъ ремесла или не болѣе какъ переходной формой, фабрика же необходимымъ зломъ эпохи господства машинъ. Отъ такого предубѣжденія страдало даже научное изслѣдованіе современныхъ формъ производства, хотя онѣ и доступны непосредственному наблюденію.

Историко-эволюціонный обзоръ, который мы попытаемся здѣсь дать, прежде всего долженъ освободиться отъ воззрѣнія, будто какая-либо система производства той или иной отрасли хозяйства можетъ представлять нѣчто нормальное для всѣхъ временъ и народовъ. И ремесло представляетъ съ такой точки зрѣнія не болѣе какъ историческое явленіе, возникновеніе, существованіе и процвѣтаніе котораго связано съ опредѣленными условіями экономической жизни. Оно не является ни первоначальною, ни вообще, съ эволюціонной точки зрѣнія, необходимою формой промышленности. Это значитъ: нѣтъ необходимости, чтобы промышленность страны прошла черезъ ремесленную форму производства, прежде чѣмъ достигнуть ступени кустарной промышленности или фабрики, также какъ нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы каждое племя предварительно было охотничьимъ или пастушескимъ и лишь послѣ этого перешло къ осѣдлому земледѣлію. Ремеслу предшествовали у насъ другія формы обрабатывающей промышленности; онѣ сохранились отчасти и до сихъ поръ, даже въ европейскихъ странахъ.

Эти первобытныя формы промышленности, имѣющія огромное

значеніе въ смыслѣ исторической эволюціи, до сихъ поръ почти не обращали на себя вниманія, хотя онѣ въ продолженіе тысячелѣтій опредѣляли хозяйственную жизнь народовъ и оставили глубокіе слѣды въ ихъ соціальномъ строѣ. Только сравнительно незначительный отдѣлъ исторіи промышленности, именно тотъ, который мы можемъ изучать на основаніи сохранившихся въ видѣ писаннаго права источниковъ, въ настоящее время до нѣкоторой степени выясненъ, да и то гораздо болѣе въ отношеніи внѣшней организаціи промышленности, нежели въ отношеніи ея внутренней жизни и способовъ производства. Даже средневѣковое цеховое ремесло, которому въ послѣднее время посвящено такъ много основательныхъ научныхъ изслѣдованій, едва-ли достаточно изучено со стороны характера производства. Произвольныя раціоналистическія конструкціи, основанныя на предположеніяхъ и понятіяхъ, заимствованныхъ изъ современнаго мѣнового хозяйства, господствуютъ въ этой области и до сихъ поръ.

Во всякомъ случаѣ, наша «историческая» политическая экономія собрала богатый матеріалъ для исторіи народнаго хозяйства классическихъ и современныхъ народовъ. Но обращалось весьма мало вниманія на то обстоятельство, что, въ виду сложности всѣхъ соціальныхъ явленій, возстановить условія, въ какихъ находилось народное хозяйство въ древности и въ средніе вѣка, современному наблюдателю даже при самой живой и творческой фантазіи, едва-ли не столь же трудно, какъ уловить послѣдствія соціалистическаго государства будущаго. Мы только тогда будемъ въ состояніи понять жизнь цѣлыхъ, весьма отдаленныхъ отъ насъ, эпохъ исторіи хозяйства, когда мы научимся наблюдать хозяйство первобытныхъ и некультурныхъ современныхъ народовъ столь же тщательно, какъ изучаемъ теперь экономическій бытъ англичанъ и сѣверо-американцевъ. Вмѣсто того, чтобы посылать нашихъ молодыхъ экономистовъ къ этимъ послѣднимъ, мы скорѣе должны были бы направлять ихъ съ научными цѣлями въ Россію, Румынію или южно-славянскія государства; намъ слѣдовало бы изучить въ этомъ направленіи народы, обитающіе въ нашихъ ново-пріобрѣтенныхъ (германскихъ) колоніяхъ, прежде чѣмъ у нихъ, подъ вліяніемъ европейской торговли, исчезнутъ наиболѣе характерныя черты первобытнаго хозяйства и правосознанія.

Приходится почти считать за счастье то обстоятельство, что это внѣшнее вліяніе рѣдко очень глубоко проникаетъ въ народную жизнь, по большей части ограничиваясь привилегированными классами. Благодаря этому, мы еще и понынѣ на обширныхъ пространствахъ восточной и сѣверной Европы, которыя невнимательный путешественникъ пробѣгаетъ по желѣзной дорогѣ, можемъ наблюдать у сельскаго населенія древнѣйшія формы удовлетворенія потребностей; подвергшіяся подъ вліяніемъ современнаго обмѣна лишь немногимъ, весьма незначительнымъ измѣненіямъ.

Желая въ дальнѣйшемъ объединить то, что мы знаемъ о промыш-

ленности такихъ «отсталыхъ племенъ» [1]), съ результатами историческихъ изслѣдованій въ области промышленности въ одну цѣльную, общую картину, мы, конечно, имѣемъ въ виду лишь представить главныя ступени развитія въ рѣзко очерченныхъ контурахъ. Чтобы найти путеводную нить въ сложномъ многообразіи и богатствѣ формъ отдѣльныхъ этнографическихъ наблюденій, настоятельно необходимо отдѣлить типичное отъ случайнаго, оставить въ сторонѣ второстепенныя переходныя формы и только тамъ признавать возникновеніе новаго звена въ развитіи, гдѣ измѣнившійся способъ производства вызываетъ такія экономическія явленія, которыя обусловливаютъ существенныя измѣненія въ организаціи общества. Такимъ образомъ, мы получаемъ пять главныхъ формъ промышленности. Эти формы въ исторической послѣдовательности будутъ слѣдующія:

1. Домашнее производство (производство для домашнихъ потребностей).
2. Работа на заказъ (Lohnwerk).
3. Ремесло.
4. Домашняя или кустарная промышленность.
5. Фабрика.

Прежде всего намъ необходимо указать вкратцѣ характерныя хозяйственныя черты этихъ формъ производства, лишь слегка касаясь соціальной стороны развитія промышленности въ ея цѣломъ. Заполненіе встрѣчающихся пробѣловъ и выясненіе переходовъ отъ одной формы производства къ слѣдующей мы предоставляемъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ. Естественно, что намъ придется дольше всего остановиться на двухъ болѣе раннихъ, предшествовавшихъ ремеслу, формахъ промышленности, между тѣмъ какъ для позднѣйшихъ достаточно будетъ краткой характеристики. Начнемъ съ домашняго производства или производства для домашнихъ потребностей.

Домашнимъ производствомъ называется производство промышленныхъ издѣлій на дому и для дома изъ сырья, добытаго въ собственномъ хозяйствѣ. Въ своей первобытной и чистѣйшей формѣ оно предполагаетъ отсутствіе обмѣна и удовлетвореніе каждымъ отдѣльнымъ хозяйствомъ всѣхъ потребностей своихъ членовъ собственнымъ трудомъ. Каждый продуктъ проходитъ всѣ ступени своего производства въ томъ хозяйствѣ, въ которомъ онъ подлежитъ потребленію. Соотвѣтственно этому производство всегда опредѣляется исключительно потребностями хозяйства. Не существуетъ еще ни обмѣна товаровъ, ни капитала. Имѣются только пред-

---

[1]) Дополненіе къ настоящему очерку, составленному въ первый разъ въ 1892 г. и резюмирующему въ общедоступной формѣ лишь самое главное, имѣется въ моей статьѣ „Gewerbe" („промышленность"), помѣщенной въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften 2 изд. т. IV, стр. 360—393. (Русск. перев. этой статьи въ сборникѣ „Исторія труда, въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности". Изд. Водовозовой. Стр. 47—106). Тамъ же указана и важнѣйшая литература вопроса.

меты потребленія въ различныхъ стадіяхъ годности къ потребленію: рожь, мука и хлѣбъ, ленъ, пряжа, ткань и одежда; имѣются кромѣ того средства производства: ручная мельница, топоръ, веретено, ткацкій станокъ; но нѣтъ продуктовъ, посредствомъ которыхъ можно было бы путемъ обмѣна пріобрѣсти другіе. Домъ всѣмъ обязанъ собственному труду, и едва-ли возможно отдѣлить домашнія работы отъ производства.

Въ формѣ домашняго производства промышленность старше земледѣлія. Повсюду, гдѣ открыватели новыхъ странъ наталкивались на первобытныя племена, они встрѣчали разнообразное промышленное мастерство: изготовленіе луковъ и стрѣлъ, плетеніе цыновокъ и сосудовъ изъ ситника, лыка и крѣпкихъ корней, первобытное гончарное производство, дубленіе кожъ, помолъ зеренъ на жерновахъ, постройку домовъ, иногда даже плавленіе желѣза. Такъ, охотничьи племена Сѣверной Америки, рыболовы Южнаго океана, кочующія сибирскія племена, равно какъ и земледѣльческія негритянскія племена въ Африкѣ еще до сихъ поръ производятъ такимъ образомъ разныя промышленныя издѣлія, не имѣя собственныхъ ремесленниковъ. Даже жалкія, совершенно нагія лѣсныя племена внутренней Бразиліи изготовляютъ дубины, луки и стрѣлы, строятъ дома и лодки изъ древесной коры, выдѣлываютъ орудія изъ костей животныхъ и изъ камней, плетутъ корзины, служащія для ношенія и сохраненія продуктовъ, выдалбливаютъ сосуды изъ тыквы, прядутъ, вяжутъ и ткутъ; выдѣлываютъ глиняные сосуды съ искусными украшеніями, не зная гончарнаго станка; вырѣзываютъ и украшаютъ орнаментами надгробные памятники, скамейки, флейты, гребенки, маски, изготовляютъ рѣзныя украшенія изъ перьевъ, кожъ и т. п.

Вмѣстѣ съ переходомъ къ обработкѣ земли при помощи плуга эта дѣятельность въ умѣренныхъ и холодныхъ странахъ все болѣе и болѣе теряетъ случайный характеръ; во всемъ хозяйствѣ устанавливается твердый порядокъ; теплое время года посвящается пріобрѣтенію сырья и работѣ на воздухѣ; зимою обработка матеріала соединяетъ всѣхъ членовъ у очага. Для каждаго рода труда устанавливаются твердыя правила; каждый изъ нихъ занимаетъ опредѣленное мѣсто въ домашней жизни, сообразно естественнымъ потребностямъ хозяйства; обычай обвиваетъ его своими тонкими золотыми этическими нитями; онъ обогащаетъ и облагораживаетъ существованіе людей, среди которыхъ онъ переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе со своей несложной техникой и первобытными формами. Такъ какъ работаютъ только для собственнаго потребленія, то интересъ производителя къ произведенію его рукъ гораздо продолжительнѣе времени изготовленія. Онъ воплощаетъ въ немъ свое лучшее техническое умѣніе и весь свой художественный вкусъ. Именно поэтому произведенія національнаго домашняго производства стали для нашего увлекающагося художественной промышленностью столѣтія такой богатой сокровищницей образцовъ народнаго стиля.

Норвежскій крестьянинъ не только свой собственный столяръ и кузнецъ, подобно вестфальскому старостѣ въ произведеніи Иммермана «Мюнхгаузенъ», но онъ самъ же строитъ и свой деревянный домъ, изготовляетъ себѣ земледѣльческія орудія, телѣгу и сани, выдѣлываетъ кожи, вырѣзываетъ изъ дерева и куетъ изъ металла разную домашнюю утварь [1]). Въ Исландіи крестьяне являются даже весьма искусными работниками по серебру. Въ сѣверной Шотландіи еще во времена Адама Смита каждый былъ своимъ собственнымъ ткачемъ, сукновaломъ, кожевникомъ и сапожникомъ. Въ Галиціи, Буковинѣ, во многихъ окрестностяхъ Венгріи и Трансильваніи, въ Румыніи, у южно-славянскихъ племенъ до послѣдняго времени почти не было другихъ ремесленниковъ, кромѣ кузнеца, и то по большей части цыгана. Въ Греціи и другихъ странахъ Балканскаго полуострова имѣлись, пожалуй, еще странствующіе плотники [2]). Можно было бы привести большое количество подобныхъ примѣровъ изъ жизни другихъ народовъ; удивительныя способности и ловкость русскихъ и шведскихъ крестьянъ объясняются ихъ многосторонней промышленной дѣятельностью въ собственномъ хозяйствѣ. Женскій промышленный трудъ, прядильное и ткацкое искусство, печеніе хлѣба и т. п. слишкомъ извѣстны изъ стараго и новаго времени, чтобы нужно было дольше на нихъ останавливаться.

Чтобы получить представленіе о всемъ богатствѣ хозяйственныхъ способностей, которымъ отличается жизнь малокультурныхъ народовъ, нужно было бы дать подробное описаніе самой этой жизни. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ этой возможности. Достаточно будетъ привести слѣдующія мѣста изъ описанія домашняго производства въ Буковинѣ [3]). «Въ небольшомъ семейномъ кругу или

---

[1]) Eilert Sundt: Om Husfliden i Norge, Christiania 1867. Blom: Das Königr. Norwegen. Leipzig, 1843, стр. 237. Th. Forester: Norwegen und sein Volk, перев. на нѣм. M. Б. Линдау, стр. 74. Norway: Kristiania 1900, стр 391. E. Sidenbladh: Schweden, Statistische Mitteilungen zur Wiener Weltausstellung 1873.

[2]) Ср. Die Hausindustrie Oesterreichs. Ein Kommentar zur hausindustriellen Abteilung auf der allgemeinen land und forstwirtschaftlichen Ausstellung zu Wien 1890, подъ ред. В. Экснера. Далѣе „Oesterreichische Monatsschrift f. Gesellschaftwissenschaft IV, 90 сл. VIII, 22, IX 98 и 331: A. Riegl: Textile Hausindustrie in Oesterreich въ „Mitteilungen des K. K. oesterreichischen Museums" N. F. IV, стр. 411 сл. Braun und Krejcsi: Der Hausfleiss in Ungarn, Leipzig 1886. Schwicker: Statistik des Königreichs Ungarn, стр. 403 сл. 411, 426 и слѣд. I. Paget: Ungarn und Siebenbürgen, Leipzig 1842, II, стр. 163, 173, 284, 269. Iwantschoff. Primitive Formen des Gewerbebetriebs in Bulgarien, Leipzig 1896. Относительно другихъ государствъ Балканскаго полуострова: Reports from her Majestys diplomatic and consular agents abroad, respecting the condition of the industrial classes in foreign countries. London 1870—72. Tarajanz: Das Gewerbe bei den Armeniern. Leipzig 1897. Gogitschayschwili: Das Gewerbe in Georgien (Ergänzungsheft I zur Ztschr. f. d. gesamte Staatsw.). Tübingen 1901.

[3]) C. A. Romstorfer у Exner'a: Die Hausindustrie Oesterreichs, стр. 159 сл., ср. H. Wiglitzky: Die Bukowinaer Hausindustrie und die Mittel und Wege zur Hebung derselben. Czernowitz 1888.—Petri: Ehstland und die Ehsten (Gotha 1802), II, стр. 230 сл.

же въ тѣсныхъ предѣлахъ деревни сельскій житель Буковины удовлетворяетъ самъ всѣмъ своимъ жизненнымъ потребностямъ. При постройкѣ дома мужчина обыкновенно исполняетъ трудъ плотника, кровельщика и т. п., въ то время какъ женщина должна взять на себя покрытіе штукатуркой плетеныхъ стѣнъ или законопачиваніе щелей въ бревенчатыхъ стѣнахъ мхомъ, трамбовку пола и много другихъ подобнаго рода работъ. Начиная съ посадки прядильныхъ растеній или вскармливанія овцы вплоть до изготовленія постелей и одежды изъ полотна, шерсти или мѣха, кожи, войлока или плетеной соломы, сельское населеніе Буковины производитъ все, даже краски изъ спеціально разводимыхъ растеній, равно какъ и необходимые, правда, очень примитивные, инструменты. Это относится въ общемъ и къ пищѣ. Съ затратой довольно большого труда крестьянинъ обрабатываетъ свое маисовое поле, мелетъ на ручной мельницѣ кукурузную муку, изъ которой онъ изготовляетъ свой главный пищевой продуктъ (мамалыгу, похожую на поленту). Свои простыя земледѣльческія орудія, сосуды, хозяйственную и кухонную утварь либо онъ самъ изготовляетъ, либо же это умѣетъ, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь самоучка въ деревнѣ. Лишь обработку желѣза—матеріалъ, въ очень маломъ количествѣ потребляемый мѣстнымъ населеніемъ—онъ предоставляетъ разсѣяннымъ по странѣ цыганамъ».

Но какъ бы ни развивалась промышленная техника съ самодовлѣющемъ домашнемъ хозяйствѣ, все-таки въ концѣ концовъ такого рода способъ изготовленія продуктовъ долженъ былъ бы оказаться недостаточнымъ, если бы домъ былъ ограниченъ узкимъ кругомъ кровныхъ родственниковъ, который мы называемъ семьей. Правда, старинный семейный союзъ болѣе обширенъ, чѣмъ современная семья; но у многихъ народовъ какъ разъ въ то время, когда потребности возрастаютъ и утончаются, родовой союзъ начинаетъ распадаться, и, благодаря этому, домъ (дворъ) лишается возможности установленія болѣе широкаго раздѣленія труда между своими членами. Переходъ къ профессіональной организаціи производства и мѣновому хозяйству былъ бы здѣсь неизбѣженъ, если бы не удавалось путемъ присоединенія рабовъ или поселенія крѣпостныхъ искусственно расширить домашній кругъ. Чѣмъ больше число этихъ несвободныхъ членовъ дома, тѣмъ легче становится ввести среди нихъ многостороннее раздѣленіе труда и каждаго въ отдѣльности приспособить къ опредѣленному виду производства.

Такъ, среди домашнихъ рабовъ богатыхъ грековъ и римлянъ мы уже встрѣчаемъ разнаго рода промышленныхъ рабочихъ [1]), а Карлъ Великій въ своемъ знаменитомъ регламентѣ объ управле-

[1]) Сравн. H. Francotte: L'industrie dans la Grèce ancienne, 2 tomes, Bruxelles 1901. P. Guiraud: La main-d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce, Paris 1900. Wallon: Histoire de l'esclavage dans l'antiquité. 2-e ed. Paris, 1879.

нія его помѣстьями точно опредѣляетъ, какого рода несвободные рабочіе должны находиться въ каждомъ помѣстьи. Каждый фогтъ, сказано тамъ, долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи хорошихъ рабочихъ, какъ-то: кузнецовъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, сапожниковъ, токарей, плотниковъ, выдѣлывателей щитовъ, рыбаковъ, птицеловонъ, мыловаровъ, медоваровъ, пекарей и сѣточниковъ. Многочисленныя свѣдѣнія въ этомъ же родѣ мы встрѣчаемъ относительно крѣпостныхъ помѣстій другихъ феодаловъ и монастырей. Ремесленники, которыхъ они держатъ, работаютъ только на нихъ, при чемъ они либо представляютъ собою дворовыхъ людей, пользующихся жилищемъ и харчами на барскомъ дворѣ, либо они поселены на отдѣльныхъ участкахъ земли, добываютъ на нихъ средства существованія и несутъ за это барщину, исполняя опредѣленное ремесло. Въ знакъ того, что ихъ повинностью по отношенію ко двору является ихъ промыселъ, они носятъ названіе officiales, officiati, т. е. служащихъ.

Такимъ образомъ, домашнее производство пріобрѣло здѣсь обширную организацію, доставляющую помѣщику возможность довольно обильнаго и многосторонняго потребленія также и промышленныхъ издѣлій.

Но домашнее производство не остается въ предѣлахъ удовлетворенія однѣхъ собственныхъ потребностей. Уже на весьма низкой ступени развитія различіе условій природы вызываетъ развитіе промысловъ въ различномъ направленіи. Одно племя производитъ глиняную посуду, каменные инструменты, или стрѣлы, которыхъ сосѣднее племя не изготовляетъ. Такого рода промышленныя издѣлія распространяются затѣмъ среди другихъ племенъ путемъ даренія или военной добычи, а позднѣе также путемъ обмѣна (см. выше). У древнихъ грековъ богатые рабовладѣльцы приспособляли значительное число своихъ несвободныхъ рабочихъ, которыхъ они не могли использовать въ собственномъ хозяйствѣ, къ опредѣленной отрасли промышленности и производили затѣмъ для рынка. Еще чаще крестьянскія семьи обмѣниваютъ излишекъ продуктовъ своего домашняго промышленнаго производства, подобно тому, какъ они обмѣниваютъ излишекъ продуктовъ земледѣлія и скотоводства. Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ восхваляется добродѣтельная хозяйка, продающая торговцу сработанныя ею ткани, такъ и теперь еще въ центральной Африкѣ негритянка относитъ на еженедѣльную ярмарку выдѣланные ею горшки и изготовленныя изъ коры матеріи и обмѣниваетъ ихъ на соль или бусы. Равнымъ образомъ, во многихъ мѣстностяхъ Германіи сельское населеніе, начиная съ средневѣкового періода, сбывало на городскихъ рынкахъ и ярмаркахъ свой холстъ, и во времена господства меркантилизма въ Силезіи и Вестфаліи государство прибѣгало къ различнымъ мѣрамъ для содѣйствія вывозу полотна домашняго производства (учрежденія для контроля надъ качествомъ полотна—Linnenleggen). Въ Остзейскихъ провинціяхъ грубая шерстяная матерія—т. н. vadhmâl, которую

еще теперь тугъ эстонки, въ средніе вѣка была однимъ изъ самыхъ распространенныхъ предметовъ торговли и служила прямо деньгами. Точно также у нѣкоторыхъ народовъ Африки продукты домашняго производства, которые производятся сосѣдними племенами, являются всеобщимъ средствомъ обмѣна. Въ японскихъ деревняхъ почти въ каждомъ домѣ изъ собраннаго съ собственныхъ полей хлопка прядется пряжа и ткется матерія, часть которой поступаетъ въ обмѣнъ. Въ Швеціи вестготы и смаландцы обходятъ почти всю страну, продавая ткани домашняго производства. Въ Венгріи, Галиціи, Румыніи и южно-славянскихъ странахъ мы повсюду встрѣчаемъ на городскихъ ярмаркахъ крестьянъ, продающихъ свои деревянныя и глиняныя издѣлія, и крестьянокъ, выставляющихъ на продажу, рядомъ съ овощами и яйцами, передники, ленты и кружева собственнаго производства.

Особенно съ того момента, когда начинается дробленіе земельной собственности и она оказывается недостаточной для прокормленія семьи, часть сельскаго населенія обращается къ извѣстной отрасли домашняго производства и начинаетъ изготовлять продукты для рынка, подобно тому, какъ южно-германскіе малоземельные крестьяне производятъ вино, хмель и табакъ. Необходимый сырой матеріалъ первоначально добывается еще на собственномъ полѣ или изъ общиннаго лѣса, впослѣдствіи же его покупаютъ. Въ связи съ этимъ возникаютъ разнаго рода родственныя производства и такимъ образомъ изъ домашняго производства образуются, какъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи, отличающіеся огромнымъ богатствомъ формъ крестьянскіе мелкіе промыслы.

Но развитіе можетъ также идти другимъ путемъ, и тогда создается самостоятельный промышленный классъ и вмѣстѣ съ нимъ наша вторая форма производства—работа на заказъ (Lohnwerk). Въ то время, какъ до сихъ поръ всякая промышленная техника осуществлялась въ тѣсной связи съ землевладѣніемъ и земледѣліемъ, теперь искусный домашній рабочій порываетъ эту связь и именно на этой своей технической ловкости основываетъ свое обособленное, постепенно освобождающееся отъ землевладѣнія, существованіе. Но онъ владѣетъ лишь своими инструментами, у него нѣтъ оборотнаго капитала. Вслѣдствіе этого, онъ всегда примѣняетъ свое искусство къ чужому сырому матеріалу, который ему доставляетъ производитель этого сырья, являющійся вмѣстѣ съ тѣмъ потребителемъ готовыхъ продуктовъ [1]).

При этомъ возможны опять-таки двѣ различныя формы этой

---

[1]) Тамъ, гдѣ промышленный рабочій былъ до сихъ поръ несвободнымъ, его эмансипаціи нерѣдко способствовали интересы его прежняго барина, который поэтому еще въ продолженіе нѣкотораго времени принималъ на себя передъ публикой отвѣтственность за хищеніе матеріала. Ср. Lex Burgund. 21, 2: Quicunque vero servum suum aurificem, argentarium ferrarium, fabrum aerarium, sartorem vel sutorem in publico attributum artificium exercere permiserit, et id, quod ad facienda opera a quocunque suscepit, fortasse everterit, dominus eius aut pro eodem satisfaciat aut servi ipsius, si maluerit, faciat cessionem.

системы производства. Въ одномъ случаѣ работающаго на заказъ берутъ временно въ домъ, даютъ ему харчи и, если онъ не живетъ въ той же мѣстности, и квартиру, а также поденную плату,—и онъ остается только до тѣхъ поръ, пока не удовлетворены потребности потребителя. Въ южной Германіи это называется идти на отходъ (auf die Stör gehen), и мы соотвѣтственно этому можемъ всю эту форму производства назвать «отходомъ» (Stör) и работающаго такимъ образомъ—отхожимъ рабочимъ (Störer). Нагляднымъ примѣромъ этого могутъ служить портнихи и швеи, которыхъ во многихъ мѣстахъ женщины приглашаютъ къ себѣ на домъ. Или же работающій на заказъ имѣетъ при своей квартирѣ собственную мастерскую, и ему выдается сырье. За обработку сырья онъ получаетъ поштучную плату. Примѣромъ могутъ служить ткачъ, мельникъ и пекарь въ деревнѣ. Назовемъ форму работой на дому (Heimwerk). Мы встрѣчаемъ ее главнымъ образомъ въ промыслахъ, требующихъ постоянныхъ, не передвигаемыхъ средствъ производства (мельницы, печи, ткацкіе станки, горны и т. п.).

Обѣ формы работы на заказъ и теперь еще очень распространены во всѣхъ частяхъ земного шара. Можно было бы привести примѣры изъ Индіи и Японіи, Марокко и Судана и почти изъ всѣхъ европейскихъ странъ. Указанія на эту систему производства мы находимъ уже въ вавилонскихъ храмовыхъ записяхъ и въ древнемъ Египтѣ; ее можно прослѣдить въ литературѣ, начиная съ Гомера, чрезъ весь древній и средневѣковый періодъ, вплоть до новѣйшихъ временъ. Точка зрѣнія, съ которой греческое и римское право смотрятъ на отношеніе кліента къ самостоятельному (лично свободному или несвободному) ремесленнику, цѣликомъ основана на системѣ работы на заказъ [1]); многочисленныя постановленія средневѣковаго цеховаго права только въ ней находятъ свое объясненіе.

Еще и теперь въ альпійскихъ странахъ она составляетъ господствующую форму производства въ деревняхъ. Штирійскій писатель П. К. Розеггеръ въ своей интересной книгѣ [2]) описалъ свои похожденія въ качествѣ ученика странствующаго по крестьянскимъ дворамъ портного. «Деревенскіе ремесленники — говоритъ онъ въ предисловіи—какъ, напримѣръ, сапожники, портные, бочары, ткачи, а въ иныхъ мѣстахъ и сѣдельники, каретники, столяры и вообще всѣ строительные рабочіе, во многихъ альпійскихъ мѣстностяхъ представляютъ нѣчто въ родѣ кочевого населенія. У нихъ есть кой-какое жилище, или въ собственной избѣ, или въ нанятой у крестья-

---

[1]) Въ эдиктѣ Діоклеціана 301 г. de pretiis rerum venalium она является прямо господствующей формой производства. Ср. мои статьи въ Ztschr. f. d. ges. Staatswissenschaft, т. 50 (1894), въ особенности стр. 673 слѣд.

[2]) P. Rosegger: Aus meinem Handwerkerleben. Leipzig 1880. Ср. также Hansjakob: Schneeballen. Перв. очер. (народ. изд.), стр. 12 сл. 219, 224. Wilde Kirschen, стр. 347.

нина комнатѣ, гдѣ живетъ ихъ семья, гдѣ хранится ихъ скарбъ и гдѣ они проводятъ воскресные и праздничные дни; но въ понедѣльникъ утромъ они взваливаютъ на плеча свой инструментъ и идутъ на отходъ, т. е. они выходятъ на работу и останавливаются въ крестьянскомъ домѣ, куда ихъ пригласили, пока не сдѣлаютъ опредѣленной работы для домашняго обихода. Затѣмъ они переходятъ въ другой домъ. На ремесленника въ домѣ смотрятъ какъ на члена семьи»; для ночлега въ каждой избѣ имѣется особая комната съ «кроватью для ремесленника». Въ домѣ, въ которомъ онъ работалъ въ теченіе недѣли, онъ въ воскресенье приглашается къ обѣду.

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ описываютъ характеръ промысла въ деревнѣ въ Швеціи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Норвегіи. Въ Россіи и въ южно-славянскихъ странахъ сотни тысячъ ремесленниковъ, особенно въ строительномъ и портняжномъ производствѣ, ведутъ постоянно кочевой образъ жизни и, вслѣдствіе большихъ разстояній, по полгода и больше проводятъ вдали отъ своего дома.

Обѣ формы работы на заказъ имѣютъ различное историческое происхожденіе. Отходъ основанъ на исключительномъ обладаніи спеціальными способностями, работа на дому на исключительномъ обладаніи постоянными орудіями производства. На этой почвѣ прежде всего возникаютъ разныя переходныя формы между домашнимъ производствомъ и работой на заказъ.

Отхожій рабочій представляетъ собой первоначально опытнаго сосѣда, котораго приглашаютъ на помощь въ качествѣ руководителя и совѣтчика при исполненіи серьезной работы; самая же работа исполняется еще домочадцами [1]). И впослѣдствіи еще долго сохраняется обычай, что члены семьи кліента оказываютъ помощь мастеру и его подмастерьямъ; въ деревняхъ еще теперь это водится, напримѣръ, при строительныхъ работахъ.

При работѣ на дому будущій работникъ первоначально является лишь владѣльцемъ промышленнаго заведенія и техническимъ руководителемъ производства, между тѣмъ, какъ настоящую работу исполняетъ кліентъ; такъ бываетъ иногда въ деревнѣ еще и теперь на маслобойняхъ, мельницахъ для терки льна, вѣялкахъ для ячменя и овса, въ заведеніяхъ для приготовленія фруктоваго вина. Во многихъ сѣверо-германскихъ городахъ въ средніе вѣка солодовники и пивовары были лишь владѣльцами солодовень и пивоваренъ, которые за вознагражденіе предоставляли жителямъ самимъ соло-

---

1) Такъ напримѣръ, при постройкѣ дома на островахъ Фареръ-Ztschrt. d. Ver. f. Volkskunde. III (1893), стр. 163. На Каролинскихъ островахъ такельбой или архитекторъ исполняетъ почти только роль заклинателя, который прогоняетъ злыхъ духовъ, угрожающихъ новой постройкѣ:—Kubary: Ethnogr. Beiträge, стр. 227 сл. Иначе при постройкѣ телѣгъ въ Арменіи, гдѣ опытный сосѣдъ за подарокъ руководитъ складкой повозки, послѣ изготовленія отдѣльныхъ ея частей домочадцами. Tarajanz l. c. стр. 27. Ср. Gogitschayschwili l. c. стр. 81 слѣд.

дать свой ячмень и варить свое пиво. Въ мельницахъ кліентъ поставлялъ по крайней мѣрѣ сѣяльщика, который просѣивалъ муку. Еще и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ господствуетъ обычай, согласно которому крестьянка сама дома дѣлаетъ хлѣбъ, замѣсивъ предварительно тѣсто; пекарь предоставляетъ лишь печь для пользованія, затопляетъ ее и наблюдаетъ за печеньемъ. Подобныя же условія существуютъ въ общественныхъ прачешныхъ во французскихъ и западно-швейцарскихъ городахъ, гдѣ кліентамъ предоставляется посуда для стирки и горячая вода, часто еще и сушильня, работу же исполняетъ прислуга или женскіе члены семьи потребителей. Послѣдніе относятъ затѣмъ выстиранное и высушенное бѣлье на катокъ, при чемъ владѣлецъ помогаетъ имъ, вертя ручку. Плата взимается по количеству часовъ пользованія этими приспособленіями. Въ Познани и Западной Пруссіи, еще до недавняго времени существовалъ обычай, согласно которому владѣлецъ кузницы давалъ лишь огонь и желѣзо, работу же предоставлялъ самому кліенту [1]).

Съ экономической точки зрѣнія существенную черту работы на заказъ составляетъ отсутствіе оборотнаго капитала. Ни сырье, ни готовый продуктъ не являются средствомъ извлеченія дохода для ихъ производителя. Способъ и размѣры производства все еще опредѣляетъ землевладѣлецъ, производящій сырье; подъ его же руководствомъ находится весь процессъ производства. Крестьянинъ получаетъ рожь со своего поля, молотитъ, очищаетъ ее и передаетъ потомъ зерно мельнику для помола за плату натурой; мука поступаетъ къ пекарю, который за плату за печеніе и возмѣщеніе стоимости топлива доставляетъ извѣстное количество испеченныхъ изъ нея хлѣбовъ. Начиная съ момента посѣва до момента потребленія хлѣба, продуктъ никогда не составлялъ капитала, а лишь предметъ потребленія, находящійся на пути къ годному для потребленія состоянію. Готовый фабрикатъ не включаетъ въ себѣ никакихъ предпринимательскихъ барышей, ни процентовъ, ни прибылей, получаемыхъ при обмѣнѣ, а лишь одну заработную плату.

Въ несложныхъ условіяхъ культуры и при незначительныхъ потребностяхъ это вполнѣ раціональный способъ производства, обезпечивающій, какъ и домашнее производство, доброкачественность продукта и полное соотвѣтствіе производства потребностямъ.

---

[1]) „Erlebnisse eines Geistlichen im östl. Grenzgebiet" въ „Tägl. Rundschau". Бел. прил. 1897, № 258. Здѣсь интересна доставка желѣза владѣльцемъ заведенія, вслѣдствіе чего эта форма производства составляетъ переходъ къ ремеслу. Существуютъ и переходныя формы между отходомъ и работой на дому. Къ нимъ относятся русскій странствующій портной, который поселяется на нѣкоторое время въ каждой деревнѣ, гдѣ у него имѣются кліенты; такой же характеръ носятъ серебряныхъ дѣлъ мастера въ Арменіи (по Тараянцу). Тамъ же владѣлецъ маслобойни обязанъ предоставить свое заведеніе, нужное количество рабочихъ и воловъ, приводящихъ въ движеніе аппаратъ; кліентъ же не только помогаетъ въ работѣ, но онъ оплачиваетъ и кормитъ рабочихъ и доставляетъ также кормъ воламъ.

Онъ избѣгаетъ обмѣна при такихъ условіяхъ, при которыхъ послѣдній лишь окольными путями доставилъ бы производителямъ сырья фабрикаты, изготовленные изъ его собственнаго матеріала. Но зато онъ взваливаетъ на потребителя рискъ, сопряженный съ производствомъ; только тѣ потребности могутъ найти соотвѣтственное и своевременное удовлетвореніе, который возможно предвидѣть, между тѣмъ какъ внезапно возникающая потребность часто остается неудовлетворенной, потому что работникъ, производящій на заказъ, какъ разъ занятъ въ это время другой работой. При работѣ на дому съ этимъ еще сопряжена опасность, что часть сырья будетъ присвоена или подмѣнена работникомъ. И для работающаго на заказъ эта система связана съ нѣкоторыми неудобствами. Сюда относится неравномѣрность, которая вызываетъ то слишкомъ большое напряженіе, то полное неприменѣніе рабочей силы; при отходѣ къ этому присоединяется потеря времени и неудобство кочевой жизни.

Поэтому въ нашемъ современномъ хозяйствѣ обѣ формы работы на заказъ пригодны до нѣкоторой степени лишь тамъ, гдѣ остающееся свободнымъ время можетъ быть посвящено побочному земледѣльческому труду. Въ Индіи до послѣдняго времени эта система являлась въ промышленности господствующей. «Обыкновенно у ремесленника нѣтъ другого капитала, кромѣ его орудій, а работаетъ онъ только на заказъ; тамъ, гдѣ ремесленники насчитываются единицами, какъ въ деревняхъ, кліентъ разыскиваетъ его и довѣряетъ ему золото, серебро, слоновую кость, дерево, иногда же беретъ его за поденную плату на домъ. Въ городахъ многіе ремесленники работаютъ на купцовъ, которые держатъ ихъ въ зависимости отъ себя путемъ авансовъ матеріаломъ или деньгами; по большей части у нихъ нѣтъ ничего въ рукахъ, кромѣ предмета, надъ которымъ они въ данное время работаютъ. Произведенія ихъ труда не принадлежатъ имъ; кто желаетъ ихъ купить, вынужденъ обратиться къ сосѣднему купцу» [1]).

Въ средніе вѣка работа на заказъ въ высокой степени облегчала освобожденіе ремесленниковъ отъ крѣпостной зависимости, такъ какъ она не требуетъ сколько-нибудь значительнаго собственнаго имущества для того, чтобы начать самостоятельное предпріятіе. Цеховыхъ ремесленниковъ средневѣковаго періода еще до сихъ поръ весьма неправильно считаютъ мелкими капиталистами. По существу они представляли скорѣе промышленныхъ рабочихъ, отличавшихся отъ современныхъ рабочихъ тѣмъ, что каждый работалъ для многихъ потребителей, а не для одного предпринимателя. Поставку матеріала заказчикомъ мы находимъ почти во всѣхъ средневѣковыхъ ремеслахъ; во многихъ изъ нихъ она сохранилась еще въ продолженіе столѣтій даже и тогда, когда заказчикъ не добывалъ уже болѣе сырья въ собственномъ хозяйствѣ, а долженъ былъ его покупать, какъ, напримѣръ, кожу для сапожника, сукно для портного [2]). Лишь медленно прививается поставка матеріала

[1]) A. Métin: Musée social. Mém. et Docum. 1902. стр. 427.
[2]) То же самое Thorold Rogers: Six Centuries of work and wa-

мастеромъ, сначала только бѣднѣйшимъ кліентамъ, впослѣдствіи и состоятельнымъ. Такимъ образомъ возникаетъ ремесло въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его обыкновенно понимаемъ въ настоящее время; но рядомъ съ нимъ еще долго сохраняется работа на заказъ; она даже нерѣдко играетъ служебную роль по отношенію къ ремеслу. Такъ, кожевникъ работаетъ по заказу сапожника и сѣдельника, мельника по заказу пекаря, сукновалъ и красильщикъ по заказу суконщика.

Изъ двухъ формъ работы на заказъ въ городахъ прежде всего исчезаетъ отходъ. Это исчезновеніе существенно ускоряется вмѣшательствомъ цеховъ [1]). Отходъ слишкомъ напоминалъ прежнее крѣпостное состояніе. Работникъ при этой формѣ представляетъ собою, собственно говоря, особаго рода поденщика, обязаннаго временно подчиняться чужому домашнему распорядку. Поэтому-то, начиная съ XIV столѣтія, мы въ цеховыхъ статутахъ находимъ многочисленные запреты мастерамъ работать по домамъ. Этимъ же объясняется ненависть городскихъ ремесленниковъ къ сельскимъ, такъ какъ послѣднимъ нельзя было запретить идти на отходъ. Слово отхожій рабочій — Störer или Bönhase — становится въ концѣ концовъ ругательнымъ для обозначенія всѣхъ тѣхъ, кто производитъ цеховой промыселъ, не имѣя на то права. Въ сѣверо-германскихъ городахъ цеховые мастера присвоили себѣ право разыскивать отхожихъ рабочихъ въ домахъ ихъ кліентовъ и привлекать ихъ къ отвѣтственности, а власти обнаруживали по временамъ достаточно слабости, допуская такое нарушеніе домашняго спокойствія жителей.

Правда, вытѣсненіе одной системы производства другой цехамъ не вездѣ такъ легко удавалось. Уже въ срединѣ XIV столѣтія верховная государственная власть въ Австрійскомъ герцогствѣ энергично выступаетъ противъ нихъ. Статутъ саксонскаго курфюршества отъ 1482 г. угрожаетъ сапожникамъ, портнымъ, скорня-

---

ges. London 1891, p. 144, 179, 338 (Т. Роджерсъ: Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX в. Русск. пер. В. Д. Каткова СПБ. 1899, стр. 110, 140, 277) установилъ относительно Англіи.— Ср. также Ashley: Engl. Wirtschaftsgeschichte, нѣм. пер. Р. Оппенгейма. II, стр. 103. (У. Дж. Эшли: Экономическая исторія Англіи. Русск. пер. подъ ред. Д. Петрушевскаго. Москва 1897, стр. 106).—Противъ изложеннаго въ текстѣ возражалъ G. v. Below въ Ztschr. f. Social- und Wirtschaftsgeschichte V, стр. 124—164 и 225—247. Его доводы, однако, въ существенномъ меня не убѣдили, какъ указано было въ приложеніи къ 3-му изд., стр. 450 сл. Отвѣтъ Белова въ Hist. Ztschr. N. F. LIV, стр. 102 сл.

[1]) Не лишнимъ будетъ обратить здѣсь вниманіе на то, что при установленіи цеховыхъ привилегій пострадало также домашнее производство. Въ очень многихъ цеховыхъ уставахъ встрѣчается постановленіе, согласно которому лицамъ, не принадлежащимъ къ цеху, разрѣшается изготовлять ремесленныя издѣлія лишь въ томъ количествѣ, какое необходимо для собственнаго потребленія, но запрещается производить для продажи. Тѣмъ самымъ описанное выше производство рынка стало невозможнымъ.

камъ, столярамъ, стекольщикамъ и другимъ ремесленникамъ, безъ уважительныхъ причинъ отказывающихся отъ работы въ домѣ кліента, высокимъ для того времени штрафомъ въ 3 гульдена. Въ Базелѣ въ 1526 г. съ цѣлью поддержанія «стараго добраго обычая» изданъ точный регламентъ для домашнихъ портныхъ. Во многихъ нѣмецкихъ областяхъ для разныхъ видовъ работы на заказъ были составлены очень подробныя таксы. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ промыслахъ, въ особенности въ строительныхъ, работа на заказъ сохранилась до настоящаго времени.

Въ большинствѣ же случаевъ ее замѣнила та система производства, которую мы въ настоящее время обозначаемъ словомъ ремесло и которую я охарактеризовалъ уже выше [1]). Его можно было бы также назвать **работой на сбытъ**, чтобы этимъ рѣзче подчеркнуть противоположность работѣ на заказъ. Ибо ремесленникъ только тѣмъ отличается отъ работника, производящаго на заказъ, что онъ владѣетъ средствами производства и продаетъ за опредѣленную цѣну готовый продуктъ, составленный изъ доставляемаго имъ же матеріала и вложеннаго въ него труда, между тѣмъ какъ работающій на заказъ получаетъ лишь вознагражденіе за свой трудъ.

Всѣ существенныя особенности ремесла находятъ свое выраженіе въ опредѣленіи: непосредственное производство на потребителя. Именно способъ сбыта отличаетъ эту форму производства отъ всѣхъ позднѣйшихъ. Ремесленникъ работаетъ всегда для потребителя, при чемъ либо послѣдній побуждаетъ его къ этому заказомъ отдѣльныхъ предметовъ, либо они встрѣчаются на рынкѣ или на ярмаркѣ. Работа на заказъ и работа для рынка должны другъ друга дополнить, во избѣжаніе «мертваго сезона». Обыкновенно рынокъ сбыта ограниченный: городъ и его ближайшія окрестности. Потребитель покупаетъ изъ первыхъ рукъ, ремесленникъ отдаетъ въ послѣднія руки. Это гарантируетъ приспособленіе къ потребностямъ и придаетъ ихъ взаимнымъ отношеніямъ этическій характеръ; производитель чувствуетъ себя отвѣтственнымъ передъ потребителемъ за свою работу.

Съ возникновеніемъ ремесла черезъ весь процессъ народнаго хозяйства проходитъ какъ бы глубокая трещина. Въ то время, какъ раньше всѣмъ этимъ процессомъ руководилъ землевладѣлецъ, хотя и съ помощью нанятыхъ на сторонѣ рабочихъ, теперь существуютъ хозяйства двоякаго рода, изъ которыхъ каждое осуществляетъ только одну часть процесса производства: одно производитъ сырье, другое—фабрикатъ. Принципъ, который всякое ремесло стремилось, гдѣ только было возможно, осуществлять, состоитъ въ слѣдующемъ: всякій продуктъ долженъ всѣ стадіи своей обработки проходить въ **одной** мастерской. Благодаря этому, требо-

[1]) Этимъ я, конечно, не хочу сказать, что не было такихъ ремеслъ, которыя возникли прямо изъ домашняго производства, не проходя стадіи работы на заказъ.

вался меньшій капиталъ и избѣгалось увеличеніе цѣны посредствомъ кумуляціи многихъ барышей. Пріобрѣтя собственный оборотный капиталъ, ремесленники превращаются изъ класса рабочихъ, добывающихъ лишь заработную плату, въ классъ производителей-собственниковъ, и то движимое имущество, которое теперь скопляется въ ихъ рукахъ, отдѣлившись отъ земельной собственности, становится основой особеннаго соціальнаго и политическаго существованія, которое воплощается въ городскомъ населеніи.

Непосредственная связь ремесленника съ потребителемъ его продуктовъ обусловливаетъ малые размѣры производства. Если какой-нибудь промыселъ угрожаетъ принять слишкомъ большіе размѣры, то отъ него откалываются новыя ремесла, къ которымъ переходитъ часть его сферы производства. Такой характеръ имѣетъ раздѣленіе труда въ средніе вѣка [1]), создающее все новыя самостоятельныя сферы труда и вызвавшее впослѣдствіи то ревнивое разграниченіе областей производства, которое истощало силы цеховъ внутренними раздорами.

Ремесло составляетъ специфически городское явленіе. Народы, которые, подобно русскимъ, не создали настоящей городской жизни, не имѣютъ также и національнаго ремесла. Этимъ объясняется также, что съ возникновеніемъ крупныхъ, централизованныхъ государствъ и съ развитіемъ сообщеній ремесло должно было придти въ упадокъ. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, подъ вліяніемъ постояннаго роста населенія, появилась новая система производства, основанная уже не на мѣстномъ, а на національномъ и международномъ рынкѣ. Наши предки обозначали это «мануфактурами» и «фабриками», не дѣлая различія между обоими выраженіями. Если присмотрѣться ближе, рѣчь идетъ, собственно говоря, о двухъ различныхъ формахъ производства. Одна изъ нихъ получила съ тѣхъ поръ сбивчивое названіе домашней промышленности (Hausindustrie)— мы будемъ называть ее кустарной промышленностью (Verlagssystem); другая — это наша нынѣшняя фабрика. Обѣ системы ставятъ своей задачей снабженіе обширнаго рынка промышленными издѣліями; обѣ нуждаются для этой цѣли въ значительномъ количествѣ рабочихъ; онѣ отличаются другъ отъ друга лишь способомъ рѣшенія этой задачи и организаціи рабочихъ.

При этомъ наиболѣе просто поступаетъ **кустарная система**. Она первоначально оставляетъ нетронутымъ прежній способъ производства, ограничиваясь организаціей сбыта. Скупщикъ— это предприниматель—коммерсантъ, который постоянно даетъ работу значительному числу рабочихъ внѣ своего собственнаго промышленнаго заведенія, самимъ рабочимъ на домъ. Рабочіе состоятъ либо изъ прежнихъ ремесленниковъ, которые теперь работаютъ не

---

[1]) См. объ этомъ подробнѣе въ моей книгѣ: „Die Bevölkerung von Frankfurt a. M. im XIV и XV Jahrhundert" I, стр. 228. Ср. также очерки I и VIII.

для многихъ потребителей, а для одного торговца, либо изъ прежнихъ работниковъ на заказъ, получающихъ однако сырье для обработки уже не отъ потребителя, а отъ купца. Или же это — крестьянскія семьи, производящія теперь прежніе продукты домашняго производства какъ рыночный товаръ, который доставляется скупщикомъ на міровой рынокъ.

Verleger (скупщикъ) происходитъ отъ слова Verlag (скупка) = Vorlage, Vorschuss (авансъ). Скупщикъ даетъ впередъ мелкимъ производителямъ, занимающимъ первоначально еще довольно самостоятельное положеніе, стоимость ихъ продукта; или онъ доставляетъ имъ, кромѣ того, сырье и платитъ затѣмъ поштучно; или, наконецъ, ему принадлежатъ также главныя орудія производства: ткацкій станокъ, вышивальная машина и т. п. Постепенно мелкіе производители, имѣя только **одного** покупателя, становятся все болѣе и болѣе зависимыми отъ него; онъ превращается въ ихъ работодателя, а они въ рабочихъ, хотя бы они формально сами поставляли сырье.

Нѣтъ надобности здѣсь подробно описывать кустарную промышленность и отношенія между предпринимателями и рабочими при этой формѣ производства. Довольно много примѣровъ мы можемъ найти въ гористыхъ мѣстностяхъ Германіи: плетеніе соломы, производство часовъ и щетокъ въ Шварцвальдѣ, рѣзьба по дереву въ верхней Баваріи, игрушечный промыселъ въ Мейнингенѣ, вышивальное производство Фогтланда (Саксонія), плетеніе кружевъ въ Рудныхъ горахъ и т. под. Исторія и современное положеніе этихъ промысловъ были въ послѣднее время объектомъ многихъ изслѣдованій. Я не могу на этомъ подробно останавливаться, равно какъ и на громадномъ богатствѣ формъ, которое представляетъ какъ разъ эта система производства.

Существенной чертой ея всегда остается то, что продуктъ, раньше чѣмъ онъ переходитъ къ потребителю, является капиталомъ, т. е. средствомъ наживы для одного или нѣсколькихъ посредниковъ-купцовъ. Доставляется ли продуктъ скупщикомъ на міровой рынокъ, или же имъ содержится въ городѣ магазинъ для продажи; получаетъ ли онъ товаръ въ готовомъ видѣ для сбыта отъ кустаря, или же подвергаетъ его окончательной отдѣлкѣ; называетъ ли себя рабочій мастеромъ и держитъ подмастерьевъ, занимается ли онъ кромѣ того земледѣліемъ — кустарь во всякомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ рынкомъ сбыта своихъ издѣлій, незнакомъ съ условіями этого сбыта, и въ этомъ причина его безнадежной экономической слабости.

Въ то время, какъ въ кустарной промышленности капиталъ овладѣваетъ лишь сбытомъ продуктовъ, на **фабрикѣ** онъ охватываетъ весь процессъ производства. Кустарная промышленность, чтобы справиться съ лежащей на ней производительной задачей, соединяетъ большое число однородныхъ рабочихъ силъ, опредѣляетъ направленіе ихъ производства, почти одинаковое для каждой изъ нихъ, и заставляетъ продукты ихъ труда стекаться какъ

бы въ одинъ большой резервуаръ, прежде чѣмъ распространить ихъ по всему свѣту. Фабрика организуетъ весь процессъ производства; она сплачиваетъ разнородныхъ рабочихъ, находящихся между собою въ отношеніяхъ начальствующихъ и подчиненныхъ, въ одно организованное и дисциплинированное цѣлое, соединяетъ ихъ въ одномъ и томъ же принадлежащемъ предпринимателю заведеніи, снабжаетъ послѣднее сложнымъ аппаратомъ механическихъ средствъ производства и такимъ образомъ въ сильнѣйшей степени усиливаетъ ихъ производительность. Фабрика отличается отъ кустарной системы какъ благоустроенная, единообразно вооруженная регулярная армія отъ пестраго состава ополченія.

Секретъ ея силы, какъ производительной организаціи, заключается, слѣдовательно, въ цѣлесообразномъ примѣненіи труда. Для достиженія этого она выбираетъ своеобразный путь, кажущійся на первый взглядъ окольнымъ. Она разлагаетъ весь необходимый въ процессѣ производства трудъ на его простѣйшіе элементы, отдѣляетъ тяжелый трудъ отъ легкаго, механическій отъ умственнаго, квалифицированный отъ простого. Такимъ образомъ, она осуществляетъ систему послѣдовательныхъ операцій и получаетъ возможность использовать одновременно, одно за другимъ, человѣческую силу всякаго рода обученныхъ и необученныхъ рабочихъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, людей физическаго и умственнаго труда, лицъ съ техническимъ, художественнымъ и коммерческимъ образованіемъ. То обстоятельство, что на каждаго возлагается лишь незначительная доля процесса производства, приводитъ къ сильнѣйшему возрастанію общаго количества продукта. Сто фабричныхъ рабочихъ производятъ въ одинаковомъ процессѣ производства гораздо больше, чѣмъ сто самостоятельныхъ ремесленниковъ, хотя каждый изъ этихъ послѣднихъ знакомъ со всѣмъ процессомъ работы, изъ первыхъ же каждый знакомъ лишь съ небольшой его частью. Поскольку борьба ремесла съ фабрикой происходитъ на почвѣ техники, она доказываетъ, какъ слабый побѣждаетъ сильнаго, если имъ руководятъ лучшія умственныя силы.

Машина же составляетъ существеннаго элемента фабрики; но описанное нами раздѣленіе труда, расчленяя процессъ труда на простыя движенія, въ высокой степени способствовало примѣненію машинъ и ихъ разнообразію. Машинами издавна пользовались въ промышленности—и рабочими машинами, и двигателями. Но для фабрикъ онѣ пріобрѣли свое настоящее значеніе лишь съ тѣхъ поръ, какъ удалось воспользоваться непрерывно и равномѣрно дѣйствующей, повсюду примѣнимой двигательной силой—паромъ, и то только въ связи со свойственной фабрикѣ системой производства.

Поясимъ сказанное примѣромъ. Въ 1787 г. кантонъ Цюрихъ насчитывалъ 34.000 ручныхъ прядильщиковъ и прядильщицъ, производящихъ бумажную пряжу; послѣ введенія англійскихъ прядильныхъ машинъ нѣсколько фабрикъ производило то же самое или еще большее количество пряжи, а число ихъ рабочихъ (по большей

части женщинъ и дѣтей) составляло еле третью часть прежняго. Какъ это произошло? Благодаря машинамъ? Развѣ прялка не была машиной? Несомнѣнно—и при томъ очень искусной. Слѣдовательно, машина вытѣснила машину. Или точнѣе, то, что раньше производила одна прядильщица со своей прялкой, то теперь производится послѣдовательнымъ трудомъ цѣлаго ряда разнородныхъ рабочихъ и разнообразныхъ машинъ. Весь процессъ пряденія былъ разложенъ на свои простѣйшіе элементы; возникли совершенно новыя манипуляціи, для исполненія которыхъ отчасти годились и незрѣлыя рабочія силы.

Изъ расчлененія труда вытекаютъ дальнѣйшія особенности фабрики: необходимость производства въ крупныхъ размѣрахъ, потребность въ значительномъ капиталѣ, экономическая зависимость рабочихъ.

Въ отношеніи послѣднихъ двухъ пунктовъ мы легко замѣчаемъ существенное различіе между фабричной и кустарной системою. Большой основной капиталъ обезпечиваетъ фабрикѣ непрерывность производства. Въ случаѣ уменьшенія спроса скупщикъ можетъ лишить работы своихъ кустарей, лично не неся при этомъ никакихъ потерь; фабрикантъ же вынужденъ въ этомъ случаѣ продолжать производство, такъ какъ ему грозитъ потеря процентовъ и уменьшеніе цѣнности основного капитала, и онъ можетъ лишиться обученнаго кадра рабочихъ. Поэтому кустарное производство, по всей вѣроятности, продержится еще долго рядомъ съ фабрикой въ отрасляхъ промышленности съ рѣзкими колебаніями спроса и съ большимъ разнообразіемъ сортовъ товара.

Характеризуя въ заключеніе немногими словами всѣ пять формъ промышленности, мы можемъ сказать: домашнее производство есть производство для собственныхъ потребностей, работа на заказъ есть работа на потребителя, ремесло есть производство непосредственно для потребителя, кустарная промышленность есть децентрализованное, а фабрика—централизованное товарное производство. И такъ какъ ни одно экономическое явленіе не существуетъ изолированно, то и каждая изъ этихъ формъ промышленности является частью обширной экономической и соціальной организаціи. Домашнее производство есть производство автономнаго домашняго хозяйства; работа на заказъ относится ко времени перехода отъ замкнутаго домашняго хозяйства къ городскому: расцвѣтъ ремесла совпадаетъ съ періодомъ развитаго городского хозяйства; кустарная система составляетъ переходъ отъ городского хозяйства къ національному или народному хозяйству (замкнутому государственному хозяйству), а фабрика есть система производства развитаго народнаго хозяйства.

Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы стали здѣсь распространяться о томъ, какъ каждая форма промышленности органически приспособляется къ господствующей въ данное время организаціи производства и какъ она обусловливается цѣлымъ рядомъ родственныхъ явленій въ области добывающей промышленности,

личныхъ услугъ, торговли, транспорта и въ свою очередь обусловливаетъ ихъ. Отъ внимательнаго наблюдателя едва-ли ускользнетъ то обстоятельство, что всѣ зародыши развитія, описаннаго здѣсь въ своихъ главныхъ этапахъ, кроются въ первоначальной клѣточкѣ общества—семьѣ, или, выражаясь экономически—въ хозяйственной организаціи замкнутаго домашняго хозяйства. Отъ этой древнѣйшей, полной жизни организаціи, въ которой исчезало всякое индивидуальное существованіе, путемъ дифференціаціи и интеграціи постоянно отдѣлялись части, пріобрѣтавшія все больше и больше самостоятельности. Работа на заказъ есть не болѣе какъ отпрыскъ на древѣ замкнутаго домашняго хозяйства; ремесло для своего процвѣтанія еще нуждается въ его охранѣ; кустарная промышленность превращаетъ сбытъ продуктовъ въ самостоятельное предпріятіе, между тѣмъ какъ производство возвращается почти къ первой ступени своего развитія; при фабричной же формѣ промышленности весь процессъ производства проникнутъ предпринимательскимъ принципомъ; фабрика представляетъ собою независимое, свободное отъ всѣхъ потребительскихъ элементовъ, хозяйство, по предмету и по мѣсту отдѣленное отъ домашняго обихода его участниковъ.

Аналогично мѣняется и положеніе рабочаго. Съ возникновеніемъ работы на заказъ промышленный рабочій лично отрывается отъ замкнутаго домашняго хозяйства землевладѣльца; съ переходомъ къ ремеслу онъ, выдѣливъ себѣ орудія производства, становится и матеріально свободнымъ и самостоятельнымъ. При кустарной системѣ онъ лично вступаетъ въ новую зависимость; въ кругъ кліентовъ капиталиста-предпринимателя; при фабричной системѣ онъ становится матеріально зависимымъ отъ послѣдняго. Черезъ четыре этапа развитія онъ отъ крѣпостной зависимости по отношенію къ помѣщику приходитъ къ закрѣпощенію на фабрикѣ.

Въ этомъ развитіи замѣчается извѣстнаго рода параллелизмъ. Отношеніе несвободнаго домашняго производителя къ землевладѣльцу въ древности сходно съ тѣмъ положеніемъ, какое фабричный рабочій занимаетъ по отношенію къ современному предпринимателю, а кустарь находится въ такихъ же отношеніяхъ къ торговому предпріятію скупщика, какъ работающій на заказъ къ натуральному хозяйству землевладѣльца. Въ серединѣ этого восходящаго и нисходящаго ряда стоитъ ремесло, какъ его краеугольный камень. Отъ домашняго производства до ремесла—постепенная эмансипація рабочаго отъ земли и образованіе капитала; отъ ремесла до фабрики постепенное отдѣленіе капитала отъ труда и подчиненіе рабочаго капиталисту.

На ступени домашняго производства еще нѣтъ капитала, а имѣются лишь предметы потребленія въ разныхъ фазисахъ ихъ годности для потребленія. Все принадлежитъ домашнему хозяйству: сырье, орудія, продуктъ, часто и самъ рабочій. Въ производствѣ на заказъ капиталомъ является лишь инструментъ въ рукахъ рабочаго; сырье же и полуфабрикаты являются домашними запасами, еще не-

пригодными для потребленія; помѣщеніе принадлежитъ либо тому же домашнему хозяйству, гдѣ впослѣдствіи потребляется готовый продуктъ (отходъ), либо рабочему, его изготовляющему (работа на дому). Въ ремеслѣ инструменты, помѣщеніе и сырье являются капиталомъ въ рукахъ рабочаго: послѣднему принадлежитъ продуктъ, но онъ сбываетъ его всегда лишь непосредственно потребителю. Въ кустарной системѣ производства и продуктъ становится капиталомъ, но не рабочаго, а совершенно новаго, появляющагося на горизонтѣ лица—купца-предпринимателя; рабочій либо сохраняетъ всѣ средства производства, либо лишается сначала капитала въ видѣ матеріала, а затѣмъ капитала въ видѣ орудій. Такимъ образомъ всѣ составныя части капитала въ концѣ концовъ скопляются въ рукахъ фабриканта-предпринимателя, который на этомъ базисѣ организуетъ по новой системѣ промышленное производство. Въ его рукахъ даже доля рабочаго въ продуктѣ становится частью оборотнаго капитала.

Эта доля рабочаго на ступени домашняго производства состоитъ въ участіи въ потребленіи произведенныхъ продуктовъ, при работѣ на заказъ—въ продовольствіи на ряду съ поштучной или поденной платой, включающей въ себѣ и возмѣщеніе за изнашиваніе инструментовъ; при ремеслѣ—въ полномъ продуктѣ производства. Въ кустарной системѣ скупщикъ присвоиваетъ себѣ часть послѣдняго, какъ прибыль на свой оборотный капиталъ; въ фабричной системѣ всѣ могущіе быть капитализированными элементы производства становятся пунктами скопленія доходовъ съ капитала; рабочему же достается лишь условленная плата.

Не слѣдуетъ однако представлять себѣ историческое развитіе формъ промышленности въ такомъ видѣ, будто каждая новая форма производства вытѣсняетъ предыдущую и дѣлаетъ ее совершенно излишней. Это такъ же мало имѣетъ мѣсто, какъ вытѣсненіе старыхъ средствъ сообщенія новыми. Желѣзная дорога не устранила ни гужевого транспорта, ни транспорта на судахъ, на вьючныхъ животныхъ и на человѣческихъ спинахъ; она только поставила каждый изъ этихъ болѣе старыхъ способовъ перевозки на то мѣсто, гдѣ онъ лучше всего можетъ проявить свои преимущества. Одновременно съ этимъ необыкновенно возрасло количество необходимаго для народнаго хозяйства транспорта, и въ настоящее время въ культурныхъ государствахъ занято въ перевозочныхъ предпріятіяхъ, по всей вѣроятности, не только абсолютно, но и относительно больше лошадей и людей, чѣмъ въ 1830 году.

Тѣ же причины, которыя вызвали этотъ могучій ростъ сообщеній, дѣйствуютъ и въ промышленности и привлекаютъ къ ней все болѣе возрастающее количество людей, несмотря на постоянное усовершенствованіе механическихъ средствъ производства. И помимо неограниченной возможности вывоза фабрикатовъ, промышленность имѣетъ еще два слѣдующихъ постоянныхъ источника, вызывающихъ ея приростъ:

1. домашнее хозяйство и обрабатывающую промышленность,

отъ которыхъ все еще отдѣляются части и образуютъ самостоятельныя отрасли промышленности;

2. непрерывное усовершенствованіе и увеличеніе въ количественномъ отношеніи и въ смыслѣ разнообразія предметовъ, служащихъ для удовлетворенія нашихъ потребностей.

Что касается перваго пункта, то въ послѣднія десятилѣтія образовались десятки новыхъ промышленныхъ профессій для исполненія такихъ работъ, которыя раньше исправлялись самими хозяйками и прислугой: приготовленіе консервовъ изъ фруктовъ и овощей, печенія, мясныхъ блюдъ, изготовленіе и починка дамскаго и дѣтскаго платья, чистка оконъ, пуха, занавѣсей, химическія прачешныя, натираніе и чистка половъ, устройство газоваго освѣщенія, водоснабженіе и т. п. Въ группѣ «садоводство декоративное и промышленное» новѣйшая профессіональная статистика Германіи насчитываетъ 85, въ группѣ «животноводство» 31 профессію, изъ которыхъ многія очень недавняго происхожденія.

Относительно второго пункта укажемъ лишь на велосипедную промышленность, благодаря которой возникло не только большое число фабрикъ, но и спеціальныя заведенія для починки, спеціальныя мастерскія для производства резиновыхъ шинъ, счетчиковъ и велосипедныхъ спицъ. Еще болѣе разительный примѣръ представляетъ электротехника. Въ германской переписи профессій и промысловъ 1895 г. въ этой области значатся 22 категоріи, которыхъ въ 1882 г. совсѣмъ еще не существовало. Въ одномъ лишь изготовленія электрическихъ машинъ, аппаратовъ и сооруженій въ 1895 г. въ Германіи было занято 14.494 человѣкъ съ 18.449 членовъ семьи и прислуги, т. е. кормилось 33.000 душъ [1]). Въ металлургической индустріи, въ машиностроительной, въ химической, въ производствѣ издѣлій изъ бумажной массы, въ строительномъ промыслѣ, въ промышленности по изготовленію одежды число профессій между 1882—1895 почти что удвоилось. При томъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что не только спеціализація дѣлаетъ громадные успѣхи, но часто вспомогательныя средства производства и торговли, до сихъ поръ изготовлявшіяся въ тѣхъ заведеніяхъ, которыя ихъ употребляютъ, теперь производ-

---

[1]) Согласно появившемуся въ августѣ 1900 г. въ печати сообщенію д-ръ Вюрнеръ оцѣнивалъ тогда капиталы германскихъ фирмъ, занимающихся изготовленіемъ предметовъ электротехники, круглымъ счетомъ въ 800 мил. марокъ, а фонды обществъ, занимающихся устройствомъ электрическихъ дорогъ и сооруженій, въ 450 мил. марокъ. Электрическія дороги, сооруженія и станціи въ Германіи представляютъ по различнымъ предположеніямъ цѣнность въ 1250 мил. марокъ, такъ что нѣмецкая электротехника въ цѣломъ составляетъ капиталъ приблизительно въ $2^1/_2$ милліарда марокъ. Надо, впрочемъ, имѣть въ виду то, что капиталы упомянутыхъ обществъ отчасти вновь повторяются въ цифрѣ основныхъ капиталовъ, вложенныхъ въ электрическія дороги и сооруженія. Такой же примѣръ даетъ производство автомобилей, которое, по вычисленію Вюрнера, въ 1905 г. прямо и косвенно доставляло занятіе 100.000 чел. въ Германіи и 300.000 во Франціи.

дятся въ спеціальныхъ предпріятіяхъ. Промышленность въ этихъ областяхъ не только идетъ навстрѣчу потребностямъ, но часто ихъ предупреждаетъ, какъ это она и всегда дѣлала. Это стремленіе къ усовершенствованію сферы матеріальныхъ благъ ясно выступаетъ въ реестрахъ патентовъ; хотя многія изъ новыхъ изобрѣтеній не оправдываютъ себя на практикѣ, но остается все-таки значительная часть, обогащающая нашу жизнь.

Если бы мы были въ состояніи обозрѣть статистически все количество промышленныхъ продуктовъ, изготовляемыхъ ежегодно въ Германіи, такимъ образомъ, чтобы можно было различить, что произведено на фабрикахъ, что кустарной промышленностью, что ремесломъ, что работой на заказъ и что домашнимъ производствомъ, то несомнѣнно оказалось бы, что большая часть фабричныхъ товаровъ состоитъ изъ такихъ предметовъ, которыхъ никогда никакая другая система производства не производила и что въ настоящее время ремесло абсолютно производитъ большее количество продуктовъ, чѣмъ когда-либо раньше. Конечно, кустарная промышленность и фабрика совершенно поглотили нѣкоторыя мелкія ремесла, а во многихъ другихъ съузили сферу ихъ производства. Но всѣ крупныя цеховыя ремесла, существовавшія въ концѣ XVIII столѣтія—за исключеніемъ, быть можетъ, одного ткацкаго—существуютъ еще и теперь. На почвѣ свободной конкурренціи происходитъ постоянное вытѣсненіе ремесла болѣе совершенными системами производства,—подобно тому какъ въ средніе вѣка ремесло, хотя и не такъ быстро, вытѣсняло домашнее производство и работу на заказъ. И эта всеобщая конкурренція, при содѣйствіи усовершенствованной системы транспорта и сообщеній, часто вынуждаетъ къ переходу отъ производства для потребителей къ товарному производству, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда первое по техническимъ условіямъ, быть можетъ, могло бы еще существовать. Многіе самостоятельные мастера становятся въ зависимость отъ скупщика или фабрики, подобно тому какъ ихъ предшественники тысячу лѣтъ тому назадъ находились въ зависимости отъ феодала.

Такимъ образомъ, ремесло и въ экономическомъ и въ соціальномъ отношеніи отодвинуто на второй планъ; но если оно не можетъ больше процвѣтать въ крупныхъ городахъ, то оно тѣмъ болѣе распространилось въ деревнѣ и здѣсь породило многочисленныя связанныя съ земледѣліемъ предпріятія, на которыхъ съ удовольствіемъ останавливается глазъ человѣколюбивыхъ людей. Ремесло, надо думать, такъ же мало исчезнетъ, какъ исчезло домашнее производство или работа на заказъ. То, что оно дало обществу во время господства феодальнаго строя—стойкій классъ независимыхъ отъ землевладѣльцевъ людей, основывавшихъ свое существованіе на собственныхъ способностяхъ и на небольшомъ движимомъ имуществѣ, очагъ гражданскаго долга и честности — останется и должно остаться его достояніемъ, хотя будущіе носители этихъ добродѣтелей, вѣроятно, будутъ поддерживать свое существованіе инымъ путемъ.

Нѣсколько времени тому назадъ раздался весьма настойчивый призывъ къ устраненію всѣхъ болѣе старыхъ формъ промышленности. Указывалось, что ремесло, кустарная промышленность, всѣ мелкія формы производства вообще, парализуютъ національную «производительность»; это «отсталые, отжившіе свой вѣкъ, грубые, чтобы не сказать: задерживающіе соціальное развитіе способы производства», которые въ собственномъ интересѣ тѣхъ, кто ихъ примѣняетъ, должны уступить мѣсто «разумной и цѣлесообразной организаціи и нормировкѣ человѣческой дѣятельности въ крупныхъ размѣрахъ», если мы не хотимъ, чтобы и впредь національное производство фактически оставалось далеко позади того, что оно технически въ состояніи дать.

Столь близорукая кабинетная логика въ области экономической политики не представляетъ ничего новаго. Было время, когда на каждаго деревенскаго башмачника, который лично сажалъ свой картофель и капусту, смотрѣли какъ на своего рода врага возможно большаго возрастанія народнаго богатства и его весьма охотно заставили бы полицейскими средствами оставаться при своей колодкѣ, даже если бы ему пришлось при этомъ умереть съ голоду. Вѣдь испоконъ вѣковъ было гораздо легче распоряжаться вещами, чѣмъ ихъ понимать.

Если бы вмѣсто такого рода отрицательнаго отношенія было произведено безпристрастное изслѣдованіе условій существованія этихъ яко бы отжившихъ болѣе раннихъ методовъ производства, то вскорѣ убѣдились бы въ томъ, что тамъ, гдѣ они сохранились до сихъ поръ, они въ большинствѣ случаевъ съ экономической и соціальной точки зрѣнія имѣютъ право на существованіе, и что средство для устраненія замѣченныхъ въ нихъ недостатковъ надо искать на той почвѣ, въ которой коренятся эти формы производства, — а не примѣнять къ нимъ столь убійственные методы лѣченія. Въ такомъ случаѣ усилія направлены были бы на то, чтобы сохранить преимущества, свойственныя, несомнѣнно, каждой изъ этихъ формъ производства, устраняя лишь ихъ недостатки.

Ибо таковъ, въ концѣ концовъ, отрадный результатъ всякаго серьезнаго историческаго изслѣдованія: ни одинъ проникшій въ жизнь народовъ культурный элементъ не погибаетъ—каждый изъ нихъ, даже когда время его господства прошло, продолжаетъ на болѣе скромномъ мѣстѣ содѣйствовать достиженію великой цѣли, въ которую мы всѣ вѣримъ—достиженію все болѣе и болѣе совершенныхъ формъ человѣческой жизни.

V. Упадокъ ремесла.

Въ Германіи существуетъ два ремесленныхъ вопроса. Одинъ—это вопросъ, интересующій газеты и парламенты: онъ съ 1848 г. не разъ весьма сильно занималъ общественное мнѣніе; это вопросъ: въ какой степени соціальныя нужды ремесленниковъ должны находить свое выраженіе въ законодательствѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ взаимоотношенія силъ политическихъ партій.

Другой ремесленный вопросъ—это вопросъ о жизнеспособности ремесла, какъ формы промышленности. Это вопросъ гамлетовскаго монолога: быть или не быть! Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ фактовъ. Точнѣе надо его формулировать такъ: въ какой мѣрѣ ремесло до сихъ поръ оказывалось жизнеспособнымъ? въ какихъ областяхъ производства оно еще играетъ господствующую роль?

Пока политика считается не только съ пожеланіями и настроеніями, но и съ фактами, она не рѣшится дать отвѣтъ на первый изъ этихъ вопросовъ, пока не будетъ рѣшенъ второй. До послѣдняго времени для этого недоставало необходимыхъ данныхъ. Но «Союзъ соціальной политики» (Verein für Socialpolitik) организовалъ обширную анкету относительно всѣхъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя прежде имѣли форму ремесла [1], и поэтому будетъ вполнѣ своевременнымъ дать общій обзоръ полученныхъ результатовъ. Я не намѣренъ касаться нынѣшняго положенія отдѣльныхъ промысловъ и ихъ видовъ на будущее [2]. Я хочу выяснить общій характеръ развитія, совершавшійся въ теченіе почти столѣтняго періода. При этомъ представится возможность ознакомиться съ дѣйствующими въ современномъ народномъ хозяйствѣ творческими

---

[1]) Untersuchungen über die Lage des Handwerks in Deutschland mit besonderer Rücksicht auf seine Konkurrenzfähigkeit gegenüber der Grossindustrie: Schriften des Vereins für Socialpolitik, стр. 62—70: Leipzig 1894—97. Кромѣ того, одинъ томъ объ Австріи (71). Девять томовъ, касающіеся Германіи, составлены подъ руководствомъ и при дѣятельномъ участіи автора настоящей книги. Дополненіемъ является анкета о положеніи ремесла, предпринятая лѣтомъ 1895 г. и обработанная въ имперскомъ статистическомъ бюро. 3 вып. Берлинъ 1895—96.

[2]) Съ этой точки зрѣнія обзоръ результатовъ анкеты даетъ Г. Грандке въ „Schmollers Jhb. für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft" XXI (1897), стр. 1031 сл.

и разрушительными силами во всемъ ихъ могуществѣ и разнообразныхъ способахъ ихъ вліянія.

Сто лѣтъ тому назадъ ремесло еще вполнѣ господствовало, не имѣя конкуррентовъ, во всѣхъ тѣхъ отросляхъ, которыя оно унаслѣдовало отъ среднихъ вѣковъ, и въ тѣхъ, которыя оно успѣло вновь пріобрѣсти въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Правда, рядомъ съ нимъ существовало незначительное число фабрикъ и мануфактуръ; но онѣ развивались независимо отъ ремесла. То, что онѣ производили, никогда не составляло объекта ремесленнаго труда. Между этими новыми формами производства и цеховымъ ремесломъ не было конкурренціи. На цехи, какъ таковые, государство тоже не посягало; они были лишь подчинены общему земскому законодательству и такимъ образомъ отчасти лишились своего мѣстно-городского характера. Они получили даже болѣе широкое распространеніе благодаря тому, что цеховую организацію ввели и въ такихъ ремеслахъ, которыя, вслѣдствіе слишкомъ ничтожнаго числа представителей въ отдѣльныхъ городахъ, до этого времени не могли образовать мѣстныхъ цеховъ. Общеземскіе цехи, которые были учреждены для этихъ «мелкихъ ремеслъ», и «общецеховой уставъ», обнимавшій и объединявшій ремесленные статуты всѣхъ мѣстныхъ цеховъ, формально удовлетворяли требованіямъ современнаго народнаго хозяйства. По существу же мѣстныя и профессіональныя привилегіи сбыта, обязанность продажи произведеній на городскомъ рынкѣ и городская черта остались въ полной силѣ. О конкурренціи между ремесленниками одного и того же промысла, проживающими въ различныхъ городахъ, и между различными ремеслами въ одномъ и томъ же городѣ не могло быть и рѣчи; поселеніе въ деревняхъ для большинства ремеслъ было запрещено, пріобрѣтеніе самостоятельности для всѣхъ подмастерьевъ, которые не были сыновьями или зятями мастеровъ, было крайне затруднено.

Каково же было положеніе мастеровъ въ ту эпоху, когда они находились въ исключительномъ обладаніи этими правами?

Большинство тѣхъ, которые въ настоящее время говорятъ и пишутъ о ремеслѣ, представляютъ себѣ мастеровъ «эпохи разсвѣта ремесла» въ видѣ состоятельныхъ людей, располагающихъ «значительнымъ для того времени капиталомъ», имѣющихъ собственные дома и обширныя мастерскія, работающихъ вмѣстѣ съ отборными подмастерьями и учениками, лично весьма дѣльныхъ, честныхъ и уважаемыхъ. Всѣ, кто описываетъ эту эпоху, погружаютъ свои кисти въ тѣ сочныя краски, которыя необходимы, когда приходится рисовать картину полнаго благополучія.

Откуда они взяли эту картину? Я напрасно силился найти ее въ XVIII-мъ или въ XVII-мъ столѣтіи. И наши классическіе поэты видно тоже не имѣли ея передъ глазами, такъ какъ ихъ «кумъ портной и перчаточникъ» — жалкіе, ограниченные персонажи. Въ огромномъ большинствѣ небольшихъ городовъ мастера сводятъ концы съ концами только благодаря обработкѣ клочка земли и доходному праву пивоваренія; въ большихъ городахъ—благодаря лавченкѣ,

которую многіе изъ нихъ заводили на-ряду съ мастерской. Даже по отношенію къ такому городу, какъ Лейпцигъ, имѣвшему большое экономическое значеніе, изъ громаднаго количества сохранившихся административныхъ актовъ XVII и XVIII столѣтія не получается такого впечатлѣнія, будто тамошніе ремесленники въ среднемъ отличались зажиточностью, а богатая литература о цехахъ, сохранившаяся съ конца этого періода, какъ и «Патріотическія фантазіи» Юстуса Мезера во многихъ мѣстахъ свидѣтельствуютъ о весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Несмотря на всѣ преграды къ пріобрѣтенію правъ мастера, установленныя цехами, имъ не удалось избѣгнуть переполненія цеховъ. У пекарей и мясниковъ, на которыхъ обыкновенно ссылаются какъ на примѣръ зажиточности, печеніе и бой по очереди были почти общераспространеннымъ явленіемъ, т. е. было такъ много мастеровъ, что не каждый пекарь могъ печь ежедневно, и не каждый мясникъ могъ ежедневно бить штуку скота. Еще въ 1817 г. одинъ писатель приводитъ въ качествѣ нормальнаго случая, что въ Баваріи въ одномъ городѣ съ 10-ю пекарями ежедневно потребляются три печи хлѣба, такъ что на каждаго приходитъ очередь печь два раза въ недѣлю. Мясники могли регулярно бить лишь мелкій скотъ и, повидимому, въ сѣверо-германскихъ городахъ считалось уже благопріятнымъ случаемъ, если въ недѣлю на 5—6 мастеровъ приходилась одна голова рогатаго скота.

Почти всѣ цеховыя ремесла имѣли въ своихъ уставахъ предписаніе о максимальномъ числѣ подмастерьевъ и учениковъ, которыхъ могъ держать каждый мастеръ. Обыкновенно оно ограничивалось двумя и въ XVIII столѣтіи только въ отдѣльныхъ случаяхъ переходило за эту цифру. Большинство мастеровъ при нормальныхъ условіяхъ не могло имѣть этого числа. Если допустимъ, что со времени пріобрѣтенія званія мастера до смерти мастера въ среднемъ протекало 30 лѣтъ, и что самостоятельность пріобрѣталась обыкновенно въ возрастѣ отъ 28-го до 30-го года жизни, то и тогда, если бы всѣ изучившіе ремесло, выходили въ мастера, подмастерьевъ и учениковъ вмѣстѣ взятыхъ могло въ лучшемъ случаѣ быть не болѣе половины числа мастеровъ.

Въ дѣйствительности эти числа нерѣдко бывали еще гораздо меньше. Въ 1784 г. въ магдебургскомъ герцогствѣ было 27.500 самостоятельныхъ мастеровъ, и лишь 4.285 подмастерьевъ и учениковъ. Въ то же время въ вюрцбургскомъ герцогствѣ насчитывалось 3.762 мастеровъ и 2.176 подмастерьевъ и учениковъ [1]). Въ обоихъ государствахъ на 100 мастеровъ приходится только 15,8 подмастерьевъ и учениковъ, такъ что если предположить равномѣрное распредѣленіе помощниковъ среди мастеровъ, то едва на каждаго шестого мастера приходился одинъ подмастерье или ученикъ. Такимъ образомъ, болѣе 5/6 всѣхъ мастерскихъ были одиночными

---

1) По Шмоллеру: Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19 Jahrhundert, стр. 21 сл.

предпріятіями. Городъ Бохумъ въ 1780 г. насчитывалъ на 13 столяровъ 2 подмастерьевъ, на 26 сапожниковъ 3 подмастерьевъ, на 21 пекаря, 8 плотниковъ и 5 каменщиковъ по одному подмастерью, въ другихъ же промыслахъ ихъ вовсе не было.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пруссіи, особенно въ Берлинѣ, условія были нѣсколько лучше; но вообще необходимо отрѣшиться отъ представленія, будто исходной точкой современнаго промышленнаго развитія было состояніе всеобщаго благополучія. Все, что въ прежнія времена могли имѣть ремесленники, сводилось въ лучшемъ случаѣ къ скромному, безбѣдному существованію, обезпеченію отъ безработицы и отъ притѣсненія со стороны своего же брата. Они находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ потребителями, а при отсутствіи заказовъ работаютъ на запасъ и сбываютъ эти продукты на ярмаркѣ; въ цехѣ крѣпко держатся другъ за друга, когда рѣчь идетъ о недопущеніи кого-либо къ пріобрѣтенію правъ мастера, о преслѣдованіи ремесленника, не имѣющаго правъ на занятіе промысломъ, или о борьбѣ со смежными ремеслами, переходящими за отмежеванную для нихъ сферу промысла; но по отношенію другъ къ другу они исполнены самой мелочной профессіональной зависти и доставляютъ много хлопотъ судамъ и администраціи. Таково было старое ремесло.

По существу въ этомъ отношеніи мало что измѣнилось вплоть до 40-хъ годовъ XIX столѣтія. Со времени Наполеона старая ремесленная организація неоднократно подвергалась смягченію, но отмѣнена она была въ большей части Германіи лишь въ 60-хъ годахъ. Она замѣнилась свободой избранія профессіи. Каждый могъ теперь заниматься любымъ ремесломъ въ любомъ мѣстѣ и въ любыхъ размѣрахъ. Пали мѣстныя запрещенія; каждый промышленникъ могъ во всякомъ мѣстѣ сбывать свои издѣлія и вынужденъ былъ допустить въ мѣстѣ своего жительства чужую конкурренцію. Пали преграды между отдѣльными промыслами; каждый могъ производить то, что ему было выгодно.

Все это произошло при полномъ согласіи со стороны самихъ ремесленниковъ; убѣжденіе, что старый ремесленный уставъ не можетъ быть сохраненъ, раздѣлялось всѣми—по крайней мѣрѣ, въ болѣе развитыхъ въ хозяйственномъ отношеніи частяхъ Германіи; и если какое-либо изъ прежнихъ учрежденій было отмѣнено при одобреніи всей націи, то это былъ цеховой строй. Единственное опасеніе, которое кое-гдѣ высказывалось, состояло въ томъ, что институтъ ученичества придетъ въ упадокъ и что начнутъ самостоятельно заниматься ремесломъ многіе, не изучившіе надлежащимъ образомъ своей профессіи. Это опасеніе оказалось совершенно лишеннымъ основанія. Согласно результатамъ ремесленной анкеты въ 1895 г., въ различныхъ округахъ имперіи 97% самостоятельныхъ ремесленниковъ получило соотвѣтственную ремесленную подготовку; незначительная остальная часть состоитъ главнымъ образомъ изъ такихъ, которые получили свое техническое образованіе

въ учебныхъ мастерскихъ и профессіональныхъ школахъ, въ учрежденіяхъ для слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, тюрьмахъ и казармахъ.

Иначе отразилось вліяніе новыхъ условій на количествѣ, распредѣленіи по мѣстности и размѣрахъ промышленныхъ заведеній. Первоначально существовало опасеніе, что съ появленіемъ множества мелкихъ, лишенныхъ капитала мастеровъ, возникнетъ масса ничтожныхъ по своимъ размѣрамъ промышленныхъ заведеній; но это ничуть не оправдалось. Наоборотъ, въ городахъ за послѣднія десятилѣтія, послѣ краткаго переходнаго періода, количество промышленныхъ заведеній въ среднемъ уменьшилось, а капиталъ ихъ и число работниковъ увеличились, поскольку причины, лежащія внѣ промышленнаго законодательства, не дѣлали вообще сомнительнымъ существованіе данныхъ отраслей промышленности. Одновременно замѣчается могучій ростъ ремесленнаго производства въ деревнѣ, гдѣ оно въ настоящее время почти такъ же сильно, какъ въ городахъ.

Это уравненіе города и деревни защитники свободы промысловъ въ свое время предусматривали и стремились къ нему. Точно такъ же вполнѣ оправдались ожиданія, что благодаря свободѣ промысловъ, болѣе дѣльные среди ремесленниковъ съумѣютъ вступить на путь техническаго прогресса, выдвинуться и достигнуть болѣе высокаго экономическаго положенія. Тысячи городскихъ ремесленниковъ изъ послѣднихъ двухъ поколѣній стали крупными фабрикантами, или, по крайней мѣрѣ, мелкими капиталистами-предпринимателями и воспользовались въ полной мѣрѣ успѣхами техники за это время. Имъ свобода промысловъ дала возможность расширить область своего производства и сбыта и вполнѣ проявить свои личныя способности. Все это теперь совершенно упускается изъ виду.

Конечно, еще больше число тѣхъ, которые не преуспѣли, а остались въ томъ же положеніи, что и прежде, спустились на степень починщиковъ и кустарей или стали фабричными рабочими. Цѣлыя отрасли промышленности, прежде производимыя ремесленнымъ способомъ, близки къ совершенному исчезновенію или же потеряны для ремесла, какъ формы производства. Другія еще борются за свое существованіе. Здѣсь происходитъ крупный процессъ разложенія и преобразованія; въ результатѣ этого процесса ремесло замѣняется другими формами производства, будетъ ли то фабрика и кустарная система или же смѣшанныя формы, которыя возникаютъ всегда въ переходные періоды.

Широкая публика довольствуется краткими формулами, которыя должны выражать все, что здѣсь происходитъ: вытѣсненіе ручного труда машиной, уничтоженіе ремесла фабрикой. Единственной причиной этого считаютъ меньшія издержки производства при употребленіи машинъ.

Крупнѣйшей заслугой новѣйшихъ изслѣдованій о ремеслѣ является то, что они раскрыли настоящую цѣну этихъ формулъ и показали, что причина значительной части происшедшихъ перемѣнъ кроется

не въ успѣхахъ промышленной техники, а въ измѣнившемся характерѣ спроса, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ ремесло падаетъ даже и безъ того, чтобы машинное производство конкуррировало съ нимъ. Необходимо сначала вкратцѣ охарактеризовать эти измѣненія въ организаціи спроса, такъ какъ они создаютъ условія, среди которыхъ происходитъ это развитіе.

— Прежде всего произошла мѣстная концентрація спроса. Сильное скопленіе людей въ большихъ городахъ, образовавшихся въ теченіе послѣдняго полустолѣтія, далѣе армія, крупныя государственныя и общинныя учрежденія (тюрьмы, больницы, учебныя заведенія), обширныя транспортныя предпріятія, фабрики и крупныя торговыя заведенія, банки и страховыя общества — всѣ они составляютъ центры массоваго спроса на продукты промышленности. Къ этому присоединяются крупные магазины, экспортныя предпріятія и потребительныя общества, которыя сосредоточиваютъ въ немногихъ пунктахъ спросъ широкихъ слоевъ населенія и, во всякомъ случаѣ, не могутъ его уже удовлетворять въ качествѣ заказчиковъ отдѣльныхъ ремесленниковъ.

Вторымъ моментомъ является то, что современная культурная жизнь во многихъ областяхъ поставила промышленности грандіозныя задачи, которыхъ совершенно невозможно рѣшить средствами и способами производства, присущими ремеслу, хотя каждая изъ нихъ требуетъ обыкновенно много ремесленнаго труда. Изготовленіе локомотива, парового элеватора, скоропечатной машины, постройка моста или военнаго корабля, снабженіе городской конно-желѣзной дороги рельсами и подвижнымъ составомъ—неисполнимо при помощи однихъ лишь ремесленныхъ инструментовъ и силъ ремесленника. Для этого нужны механическія приспособленія огромной силы, высокообразованные техники и рабочіе самыхъ разнообразныхъ спеціальностей.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда подобнаго рода задачи съ технической точки зрѣнія могли бы быть рѣшены средствами ремесла, ихъ передача ремесленникамъ экономически невозможна, вслѣдствіе связанной съ этимъ большой потери процента. Въ средніе вѣка соборъ могъ строиться двумя-тремя поколѣніями и даже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій; но что было бы, если бы въ настоящее время понадобилось столько времени для постройки вокзала! Когда въ 1896 г. сдавался подрядъ на постройку главнаго павильона на саксонско-тюрингенской промышленной выставкѣ, сначала обратились къ мѣстнымъ плотникамъ, т. е. къ предпринимателямъ, работающимъ съ весьма значительнымъ капиталомъ и привыкшимъ къ большимъ заказамъ. Но никто изъ нихъ не рѣшался взять подрядъ, изъ-за краткости срока и большого риска. Послѣ этого вошли въ переговоры съ крупной строительной фирмой во Франкфуртѣ на Майнѣ, и черезъ нѣсколько часовъ договоръ былъ заключенъ; въ тотъ же вечеръ телеграфъ работалъ во всѣхъ направленіяхъ; восемь дней спустя на мѣстѣ постройки уже дѣйствовали паровыя свае-

бойныя машины и цѣлые поѣзда привозили изъ Галиціи необходимый строительный матеріалъ.

Можно прямо сказать, что въ настоящее время существуютъ въ области промышленности задачи такихъ размѣровъ, что лишь немногія—быть можетъ, всего одна или двѣ фирмы въ Европѣ—въ состояніи ихъ выполнить. Для этого рядомъ съ фабрикой, сила которой состоитъ въ массовомъ производствѣ однородныхъ товаровъ, выработался новый типъ предпріятія, существованіе котораго основано на рѣшеніи задачъ огромныхъ размѣровъ. Эту новѣйшую отрасль крупныхъ промышленныхъ предпріятій можно было бы обозначить уже принятымъ терминомъ комбинированнаго предпріятія (Fabrikationsanstalt). Во главѣ ихъ стоитъ цѣлый штатъ опытныхъ техниковъ, располагающихъ обширными механическими приспособленіями, съ которыми самымъ производительнымъ образомъ сочетается необходимый ремесленный трудъ.

Но спросъ на промышленный трудъ не только сосредоточился по мѣстности и сконденсировался въ крупныя производительныя задачи, но сталъ также однороднѣе и потому пріобрѣлъ болѣе массовой характеръ. Въ наше время замѣтна тенденція къ нивеллировкѣ, сглаживающей различія жизненныхъ привычекъ и обычаевъ различныхъ слоевъ населенія. Народные костюмы почти исчезли, обстановка квартиры, кухни стала богаче, но однообразнѣе. Даже въ самомъ скудномъ хозяйствѣ найдется керосиновая лампа, машинка для варки кофе, немного эмалированной кухонной посуды, нѣсколько фотографическихъ снимковъ въ рамкахъ. Чтобы товаръ, въ которомъ ощущается потребность, сталъ доступенъ и для менѣе зажиточныхъ классовъ населенія, онъ долженъ изготовляться легко и дешево. Если какой-нибудь предметъ подвергается частымъ колебаніямъ моды, то появляется спросъ на дешевый товаръ также и въ болѣе зажиточныхъ слояхъ общества, которые такимъ образомъ стараются компенсировать издержки, вызванныя капризами моды. Такъ возникаетъ массовой спросъ на дешевый товаръ, для изготовленія котораго соотвѣтственной формой производства является типъ фабрики. Ремесленный трудъ слишкомъ дорогъ для этого; тамъ, гдѣ онъ технически возможенъ, онъ долженъ до крайности спеціализироваться и тогда неизбѣжно теряетъ почву для работы на потребителя.

Наконецъ, необходимо указать еще на одно обстоятельство, лежащее въ сферѣ домашняго хозяйства. Домашнее хозяйство все болѣе лишается оставшихся при немъ отъ прежнихъ временъ производительныхъ элементовъ и ограничивается лишь регулированіемъ потребленія. Когда нашимъ дѣдамъ нуженъ былъ диванъ, они прежде всего поручали столяру изготовленіе остова, затѣмъ они покупали кожу, конскій волосъ, пружины и брали на домъ обойщика. Подобнымъ же образомъ они поступали почти съ каждымъ болѣе крупнымъ предметомъ. Въ настоящее время профессіональныя занятія, поглощающія каждаго цѣликомъ, часто до истощенія силъ, не допускаютъ болѣе такого участія въ производствѣ.

То, въ чемъ мы нуждаемся, мы хотимъ и вынуждены покупать въ совершенно готовомъ видѣ: мы желаемъ быстраго удовлетворенія нашихъ потребностей и охотнѣе отказываемся отъ вещей, которыя выражають нашъ личный вкусъ, чѣмъ подвергаемъ себя риску заказа у разныхъ производителей. Съ этимъ промышленность должна считаться.

Та же тенденція развитія даетъ себя знать и въ такихъ областяхъ, гдѣ отдѣльный ремесленникъ изстари доставлялъ готовый фабрикатъ. И въ этой области современный городской потребитель не желаетъ болѣе вступать въ непосредственныя сношенія съ нимъ, заказывая каждый отдѣльный предметъ, который ему нуженъ. Онъ не любитъ ждать; онъ знаетъ, что исполненіе часто не соотвѣтствуетъ требованіямъ; прежде чѣмъ купить, онъ хочетъ выбирать, сравнивать.

Такимъ образомъ даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ техническа производственная задача ремесленнику вполнѣ по силамъ, онъ не можетъ больше работать на потребителя; онъ не исполняетъ болѣе отдѣльныхъ заказовъ, а работаетъ исключительно про запасъ, что онъ прежде дѣлалъ лишь въ крайнемъ случаѣ; чтобы дойти до потребителя, онъ нуждается въ посредничествѣ магазина. Но благодаря тому, что прекращаются личныя сношенія между производителемъ и потребителемъ, промыселъ теряетъ характеръ ремесла; онъ становится капиталистическимъ, требуетъ коммерческаго веденія дѣла, и затѣмъ все уже зависитъ отъ того, что выгоднѣе: крупное или мелкое производство. Въ первомъ случаѣ прежней областью ремесла овладѣваетъ фабрика, во-второмъ—кустарная промышленность.

Ибо даже тамъ, гдѣ спросъ въ настоящее время не выступаетъ еще въ видѣ сконцентрированнаго массоваго спроса и не сконденсированъ въ крупныя производительныя задачи, онъ, благодаря своему однообразію и своей оторванности отъ домашняго хозяйства, можетъ быть сосредоточенъ въ немногихъ пунктахъ. Усовершенствованныя средства сообщенія, низкіе почтовые и телеграфные тарифы, быстрота и правильность транспорта товаровъ и передача извѣстій, безчисленныя средства рекламъ и объявленій оказываютъ при этомъ могучее содѣйствіе. Свобода промышленности нашла, слѣдовательно, когда вступила въ жизнь, хорошо подготовленную почву; она лишь создала правовыя формы, соотвѣтствующія характеру спроса въ современномъ народномъ хозяйствѣ. Всѣ эти такъ долго искусственно отдѣленные другъ отъ друга мѣстные круги потребителей ремесленныхъ издѣлій могли теперь при посредствѣ торговли соединиться въ обширный кругъ кліентовъ фабрики или кустарной промышленности, который не находилъ себѣ преграды даже за границами страны.

Сконцентрированный спросъ не можетъ быть удовлетворенъ разсѣяннымъ на мелкія части производствомъ. Параллельно съ концентраціей спроса долженъ былъ идти процессъ концентраціи въ области производства, а отъ него-то и гибнетъ ремесло.

Но это весьма сложный процессъ и нелегко отдѣлить другъ отъ друга отдѣльные моменты, изъ которыхъ онъ состоитъ. Тѣмъ не менѣе мы попытаемся это сдѣлать и именно такимъ образомъ, что основаніемъ для нашихъ подраздѣленій будетъ служить судьба ремесла. Получается пять слѣдующихъ случаевъ:

1. Вытѣсненіе ремесла однороднымъ фабричнымъ производствомъ.

2. Суженіе области его производства фабрикой или кустарной промышленностью.

3. Включеніе ремесла въ крупное предпріятіе.

4. Оскудѣніе ремесла вслѣдствіе измѣненій въ характерѣ спроса.

5. Низведеніе ремесла на степень домашняго потогоннаго производства на магазинъ.

Нерѣдко нѣсколько изъ этихъ моментовъ дѣйствуютъ одновременно. Но мы при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи постараемся по возможности ихъ изолировать.

1. Сравнительно рѣдко крупное капиталистическое производство атакуетъ ремесло по всему фронту, чтобы вытѣснить его изъ всей занимаемой имъ области производства. Изъ случаевъ прежняго времени укажу на ткачество, производство часовъ и ружей, а равно на болѣе мелкіе промыслы, выдѣлывающіе булавки, пуговицы, оружіе, карты, чулки; изъ случаевъ новѣйшаго времени—на шляпный, сапожный промыселъ, красильное производство, мыловареніе, канатное ремесло, гвоздарный и ножевой промыселъ, выдѣлку гребенокъ; сюда до извѣстной степени относится также пивовареніе и бочарное ремесло.

Процессъ вытѣсненія ремесла происходитъ то съ большей, то съ меньшей скоростью, въ зависимости отъ того, работало ли данное ремесло уже и ранѣе для сбыта на ярмаркахъ и въ магазинахъ, или же производило только на заказъ. Такъ, напримѣръ, изготовленіе для ярмарки подготовило пути сбыта для механическаго производства сапогъ, потому что оно уже давно пріучило извѣстные круги населенія къ покупкѣ готовой обуви.

Результатъ такого развитія получается для ремесла различный, въ зависимости отъ того, возможна ли починка подержаннаго продукта фабричной промышленности, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ ремесло исчезаетъ совершенно; въ первомъ оно становится починочнымъ ремесломъ, соединеннымъ съ магазиномъ или существующимъ безъ него. Содержаніе магазина съ фабричнымъ товаромъ ремесленникомъ той же профессіи нельзя назвать неблагопріятной метаморфозой; но этого могутъ достигнуть лишь ремесленники, обладающіе извѣстнымъ капиталомъ. Наоборотъ, часто починочный промыселъ легко теряетъ почву подъ ногами, если фабричный товаръ цѣликомъ поступаетъ въ розничную продажу къ купцамъ. Ибо въ этомъ случаѣ большинство потребителей предпочитаетъ обращаться за починками въ тотъ магазинъ, гдѣ они пріобрѣли новый товаръ. Владѣлецъ магазина держитъ подмастерья или не-

редаетъ починку мелкимъ мастерамъ, что значительно сокращаетъ доходъ послѣднихъ и ставитъ ихъ въ совершенно зависимое положеніе. Кромѣ того, и починочное дѣло въ свою очередь можетъ вестись въ крупныхъ размѣрахъ, какъ, напримѣръ, промыселъ перекрашиванія лоскутовъ, работающій при помощи значительнаго капитала и имѣющій собственныя складочныя мѣста. Наконецъ, благодаря очень дешевой фабрикаціи новыхъ товаровъ (часы, сапоги), починка можетъ оказаться совершенно излишней, она стоила бы дороже, чѣмъ новый предметъ, замѣняющій старый.

2. Гораздо чаще имѣетъ мѣсто второй рядъ процессовъ развитія, когда дѣло идетъ не о совершенной потерѣ ремесломъ производства новыхъ предметовъ, а лишь о съуженіи области его производства фабрикой или кустарной промышленностью. Но причины этого процесса могутъ быть весьма различныя. Не пытаясь быть исчерпывающими, мы укажемъ лишь на четыре изъ нихъ:

a) Различныя ремесла сливаются въ единое промышленное заведеніе, какъ-то: столяры, рѣзчики по дереву, токари, обойщики, маляры, лакировщики—въ мебельную фабрику; каретники, кузнецы, сѣдельники, стекольщики—въ каретную фабрику; корзинщики, столяры, каретники, сѣдельники, кузнецы, слесаря, лакировщики—въ фабрику дѣтскихъ колясокъ. Укажу далѣе на всякаго рода машиностроительные, паровозостроительные и вагоностроительные заводы, фабрики роялей, дорожныхъ вещей, билліардовъ, а также заведенія для устройства фабричныхъ предпріятій (винокуренныхъ, пивоваренныхъ заводовъ и т. п.). Обыкновенно та доля производства, которой лишается отдѣльное ремесло благодаря такому включенію, составляетъ лишь незначительную часть прежней области его труда и сбыта. Но если подобныя кровопусканія повторяются часто, какъ у токарей, сѣдельниковъ, слесарей, то въ концѣ концовъ остается весьма мало, и ремесло можетъ погибнуть отъ истощенія.

b) Ремесло лишается отдѣльныхъ доходныхъ товаровъ, поддающихся фабричному или массовому кустарному производству. Такъ, переплетное ремесло утратило почти всю свою обширную область производства въ пользу болѣе чѣмъ сорока спеціальныхъ видовъ предпріятія; у него осталось лишь отдѣльные переплеты для частныхъ заказчиковъ. Корзиночное ремесло отдало работу высшаго качества кустарной промышленности: дѣтскія коляски, кресла и т. п.—фабрикамъ, ремеслу же осталось лишь грубое плетеніе изъ ивовыхъ прутьевъ. Слесарь потерялъ даже предметъ, отъ котораго происходитъ его названіе—замокъ (Schloss), щеточникъ—производство кистей, зубныхъ и ногтевыхъ щетокъ, столяръ—средній сортъ мебели (берлинскую мебель), а простую мебель изъ сосноваго дерева онъ работаетъ на магазинъ; пекарному ремеслу, по крайней мѣрѣ въ городахъ, угрожаетъ опасность, что фабрика отниметъ у него производство хлѣба; жестяникъ уже не дѣлаетъ жестяной посуды. Словомъ, найдется лишь немного ремеслъ, не испытавшихъ подобныхъ потерь.

c) Къ фабрикѣ переходятъ начальныя стадіи производства. Такъ какъ первоначальная грубая обработка матеріала требуетъ наибольшей затраты силъ, то она особенно побуждала къ примѣненію машинъ, между тѣмъ какъ болѣе тонкая и индивидуальная отдѣлка продукта въ дальнѣйшихъ стадіяхъ процесса производства мало привлекала предпринимателя. Почти во всѣхъ ремеслахъ, обрабатывающихъ металлъ и дерево, матеріалъ фигурируетъ лишь въ видѣ полуфабриката. Скорнякъ употребляетъ уже отдѣланные мѣха, кузнецъ покупаетъ готовыя подковы, стекольщикъ—оконныя рамы, щеточникъ—разрѣзанныя и продыравленныя дощечки и готовую щетину, плотникъ—вырѣзанный паркетъ и совсѣмъ готовыя двери.

Вначалѣ ремесло обыкновенно не усматриваетъ въ такого рода потеряхъ ущерба для себя, наоборотъ — скорѣе облегченіе. Процессъ производства сокращается; отдѣльный мастеръ можетъ произвести большее количество предметовъ, чѣмъ раньше, а если онъ на каждой штукѣ наживаетъ такую же прибыль, какъ раньше, то его доходъ легко можетъ возрасти, разъ только у него достаточно работы. Слесарь, покупающій въ желѣзной лавкѣ готовыя всѣ оковки, легко можетъ въ продолженіе одного лѣта закончить нѣсколько построекъ, между тѣмъ какъ прежде, когда ему приходилось изготовлять всѣ эти предметы самому въ своей мастерской, онъ, быть можетъ, успѣвалъ довести до конца лишь одну. Но въ большинствѣ случаевъ, благодаря такому подрѣзанію ремесла у его корней, часть мастеровъ все-таки оказывается лишними. А вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и необходимый оборотный капиталъ, такъ какъ теперь ремесленнику приходится покрывать не только расходъ на сырой матеріалъ, но и издержки по производству полуфабриката, да сверхъ того еще прибыль на капиталъ фабриканта и купца.

Это имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что именно при закупкѣ сырья изъ первыхъ рукъ и правильной его сортировкѣ часто получается самый большій барышъ. Поэтому торговля нерѣдко овладѣвала этими подготовительными стадіями производства даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было и думать о машинномъ производствѣ полуфабриката. Но вѣдь не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что дѣла работника по дереву обстояли лучше, когда онъ еще могъ покупать дерево въ лѣсу въ видѣ древесныхъ стволовъ, чѣмъ теперь, когда онъ пріобрѣтаетъ его у торговца деревомъ въ формѣ досокъ, планокъ, фанерокъ, — что щеточникъ зарабатывалъ больше, когда онъ пріобрѣталъ щетину въ сыромъ видѣ у мясника, чѣмъ теперь, когда онъ долженъ покупать ее подготовленной въ безчисленныхъ сортахъ у щетинника.

Правда, эта торговля полуфабрикатами очень удобна для ремесленника; у купца можно получить и самое незначительное количество матеріала. Но именно это немало содѣйствовало упадку ремесла, такъ какъ въ настоящее время подмастерье можетъ начать собственное дѣло почти безъ капитала. Такъ, напримѣръ, и

въ сапожномъ промыслѣ возникновеніе заготовочныхъ мастерскихъ первоначально въ высокой степени содѣйствовало развитію мелкаго производства, но не потому, что оно сокращало процессъ производства сапожника, а потому, что оно давало ему возможность для каждой отдѣльной пары сапогъ покупать голенища въ заготовочныхъ магазинахъ, въ то время какъ раньше онъ вынужденъ былъ купить у кожевника по крайней мѣрѣ одну цѣлую кожу.

Особенно интересно это сочетаніе фабрично-машинной предварительной обработки и ремесленной отдѣлки тамъ, гдѣ вся производительная часть трудового процесса уходитъ отъ ремесла. Въ такихъ случаяхъ ремесленникъ вообще только тогда можетъ удержаться, если продуктъ требуетъ прикрѣпленія или приспособленія къ мѣсту; но онъ опускается вновь до степени работающаго на заказъ. Такъ, роль слесаря и плотника (послѣдняго—относительно купленныхъ въ готовомъ видѣ дверей, паркетовъ) сводится лишь къ приколачиванію; такова же роль кузнеца, покупающаго готовыя подковы.

Съ другой стороны, благодаря сокращенію процесса производства, предпріятіе принимаетъ болѣе капиталистическій характеръ, оборотъ увеличивается. Но жизненный элементъ ремесла составляетъ не прибыль на капиталъ, а трудовой заработокъ, — послѣдній же во всякомъ случаѣ сокращается.

d) Появленіе новыхъ сырыхъ матеріаловъ и методовъ производства, болѣе подходящихъ для крупной промышленности, чѣмъ тѣ, которые до того употреблялись въ ремеслѣ, лишаетъ ремесло части его области производства. Напомню хотя бы появленіе гнутой (вѣнской) мебели, фабрикацію проволочныхъ гвоздей и ея вліяніе на гвоздарный промыселъ, выдѣлку проволочныхъ канатовъ въ противоположность производству конопляныхъ канатовъ, вторженіе гуттаперчи въ область потребленія кожи и полотна и т. п. Появленіе эмалированной кухонной посуды сократило производство гончаровъ, жестяниковъ и мѣдниковъ; изобрѣтеніе переплетнаго полотна (вмѣсто кожи и пергамента) проложило путь машинному переплетному производству въ крупныхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ, ремесло подвергается въ различныхъ мѣстахъ аттакамъ со стороны новыхъ формъ производства, по большей части не имѣя даже возможности сопротивленія; часто это дѣлается подъ красивой маской болѣе сильнаго друга, желающаго облегчить ему его бремя, — пока въ концѣ концовъ у него не остается ничего, что могло бы возбуждать аппетитъ предпринимательскаго капитала.

3. Теперь мы переходимъ къ тѣмъ случаямъ, когда ремесло теряетъ свою самостоятельность вслѣдствіе включенія его въ крупное предпріятіе. Каждое значительное предпріятіе, будетъ ли то фабричное, торговое или транспортное дѣло, нуждается въ разнообразномъ ремесленномъ трудѣ. Пока такой работы немного, ее передаютъ мастерамъ на домъ; но когда она возрастаетъ и становится болѣе или менѣе постоянной, тогда выгоднѣе устроить для нея добавочную

мастерскую въ собственныхъ помѣщеніяхъ предпріятія. Каждый крупный, пивоваренный заводъ или винторговля имѣетъ въ настоящее время свои собственныя бочарныя мастерскія; конно-желѣзныя дороги содержатъ кузнечныя, сѣдельныя, каретныя и слесарныя мастерскія; фабрики консервовъ имѣютъ собственныя мастерскія для изготовленія жестянокъ; на корабельной верфи держатъ столяровъ и обойщиковъ для внутренней отдѣлки пассажирскихъ пароходовъ; почти каждый крупный заводъ имѣетъ слесарную и починочную мастерскую. Понятно, что мастеръ, вступающій въ такое крупное заведеніе въ качествѣ завѣдующаго спеціальной мастерской, теряетъ свою независимость, но зато онъ занимаетъ до извѣстной степени самостоятельное и, прежде всего, обезпеченное положеніе.

Для свободныхъ ремесленниковъ потеря такихъ крупныхъ покупателей имѣетъ весьма плачевные результаты, и указанная система можетъ довести прямо до вымиранія цѣлыя ремесла, какъ, напримѣръ, токарное ремесло, включаемое во всѣ производства, которыя употребляютъ его продукты въ качествѣ полуфабрикатовъ. Однако, такой образъ дѣйствія имѣетъ слишкомъ большое значеніе въ смыслѣ экономіи, чтобы можно было съ нимъ бороться.

Кстати сказать, рабочіе для этихъ добавочныхъ мастерскихъ при крупныхъ предпріятіяхъ обыкновенно получаютъ свою профессіональную подготовку въ ремеслѣ, пока оно еще существуетъ самостоятельно. Въ немъ въ такомъ случаѣ можетъ быть занято очень большое число учениковъ, между тѣмъ какъ спросъ на трудъ подмастерьевъ на рынкѣ превышаетъ количество, которое требуется ремесломъ. Этимъ объясняется то, что, напримѣръ, въ слесарномъ промыслѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается въ десять разъ больше учениковъ, чѣмъ подмастерьевъ.

4. Ремесло оскудѣваетъ вслѣдствіе измѣненій въ характерѣ спроса или же совершенно погибаетъ изъ-за исчезновенія спроса. Такія измѣненія имѣли мѣсто во всѣ времена (напомню хотя бы употребленіе пергамента и париковъ), но никогда, быть можетъ, въ такой степени, какъ въ наше быстро стремящееся впередъ время. Приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ.

Бочаръ изготовлялъ для хозяйства нашихъ бабушекъ разные сосуды, которые мы бы теперь напрасно искали въ домашнемъ хозяйствѣ, по крайней мѣрѣ въ городахъ: чаны для мяса, кадки для кислой капусты и фасоли, лоханки для стирки, ведра для воды, бочки для дождевой воды, даже ванны и приспособленія для стирки. Мы уже не дѣлаемъ запасовъ мяса и консервированныхъ овощей; воду доставляетъ намъ водопроводъ, а мѣсто небольшихъ деревянныхъ сосудовъ заняли сосуды изъ жести, фарфора и фаянса. Другимъ примѣромъ можетъ служить токарь, который прежде доставлялъ почти для каждаго хозяйства одну или нѣсколько прялокъ, катушекъ и мотовилъ. Теперь прялка снизошла на степень образца «древне-нѣмецкаго быта». Правда, оба ремесла,

вмѣсто потерянныхъ покупателей, пріобрѣли новыхъ: бочаръ, напримѣръ, благодаря участившейся упаковкѣ предметовъ въ бочки. Но новые кліенты—это фабрики, которыя, какъ только это оказывается возможнымъ, присоединяютъ къ себѣ бочарное ремесло какъ побочное производство. Третій примѣръ представляетъ промыселъ оловянника. Оловянныя тарелки и чашки, которыя имѣлись почти въ каждомъ хозяйствѣ, какъ городскомъ, такъ и крестьянскомъ вышли изъ моды. Ихъ мѣсто заняли фарфоръ и фаянсъ, и вслѣдствіе этого оловянное ремесло почти совсѣмъ потеряло почву подъ ногами. Наконецъ, напомню объ измѣненіяхъ въ характерѣ потребностей, вызванныхъ крупнымъ переворотомъ въ области передвиженія и отразившихся въ особенности на сѣдельникахъ, сумочникахъ и сборанкахъ.

5. Послѣднюю категорію случаевъ составляютъ тѣ, когда ремесло попадаетъ въ совершенную зависимость отъ торговли: мастеръ становится кустаремъ, такъ какъ его произведенія только чрезъ посредство магазина могутъ дойти до потребителя. Причина этого явленія двоякая: съ одной стороны, дороговизна помѣщеній въ центрѣ города, что заставляетъ ремесленника нанимать помѣщеніе для мастерской и квартиру гдѣ-нибудь подъ чердакомъ или на заднемъ дворѣ, гдѣ трудно его найти и гдѣ во всякомъ случаѣ не станетъ его разыскивать болѣе состоятельная публика, съ другой стороны, склонность публики покупать только тамъ, гдѣ имѣется большой выборъ и гдѣ владѣлецъ заведенія хорошо обслуживаетъ, т. е. присылаетъ на домъ образцы, беретъ обратно оказавшійся неподходящимъ товаръ и т. п. Такіе предметы, какъ щетки, гребенки, изящныя плетеныя и кожаныя вещи, небольшіе деревянные и металлическіе предметы, мы въ большихъ городахъ почти никогда не покупаемъ непосредственно у производителя, а пріобрѣтаемъ въ галантерейныхъ или мануфактурныхъ магазинахъ; мы даже дѣлаемъ тамъ заказы, когда желаемъ, чтобы намъ изготовили предметъ по нашему вкусу. Кто въ настоящее время еще заказываетъ визитныя карточки у типографа или столикъ съ курительными принадлежностями у токаря? Кто имѣетъ возможность ежедневно видѣть на улицахъ, по которымъ ему и такъ приходится многократно проходить, всѣ необходимые ему предметы, выставленными въ окнахъ въ совершенно готовомъ видѣ, такъ что онъ каждую минуту можетъ пріобрѣсти то, что ему нужно, тотъ не захочетъ таскаться въ отдаленное предмѣстіе въ угоду погибающему ремеслу, чтобы тамъ, послѣ долгихъ разспросовъ, подняться по темной лѣстницѣ въ четвертый или пятый этажъ и сдѣлать свой заказъ, который при томъ, быть можетъ, и не будетъ исполненъ къ сроку. Станетъ ли тотъ, кто въ мебельномъ магазинѣ находитъ все, что относится къ квартирной обстановкѣ, станетъ ли молодая хозяйка, которая въ посудномъ магазинѣ можетъ въ нѣсколько часовъ выбрать себѣ полную кухонную обстановку, разыскивать полъ-дюжины ремесленниковъ, при содѣйствіи кото-

рыхъ она лишь чрезъ нѣсколько недѣль можетъ достигнуть своей цѣли?

Таковы основныя черты преобразовательнаго процесса, совершающагося въ настоящее время въ области ремесла. Изъ нашихъ изслѣдованій мы въ заключеніе имѣемъ право сдѣлать тотъ самъ собой напрашивающійся выводъ, что ремесло во всѣхъ случаяхъ, когда оно доставляетъ непосредственно годные къ употребленію и не подвергающіеся быстрой порчѣ предметы, которые можно изготовлять по опредѣленному шаблону для удовлетворенія массовыхъ потребностей, подвергается громадной опасности даже въ томъ случаѣ, если производство не превосходитъ его въ техническомъ отношеніи. Это, слѣдовательно, тѣ случаи, когда продуктъ, безъ дальнѣйшей помощи производителя, можетъ быть употребляемъ потребителемъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ торговля въ своихъ многообразныхъ развѣтвленіяхъ вплоть до разносной торговли (коробейничество) должна все болѣе и болѣе стать общимъ ликвидаціоннымъ учрежденіемъ для промысловъ. Ремесло должно, поскольку это возможно, спеціализироваться; оно можетъ спастись отъ закабаленія магазиномъ, только принявъ мелко-капиталистическій характеръ. Соединеніе лавки съ мастерской тогда неизбѣжно.

Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда продуктъ ремесленника долженъ быть приложенъ къ опредѣленному мѣсту или индивидуально приспособленъ, ремесленникъ не теряетъ, по крайней мѣрѣ, связи съ потребителемъ. Но въ болѣе крупныхъ городахъ онъ даже и при этихъ условіяхъ можетъ удержаться лишь въ томъ случаѣ, когда или спросъ достигъ уже значительной концентраціи (слесари, всѣ вообще строительные рабочіе и т. п.), или же ремесленникъ содержитъ магазинъ, въ которомъ сосредоточиваются заказы (жестяники, сѣдельники, портные). Въ обоихъ случаяхъ опять-таки жизнеспособнымъ оказывается только мелкокапиталистическое производство.

Это подтверждается результатами «анкеты объ условіяхъ ремесленнаго труда». Повсюду въ городахъ количество мастеровъ относительно сильно уменьшилось, число же помощниковъ увеличилось, т. е. заведенія стали больше. И еще въ болѣе значительной степени долженъ былъ возрасти ихъ капиталъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ верхнимъ слоемъ городского ремесла, который сохранился благодаря отвѣчающему требованіямъ современности способу производства и, вѣроятно, сохранится также и въ будущемъ. При одинаковыхъ условіяхъ публика всегда предпочтетъ лавку ремесленника лавкѣ купца, хотя бы изъ-за починокъ и изъ-за лучшаго знанія дѣла мастеромъ. А послѣдняго, въ свою очередь, дальнѣйшее веденіе мастерской предохраняетъ отъ безработицы, въ которую легко впадаетъ городской лавочникъ.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ деревнѣ. Здѣсь тѣ причины вытѣсненія ремесла, которыя вытекаютъ изъ видоизмѣненій въ характерѣ спроса и изъ городскихъ квартирныхъ условій, дѣй-

ствуютъ въ гораздо болѣе слабой степени. Спросъ здѣсь еще не такъ концентрированъ, онъ часто носитъ индивидуальный характеръ; каждый лично знакомъ съ ремесленникомъ и съ его домомъ. Мы имѣемъ предъ собой сосѣдей, товарищей по школѣ, кумовей, а это все играетъ значительную роль и въ хозяйственныхъ отношеніяхъ. Здѣсь еще существуетъ настоящая почва для ремесла. Ремесленникъ часто самъ обрабатываетъ клочекъ земли, во время жатвы онъ помогаетъ сосѣду косить и т. п., у него собственный домикъ — словомъ, существованіе его не зависитъ исключительно отъ доходности ремесла. Въ ремеслѣ господствуетъ еще работа на заказъ или же зачетъ взаимныхъ требованій.

Я считаю существованіе всѣхъ ремеслъ, которыя вообще имѣютъ почву въ деревнѣ, обезпеченнымъ на продолжительное время. Конечно, и они не остаются совершенно незатронутыми переворотами, которымъ подвергается городская промышленность. И въ деревнѣ жестяникъ обыкновенно не изготовляетъ уже самъ жестяной посуды, а кузнецъ пользуется купленными подковами. Но обычай въ области потребленія не мѣняется здѣсь такъ быстро; спросъ остается въ значительной мѣрѣ индивидуальнымъ и имѣется сравнительно гораздо больше починокъ; мало того, земледѣльческія машины доставили слесарю, кузнецу, жестянику, бочару, столяру, новую работу по починкѣ. Въ 1895 году въ Германіи приблизительно 52% мастеровъ находились въ деревнѣ. Что касается густоты ремесленнаго населенія, то деревня сравнялась въ этомъ отношеніи съ городомъ. Правда, въ деревнѣ число одиночныхъ мастеровъ (работающихъ безъ подмастерьевъ) особенно велико; въ Пруссіи среднее число подмастерьевъ съ 1861 года, повидимому, немного уменьшилось; число же учениковъ сравнительно высоко. Но изъ-за этого нечего безпокоиться. Соотношеніе подмастерьевъ къ числу мастеровъ въ настоящее время въ деревнѣ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ оно было сто лѣтъ тому назадъ въ городахъ, и, судя по всему, что объ этомъ извѣстно, положеніе деревенскихъ ремесленниковъ представляется хотя и скромнымъ, но все же вполнѣ удовлетворительнымъ. Въ этомъ сходятся имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи отчеты относительно Силезіи, Саксоніи, Восточной Фрисландіи, Бадена и Эльзаса. Несомнѣнно, среди деревенскихъ ремесленниковъ имѣются и пролетаріи; но ихъ можно было найти въ ремеслѣ во всѣ эпохи.

Тѣ, которые смотрятъ на ремесло, какъ на идеальную форму промышленности, долго восхваляли два средства, которыя должны опять вернуть силы и мощь падающему среднему сословію; да и теперь еще многіе вѣрятъ въ ихъ цѣлебную силу.

Первое изъ нихъ—это «возвратъ къ художественной промышленности». Этотъ взглядъ проводится съ большимъ усердіемъ въ теченіе почти 30 лѣтъ; въ угоду ему учреждались музеи, профессіональныя школы, учебныя мастерскія, устраивались выставки и конкурсы на премія. Но опытъ вскорѣ показалъ, и анкета, произведенная

«Союзомъ соціальной политики» вновь подтвердила, что отъ этихъ усилій на долю мелкаго производства пользы вышло очень мало. Лишь слесарное ремесло въ отдѣльныхъ случаяхъ выиграло кое-что, благодаря тому, что снова вошли въ употребленіе рѣшетки, перила, фонари и т. п. отъ кованнаго желѣза. Въ остальномъ же экономическаго успѣха художественная промышленность достигла только въ фабричныхъ предпріятіяхъ крупнаго и даже крупнѣйшаго размѣра, какъ, напримѣръ, въ переплетномъ дѣлѣ, въ производствѣ художественной мебели, въ керамикѣ.

Второе средство — распространеніе небольшихъ двигателей и примѣненіе электрической энергіи: это должно даже самому мелкому мастеру доставить возможность пользоваться рабочими машинами въ своей мастерской. Даже такіе люди, какъ В. Сименсъ и Ф. Рейло, возлагали огромныя надежды на распространеніе этихъ техническихъ изобрѣтеній. Они исходили изъ того положенія, что суть только въ томъ, чтобы устранить техническое превосходство крупнаго производства, а оно вѣдь въ значительной степени основывается на примѣненіи машинъ, сберегающихъ трудъ.

Но при этомъ они страннымъ образомъ упустили изъ виду, что двигательная сила обходится тѣмъ дороже, чѣмъ въ меньшемъ масштабѣ она примѣняется. Согласно выкладкамъ Риделя въ «Zentralblatt für deutsche Ingenieure» за 1891 г., общія издержки на небольшихъ размѣровъ двигателя за одинъ часъ и одну лошадиную силу при 10-часовой работѣ равняются (въ пфеннигахъ):

Родъ двигателя:	Количество лошадиныхъ силъ.						
	1/4	1/4	1	2	3	4	6
Малый паровой двигатель	—	—	30	22	19	17	15
Газовый двигатель [1]	52	37	24	19	17	17	15
Пневматическій двигатель	41	30	25	20	19	18	17
Электрическій двигатель	66	55	46	40	37	—	—
Керосиновый двигатель	—	80	60	35	28	25	22

Уравненіе двухъ заведеній въ техническомъ отношеніи равносильно хозяйственному уравненію ихъ. Для того, чтобы удешевить производство, должна существовать возможность использовать, амортизировать машину. Такъ какъ она не выполняетъ всего процесса производства, а лишь отдѣльныя его части, то ея непрерывное функціонированіе обусловлено расширеніемъ производства, участіемъ большаго числа рабочихъ, большими затратами на сырье, на наемъ мастерской и т. п. Но для этого у ремесленника обыкновенно не хватаетъ капитала. А если бы онъ и обладалъ имъ, то на сторонѣ крупнаго производства оставалось бы все-таки преимущество болѣе выгодной закупки сырья, большаго раздѣленія труда, примѣненіе превосходныхъ техническихъ и художественныхъ силъ, лучшія условія сбыта [2]). Трудно понять, какъ умные люди могли всего этого не

---

[1]) Предположена цѣна газа—12 пфен. (около 6 коп.) за куб. метръ.

[2]) Интересное доказательство въ пользу сказаннаго представляютъ въ столярномъ ремеслѣ древообрабатывающія машины. Изъ многочисленныхъ болѣе крупныхъ ремесленныхъ заведеній въ берлинскомъ ме-

замѣтить. Стало ли портняжное, сапожное или сѣдельное ремесло болѣе жизнеспособнымъ благодаря швейной машинѣ?

Нужно оставить, слѣдовательно, надежду найти въ этихъ двухъ пунктахъ новую опору для ремесла; таковой вообще больше не существуетъ у большинства ремеслъ въ крупныхъ городахъ. Лишь въ той мѣрѣ, въ какой сохраняются условія производства непосредственно на потребителя, остается мѣсто для ограниченнаго числа заведеній, преобразованныхъ на капиталистическихъ основаніяхъ. Мѣсто ремесленниковъ занимаютъ другія лица: мелкіе и крупные предприниматели, завѣдующіе мастерскими и квалифицированные рабочіе на фабрикахъ, подрядчики и кустари. Матеріальное положеніе всѣхъ этихъ группъ, за исключеніемъ послѣдней, лучше, чѣмъ положеніе большинства прежнихъ мелкихъ мастеровъ. Но довольны ли они болѣе своей судьбой и счастливѣе ли,—это другой вопросъ.

Изложенное нами до сихъ поръ характеризуетъ болѣе тенденцію развитія, чѣмъ настоящее состояніе ремесла. Но нельзя себя этимъ обманывать. Упадокъ совершается медленно, безшумно; сильная нищета, въ родѣ той, какая господствовала среди ручныхъ ткачей, когда они вели отчаянную борьбу съ механическимъ ткацкимъ станкомъ, встрѣчается, быть можетъ, лишь въ производствѣ одежды и бѣлья. Нѣкоторые слои городского населенія остались и до сихъ поръ вѣрны ремесленнику, и еще нѣкоторое время это, вѣроятно, такъ и останется. У подростающаго поколѣнія есть поэтому еще время приспособиться къ новымъ условіямъ. Особенно необходимо для нихъ при этомъ лучшее образованіе, какъ общее, такъ и коммерческое и техническое. Дѣльные и благоразумные люди имѣютъ еще по-прежнему возможность работать и выдвинуться. Они не такъ безпомощны, какъ тѣ, которые выходятъ изъ школы и мастерской съ недостаточной подготовкой къ жизни.

Задержать этотъ процессъ мѣрами законодательства, по моему убѣжденію, нѣтъ возможности; его можно было бы въ крайнемъ случаѣ лишь замедлить. Но было ли бы это хорошо?

Выше въ статьѣ «Формы промышленности въ ихъ историческомъ развитіи», мы сравнили развитіе формъ промышленности съ развитіемъ путей сообщенія, гдѣ старыя формы, правда, оттѣсняются на задній планъ вновь возникающими, но не уничтожаются ими совершенно. То же самое происходитъ съ ремесломъ. Ремесло не исчезаетъ какъ форма производства, оно вынуждено лишь ограничиться тѣмъ положеніемъ, въ которомъ оно лучше всего можетъ проявить свойственныя ему преимущества. Въ настоящее время это имѣетъ

бельномъ производствѣ—между ними и обезпеченныя капиталомъ заведенія среднихъ размѣровъ, съ 20 и болѣе рабочими—ни одно не ввело у себя этихъ машинъ, хотя во многихъ мастерскихъ Берлина за сравнительно дешевую плату можно нанять двигательную силу любыхъ размѣровъ. Но зато возникли спеціальныя заведенія для рѣзки дерева; и только самыя крупныя мебельныя и плотничьи фабрики завели у себя такія машины.

мѣсто въ деревнѣ, въ мѣстностяхъ, гдѣ оно находитъ тѣ условія, на почвѣ которыхъ оно возникло въ средніе вѣка.

По довольно точной оцѣнкѣ, въ Германской имперіи въ 1895 г. насчитывалось около 675.000 мастеровъ съ болѣе чѣмъ полумилліономъ подмастерьевъ и учениковъ, всего вмѣстѣ приблизительно $1^1/_2$ милл. работниковъ. Если присчитать сюда семьи мастеровъ, то при низкой оцѣнкѣ мы получимъ свыше 3 милл. людей. Большую часть этой сферы ремесло завоевало въ XIX столѣтіи. Съ соціально-политической точки зрѣнія нѣтъ основанія ломать по этому поводу руки вмѣстѣ съ мастерами мѣстечекъ, которые потеряли своихъ деревенскихъ потребителей. Скорѣе, наоборотъ.

Во времена эгоистической замкнутости цеховъ, когда тысячи подмастерьевъ, которые нигдѣ не могли добиться правъ мастера, были выброшены на улицу, у кузнецовъ-подмастерьевъ существовала поговорка, которую иногородній подмастерье произносилъ передъ старшиной подмастерьевъ [1]). Она гласила: «Я не былъ еще мастеромъ, но надѣюсь стать имъ современемъ; если не здѣсь, то въ другомъ мѣстѣ, на милю отъ городской ограды, гдѣ собаки перескакиваютъ черезъ заборы, такъ что заборы трещатъ: тамъ хорошо быть мастеромъ».

То, что тогда было послѣднимъ якоремъ спасенія кузнецовъ-подмастерьевъ—поселеніе въ деревнѣ, является сегодня тѣмъ же для многихъ тысячъ подмастерьевъ-ремесленниковъ, чувствующихъ, что они не доросли до тѣхъ требованій, какія предъявляетъ городская жизнь. Для деревни эта примѣсь промышленныхъ элементовъ къ сельскому населенію составляетъ значительный соціальный и хозяйственный прогрессъ, и существованіе, которое возникаетъ тамъ, на почвѣ ремесла, принадлежитъ къ самымъ здоровымъ въ нашемъ обществѣ,—конечно, если мы будемъ прилагать къ нимъ естественную мѣрку стараго ремесла, а не искусственный масштабъ, почерпнутый изъ фантазіи романтиковъ въ области экономической политики.

Ибо главная причина жалобъ и нареканій, раздающихся почти съ самаго начала новѣйшей хозяйственной эпохи со стороны остатковъ городского ремесла, кроется въ ложномъ представленіи о той степени благосостоянія, которую вообще можетъ дать ремесло какъ форма промышленности. Въ средніе вѣка оно было сравнительно значительно, такъ какъ положеніе ремесленника измѣрялось положеніемъ того соціальнаго слоя, который слѣдовалъ непосредственно за нимъ и изъ котораго онъ самъ нерѣдко происходилъ — крѣпостного сословія, деревенскихъ «бѣдняковъ». По сравненію съ положеніемъ этого крайне угнетеннаго сословія, ремесло «имѣло золотое дно», т. е. оно давало постоянный денежный заработокъ и обезпечивало представителямъ его гражданскую свободу въ то время, какъ крестьянинъ беззащитно подвергался всѣмъ превратностямъ натуральнаго хозяйства и сверхъ того еще притѣсненіямъ

---

[1]) Ch. L. Stock: Grundzüge der Verfassung des Gesellenwesens der deutschen Handwerker, стр. 82.

со стороны землевладѣльца. Было бы ошибочно предполагать, что средневѣковые ремесленники въ среднемъ обладали значительнымъ капиталомъ. Почти наравнѣ съ ремесленниками стояли розничные торговцы. Съ тѣми, кто стоялъ повыше, они себя не сравнивали (городскіе патриціи, дворянство); при господствѣ сословнаго государства каждый доволенъ, если на его долю выпадетъ то, что признается соотвѣтственнымъ сословію, къ которому онъ принадлежитъ.

Нынѣшній соціальный строй основанъ на профессіональныхъ классахъ и на свободномъ выборѣ профессіи. При такихъ условіяхъ всякій сравниваетъ себя съ другими, такъ какъ нѣтъ юридической преграды, которая отдѣляла бы его отъ другихъ. А въ сравненіи съ другими классами современнаго общества положеніе ремесла даже тамъ, гдѣ оно представляется еще вполнѣ жизнеспособнымъ, весьма скромное. Получается впечатлѣніе, будто всѣ другіе классы поднялись и только ремесленники остались на томъ же мѣстѣ. Тамъ же, гдѣ ремесло борется за свое существованіе, оно представляетъ грустную картину гибели.

Безъ сомнѣнія, нельзя съ легкимъ сердцемъ относиться къ тому факту, что исчезаетъ широкій слой самостоятельныхъ маленькихъ людей, составлявшихъ ядро стараго городского населенія, а его мѣсто занимаетъ не связанная между собой масса зависимыхъ работниковъ. Это—потеря для общества, которую въ городахъ, повидимому, ничѣмъ пока нельзя замѣнить. И все-таки это—не потеря невознаградимая; уже давно дѣйствуютъ тѣ силы, которыя должны ее возмѣстить. Изъ среды зависимыхъ образуется новое «среднее сословіе», превосходящее прежнихъ мелкихъ ремесленниковъ своей хозяйственной энергіей и соціальной приспособленностью, — элементъ общества, который создала и воспитала для своихъ цѣлей современная крупная промышленность. Каждый долженъ подчиняться общей болѣе высокой цѣли, онъ связанъ прочными узами долга прежде всего съ тѣмъ предпріятіемъ, гдѣ онъ работаетъ, а затѣмъ уже черезъ это послѣднее со всѣмъ національнымъ хозяйствомъ. Если средневѣковая цеховая организація ставила на первомъ планѣ «общее благо», которому должны были служить цеховыя предписанія, то кто осмѣлится утверждать, что и современныя формы промышленности навсегда останутся лишенными публично-правовой организаціи, которая еще гораздо болѣе совершеннымъ образомъ будетъ содѣйствовать общему благу? Много силъ уже находятся въ дѣйствіи для созданія этой организаціи, прежде всего на почвѣ свободной національной ассоціаціи; возникаютъ новыя общественныя образованія, подготовляющія новое распредѣленіе соціальныхъ правъ и обязанностей и оберегающія личность. Слѣдуетъ ли намъ терять надежду, что въ нихъ найдетъ мѣсто и высшій идеалъ человѣчества?

VI.

Зачатки періодической печати.

Тѣсная связь, существующая въ Германіи между наукой и университетскимъ преподаваніемъ, имѣетъ при многихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, одинъ существенный недостатокъ. Онъ заключается въ томъ, что тѣ области знанія, которыя не являются предметомъ университетскаго курса, остаются неизученными. Такая судьба постигла и періодическую печать. Въ то время какъ во Франціи и Англіи исторія журналистики имѣетъ весьма обширную литературу, въ Германіи сдѣланы въ этой области лишь немногіе заслуживающіе упоминанія опыты [1]), изъ которыхъ ни одинъ не охватилъ предмета во всей его полнотѣ.

При такомъ положеніи вещей было бы безполезно изслѣдовать, къ какой собственно изъ существующихъ научныхъ дисциплинъ относится эта забытая проблема. Столь сложное явленіе, какъ періодическую печать, можно съ успѣхомъ разсматривать съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія: политико-исторической, историко-литературной, библіографической, юридической и даже филологической, что доказываютъ сочиненія по вопросу о небрежности газетнаго стиля. Ближе всего однако предметъ этотъ экономисту; ибо газета прежде всего есть средство общенія и является одной изъ главныхъ опоръ современнаго народнаго хозяйства.

Однако въ учебникахъ по политической экономіи и даже въ сочиненіяхъ о средствахъ сообщенія въ тѣсномъ смыслѣ мы тщетно будемъ искать главы о періодической печати. Если при такихъ условіяхъ я все же рѣшаюсь изложить,—конечно, сжато,—исторію возникновенія періодической печати, то я самъ прекрасно сознаю, что могу дать лишь весьма неполное изображеніе ея; я не съумѣю, пожалуй, оправдать справедливыхъ ожиданій еще и потому, что экономическая точка зрѣнія не позволяетъ всесторонне исчерпать предметъ.

На вопросъ о зачаткахъ періодической печати отвѣтъ будетъ

---

[1]) Prutz: Geschichte des deutschen Journalismus I, Hamburg 1845. Wuttke: Die deutschen Zeitschriften und die Entstehung der öffentlichen Meinung. 2 Aufl. Leipzig. 1875. L. Salomon: Geschichte des deutschen Zeitungswesens von den ersten Anfängen bis zur Wiederaufrichtung des deutschen Reiches, Oldenburg und Leipzig. 1900/05. Срвн. также мой краткій очеркъ въ „Kultur der Gegenwart“ I, 1, стр. 481 и слѣд.

различный, смотря по тому, что понимать подъ словомъ «газета». Если десяти разнымъ лицамъ предложить вопросъ: что такое газета? —то возможно, что получится десять различныхъ отвѣтовъ. Но едва-ли кто-либо изъ нихъ долго задумается надъ вопросомъ, какими средствами достигается то сложное сплетеніе умственныхъ и матеріальныхъ взаимоотношеній, которое превращаетъ современное человѣчество въ единое цѣлое: на-ряду съ почтой, желѣзными дорогами и телеграфомъ, всякій прежде всего назоветъ газету.

Въ самомъ дѣлѣ, газета представляетъ собою звено въ цѣпи современныхъ средствъ общенія, т. е. тѣхъ учрежденій, которыя служатъ обществу для обмѣна духовныхъ и матеріальныхъ благъ. Но это не есть средство общенія вродѣ почты и желѣзной дороги, при помощи которыхъ совершается транспортъ лицъ, предметовъ, извѣстій, а скорѣе такое же средство общенія, какъ письмо и циркуляръ, которыя только и дѣлаютъ извѣстія годными для транспорта: посредствомъ письма и печати эти извѣстія отдѣляются отъ ихъ творца и воплощаются въ физически переносимую форму.

Какъ бы велико ни казалось намъ теперь различіе между письмомъ, циркуляромъ и газетой, стоитъ однако немного подумать, и всѣ они представятся по существу однородными произведеніями, возникшими изъ потребности въ сообщеніи извѣстій и, благодаря примѣненію письменности, для удовлетворенія этой потребности. Разница заключается лишь въ томъ, что письмо обращается къ отдѣльному лицу, циркуляръ къ опредѣленной группѣ лицъ, а газета къ значительному числу неизвѣстныхъ лицъ. Или иначе говоря: письмо и циркуляръ суть средства для частнаго обмѣна извѣстій, газета—для публичнаго сообщенія ихъ.

Въ настоящее время мы, правда, свыклись съ тѣмъ, что газета печатается регулярно и выходитъ періодически, черезъ короткіе промежутки времени. Однако, ни то, ни другое не составляетъ существеннаго признака газеты, какъ средства публичнаго сообщенія извѣстій; наоборотъ, мы скоро увидимъ, что первоначальная газета, изъ которой возникло это могучее средство общенія нашего времени, не была напечатана и не выходила періодически, а весьма близко подходила къ письму; даже ничѣмъ почти отъ него не отличалась. Конечно, періодическое появленіе извѣстій вытекаетъ изъ самой природы публичнаго извѣщенія: ибо извѣстія представляютъ временныя блага; они цѣнны, пока новы и, чтобы сохранить прелесть новизны, они должны сообщаться непосредственно вслѣдъ за событіями. Но на зарѣ періодической печати время появленія ихъ зависѣло, какъ мы увидимъ, не отъ условій самого газетнаго дѣла, а отъ того, какъ часто представлялись транспортныя оказіи.

Регулярное собираніе и разсылка извѣстій предполагаютъ либо широко распространенный интересъ къ общественнымъ вопросамъ, либо болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ область съ развитой экономической жизнью, либо и то и другое одновременно.

Однако интересъ къ общественнымъ дѣламъ возникаетъ лишь тогда, когда, благодаря наличности извѣстной политической организаціи, судьбы всѣхъ гражданъ оказываются связанными воедино. Древнія городскія республики не нуждались въ газетѣ; всѣ ихъ потребности въ публичности удовлетворялись глашатаями, а иногда и письменными объявленіями. Лишь тогда, когда римское господство распространилось на все Средиземное побережье и во всякомъ случаѣ подчинило его своему вліянію, явилась потребность въ средствѣ, которое держало бы въ курсѣ столичныхъ происшествій чиновниковъ, откупщиковъ податей и другихъ представителей правящаго класса, занятыхъ дѣлами въ провинціи. Любопытно, что Цезарь, творецъ римской военной монархіи и централизація управленія, считается въ то же время и основателемъ перваго учрежденія, напоминающаго газету [1].

Я говорю: «напоминающаго газету», — ибо журналистики въ нашемъ смыслѣ у римлянъ не было, и если Момзенъ говоритъ о «римскомъ періодическомъ листкѣ», то это неудачная модернизація. То, что создано было Цезаремъ, напоминало не современную газету, а скорѣе тѣ бюллетени и записки («Waschzettel»), которые выдаются журналистамъ нашими правительственными учрежденіями. Слѣдовательно, цѣлью его было не основать газетное дѣло, а оказать вліяніе на существующія газеты.

Еще задолго до консульства Цезаря среди живущихъ въ провинціи римлянъ установился обычай держать въ столицѣ одного или нѣсколькихъ собственныхъ корреспондентовъ, которые письменно извѣщали бы ихъ о ходѣ политическихъ дѣлъ и другихъ событіяхъ дня. Этими корреспондентами были обыкновенно интеллигентные рабы или вольноотпущенники, которые хорошо знали столичную жизнь и иногда за вознагражденіе снабжали извѣстіями нѣсколько лицъ одновременно; они представляли собою, слѣдовательно, особаго рода античныхъ репортеровъ, отличающихся отъ современныхъ лишь тѣмъ, что они писали не для газеты, а непосредственно для читателей. Эти корреспонденты, благодаря своимъ кліентамъ, нерѣдко имѣли даже доступъ въ засѣданія сената. Антоній держалъ человѣка, который сообщалъ ему не только рѣшенія сената, но также рѣчи и голосованія сенаторовъ. Въ бытность свою проконсуломъ Цицеронъ черезъ друга своего Марка Целія получалъ сообщенія отъ нѣкоего Крестуса, но не особенно, повидимому, былъ доволенъ его замѣтками объ играхъ гладіаторовъ, судебныхъ процессахъ и разныхъ городскихъ сплетняхъ. Какъ въ этомъ случаѣ,

---

[1]) Leclerc: Des journaux chez les Romains, Paris 1838. Lieberkühn: De diurnis Romanorum actis, Vimar 1840. A. Schmidt: Das Staatszeitungswesen der Römer въ Zeitschr. f. Geschichtsw. I, стр. 33 и сл.— Zell: Ueber die Zeitungen der alten Römer und die Dodwellischen Fragmente въ его Ferienschriften, стр. 1 и слѣд., 109 и сл.—Hübner: De senatus populique Romani actis въ Fleckeisens Jhb. f. Philol. Suppl. III, стр. 564 и слѣд.—Heinze: De spuriis diurnorum actorum fragmentis, Greifsw. 1860.

такъ, кажется, и вообще эти корреспонденція ограничивались голыми фактами и дополнялись письмами партійныхъ друзей отсутствовавшаго, и лишь эти письма, какъ мы знаемъ изъ переписки Цицерона, и даютъ собственно настоящее представленіе о политическомъ настроеніи.

То новое, что было внесено Цезаремъ въ это учрежденіе, заключалось въ томъ, что онъ предписалъ выпускать краткіе протоколы сенатскихъ засѣданій и рѣшеній, а также извѣстія о ходѣ народныхъ собраній и о другихъ важныхъ событіяхъ.

Первое составило Acta senatus, второе — Acta diurna populi Romani. Публикація дѣлались на доскѣ, смазанной гипсомъ, на которой вырисовывались слова. Доска вывѣшивалась въ публичномъ мѣстѣ, представляла собою, слѣдовательно, для жителей столицы то, что для насъ плакатъ. Для иногороднихъ многочисленные писцы списывали сообщенія и разсылали своимъ кліентамъ. По истеченіи нѣкотораго времени оригиналъ поступалъ въ государственный архивъ.

Этотъ римскій правительственный вѣстникъ не былъ, слѣдовательно, газетой, но пріобрѣталъ значеніе газеты благодаря довольно тяжеловѣсному, по нашимъ представленіямъ, механизму частныхъ корреспонденцій, посылаемыхъ въ провинціи.

Acta senatus просуществовали недолго; уже Августъ прекратилъ ихъ. Зато Acta diurna populi Romani скоро привились настолько, что могли расширить свое содержаніе и просуществовали значительную часть періода имперіи. Правда, они все болѣе принимали характеръ придворныхъ извѣстій и по содержанію стали напоминать нынѣшніе оффиціозные и оффиціальные органы нѣкоторыхъ большихъ городовъ Европы. Въ общемъ они ограничивались сообщеніемъ фактовъ; направленіе сказывалось лишь постольку, поскольку умалчивалось о непріятномъ. Какъ и прежде, черезъ корреспондентовъ извѣстія проникали въ провинціи, и, какъ разсказываетъ Тацитъ, тамъ умудрялись понимать не только то, о чемъ сообщалъ правительственный вѣстникъ, но и то, о чемъ онъ умалчивалъ: читали между строкъ. Какъ долго просуществовалъ этотъ институтъ, мы не знаемъ. Послѣ перенесенія двора въ Константинополь онъ, вѣроятно, постепенно исчезъ [1]).

Германскіе народы, перенявшіе послѣ римлянъ руководительство судьбами Европы, ни по своему культурному уровню, ни по своей политической организаціи не способны были поддерживать такого рода институтъ публичнаго извѣщенія, да и не ощущали потребности въ этомъ. Въ теченіе всего средневѣковья жизнь политическая и соціальная протекала въ узкихъ, замкнутыхъ кругахъ. Образованіе сосредоточивалось въ монастыряхъ и въ продолженіе многихъ вѣковъ касалось лишь верхушекъ общества. Эконо-

---

[1]) О весьма сходной съ Acta diurna правительственной газетѣ у китайцевъ (кингъ-пао) срвн. Hirth: Chines. Studien, стр. 209 и слѣд.— Navarra: China und die Chinesen, стр. 891 и слѣд.

мическихъ интересовъ, которые выходили бы за узкіе предѣлы города или помѣстья и связывали бы людей между собой, не существовало. Лишь въ послѣднія столѣтія средневѣкового періода снова возникаютъ болѣе сложныя соціальныя отношенія. Прежде всего необходимо указать на церковь съ ея іерархіей, охватывающей всѣ страны германо-романской культуры, затѣмъ на городскихъ жителей, образующихъ союзы городовъ и сплоченныхъ общими торговыми интересами, и, наконецъ, въ качествѣ противовѣса имъ, на свѣтскія территоріальныя власти, постепенно образующія особую группу. Первые слѣды организаціи для передачи извѣстій и писемъ на разстоянія встрѣчаются въ XII и XIII вѣкѣ въ видѣ института гонцовъ, посылаемыхъ монастырями, университетами и различными духовными сановниками. Въ XIV и XV вѣкѣ къ этому присоединяется еще обширный, отчасти напоминающій почту, институтъ городскихъ гонцовъ для пересылки торговой корреспонденціи и для нуждъ городского управленія. И тутъ мы впервые встрѣчаемъ слово «газета» (Zeitung).

Нѣмецкое слово Zeitung первоначально обозначало то, что свершалось во времени (in der Zeit), событіе настоящаго, затѣмъ сообщеніе о такомъ событіи, посланіе, извѣстіе, новость. Особенно часто слово это употребляется для обозначенія сообщеній о политическомъ событіи (Zeitläufte), получаемыхъ городскими управленіями изъ другихъ городовъ или отъ отдѣльныхъ друзей — рагмановъ въ письмахъ или въ видѣ приложеній къ нимъ, еще и понынѣ нерѣдко хранящихся въ архивахъ. Такъ, напримѣръ, въ городскомъ архивѣ г. Франкфурта-на-Майнѣ имѣется не менѣе 168 писемъ, относящихся къ походамъ арманьяковъ въ началѣ сороковыхъ годовъ XV вѣка и представляющихъ собою большею частью изображенія бѣдствій и призывы о помощи отъ городовъ Эльзаса и Швейцаріи. Среди этихъ писемъ имѣются три разсказа о битвѣ при Св. Яковѣ—изъ Цюриха, Страсбурга и Базеля [1]).

Эти извѣщенія имѣли добровольный характеръ и основывались на взаимности. Они возникли изъ общности интересовъ, связывав-

---

[1]) Wülker: Urkunden und Schreiben, betreffend den Zug der Armagnaken въ Neujahrsblatt des Vereins f. Gesch. und Altertumsk. zu Frankfurt a. M. за 1873 г.—Относ. слѣдующаго абзаца сравн. Hatin: Histoire politique et littéraire de la presse en France, Paris 1859—1861, т. I, стр. 28 и слѣд. Hatin: Bibliographie historique et critique de la presse periodique française, précédé d'un Essai historique et statistique sur la naissance et les progrès de la presse periodique dans les Deux Mondes, Paris, 1866, p. XLVII sqq. Leber: De l'etat réel de la presse et des pamphlets depuis François I jusqu'à Louis XIV, Paris 1834.—Alex Andrews: The history of British Journalism, London, 1859, т. I, стр. 12 и слѣд. Ottino: La stampa periodica, il commercio dei libri e la tipographia in Italia, Milano 1875, стр. 7.—Rob. Pruz: Geschichte des deutschen Journalismus, Hannover 1845, т. I.—J. Winckler: Die periodische Presse Oesterreichs, Wien 1845, стр. 19 и слѣд. Grasshoff: Die briefliche Zeitung des XVI Jahrhunderts. Leipzig 1877. Steinhausen въ Archiv für Post und Telegraphie 1895, стр. 347 и сл. и въ его Geschichte des deutschen Briefes, 2 тома.

шей города, въ противовѣсъ дворянству и территоріальнымъ властямъ. Они распространялись особенно благодаря множеству городскихъ гонцовъ, которые поддерживали регулярное сообщеніе (отсюда выраженіе ordinari) между южной и сѣверной Германіей.

Въ XV вѣкѣ мы встрѣчаемъ подобный обмѣнъ извѣстіями между высокопоставленными лицами, князьями, государственными дѣятелями, профессорами университетовъ — обычай, достигшій наибольшаго расцвѣта въ эпоху реформаціи. Приписки въ письмахъ или приложенія къ нимъ подъ заголовками «Novissima», «Tidinge», «New-Zeitung», «Avise» считались хорошимъ тономъ. Мы замѣчаемъ вскорѣ, что дѣло не ограничивается событіями исключительнаго характера, касающимися современныхъ бѣдствій, но постепенно превращается въ регулярное собираніе извѣстій. Особенно въ крупные центры и торговые города, гдѣ сходились гонцы и гдѣ процвѣтала наука, извѣстія приходили со всѣхъ концовъ міра и въ новой редакціи разносились опять во всѣхъ направленіяхъ въ письмахъ или въ видѣ приложеній къ нимъ. Почти всегда эти писаныя сообщенія носили названіе газеты (Zeitung) и новой газеты (neue Zeitung).

Наибольшая часть этой корреспонденціи носитъ частный характеръ. Люди, стоявшіе въ центрѣ политическихъ и церковныхъ дѣлъ, сообщали другъ другу получаемыя ими извѣстія. Это была взаимная услуга. Но бывало и такъ, что получавшій большую корреспонденцію давалъ переписывать во множествѣ экземпляровъ свои новыя извѣстія и прилагалъ ихъ къ письмамъ разнымъ лицамъ; получатели же, въ свою очередь, списывали ихъ и распространяли среди своихъ знакомыхъ. Государи въ главныхъ торговыхъ центрахъ обыкновенно уже держали собственныхъ корреспондентовъ или посылали таковыхъ въ особыхъ случаяхъ на мѣсто происшествія важныхъ событій.

До народа эти писаныя извѣстія не доходили. Круги, на которые они были разсчитаны, были слѣдующіе: 1) государи и государственные люди, а также члены городскихъ ратушей, 2) профессора университетовъ и близко къ нимъ стоящіе школьные учителя и духовныя лица, 3) крупные коммерсанты.

Почти всѣ реформаторы и гуманисты были ревностными составителями корреспонденцій и сами регулярно получали извѣстія. Такъ, напримѣръ, Меланхтонъ, благодаря своимъ обширнымъ связямъ во всѣхъ частяхъ Германіи и сосѣднихъ государствъ, постоянно получалъ цѣлую массу подобныхъ извѣстій, которыми онъ, въ свою очередь, снабжалъ друзей, въ особенности же различныхъ государей. По сравненію съ нимъ переписка Лютера и Цвингли бѣдна подобнаго рода матеріаломъ. Напротивъ, страсбуржцы Іоаннъ и Яковъ Штурмъ, Буцеръ, Капито, базельцы Эколампадій и Беатусъ Ренанусъ, аугсбуржцы Гецеръ и Урбанусъ Регіусъ, Іерой. Баумгартнеръ въ Нюренбергѣ, Іоахимъ Камераріусъ, Бугенгагенъ и др. усердно подвизались на этомъ поприщѣ.

Источники, изъ которыхъ они получали извѣстія, весьма раз-

нообразны. Рядомъ съ устными и письменными сообщеніями друзей указываются слѣдующіе источники: разсказы пріѣзжихъ купцовъ, особенно книгопродавцевъ, побывавшихъ на ярмаркѣ во Франкфуртѣ; слухи, передаваемые почтовыми гонцами; сообщенія ландскнехтовъ (солдатъ), возвратившихся съ похода, проѣзжающихъ иностранцевъ и гостей, особенно студентовъ, направлявшихся изъ другихъ странъ въ нѣмецкіе университеты; наконецъ, всѣ тѣ новости, которыя передавались проѣзжавшими посланниками иностранныхъ дворовъ, канцлерами, секретарями и агентами высокопоставленныхъ лицъ.

Само собой разумѣется, что эти случайно собранныя, устно передаваемыя извѣстія были весьма различнаго достоинства, и корреспонденты, разсылавшіе ихъ дальше, должны были подвергнуть ихъ сначала критической оцѣнкѣ. Болѣе цѣнны были письменныя извѣстія, и любопытно будетъ прослѣдить ихъ источники на основаніи переписки Меланхтона [1]).

Оказывается, что существовали опредѣленные пункты, гдѣ сосредоточивались извѣстія, получаемыя изъ различныхъ мѣстностей. Въ центрѣ общественнаго интереса находился въ то время восточный вопросъ, т. е. угрожающія дѣйствія турокъ по отношенію къ странамъ средней Европы. Извѣстія о войнахъ съ ними получались либо изъ Венгріи черезъ Вѣну, Краковъ или Бреславль, либо изъ Константинополя моремъ черезъ Венецію. Они исходили большею частью отъ духовныхъ лицъ, пристававшихъ къ новому ученію.

О событіяхъ, происходившихъ на югѣ, извѣстія получались изъ Рима, Венеціи, Генуи, а также отъ ученыхъ друзей изъ Падуи и Болоньи. Извѣстія изъ Франціи и Испаніи приходили черезъ Ліонъ, Генную, Страсбургъ, изъ Англіи и Нидерландовъ—черезъ Антверпенъ и Кельнъ, изъ сѣверныхъ странъ—черезъ Бременъ, Гамбургъ, Любекъ, съ сѣверо-востока — черезъ Кенигсбергъ и Ригу.

Въ самой Германіи Нюренбергъ былъ главнымъ пунктомъ, въ которомъ сосредоточивались новости,—отчасти благодаря его центральному положенію, отчасти благодаря обширнымъ торговымъ сношеніямъ. Кто хотѣлъ имѣть вѣрныя и точныя свѣдѣнія въ области политики, долженъ былъ писать въ Нюренбергъ или посылать туда кого-нибудь. Государи, какъ, напримѣръ, герцогъ Альбрехтъ Прусскій и Христіанъ III датскій, имѣли тамъ своихъ постоянныхъ корреспондентовъ, которые должны были составлять для нихъ и присылать имъ различныя получаемыя новости. Эту обязанность нерѣдко брали на себя находившіеся на службѣ лица, члены городского совѣта и видные купцы. На-ряду съ Нюренбергомъ имѣли значеніе въ этомъ отношеніи еще Франкфуртъ, Аугсбургъ, Регенсбургъ, Вормсъ и Шпейеръ.

Газеты, которыя Меланхтонъ составлялъ изъ этихъ разнообра-

---

[1]) См. Grosshoff, l. c. 23 и слѣд.

выхъ источниковъ, представляютъ собою простые пересказы,—правда, подобранные не безъ критической оцѣнки, но лишь весьма рѣдко сопровождаемые комментаріями политическаго свойства; чаще они переплетались всевозможными жалобами, опасеніями, пожеланіями и надеждами. Рядомъ съ важными придворными извѣстіями и сообщеніями съ театра войны, свѣдѣніями о ходѣ реформаціи, встрѣчаются и такія, въ которыхъ отражается вся наивность и легковѣріе эпохи: разсказы о политическихъ предсказаніяхъ, чудесахъ природы, уродствахъ, землетрясеніяхъ, кровавыхъ дождяхъ, кометахъ и другихъ небесныхъ явленіяхъ.

Во второй половинѣ XVI вѣка эти извѣщенія составляются уже болѣе или менѣе регулярно и составленіе ихъ становится профессіей, при томъ не только въ Германіи, но, повидимому, еще нѣсколько раньше въ Италіи, а именно въ Венеціи и Римѣ.

«Венеція долго считалась тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ впервые возникла газета въ современномъ смыслѣ этого слова. При этомъ исходили изъ того, что слово gazetta, gazette, употребляемое почти у всѣхъ романскихъ народовъ, впервые встрѣчается въ Венеціи, именно какъ обозначеніе для мелкой монеты. Я не буду повторять здѣсь довольно невѣроятную исторію, оправдывающую якобы происхожденіе этого слова, какъ обозначенія періодическаго изданія, отъ слова, обозначающаго монету [1]).

Сама же по себѣ гипотеза, что газетное дѣло, какъ это указано выше, впервые стало профессіей именно въ Венеціи, имѣетъ за себя весьма многое. Въ качествѣ посредницы въ сношеніяхъ между Востокомъ и Западомъ, въ качествѣ резиденціи правительства, которое впервые учредило посольства въ современномъ смыслѣ слова и организовало обмѣнъ политическихъ извѣстій, этотъ старинный, построенный на лагунахъ городъ представляетъ собою центральный пунктъ, куда стекалась свѣдѣнія изъ всѣхъ странъ извѣстнаго тогда міра. Какъ показали изслѣдованія хранителя библіотеки Св. Марка Валентинелли, еще въ XV вѣкѣ венеціанскій совѣтъ организовалъ составленіе извѣстій о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ республикѣ или сообщенныхъ посланниками, консулами, чиновниками, капитанами кораблей, купцами и др., а также разсылку ихъ въ циркулярныхъ депешахъ своимъ посланникамъ въ чужихъ странахъ, для освѣдомленія ихъ о ходѣ международныхъ дѣлъ. Эти сборники извѣстій носили названіе fogli d'avvisi. Позднѣе съ этихъ оффиціальныхъ сообщеній дѣлались копіи, но, разумѣется, не для распространенія среди широкой публики, а лишь для знатныхъ венеціанцевъ, которые могли ими пользоваться въ своихъ торговыхъ операціяхъ, а также снабжать въ письмахъ своихъ товарищей по профессіи въ чужихъ краяхъ.

Эти приписки политическихъ извѣстій къ дѣловымъ письмамъ или приложенія на особыхъ листкахъ мы вскорѣ встрѣчаемъ и у

---

[1]) Срав. Hatin: Bibliographie de la presse periodique, стр. XLVII.

крупныхъ коммерсантовъ Нюренберга, Аугсбурга и другихъ нѣмецкихъ городовъ. Съ теченіемъ времени отдѣльныя лица напали на мысль сдѣлать собираніе и разсылку извѣстій въ письмахъ источникомъ заработка. Въ XVI столѣтіи на венеціанскомъ ріальто рядомъ съ лавочкой мѣнялы и золотыхъ дѣлъ мастера мы находимъ особое торговое освѣдомительное бюро, цѣль котораго заключалась въ томъ, чтобы собирать политическія и торговыя извѣстія, свѣдѣнія объ ушедшихъ и пришедшихъ корабляхъ, о цѣнахъ на товары, о безопасности дорогъ, а также о политическихъ событіяхъ, и продавать ихъ въ копіяхъ заинтересованнымъ лицамъ [1]). Мало того, образуется даже особый цехъ scrittori d'avvisi, которые вскорѣ появляются и въ Римѣ подъ названіемъ novellanti или gazettanti. Здѣсь однако дѣятельность ихъ стала, повидимому, неудобной для куріи, потому ли, что они сообщали непріятные для нея факты, или потому, что они сопровождали факты своими сужденіями. Въ 1572 году противъ нихъ были изданы даже двѣ папскія буллы (Пія V и Григорія VIII); писаніе авизъ было строго воспрещено, и тому, кто продолжалъ этимъ заниматься, грозило клейменіе и ссылка на галеры. Тѣмъ не менѣе мы находимъ и впослѣдствіи много слѣдовъ разсылки корреспонденцій изъ Рима въ сѣверо-итальянскіе города и въ Германію.

Тѣмъ временемъ составленіе корреспонденцій—газетъ стало промысломъ также въ Германіи и получило тамъ особую, по тогдашнимъ экономическимъ условіямъ, можно даже сказать—поразительную организацію. Организація эта находится въ связи, съ одной стороны, съ развитіемъ института гонцовъ, а съ другой—съ учрежденіемъ императоромъ Максимиліаномъ почты, ходившей между австрійскими Нидерландами и Вѣной, чѣмъ значительно облегчалось правильное полученіе извѣстій. И вотъ, во второй половинѣ XVI вѣка мы во многихъ мѣстахъ находимъ особые корреспондентскія бюро, собирающія извѣстія и разсылающія ихъ по почтѣ своимъ абонентамъ. Сохранилось нѣсколько сборниковъ этихъ писанныхъ газетъ, въ томъ числѣ одинъ за 1582—1591 годы въ великогерцогской библіотекѣ въ Веймарѣ и два въ университетской библіотекѣ въ Лейпцигѣ за 80-ые и 90-ые годы XVI столѣтія [2]).

Я позволю себѣ нѣсколько остановиться на первомъ годѣ изданія лейпцигскаго сборника. Оно носитъ заглавіе:

Neüetzeittüng soll dero von Nornbergk von dem 26. Octobris Anno 87 bis auff den 26. Octobris Anno 88 einkommen.

Затѣмъ слѣдуютъ отдѣльныя копіи съ извѣстій, получавшихся правильно каждую недѣлю въ конторѣ нюренбергскаго торговаго дома «Рюйнеръ Фолькардтъ и Флоріанъ фонъ-деръ Брукъ», частью изъ Рима и Венеціи, частью изъ Антверпена и Кельна, и распространявшихся дальше либо самой фирмой, либо какимъ-нибудь

[1]) Prutz: Gesch. des Journalismus I, стр. 212.

[2]) Срвн. Jul. Opel: Die Anfänge der deutschen Zeitungspresse въ Archiv für die Gesch. des deutschen Buchhandels", т. III (1879).

издателемъ. Получатель нашего сборника былъ, по всей вѣроятности, лейпцигскій секретарь суда шеффеновъ Людвигъ Трюбъ.

Корреспонденціи изъ Рима обычно обозначены числомъ, на 6 дней болѣе раннимъ, чѣмъ венеціанскія, а антверпенскія—на 5 дней болѣе раннимъ, чѣмъ кельнскія. Всѣ эти четыре центра лежали по большому почтовому тракту, шедшему изъ Испаніи и Нидерландовъ въ Германію. Иногда рядомъ съ регулярными корреспонденціями встрѣчаются и случайныя—напримѣръ, изъ Праги, Бреславля и особенно часто изъ Франкфурта-на-Майнѣ.

Если мы ближе присмотримся къ содержанію этихъ извѣстій, то легко убѣдимся въ томъ, что въ нихъ идетъ рѣчь не о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Римѣ, Венеціи, Антверпенѣ и т. д., а объ извѣстіяхъ, с о б р а н н ы х ъ въ этихъ мѣстахъ. Вслѣдствіе этого, антверпенскія корреспонденціи содержатъ извѣстія не только изъ Нидерландовъ, но также изъ Франціи, Англіи, Даніи; черезъ Римъ приходили извѣстія не только изъ Италіи, но кромѣ того также изъ Испаніи и южной Франціи, а черезъ Венецію—извѣстія съ Востока. Тонъ этихъ сообщеній—объективный, безстрастный, дѣловой. Преобладаютъ политическія новости; рѣже попадаются сообщенія, касающіяся торговли и промышленности. Объ излюбленныхъ разсказахъ о чудесахъ и привидѣніяхъ въ нихъ нѣтъ уже и помину.

Какъ же была организована разсылка этихъ корреспонденцій въ упомянутыхъ центрахъ? Кто были собиратели и посредники? Какъ вознаграждался ихъ трудъ? Изъ какихъ источниковъ они черпали свои свѣдѣнія? Къ сожалѣнію, мы въ состояніи отвѣтить далеко не на всѣ эти вопросы.

Что касается, прежде всего, источниковъ, изъ которыхъ авторы корреспонденцій черпали матеріалъ, то они нерѣдко сами ссылаются на послѣднюю почту или на регулярное сообщеніе черезъ посредство гонцовъ (ordinari). Такъ, напримѣръ, въ одной корреспонденціи изъ Кельна за 28 февраля 1591 г. говорится: «Письма изъ Голландіи и Зеландіи, а также съ юга (aus dem welschen Quartier) еще не прибыли». Въ корреспонденціи изъ Рима отъ 17 февраля 1590 г. сообщается, что тамошній начальникъ почты обязался передъ папой пускать одинъ разъ въ недѣлю почту въ Ліонъ и обратно, и въ концѣ говорится: «Такимъ образомъ мы каждую недѣлю будемъ имѣть aviso изъ Франціи».

Больше изъ сборника ничего узнать нельзя. Но изъ того, что въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ городовъ составленіемъ и разсылкой новыхъ извѣстій въ видѣ профессіи преимущественно занимались городскіе гонцы и императорскіе почтовые чиновники, мы можемъ съ большой вѣроятностью предположить, что собираніе извѣстій находилось въ тѣсной связи съ тогдашними транспортными учрежденіями. По всей вѣроятности гонцы и почтовые чиновники регулярно обмѣнивались между собой собранными ими свѣдѣніями

и затѣмъ снабжали ими своихъ частныхъ кліентовъ. Однако, все это еще нуждается въ болѣе точномъ изслѣдованіи [1]).

Нѣсколько менѣе представляется намъ отношеніе крупныхъ торговцевъ къ газетному дѣлу. Подобно упомянутымъ выше нюренбергскимъ купцамъ, отдѣльные крупные торговые дома и въ другихъ мѣстахъ организовали за свой счетъ доставку извѣстій. Такъ поступали въ особенности Вельзеры и Фуггеры; полученныя ими извѣстія мы находимъ рядомъ съ нюренбергскими въ знаменитомъ собраніи писемъ нюренбергскаго ученаго Христофора Шейрля [2]). Во второй половинѣ XVI вѣка Фуггеры организовали регулярное составленіе приходившихъ къ нимъ со всѣхъ концовъ свѣта извѣстій и, кажется, даже печатали ихъ. Заглавіе правильно выходившихъ нумеровъ было Ordinari-Zeittungen. Къ нимъ имѣлись еще приложенія новѣйшихъ извѣстій подъ заглавіемъ: Extraordinari-Zeittungen. Цѣна за номеръ была 4 крейцера, за годъ въ Аугсбургѣ, съ доставкой 25 фл., за одни Ordinari-Zeittungen 14 фл. Авторомъ ихъ называютъ Іеремію Крассера, гражданина и составителя газетъ въ Аугсбургѣ; самъ онъ говоритъ, что снабжаетъ своими извѣстіями многихъ сановныхъ лицъ въ Аугсбургѣ и его окрестностяхъ. Экземпляръ этого весьма содержательнаго печатнаго органа за 1568—1604 гг. находится въ вѣнской библіотекѣ [3]).

Газеты Фуггеровъ содержатъ регулярныя извѣстія изъ различныхъ частей Европы и съ Востока и даже изъ Персіи, Китая, Японіи и Америки. Рядомъ съ политическими новостями часто встрѣчаются сообщенія, касающіяся урожаевъ, цѣнъ, иногда сообщенія въ видѣ объявленій и длинный перечень вѣнскихъ фирмъ (какъ и гдѣ можно купить всякіе предметы въ Вѣнѣ). Появляются также литературныя сообщенія о новыхъ замѣчательныхъ книгахъ; имѣется даже извѣстіе о постановкѣ новой пьесы.

Какъ въ Аугсбургѣ, такъ и въ другихъ городахъ Германіи, мы находимъ отдѣльныхъ составителей авизъ (Zeitunger Novellisten), которые, состоя на службѣ у государей или у городовъ, занимались писаніемъ газетъ. Такъ, въ 1609 году саксонскій курфюрстъ Христіанъ II заключилъ съ Іоанномъ Рудольфомъ Эгингеромъ изъ Бальнгейма въ Ульмѣ договоръ, согласно которому Эгингеръ обязался за 100 фл. въ годъ доставлять ему извѣстія о событіяхъ въ Швейцаріи, Франціи и, разумѣется, въ Швабіи. Въ 1613 г. Гансъ Цейдлеръ за то же дѣло получалъ отъ саксонскаго двора 300 фл. годового жалованья, да еще 3319 талеровъ 6 грош. за расходы по

---

[1]) Steinhausen въ Archiv f. Post u. Tel. 1895, стр. 355 высказалъ по поводу этого лишь предположеніе, хотя и довольно убѣдительное.

[2]) Christoph Scheurl: Briefbuch, ein Beitrag zur Geschichte der Reformation und ihrer Zeit, изд. Sooden und Knaake. Potsdam 1867—72.

[3]) Sickel: Weimarisches Jahrbuch für die deutsche Sprache und Literatur, стр. 346.

собиранію извѣстій [1]). Въ то же время бамбергскій епископъ уплачивалъ нѣкоему доктору Гугелю изъ Нюренберга 20 фл. вознагражденія за присылку ему газетъ. Въ 1625 г. городъ Галле платилъ составителю авизъ, Іерониму Тейторну изъ Лейпцига, сумму въ 2 шока 8 гр. за четверть года, и еще въ 1662 году деличская ратуша была абонирована на лейпцигскую газетную корреспонденцію за плату въ 2 талера за четверть года. Нѣсколько лучше, повидимому, вознаграждались почтовые служащіе и гонцы—вѣроятно, вслѣдствіе большей цѣнности ихъ услугъ. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что въ 1615 году франкфуртскій почтовый чиновникъ Іоаннъ-фонъ-дѣръ Биргденъ, который снабжалъ авизами многихъ нѣмецкихъ государей [2]), получалъ отъ курмайнцскаго двора за еженедѣльную присылку газетъ 60 фл. въ годъ [3]).

Въ болѣе широкіе круги писанныя газеты и въ XVII столѣтія еще не успѣли проникнуть: онѣ были еще слишкомъ дороги.

Какъ въ Германіи и Италіи, такъ и во Франціи и Англіи существовали въ концѣ XVI и въ XVII ст. писанныя газеты. Во Франціи онѣ носили названіе Nouvelles à la main, а въ Англіи News Letters. И тутъ и тамъ онѣ составлялись по преимуществу въ столицахъ. Наиболѣе интереснымъ является развитіе газетнаго дѣла въ Парижѣ; можно даже утверждать, что собственно первая газета, предшествовавшая писанной, возникла въ Парижѣ. Это именно—газета разсказанная, устная [4]).

Въ бурныя времена XVI и XVII ст. ежедневно по вечерамъ на перекресткахъ, у Pont neuf, на площадяхъ собирались группы парижанъ, которые передавали другъ другу злободневныя новости и обсуждали ихъ. Какъ и слѣдовало ожидать, нѣкоторые изъ нихъ достигали виртуозности въ собираніи и передачѣ новостей. Вскорѣ дѣло сорганизовалось, такъ наз. Nouvellistes устраивали регулярно сборища, обмѣнивались извѣстіями, комментировали ихъ и высказывали различныя предположенія. Писатели того времени сильно осмѣиваютъ эти кружки; драматурги пользовались этой благодарной темой для комедій, и даже Монтескье посвятилъ имъ одно изъ забавнѣйшихъ Lettres Persanes [5]).

Что вначалѣ было времяпрепровожденіемъ для охотниковъ до новостей и праздношатающихся, стало вскорѣ для людей съ коммерческою жилкой промысломъ. Они брали на себя обязанность регулярно доставлять высокопоставленнымъ лицамъ новости. Знатные люди держали у себя «нувеллиста», подобно тому, какъ они дер-

---

[1]) C. D. Witzleben: Geschichte der Leipziger Zeitung. Leipzig 1860, стр. 5 и сл. Такихъ же газетныхъ агентовъ содержалъ Саксонскій дворъ въ 1629 году въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Брауншвейгѣ, Аугсбургѣ, Ульмѣ, Бреславлѣ, Гамбургѣ, Любекѣ, Прагѣ, Амстердамѣ, Гаагѣ и въ Венгріи.

[2]) Срвн. Opel: l. c. стр. 28, 66.

[3]) Faulhaber: Geschichte der Post in Frankfurt a. M. (Archiv. f. Frankf. Gesch. und Kunst. N. F. X.) стр. 31, 60 и слѣд.

[4]) Срвн. Hatin: Histoire de la presse en France, I, 32 и сл.

[5]) Oeuvres complètes, Paris 1857, стр. 87, письмо CXXX (Персидскія письма. Русск. перев. изд. Л. Ф. Пантелѣева. СПБ. 1892).

жали парикмахера и портного. Герцогъ Мазарини платилъ, напримѣръ, такому нувеллисту 10 ливръ въ мѣсяцъ

Вскорѣ кружки нувеллистовъ стали заводить себѣ и въ провинціи кліентовъ, которымъ новости могли сообщаться, конечно, только письменно. Каждый кружокъ имѣлъ свое редакціонное и копировальное бюро и свои особые источники придворныхъ и правительственныхъ извѣстій. Абоненты платили опредѣленную сумму, смотря по числу требуемыхъ ими въ недѣлю страницъ. Это и есть начало знаменитыхъ Nouvelles à la main, которыя, несмотря на многочисленныя преслѣдованія со стороны правительства, просуществовали почти до конца XVIII столѣтія и отчасти разсылались и въ другія страны [1]). Онѣ сохранились рядомъ съ печатными газетами главнымъ образомъ благодаря тому, что не разъ выдавали правительственныя тайны и позволяли себѣ критиковать общественныя условія [2]).

Въ Англіи News Lettres, снабжавшіе главнымъ образомъ помѣщиковъ столичными и придворными извѣстіями, сохранились еще и въ XVIII вѣкѣ. Мало того: печатавшіяся тогда газеты приспособились даже къ этой системѣ, выходя съ двумя печатными и двумя чистыми страницами для того, чтобы абоненты могли дѣлать приписки и посылать ихъ дальше [3]).

Мы видимъ такимъ образомъ, какъ почти одновременно во всѣхъ странахъ Европы возникаетъ въ качествѣ средства сообщеній—правда, весьма несовершеннаго,—рукописная газета, сохраняющаяся на протяженіи болѣе двухъ столѣтій. Замѣчательно, однако, то обстоятельство, что изготовленіе этихъ рукописныхъ извѣстій въ качествѣ профессіи нигдѣ не встрѣчается ранѣе изобрѣтенія печати. Самъ собой навязывается вопросъ: почему не прибѣгли къ печати въ цѣляхъ регулярной публикаціи извѣстій?

Простой отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ тотъ фактъ, что и въ молодыхъ колоніяхъ съ европейскимъ населеніемъ, привыкшимъ на родинѣ къ печатнымъ газетамъ, рукописныя газеты предшествуютъ печатнымъ, какъ, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ

---

[1]) Нѣкоторое представленіе о содержаніи этихъ листковъ даетъ Gazette de la Regence, Janvier 1715—Juin 1719, publiée d'après le manuscrit inédit conservé à la Bibliothèque royale de la Haye par le Comte E. de Barthélemy. Paris. 1887.

[2]) То же въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ. Joh Winckler: Die periodische Presse Oesterreichs, Wien, 1875. стр. 28 и сл. E. Friedländer: Sehr. d. Ver. f. d. Gesch. Berlins 1901.

[3]) Более подробно у Andrews: The history of British Journalism, I, стр. 14 и слѣд. Hatin: l. c. стр. 51. Joachim von Schwarzkopf (Ueber Zeitungen. Frankf. a. M. 1795), говоритъ, что и въ Германіи „нѣкоторыя по содержанію и по формѣ рукописныя газеты (въ Майнцѣ, Регенсбургѣ), въ виду большого числа абонентовъ, иногда прибѣгали къ печати“. Кромѣ того, онъ называетъ Вѣну, Мюнхенъ, Берлинъ и Ганноверъ въ качествѣ мѣстъ, изъ которыхъ разсылались листки, наполненные тайными мѣстными извѣстіями.

Сѣв. Америки въ началѣ XVIII столѣтія [1], въ колоніи Западная Австралія вплоть до 1830 г. [2]). Этотъ фактъ доказываетъ, что препятствіемъ къ примѣненію печати для публикаціи извѣстій было не столько стѣсненіе цензуры, сколько отсутствіе достаточнаго круга читателей, который обезпечивалъ бы необходимый для покрытія издержекъ по печатанію сбытъ.

Впрочемъ, отдѣльныя извѣстія изъ этихъ рукописныхъ газетъ, поскольку можно было предполагать интересъ къ нимъ и болѣе широкихъ круговъ, печатались уже съ конца XV столѣтія. Это были тѣ листки—«Einblattdrucke», въ 4—8 четвертушекъ, которые выпускались ловкими издателями подъ названіемъ «Newe Zeitung», и продавались на ярмаркахъ и рынкахъ; сборникъ этого рода листковъ можно найти въ любой старинной библіотекѣ [3]). Изъ найденныхъ до сихъ поръ самымъ раннимъ является сообщеніе о въѣздѣ Карла XIII въ Руанъ въ 1485 году, выпущенное однимъ нѣмецкимъ типографомъ въ Парижѣ на французскомъ языкѣ; далѣе сохранилось написанное по-нѣмецки извѣщеніе о положеніи плѣненнаго въ Брюгге императора Максимиліана въ 1484 году. Начиная съ этого времени мы находимъ такого рода печатныя извѣстія въ теченіе всего XVI столѣтія; нѣсколько рѣже они появляются въ XVII вѣкѣ, когда возникли періодическіе печатные органы, но исчезаютъ они лишь въ XVIII вѣкѣ. Наиболѣе древніе листки либо совсѣмъ не имѣютъ заглавія, либо заглавіе, часто весьма подробное, взято изъ самаго содержанія. Названіе «Zeitung» («газета») впервые употребляется для такого листка въ 1505 году. Но кромѣ того мы встрѣчаемъ различныя другія названія Brief, Relation, Mär, Nachricht, Beschreibung, Bericht, Historie, Aviso, Post, Postillon, Kurier, Fama, Depesche, Felleisen,—часто съ различными прилагательными: Umbständliche Nachricht, Warhaffte und eigentliche Beschreibung, Wolbedenkliche Beschreibung, Warhaffte Relation, Überschlag und Inhalt, Historischer Discurs und ausführliche Erklärung; очень часто: Neue und warhaffte Zeitung, Warhafftige und erschrockenliche Zeitung, Wunderbarliche, erschreckliche und erbärmliche Zeitung; въ Италіи: Relatione, Vera Relatione, Relatione perfetta e veridicca; во Франціи: Discours, Mémorables discours, Nouvelle, Récit, Courrier, Messager, Postillon, Merkure etc.; въ Англіи: Newes, Newe Newes, Thiding, Woful Newes, Wonderful and strange Newes, Lamentable News.

Какъ мы видимъ, заглавія отличаются рекламнымъ и кричащимъ характеромъ. Содержаніе листковъ весьма разнообразное: въѣзды государей, коронованія, свадьбы и похороны, войны, въ особенности осады и взятія городовъ и крѣпостей, казни, убій-

---

[1]) Frederic Hudson: Journalism in the United States from 1690 to 1830. New-York 1893; стр. 51 и слѣд.

[2]) Andrews l. c. II стр. 312 и слѣд.

[3]) Библіографію см. у Weller'a: Die ersten deutschen Zeitungen Bibliotek des literarischen Vereins I, Bd. LXI). Дополненіе къ этому въ „Germania" XXVI, 106.

ства, эпидемія, пожары и наводненія, чудесныя явленія на небѣ договоры съ дьяволомъ, колдовство и т. п. Но въ большинствѣ случаевъ эти листки содержатъ политическія извѣстія; разсужденія повсюду отступаютъ на второй планъ или ограничиваются моралью. Если на одномъ листкѣ сообщается нѣсколько извѣстій, то заглавіе гласитъ «Zwo (drey и т. д.) newe Zeitung». (Два, три и т. д. новыхъ извѣстія). «Le quattro relationi» (Четыре разсказа) и т. п. Рукописныя извѣстія—письма являются, правда, не единственнымъ, но самымъ главнымъ источникомъ этихъ поверхностныхъ произведеній печати. Обыкновенно отдѣльные листки выпускаются независимо одинъ отъ другого; лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются нѣсколько другъ за другомъ слѣдующихъ номеровъ, относящихся къ болѣе продолжительнымъ событіямъ, какъ, напримѣръ, походамъ, осадамъ, хотя о періодическомъ выходѣ въ свѣтъ еще не можетъ быть рѣчи. Многіе изъ нихъ написаны въ стихахъ или дѣйствительно представляютъ «историческія народныя пѣсни», которыя пѣлись на какую-либо извѣстную мелодію. Полемическія сочиненія, религіозныя разсужденія, оффиціальныя сообщенія также принимаютъ новую форму печатныхъ листковъ. Такимъ образомъ, эти летучіе листки какъ по формѣ, такъ и по содержанію подготовили путь для настоящей, періодически выходящей, печатной газеты, и еще тѣмъ способствовали ея появленію, что будили въ народѣ интересъ къ явленіямъ, выходящимъ за предѣлы собственнаго прихода.

Первые печатные періодическіе сборники извѣстій появляются еще въ XVI столѣтіи. Это были ежегодныя изданія, подъ названіемъ «Postreuter» содержаніе которыхъ близко подходитъ къ политическимъ обозрѣніямъ за годъ, содержащимся въ нашихъ народныхъ календаряхъ [1]).

Къ нимъ примыкаютъ полугодовые сборники извѣстій, такъ наз. Relationes semestrales или Messrelationen. Они были основаны въ 80-хъ годахъ XVI столѣтія Михаиломъ фонъ-Айцингомъ, заимствовали свой матеріалъ главнымъ образомъ изъ регулярныхъ извѣстій, получавшихся почтовыми чиновниками и купцами, и составляли въ теченіе болѣе двухъ столѣтій одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ сбыта на Франкфуртской, а вскорѣ и на Лейпцигской весенней и осенней ярмаркахъ [2]). Первая печатная еженедѣльная газета, о которой у насъ имѣются свѣдѣнія, появилась въ Страсбургѣ; экземпляръ ея за 1609 годъ имѣется въ гейдельбергской университет-

---

[1]) По мнѣнію Prutz'a (l. c., стр. 179) они появились уже въ серединѣ XVI столѣтія.

[2]) F. Stieve: Ueber die ältesten halbjährigen Zeitungen der Messrelationen und insbesondere über deren Begründer Frhrn. Michael von Aitzing Abh. der k. bayer. Akad. der Wiss. III. Cl. XVI, I. München 1881. Сравн. также Orth: Ausführl. Abhandlung von den berühmten zwoen Reichsmessen, so in der Reichsstadt Frankfurt a. M. jährlich abgehalten werden. Fkf. 1765, стр. 714 и слѣд.—Prutz, l. c., стр. 188 и слѣд. — J. von Schwarzkopf: Ueber politische und gelehrte Zeitungen in Frankfurt a M. 1802.

ской библіотекѣ, а отдѣльные номера слѣдующихъ годовъ сохранились въ цюрихской городской библіотекѣ [1]). По содержанію и формѣ она совершенно сходна съ рукописными ordinari-авизами, какіе доставлялись почтой каждую недѣлю изъ главныхъ центровъ обмѣна извѣстій. Примѣръ этотъ скоро нашелъ подражателей; особенно быстро число печатныхъ еженедѣльныхъ газетъ увеличилось въ началѣ тридцатилѣтней войны. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XVII столѣтія въ различныхъ нѣмецкихъ городахъ ихъ можно насчитать около двухъ дюжинъ. Издателями являются большею частью типографы; но во многихъ мѣстахъ почта, ссылаясь на регаліи, присвоила себѣ право выпускать печатные авизы—правда, не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. Въ то время, какъ во Франкфуртѣ, Лейпцигѣ, Мюнхенѣ, Кельнѣ, Гамбургѣ еще долгое время сохранялась прежняя связь между почтой и газетой, во многихъ другихъ мѣстахъ газетное дѣло совершенно перешло въ руки типографовъ, и это обстоятельство оказало большое вліяніе на его дальнѣйшее развитіе.

Печатныя газеты, выходящія въ опредѣленные короткіе промежутки времени, мы впервые находимъ въ Германіи. Претензіи англичанъ и голландцевъ на честь созданія первыхъ печатныхъ еженедѣльныхъ газетъ теперь, надо полагать, уже оставлены. Англія не имѣла еженедѣльной газеты до 1622 г., Голландія—до 1626 г.; первая французская еженедѣльная газета вышла въ 1631 году.

Можетъ показаться страннымъ, что отъ полугодовыхъ изданій сразу совершился переходъ не къ ежемѣсячнымъ, а прямо къ еженедѣльнымъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что какъ собираніе извѣстій, такъ и распространеніе газетъ должны были приспособляться къ тогдашнимъ своеобразнымъ условіямъ обмѣна и транспорта. Наиболѣе важными въ этомъ отношеніи были ярмарки и почта. Полугодовыя ярмарки давали возможность распространять печатныя извѣстія изъ крупнаго центра, гдѣ скоплялись товары и люди, во всѣ стороны вплоть до наиболѣе отдаленныхъ мѣстностей. Почта же ходила по главнымъ путямъ сообщенія каждую недѣлю туда и обратно. Скачекъ отъ полугодовыхъ къ еженедѣльнымъ извѣстіямъ былъ, слѣдовательно, обусловленъ самымъ положеніемъ вещей.

Переходъ къ еженедѣльнымъ газетамъ послужилъ собственно настоящимъ толчкомъ къ развитію современной періодической печати. Но все же прошло еще не мало времени до появленія первыхъ ежедневныхъ газетъ. Въ Германіи это произошло въ 1660 году («Leipziger Zeitung»), въ Англіи въ 1702 («Daily Courant»), во Франціи 1777 году («Journal de Paris»).

Я не имѣю намѣренія прослѣдить это развитіе дальше, вплоть до появленія современныхъ всемірныхъ газетъ, выходящихъ три

---

[1]) Opel, l. c., стр. 44 и слѣд.

раза въ день [1]). Эти отличаются отъ рукописной газеты XVI вѣка не столько грандіозностью организаціи по доставкѣ извѣстій и быстротою ихъ распространенія, сколько разнообразіемъ матеріала, развитіемъ отдѣла объявленій и тѣмъ вліяніемъ, какое онѣ оказываютъ на общественное мнѣніе, а вслѣдствіе этого, и на судьбу народовъ.

Сложная организація собиранія извѣстій, съ которой мы познакомились выше, для XVI столѣтія была, безъ сомнѣнія, замѣчательна. Въ ней мы находимъ въ нѣкоторомъ родѣ современную черту—соединеніе отдѣльныхъ силъ, между которыми распредѣленъ трудъ, для достиженія общей цѣли. Въ области собиранія извѣстій съ XVI вѣка не сдѣлано почти никакихъ успѣховъ. Все дальнѣйшее развитіе въ этомъ отношеніи сводится къ отдѣленію собиранія извѣстій отъ ихъ распространенія (почта) и къ предпринимательскому характеру организаціи перваго въ видѣ корреспондентскихъ бюро и телеграфныхъ агентствъ. Къ послѣднимъ перешла роль прежнихъ почтовыхъ чиновниковъ и составителей авизъ, съ тою только разницей, что они работаютъ не непосредственно на газетнаго читателя, а доставляютъ лишь полуфабрикаты газетному предпринимателю, пользуясь при этомъ усовершенствованными средствами сообщенія.

Далѣе, публикація извѣстій послѣ примѣненія печати получила, подъ вліяніемъ послѣдней, своеобразное развитіе. Вначалѣ издатель печатной періодической газеты ничѣмъ не отличался отъ издателя всякаго другого произведенія печати, напримѣръ, брошюры или книги: его задача состояла въ умноженіи количества экземпляровъ литературнаго произведенія и продажѣ ихъ, и никакого вліянія на содержаніе онъ не оказывалъ. Издатель газеты («Zeitungshändler») доставлялъ на рынокъ печатныя почтовыя извѣстія—ordinari, подобно тому, какъ другой издатель преподносилъ публикѣ книгу снадобій или изданіе какого-либо изъ древнихъ авторовъ.

Но вскорѣ это измѣнилось. Легко было замѣтить, что содержаніе газетнаго номера не представляетъ собою того законченнаго цѣлаго, какъ содержаніе книги или брошюры. Соединенныя въ немъ, собранныя изъ различныхъ источниковъ извѣстія были неодинаково достовѣрны. Явилась потребность въ подборѣ ихъ и критическомъ къ нимъ отношеніи, при чемъ легко можно было провести опредѣленную тенденцію въ области политическихъ или церковныхъ вопросовъ. Это обстоятельство имѣло особенно существенное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ въ газетахъ стали обсуждаться политическіе вопросы дня и ими стали пользоваться какъ средствомъ для распространенія партійныхъ взглядовъ.

Впервые это имѣло мѣсто въ Англіи во время долгаго парламента и революціи 1649 года, затѣмъ въ Нидерландахъ и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ имперскихъ городахъ. Во Франціи этотъ пе-

---

[1]) О новѣйшемъ развитіи сравн. мою статью въ „Kultur der Gegenwart“ I, 1, стр. 493 и сл.

реворотъ совершился лишь во время революціи, а въ большинствѣ другихъ странъ не ранѣе XIX столѣтія. Газеты изъ простыхъ учрежденій превратились въ носителей и руководителей общественнаго мнѣнія и стали средствомъ борьбы въ области партійной политики.

Въ отношеніи внутренней организаціи газетнаго предпріятія это имѣло то послѣдствіе, что между собираніемъ и публикаціей извѣстій вдвинуто было новое звено—редакція. Для газетнаго же издателя это имѣло то значеніе, что онъ, оставаясь продавцомъ новостей, сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ и торговцемъ общественнымъ мнѣніемъ.

Первоначально это обстоятельство не имѣло иныхъ дурныхъ послѣдствій, кромѣ возможности для издателя свалить часть риска, съ которымъ было сопряжено его предпріятіе, на партійную организацію, на заинтересованную группу лицъ или на правительство. Если направленіе газеты не нравилось читателямъ, они переставали ее покупать; слѣдовательно, ихъ потребности въ концѣ концовъ опредѣляли содержаніе газеты.

Постепенно увеличивающееся распространеніе печатныхъ газетъ побудило, однако, вскорѣ и правительственныя учрежденія воспользоваться ими для оффиціальныхъ сообщеній, а съ первой четверти XVIII столѣтія къ этому присоединились и частныя объявленія [1]). Благодаря возникновенію такъ наз. экспедиціонныхъ конторъ для объявленій, постановка этой стороны газетнаго дѣла получила въ настоящее время такую же организацію, какъ собираніе политическихъ извѣстій, сосредоточивающееся въ рукахъ спеціальныхъ корреспондентскихъ бюро.

Съ присоединеніемъ отдѣла объявленій газета заняла своеобразное двойственное положеніе. Она даетъ за подписную плату не только новости и взгляды, которые возбуждаютъ общественный интересъ, но служитъ также частному обмѣну и частнымъ интересамъ посредствомъ всевозможнаго рода объявленій, за которыя она взимаетъ особую плату. Она продаетъ новости своимъ читателямъ, но продаетъ и кругъ своихъ читателей всякому платежеспособному частному интересу. Въ той же газетѣ, нерѣдко на той же страницѣ, гдѣ обсуждаются или должны обсуждаться высшіе человѣческіе интересы, разыгрываются страсти корыстолюбивыхъ покупателей и продавцовъ, и непосвященный нерѣдко затрудняется различить, гдѣ кончаются общественные и начинаются частные интересы.

Это тѣмъ болѣе опасно, что въ теченіе XIX столѣтія содержаніе редакціонной части газетъ охватило почти всю область человѣческихъ интересовъ. Общая политика, государственное и мѣстное управленіе, право, искусство во всѣхъ его проявленіяхъ, техника, экономическая и соціальная жизнь во всѣхъ ея разнообразныхъ

---

[1]) Первоначально въ спеціальныхъ листкахъ для объявленій, т. наз. Intelligenzblätter, которые издавались общими посредническими бюро (справочными и информаціонными конторами). Срвн. F. Mangold въ „Basler Jahrb"., 1897.

развѣтвленіяхъ—все это отражается въ ежедневной прессѣ; съ развитіемъ фельетона и значительная часть художественныхъ и даже научныхъ произведеній также вливается въ этотъ громадный потокъ соціально-духовной жизни современности. Книга, какъ форма печатнаго произведенія—въ этомъ мы-писатели менѣе всего должны обманывать себя—теряетъ изъ года въ годъ свое значеніе.

Я не могу и не нахожу нужнымъ останавливаться здѣсь дольше на этихъ предметахъ. Этой бѣглой экскурсіей въ область современной организаціи газетнаго дѣла я имѣлъ только въ виду дать очеркъ его историческаго развитія и указать, насколько во всѣ времена организація обмѣна извѣстій обусловливалась всей совокупностью хозяйственныхъ явленій.

Римская газета есть звено въ автономномъ хозяйствѣ богатаго аристократическаго дома. Патрицій держитъ у себя газетнаго писца, какъ держитъ врача или библіотекаря. Въ большинствѣ случаевъ онъ является собственностью своего читателя, его рабомъ, работающимъ по указаніямъ господина.

Въ рукописной газетѣ XVI столѣтія мы находимъ тотъ же ремесленный способъ производства, какъ и во всѣхъ отрасляхъ экономической дѣятельности того времени. Составитель ея доставляетъ на заказъ, за особое вознагражденіе, собранныя имъ извѣстія непосредственно кругу своихъ кліентовъ и въ выборѣ матеріала сообразуется, конечно, съ ихъ потребностями. Онъ въ одномъ лицѣ соединяетъ функціи репортера, редактора и издателя.

Современная газета представляетъ собой капиталистическое предпріятіе, своего рода фабрику новостей, въ которой трудъ многообразно подраздѣленъ между большимъ числомъ лицъ (корреспондентами, редакторами, наборщиками, корректорами, рабочими, приставленными къ машинамъ, посредниками по пріему объявленій, экспедиторами, посыльными и т. п.), работающихъ за плату подъ объединяющимъ руководствомъ опредѣленнаго лица; она производитъ товаръ для неизвѣстнаго круга читателей, нерѣдко вдобавокъ отдѣленнаго отъ нея промежуточными звеньями (разносчики, почтовыя учрежденія). Качество товара опредѣляется уже не простыми потребностями читателя или кліентелы, а весьма сложными условіями конкурренціи на газетномъ рынкѣ. А на этомъ рынкѣ, какъ и вообще на товарномъ рынкѣ, потребитель,—въ данномъ случаѣ: газетный читатель,—не оказываетъ непосредственнаго вліянія; качество товара опредѣляется крупными торговцами и спекулянтами извѣстій: правительствами, зависимыми отъ нихъ телеграфными агентствами, собственными корреспонденціями, политическими партіями, художественной и научной кликой, биржевиками и, наконецъ, быть можетъ въ наибольшей степени, агентствами для объявленій и отдѣльными крупными заказчиками объявленія.

Каждый номеръ большой ежедневной газеты, выходящей въ настоящее время, представляетъ собою чудесное произведеніе капиталистически организованнаго народно-хозяйственнаго раздѣленія

труда и машинной техники, средство духовнаго и экономическаго общенія, въ которомъ какъ въ фокусѣ соединились результаты дѣйствія всѣхъ прочихъ средствъ сообщенія—желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфа и телефона. Однако, подобно тому, какъ ни на одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ капитализмъ касается духовной жизни, нашъ глазъ не можетъ остановиться съ удовлетвореніемъ, такъ и здѣсь мы не можемъ вполнѣ радоваться этому пріобрѣтенію современной культуры, и съ трудомъ вѣрится, что газета въ ея современной формѣ представляетъ высшую и послѣднюю ступень развитія въ области обмѣна извѣстій.

VII.

Соединеніе труда и сотрудничество.

Едва-ли найдется въ Германіи учебникъ или университетскій курсъ политической экономіи, въ которомъ нельзя было бы встрѣтить понятія «соединенія труда» и нѣсколькихъ замѣчаній по поводу него. Многаго сказать о немъ, въ сущности, никто не можетъ. Но это понятіе существуетъ, занимаетъ по обычаю опредѣленное мѣсто непосредственно за «раздѣленіемъ труда», гдѣ удостаивается иногда отдѣльнаго параграфа, а уже болѣе въ книгѣ или лекціяхъ не встрѣчается.

Такъ происходитъ дѣло въ теченіе болѣе чѣмъ полустолѣтія. Но такъ какъ наука не можетъ сохранить понятій, которыя не въ состояніи раскрыть сущность того или другого круга явленій, только по тому одному, что они уже существуютъ, то необходимо, наконецъ, заняться и этой забытой ветошью — съ цѣлью либо отдѣлаться отъ нея, если она никуда не годится, либо поставить на надлежащее мѣсто, если она можетъ быть полезной для нашего познанія.

Судя по учебникамъ, соединеніе труда представляетъ собою ни болѣе, ни менѣе какъ «обратную сторону раздѣленія труда» или «раздѣленіе труда съ точки зрѣнія объединяющаго цѣлаго» [1], «дополненіе къ раздѣленію труда» [2], «оборотную сторону медали, лицевую сторону которой составляетъ раздѣленіе труда» [3]. Все это довольно расплывчатыя выраженія, исходной точкой которыхъ является, повидимому, предположеніе, что если трудъ раздѣляется на части, то онъ долженъ быть вновь соединенъ, ибо отдѣльныя части не могутъ существовать сами по себѣ. При этомъ либо понятіе раздѣленія труда устанавливается очень узко (въ смыслѣ, напримѣръ, булавочной фабрики Адама Смита), и тогда объединяющую силу составляетъ предпринимательскій капиталъ; либо понятіе берется шире, — подъ него подводятся и такъ называемое общественное раздѣленіе труда, тогда соединяющимъ элементомъ является хозяйственный оборотъ, и соединеніе труда будетъ такимъ обра-

---

[1]) Оба опредѣленія у Philippovich'a: Grundriss der polit. Oekonomie, 6 изд., стр. 89.

[2]) Mangoldt: Grundriss der Volkswirtschaftslehre § 29.

[3]) Kleinwächter: Die volksw. Production въ Schönbergs Handbuch, § 13.

вомъ равнозначущю основанной на обмѣнѣ цѣнностей организаціи хозяйства.

Такъ дѣйствительно понималъ соединеніе труда Рошеръ, который обстоятельно изучилъ этотъ предметъ [1]), и отъ него исходили всѣ новѣйшіе изслѣдователи. Раздѣленіе труда и соединеніе труда представляютъ, по его мнѣнію, «лишь двѣ различныя стороны одного и того же понятія общественнаго труда: раздѣленіе работъ— поскольку онѣ могли бы мѣшать другъ другу, и соединеніе ихъ— поскольку онѣ другъ другу содѣйствуютъ». «Виноградарь или крестьянинъ, разводящій ленъ», продолжаетъ онъ, «должны были бы умереть съ голоду, если бы они не разсчитывали съ увѣренностью на хлѣбопашца: рабочій, изготовляющій на булавочной фабрикѣ головки, чтобы трудъ его не пропалъ даромъ, долженъ быть увѣренъ въ своемъ товарищѣ, шлифующемъ остріа; трудъ купца прямо немыслимъ безъ труда различныхъ производителей, посредникомъ между которыми онъ является».

Такимъ образомъ, все разсматриваемое явленіе расплывается здѣсь въ туманѣ хозяйственнаго обмѣна и общей организаціи хозяйства; оно совпадаетъ съ народнымъ хозяйствомъ вообще. Притомъ оно совершенно утрачиваетъ логическое соотношеніе съ раздѣленіемъ труда. И дѣйствительно, въ дальнѣйшемъ Рошеръ уже говоритъ только о непрерывности культурнаго развитія, благодаря умноженію каждымъ поколѣніемъ полученнаго имъ отъ предковъ наслѣдства, затѣмъ о преимуществахъ крупныхъ предпріятій и ассоціацій мелкихъ, причемъ вопросъ о трудѣ въ концѣ концовъ совсѣмъ исчезаетъ изъ виду.

Въ этой главѣ Рошеръ всецѣло покоится на Фридрихѣ Листѣ [2]), который въ своей теоріи развитія производительныхъ силъ народа впервые, насколько мнѣ извѣстно, употребилъ въ Германіи выраженіе «соединеніе труда» и своеобразно его примѣнилъ. Исходя изъ критики «естественнаго закона» раздѣленія труда, Листъ полагаетъ, что ни Адамъ Смитъ, ни его послѣдователи не проникли въ сущность этого закона и не прослѣдили его до конца. Уже самое выраженіе «раздѣленіе труда», по его мнѣнію, не выдерживаетъ критики и должно неминуемо вести къ неправильному представленію. Далѣе онъ говоритъ: «мы имѣемъ передъ собой раздѣленіе труда, когда дикарь въ одинъ и тотъ же день охотится, ловитъ рыбу, рубитъ дрова, чинитъ свой вигвамъ, изготовляетъ оружіе, сѣти, одежду; но мы имѣемъ раздѣленіе труда и тогда, когда, какъ показываетъ на примѣрѣ Адамъ Смитъ, десять различныхъ лицъ распредѣляютъ между собой различныя встрѣчающіяся въ производствѣ булавокъ работы. Первое есть объективное, второе—субъективное раздѣленіе труда; первое вредно для производства, вто-

---

[1]) System der Volkswirtschaft I, §§ 61—66 (Вильгельмъ Рошеръ: Начала народнаго хозяйства. Русск. перев. И. Бабста. Т. I. 1862 г. стр. 104—125).

[2]) Das nationale System der politischen Oekonomie стр. 222 и сл.

рое—полезно. Существенная разница между обоими заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ *одно* лицо дѣлитъ свой трудъ на части, чтобы произвести *различные* предметы, во второмъ же случаѣ *нѣсколько* лицъ дѣлятъ между собой трудъ по производству *одного* и того же предмета».

«Съ другой стороны», говорится далѣе, «оба дѣйствія могутъ съ одинаковымъ правомъ быть названы *соединеніемъ* труда: дикарь соединяетъ различнаго рода трудъ въ своемъ лицѣ; при производствѣ же булавокъ многія лица соединяются вмѣстѣ для производства общими силами. Сущность естественнаго закона, которымъ объясняютъ важнѣйшія явленія общественнаго хозяйства, заключается, очевидно, не только въ раздѣленіи труда вообще, но и въ раздѣленіи различныхъ функцій между многими лицами, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ соединеніи этихъ функцій и силъ въ цѣляхъ совмѣстнаго производства. Продуктивность этихъ операцій обусловливается въ сущности не столько раздѣленіемъ, сколько именно этимъ соединеніемъ ихъ».

О послѣднемъ Листъ распространяется и далѣе и стремится вывести изъ этого необходимость установленія гармоніи производительныхъ силъ народа. Наиболѣе совершенное раздѣленіе функцій и наиболѣе полное соединеніе производительныхъ силъ въ производствѣ матеріальныхъ благъ достигается, по его мнѣнію, соединеніемъ земледѣлія и промышленности. Народъ, занимающійся только земледѣліемъ, подобенъ индивиду, у котораго не хватаетъ руки.

Если выкинуть изъ этихъ разсужденій остроумную риторику великаго агитатора, то мы увидимъ, что онъ, какъ это мы можемъ вообще нерѣдко констатировать, несправедливъ къ Адаму Смиту. Смитъ—Листъ это вполнѣ признаетъ—вовсе не упустилъ изъ виду, что раздѣленіе труда обусловливаетъ взаимодѣйствіе силъ (cooperation); въ концѣ своей знаменитой главы о раздѣленіи труда [1]) онъ ясно говоритъ, что благодаря этому joint labour, чернорабочій въ цивилизованной странѣ въ состояніи болѣе всесторонне удовлетворять свои потребности, чѣмъ негритянскій король въ Африкѣ. Но онъ хорошо понималъ, что нельзя разсматривать этотъ входящій въ составъ раздѣленія труда и тождественный съ нимъ фактъ какъ особое экономическое явленіе. Что толку называть одно и то же явленіе то раздѣленіемъ, то соединеніемъ труда, въ зависимости отъ того, съ какой стороны мы будемъ на него смотрѣть. Образъ дѣйствія индѣйца, который подрядъ охотится, ловитъ рыбу, рубитъ дрова и т. д., Адамъ Смитъ, конечно, не призналъ бы особымъ видомъ раздѣленія труда; онъ, напротивъ, обозначилъ бы его, какъ нераздѣленный трудъ [2]), какъ состояніе общества, повсюду пред-

---

[1]) Книга I, глава I въ концѣ (Адамъ Смитъ: Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ. Русск. пер. П. А. Бибикова. Спб. 1866, стр. 111).

[2]) Понятіе раздѣленія труда у Смита разсматривается подробно въ слѣдующемъ очеркѣ.

шествовавшее раздѣленію труда. Раздѣленіе труда составляетъ для него нѣчто иное, чѣмъ раздѣленіе времени.

Момента времени въ его отношеніи къ приложенію труда Фр. Листъ подробно касается въ другомъ мѣстѣ [1]). Онъ выясняетъ тамъ, что различныя отрасли промышленности въ странѣ лишь мало по малу усваиваютъ болѣе совершенные способы производства, обзаводятся усовершенствованными машинами, зданіями, пріобрѣтаютъ навыкъ въ данной области производства и всѣ тѣ знанія и связи, которыя обезпечиваютъ имъ наиболѣе выгодное пріобрѣтеніе сырого матеріала, и наиболѣе выгодный сбытъ издѣлій. По его мнѣнію, легче усовершенствовать и расширить уже существующее предпріятіе, чѣмъ основать новое, легче производить прекрасные продукты высокаго качества по доступнымъ цѣнамъ въ отрасли промышленности, давно уже существующей въ странѣ, чѣмъ въ отрасли, вновь возникшей. «Какъ и во всѣхъ человѣческихъ начинаніяхъ, такъ и въ области промышленности въ основѣ всего совершеннаго лежитъ естественный законъ, имѣющій много общаго съ закономъ раздѣленія труда и соединенія производительныхъ силъ; сущность этого закона заключается въ томъ, что нѣсколько слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній какъ бы соединяютъ свои силы для одной и той же цѣли, словно распредѣляя между собой необходимыя для достиженія ея усилія». Листъ называетъ это принципомъ непрерывности и преемственности и старается доказать его вліяніе на цѣломъ рядѣ историческихъ примѣровъ (большая мощь наслѣдственной монархіи по сравненію съ выборной монархіей, передача человѣческихъ знаній посредствомъ письменности, вліяніе кастоваго дѣленія на сохраненіе и развитіе искусности въ области, постройка средневѣковыхъ соборовъ нѣсколькими поколѣніями). Даже государственные долги, при которыхъ «настоящее поколѣніе выдаетъ вексель на будущее», приводятся въ качествѣ особенно яркаго примѣра приложенія принципа преемственности.

Не трудно замѣтить, что все это у Листа только риторически разукрашенная аналогія соединенію труда. Но это обстоятельство не помѣшало позднѣйшимъ изслѣдователямъ вопроса сдѣлать изъ «преемственности» особый видъ соединенія труда, хотя они легко могли бы убѣдиться въ томъ, что оно вообще не представляетъ явленія, присущаго только хозяйству. Преемственность есть общій историческій принципъ соціальнаго развитія, которымъ человѣчество отличается отъ міра животныхъ. Каждое животное начинаетъ новое однородное съ другими существованіе, которое, насколько мы знаемъ, протекаетъ въ настоящее время такъ же, какъ тысячу лѣтъ назадъ, безслѣдно, безъ всякой исторіи. Напротивъ, каждое человѣческое поколѣніе воспринимаетъ всѣ пріобрѣтенія цивилизаціи прошедшихъ поколѣній и, умноживъ ихъ, передаетъ потомству. Это относится не только къ производству матеріальныхъ благъ, но и къ искусству, наукѣ, религіи, праву, нравамъ. Если такимъ образомъ преемствен-

[1]) Стр. 409 и сл.

ность представляетъ одну изъ основъ и элементарныхъ предпосылокъ человѣческаго существованія, то нѣтъ основанія спеціально заниматься ею при изученіи примѣненія труда въ хозяйствѣ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи она не открываетъ новыхъ точекъ зрѣнія.

Нѣкоторые учебники указываютъ однако еще на третій видъ соединенія труда, который имѣетъ мѣсто, «когда нѣсколько человѣкъ одновременно дѣлаютъ то же самое, но благодаря соединенію ихъ все же достигается болѣе значительный результатъ, чѣмъ если бы они работали порознь». К. Г. Рау, приводя между прочимъ этотъ случай [1]), указываетъ на временныя артели дровосѣковъ, сплавщиковъ лѣса, косцовъ. Дѣйствительно, хотя приведенный образъ дѣйствія не представляетъ собою раздѣленія труда, тѣмъ не менѣе и здѣсь, благодаря одновременному труду многихъ, достигается повышеніе производительности труда каждаго. Такимъ образомъ, и этотъ случай, какъ и приведенный Листомъ примѣръ производящаго разнообразныя работы индѣйца, не вполнѣ покрывается понятіемъ раздѣленія труда и можетъ составить объектъ самостоятельнаго научнаго изслѣдованія.

Безъ сомнѣнія, основаніемъ для образованія понятія соединенія труда и его продолжительнаго примѣненія въ научной литературѣ послужило смутное ощущеніе, что долженъ существовать экономическій принципъ, противоположный раздѣленію труда. Имъ не можетъ быть кооперація, ибо она тождественна съ извѣстными формами раздѣленія труда [2]), она—его обратная сторона». Какой же это принципъ?

Всякое раздѣленіе труда есть приспособленіе труда къ ограниченной человѣческой силѣ. Оно имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда существуетъ качественное несоотвѣтствіе между работой, которую необходимо выполнить, и трудоспособностью отдѣльнаго человѣка [3]).

Но можетъ существовать и количественное несоотвѣтствіе между обоими факторами, при томъ двоякаго рода: 1) предстоящая работа можетъ быть менѣе значительна, чѣмъ сила, находящаяся въ

---

[1]) K. H. Rau: Grundsätze der Volkswirtschaftslehre I, § 116 (a). Рау ссылается на Gioja, который въ своемъ Nuovo prospetto delle scienze economiche (I, 87 и сл.) упоминаетъ объ этомъ явленіи. Впрочемъ, на него обратилъ вниманіе и Hermann: Staatsw. Untersuchungen, 2 изд. стр. 217,—и обозначилъ какъ „простѣйшее соединеніе труда“ („einfachste Arbeitsverbindung“). Подобнымъ же образомъ французы отличаютъ coopération simple отъ coop. complexe, отождествляя послѣднюю съ раздѣленіемъ труда (division du travail). Срвн. Cauwès: Cours d'Econ. I, § 225.

[2]) Напримѣръ, съ расчлененіемъ труда и съ раздѣленіемъ производства, но не съ раздѣленіемъ на самостоятельныя профессіи. Если вмѣсто врача, который лечитъ всѣ болѣзни, появляются различные спеціалисты, то между ними все же ни посредствомъ обмѣна, ни инымъ способомъ не возникаетъ „соединенія труда“, подобнаго тому, какое имѣетъ мѣсто между различными рабочими одной и той же фабрики.

[3]) Срвн. слѣдующій очеркъ.

распоряженіи человѣка; 2) она можетъ быть болѣе послѣдней, такъ что отдѣльный человѣкъ не въ состояніи справиться съ работой.

Въ первомъ случаѣ человѣческая сила не была бы использована до конца, если бы рабочій ограничился этой одной работой. Часть его работоспособности пропала бы даромъ; произошла бы нехозяйственная трата силъ. Данная работа не могла бы также стать самостоятельной профессіей, источникомъ пропитанія человѣка. Рабочій уже съ точки зрѣнія своей частно-хозяйственной выгоды постарается соединить съ ней другой трудъ, который бы заполнилъ свободное время, и такой образъ дѣйствія можно, слѣдовательно, обозначить какъ соединеніе (комбинація) труда.

Во второмъ случаѣ одинъ человѣкъ вообще не въ состояніи одолѣть самъ необходимой работы, или можетъ ее выполнить только съ несоотвѣтственно огромной затратой времени и труда. Одинъ рабочій въ крайнемъ случаѣ могъ бы, конечно, съ помощью ручной пилы распилить стволъ дерева на доски. Но сколько усилій и времени понадобилось бы для этого! Съ двумя рабочими и большой пилой дѣло пойдетъ не только абсолютно, но и относительно лучше. Такой способъ практикуется и теперь еще при деревенскихъ постройкахъ. Соединеніе рабочихъ дѣлаетъ трудъ каждаго въ отдѣльности производительнѣе. Однако во избѣжаніе грубѣйшаго смѣшенія понятій, мы уже не можемъ назвать этотъ процессъ соединеніемъ труда, а въ лучшемъ случаѣ можемъ обозначить его какъ соединеніе трудящихся [1]. Болѣе правильнымъ будетъ — особенно въ виду разновидностей этого рода организаціи труда, о которыхъ рѣчь впереди — назвать его сотрудничествомъ (Arbeitsgemeinschaft), тѣмъ болѣе, что этимъ словомъ яснѣе выражается и тотъ личный элементъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

Такимъ образомъ, соединеніемъ труда будетъ соединеніе разнородныхъ работъ въ однѣхъ рукахъ, а сотрудничествомъ — одновременное участіе нѣсколькихъ рабочихъ въ исполненіи одной и той же работы. При соединеніи труда тотъ же производитель изготовляетъ различные продукты или же соединяетъ производство съ торговлей или личными услугами; при сотрудничествѣ нѣсколько рабочихъ производятъ совмѣстно одинъ продуктъ. Тамъ соединительное звено находится въ трудящемся субъектѣ, здѣсь — въ объектѣ труда.

Оба процесса совершенно самостоятельны и независимы отъ раздѣленія труда. Конечно, они имѣютъ значеніе главнымъ образомъ на раннихъ ступеняхъ развитія и въ наиболѣе отсталыхъ сферахъ развитаго народнаго хозяйства. Можно было бы даже сообразно этому различать двѣ ступени экономическаго развитія народовъ: низшую, на которой преимущественно проводятся при-

---

[1]) Или, въ отличіе отъ перваго случая, слѣдовало бы называть это "субъективнымъ" (личнымъ) соединеніемъ труда, а первый случай — объективнымъ (вещественнымъ) соединеніемъ труда.

ципъ соединенія труда и сотрудничества, и высшую, на которой преобладаетъ принципъ раздѣленія труда. И точно также въ современномъ народномъ хозяйствѣ можно было бы различать двѣ области соціальной жизни: одну — съ ясно выраженнымъ раздѣленіемъ труда, другую — характеризуемую соединеніемъ труда и сотрудничествомъ.

1. *Соединеніе труда.*

Соединеніе труда мы встрѣчаемъ уже въ ранній періодъ исторіи развитія народовъ. Собственно говоря, оно существуетъ уже повсемѣстно, коль скоро пройдена ступень индивидуальныхъ поисковъ пищи, и въ дѣйствіяхъ человѣка начинаютъ проявляться, правда весьма примитивныя еще, экономическія соображенія. Ибо здѣсь мы уже повсюду замѣчаемъ двѣ рѣзко отграниченныя другъ отъ друга сферы производства, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, имѣетъ многообразный составъ. Одна область обнимаетъ мужской, другая—женскій трудъ [1]. Тотъ же порядокъ, съ незначительными отклоненіями, мы встрѣчаемъ въ главныхъ его чертахъ почти у всѣхъ стоящихъ на болѣе высокой ступени развитія нецивилизованныхъ народовъ, и нельзя не признать въ этомъ извѣстной инстинктивной планомѣрности. О существовавшемъ будто бы между мужчиной и женщиной раздѣленія труда нельзя, конечно, говорить серьезно, ибо судя по тому, что намъ извѣстно, никогда работа, производимая однимъ изъ половъ, не выполнялась другимъ.

Такія условія естественно установились, надо полагать, еще въ первобытныя времена. Во всякомъ случаѣ ошибочно предположеніе, будто болѣе сильный мужчина «взвалилъ» на женщину работы, которыя ему необходимо было выполнить. Вѣрнѣе, каждый полъ постепенно, по собственному побужденію и подъ вліяніемъ созданной условіями жизни необходимости, отмежевалъ себѣ особую область производства, выработалъ въ себѣ необходимую для него сноровку, скопилъ, путемъ опыта, соотвѣтствующія свѣдѣнія. Благодаря непрерывной передачѣ по наслѣдству въ предѣлахъ одного и того же пола, эти двѣ области труда стали почти что половыми признаками или характерными функціями даннаго пола. Наслѣдственный трудъ женщины, незнакомый мужчинѣ, былъ какъ бы природнымъ ея украшеніемъ, вызывавшимъ уваженіе къ ней со стороны мужчины, придававшимъ ей цѣнность, и если даже справедливо утверждаютъ, что отсюда возникъ взглядъ на женщину, какъ на собственность мужчины, то съ другой стороны не менѣе пра-

[1] Подробно объ этомъ см. выше стат.: „Первобытное хозяйство“ и „Экономич. бытъ совр. нецивил. народовъ“, стр. 12, 38 и сл.

вильно и то, что важная роль, какую женщина играла въ производствѣ, болѣе всего способствовала тому, что изъ грубаго, основаннаго только на половомъ влеченіи отношенія между мужчиной и женщиной первобытныхъ временъ, развилась совмѣстная жизнь, въ которой женщина достигла въ концѣ концовъ равнаго съ мужчиной положенія.

Экономическое значеніе соединенія различнаго рода труда въ рукахъ каждаго изъ половъ заключалось главнымъ образомъ въ его воспитательномъ характерѣ. Оно, такъ сказать, само собою вынуждало,—по крайней мѣрѣ, женщинъ,—сообразоваться съ временемъ при посѣвѣ и жатвѣ, а затѣмъ и придерживаться кой-какого, хотя и грубаго, распорядка дня. Особенное значеніе имѣло то, что трудъ по приготовленію муки съ помощью ручныхъ жерновов, практикуемый и теперь еще у большинства нецивилизованныхъ народовъ, требуетъ значительной траты времени, такъ что для прокормленія 3 — 4 человѣкъ необходимъ трудъ одной женщины [1]). Въ этомъ заключается одна изъ главныхъ причинъ сохраненія у этихъ народовъ многоженства и терпимаго отношенія къ нему со стороны женщины. Ибо новая жена, взятая въ домъ, всегда является для прежнихъ женъ помощницей, облегчающей ихъ участь, и поэтому понятно, что большое количество женъ составляетъ признакъ богатства. Можно смѣло сказать, что экономія въ распредѣленіи времени, съ появленіемъ которой лишь начинается правильное хозяйство, имѣетъ свои корни именно въ соединеніи труда со стороны женщины.

И когда по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія произошли большія измѣненія въ отношеніи разграниченія областей труда между полами, при чемъ женщина все болѣе отодвигалась въ сферу регулированія потребленія въ хозяйствѣ, тогда какъ почти все производство сосредоточилось въ рукахъ мужчины, — принципъ раздѣленія труда нашелъ себѣ приложеніе только въ промышленной дѣятельности мужчины, между тѣмъ какъ женщина все еще соединяла въ домашнемъ хозяйствѣ разнообразныя работы по приготовленію, уборкѣ, чисткѣ, исправленію. И теперь еще эти послѣднія работы главнымъ образомъ опредѣляютъ распорядокъ обыденной жизни.

Правда, и изъ промышленной области соединеніе труда не вполнѣ исчезло. Въ сельскомъ хозяйствѣ земледѣліе все еще обнимаетъ самыя разнообразныя культуры растеній; повсюду въ цивилизованныхъ странахъ оно тѣсно связано со скотоводствомъ; часто къ нему присоединяются и подсобные промыслы, и главная задача лица, завѣдующаго хозяйствомъ — организовать его такимъ образомъ, чтобы возможно регулярно и полно использованы были

---

[1]) Сравн. D-r W. Junker: Reisen in Afrika II стр. 216 и сл. и мою „Arbeit und Rhythmus", 3 изд., стр. 17, 57 и сл. (К. Бюхеръ: Работа и ритмъ. Русск. пер. съ 1-го нѣм. изд., подъ ред. Д. Коропчевскаго. Изд. Поповой, 1899, стр. 9 и слѣд., 27 и слѣд.).

рабочія и лошадиныя силы. При смѣнѣ работъ въ связи съ временемъ года раздѣленіе труда неприложимо въ большихъ размѣрахъ даже въ крупныхъ хозяйствахъ; разнородныя работы должны постоянно выполняться одними и тѣми же лицами, а для женской половины нельзя даже провести рѣзкой границы между сельской работницей и прислугой.

Подобныя условія мы находимъ и въ области лѣсного хозяйства, гдѣ благоразумные практики осудили распространенную и теперь еще систему сезонныхъ рабочихъ-спеціалистовъ [1]), рекомендуя содержаніе постояннаго рабочаго персонала, занятаго круглый годъ разнообразными работами—требованіе, исполнимое только на почвѣ соединенія труда.

Въ области обрабатывающей промышленности ремесло издавна покоилось на соединеніи труда. При разграниченіи одной области производства отъ другой рѣшающимъ являлась не наибольшая производительность, а то, насколько данное производство въ состояніи было прокормить занимающагося имъ человѣка. Безконечныя распри о сферахъ производства, принадлежащихъ различнымъ цехамъ, наполняющія послѣднія столѣтія исторіи ремеслъ, вынуждали постоянно къ пересмотру вопроса о цѣлесообразности той или иной комбинаціи. Въ эпоху свободы промысловъ и ремесло въ большихъ городахъ стало развиваться въ направленіи спеціализаціи; въ небольшихъ городахъ остаются старыя комбинаціи, а въ деревняхъ ежегодно возникаютъ новыя. Здѣсь каменщикъ является одновременно мостильщикомъ, маляромъ, обойщикомъ, а зимой исполняетъ роль рѣзчика; кузнецъ въ то же время слесарь и механикъ при молотилкѣ; обойныя работы исполняются то шорникомъ, то маляромъ, то переплетчикомъ. Въ городахъ по крайней мѣрѣ вновь возникающія профессіи вступаютъ въ самыя разнообразныя соединенія. Газопроводы и водопроводы дѣлаютъ то слесаря, то жестянщики, проведеніе электричества въ квартирахъ выполняется самыми разнообразными ремесленниками. Повсюду ремесленникъ охотно соединяетъ съ мастерской розничную торговлю—главнымъ образомъ товарами, относящимися къ области его производства, но не составляющими ремесленной работы, а часто и другими предметами. Уже Юстусъ Мезеръ отмѣтилъ, какая здоровая экономическая идея осуществляется въ этомъ соединеніи, онъ охотно отдалъ бы всю мелочную торговлю въ руки ремесленниковъ и ихъ женъ [2]). Если прибавимъ къ этому, что ремесло часто совмѣщается съ различнаго рода службой (особенно съ общественной службой низшаго разряда), а въ деревнѣ почти всегда съ земледѣліемъ, то легко будетъ убѣдиться, что соединеніе труда имѣетъ здѣсь еще широкую область

---

[1]) Fr. Jentsch: Die Arbeiterverhältnisse in der Forstwirtschaft des Staates, Berlin, 1882.

[2]) Justus Möser: Patriotische Phantasien. Bd. II. № XXXVII.

примѣненія [1]). Пусть «новомодныя» головы жалуются на большое количество «отсталыхъ хозяйствъ», пусть пессимисты усматриваютъ въ этомъ «плачевное состояніе» ремесла, пусть фанатики роста производства сожалѣютъ, что не въ каждой промышленной отрасли достигается наивысшая продуктивность, — при безпристрастной, исходящей изъ конкретныхъ представленій, оцѣнкѣ мы убѣдимся, что соединеніе труда предоставляетъ наиболѣе твердую опору независимаго средняго класса и въ большинствѣ случаевъ нисколько не противорѣчитъ экономическимъ интересамъ. Вѣдь въ сущности дѣло заключается всегда въ томъ, чтобы использовать свободное отъ главнаго занятія время и приложить пропадающія зря рабочія силы.

Сравнительно еще чаще встрѣчается соединеніе труда въ кустарной промышленности; обыкновенно занятыя въ ней женщины вмѣстѣ съ тѣмъ исполняютъ и всѣ работы въ своемъ хозяйствѣ, а мужчины нерѣдко имѣютъ при этомъ главнымъ занятіемъ земледѣліе или какую-либо иную профессію. Многіе кустарные промыслы даже обязаны своимъ возникновеніемъ тому, что не вполнѣ занятыя лица могли совмѣстить ихъ со своимъ постояннымъ занятіемъ.

Торговля сначала всегда представляетъ соединеніе труда, ибо на низшихъ ступеняхъ развитія она обнимаетъ также и перевозку товаровъ (караванная торговля); въ современномъ народномъ хозяйствѣ въ оптовой, какъ и въ розничной торговлѣ большихъ городовъ, сильно распространено раздѣленіе труда. Но рядомъ съ этимъ существуютъ многочисленные магазины (галантерейные, по оборудованію хозяйства и др.), въ которыхъ имѣются самые разнообразные товары. Въ универсальныхъ магазинахъ, пятидесятипфенниговыхъ базарахъ и въ магазинахъ, торгующихъ въ разсрочку, это развитіе достигло высшей точки. Впрочемъ, работа въ этихъ огромныхъ предпріятіяхъ строго распредѣлена по принципу раздѣленія труда, почему они сюда не относятся. Зато многочисленныя мелочныя лавочки въ предмѣстьяхъ, небольшихъ городахъ, деревняхъ, составляющія исключительное занятіе одного лица, вполнѣ сюда подходятъ, ибо владѣлецъ хватается за все, что приноситъ деньги. Описанію всего того, что находится въ этихъ лавкахъ, можно было бы посвятить цѣлый очеркъ. Особенно излюбленными дополнительными предметами являются, напримѣръ, трости, мундштуки, гребенки, щетки, соломенныя шляпы, и иногда нелегко разобраться, какимъ образомъ они оказались въ этомъ случайномъ сосѣдствѣ. Многіе изъ этихъ лавочниковъ занимаются вмѣстѣ съ

---

[1]) Богатый матеріалъ по вопросу о комбинаціяхъ различныхъ профессій и о подсобныхъ промыслахъ ремесленниковъ имѣется въ „Untersuchungen über die Lage des Handwerks in Deutschland", Schr. d. Ver. f. Socialpolitik. Bd. LXII—LXX, особенно въ описаніяхъ ремеслъ небольшихъ городовъ и сельскихъ мѣстностей.

тѣмъ посредничествомъ, страховой и газетной агентурами, продажей лотерейныхъ и театральныхъ билетовъ, принимаютъ объявленія, денежныя сбереженія и т. п.

Въ обширной сферѣ современнаго народнаго хозяйства имѣется не мало спеціальныхъ профессій, которыми по экономическимъ причинамъ невозможно заниматься исключительно и которыя поэтому всегда соединяются съ какою-либо другой профессіей. Какая сельская община въ состояніи содержать отдѣльнаго регента, писаря, пономаря? какое сельское ссудосберегательное товарищество можетъ держать кассира? какое страховое общество въ силахъ вознаградить армію своихъ агентовъ такъ, чтобы они могли этимъ жить? Не будь соединенія труда, всѣ эти и многія другія экономическія функціи остались бы невыполненными.

Какіе моменты являются рѣшающими для этихъ комбинацій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ,—на это могло бы отвѣтить лишь обстоятельное изслѣдованіе, основанное на статистикѣ и описательной литературѣ. Въ большинствѣ случаевъ для того, кто посвящаетъ себя разнообразнымъ занятіямъ, рѣшающимъ, вѣроятно, является стремленіе вполнѣ использовать время и добыть по возможности все необходимое для своего содержанія. Характеръ комбинаціи зависитъ, однако, еще и отъ другихъ соображеній. Иногда стараются использовать для новой цѣли уже имѣющуюся кліентелу, либо особую способность или искусство работника. Экономическій принципъ при этомъ всегда такъ или иначе дастъ себя знать.

Фактическіе размѣры соединенія труда въ народномъ хозяйствѣ установить не легко. Статистика создала для этого нѣсколько неподатливую категорію подсобнаго занятія; но не трудно убѣдиться, что эта категорія не обнимаетъ всѣхъ относящихся сюда случаевъ, а самое большое только тѣ, въ которыхъ побочное занятіе имѣетъ характеръ профессіи. Это можно было бы назвать соединеніемъ профессій [1]). Тѣмъ не менѣе мы въ состояніи получить нѣкоторое представленіе о громадномъ экономическомъ значеніи соединенія труда на основаніи результатовъ германской переписи профессій и промысловъ, изъ которыхъ видно, что 12 іюня 1907 года въ Германской имперіи $7^1/_2$ милліоновъ людей имѣли побочныя занятія, при чемъ одно лишь земледѣліе составляло подсобный промыселъ для 5.601.222 лицъ. Изъ 5.490.288 лицъ, занимавшихся какой-нибудь одной отраслью земледѣлія, промышленности или торговли въ качествѣ хозяевъ или управляющихъ, 1.482.054 (26,9%) имѣли побочныя занятія, а у 82.535.12 лицъ названныя отрасли являлись побочными занятіями.

---

[1]) О случаяхъ соединенія профессій въ средневѣковыхъ городахъ я собралъ свѣдѣнія въ моей „Bevölkerung von Frankfurt a. M. im XIV u XV Jh.“. I, стр. 232 и слѣд., 417 и слѣд.

Распредѣленіе имѣющаго самостоятельный заработокъ (промышленнаго) населенія Германской имперіи

по главнымъ и побочнымъ занятіямъ 12 іюня 1907 г.[1]).

Родъ профессіи.	Число лицъ, у которыхъ данная профессія составляла главное занятіе.	Число лицъ,		Число лицъ, у которыхъ данная профессія составляла побочное занятіе.	Общее число лицъ, занятыхъ въ данной профессіи.
		имѣвшихъ при этомъ побочное занятіе.	не имѣвшихъ побочнаго занятія.		
A. Землед., лѣсов., скотоводство, рыболовство.	9.883.257	1.811.414	8.571.843	5.601.222	15.484.479
B. Обрабатывающ. промышл. и горное дѣло.	11.256.254	1.734.608	9.521.646	750.374	12.006.628
C. Торговля и перевозочные промыслы. . . .	3.477.626	483.742	2.993.884	950.861	4.427.987
D. Дом. услуги и перем. поденная работа. . .	471.695	23.208	448.487	51.787	523.482
E. Общественная служба, свободныя профессіи.	1.738.530	138.057	1.600.473	152.951	1.891.481
F. Не имѣющ. и не указ. профессіи	3.404.983	456.754	2.948.229	—	3.404.983
Итого. . . .	30.232.345	4.147.783	26.084.562	7.506.695	37.739.040
Изъ нихъ мужчинъ. .	20.196.640	3.551.049	16.645.591	4.110.095	24.306.735
„ „ женщинъ. .	10.035.705	596.734	9.438.971	3.396.600	13.432.305

Приведенная таблица касается всѣхъ вошедшихъ въ перепись профессій, при чемъ хозяева и служащіе соединены вмѣстѣ. Изъ этой таблицы видно, что на 100 лицъ, занимавшихся данной профессіей, какъ главной, въ качествѣ хозяевъ или служащихъ, имѣли еще одно или два побочныхъ занятія изъ занимавшихся:

A. Землeдѣл., лѣсоводств., скотовод., рыболов. . . . 13,3
B. Обрабатывающ. промышл. и горн. дѣломъ . . . 15,4
C. Торговлей и перевозочнымъ промысломъ . . . 13,9
D. Домашн. услугами и перемѣн. поденн. работой . 4,9
E. Обществен. службой и либеральн. проф. 7,9

Изъ общаго числа лицъ, занимавшихся данной профессіей (какъ главнымъ или побочнымъ дѣломъ), оно являлось побочнымъ у занимавшихся:

A. Землeдѣл., лѣсов., скотовод., рыболов. . . . въ 36,2 случ. на 100
B. Обрабат. промышл. и горн. дѣломъ. . . . » 6,2 » » —

[1]) Сравн. Statistik des Deutschen Reichs, Neue Folge, томъ 202, стр. 4 и сл.

C. Торгов. и перевозочн. промыслами . . .	» 21,5 случ. на 100			
D. Домашн. услугами и перемѣнной поденной работой	»	9,9	»	» —
E. Общественной службой и свободными профессіями	»	8,1	»	» —

Уже изъ этой профессіональной статистики (къ сожалѣнію, для нашей задачи мало-спеціализированной) можно усмотрѣть, что нѣкоторыя занятія особенно часто соединяются съ другими [1]): напримѣръ, животноводство (91,0% самостоятельныхъ), рѣчное рыболовство (69,4%), добываніе и разработка торфа (97,7%), каменоломное и каменотесное мастерство (50,4%) добываніе мрамора, камня, сланца и выработка изъ нихъ простыхъ предметовъ (80,9%), производство издѣлій изъ камня высшаго качества (46,6%), кирпичное производство и изготовленіе глиняныхъ трубъ (82,9%), гончарное производство (48,6%), изготовленіе игрушекъ изъ глины и стекла (44,4%), гвоздарное производство (58,4%), кузнечное мастерство (75,8%), каретное производство (78,8%), живодерство (88,6%), угольный промыселъ (80,5%), помолъ хлѣба (93,2%), промыслы пекарный (54,7%), мясной (55,7%); токарный (47,8%), страхованіе (72,9%), посредничество по помѣщенію объявленій, пріисканію занятій и др. (31,1%), извозчичій (легковой) промыселъ и содержаніе почтъ (54,5%), ломовой извозъ (79,9%), содержаніе гостиницъ и трактирный промыселъ (62,3%).

Эти цифры, разумѣется, далеко не даютъ представленія о результатахъ приложенія въ приведенныхъ профессіяхъ комбинированнаго труда или раздѣленія его. Вѣдь совершенно ясно, что въ статистикѣ производства деревенскій сапожникъ, который четвертую часть своего времени отдаетъ земледѣлію, въ остальныхъ трехъ четвертяхъ не можетъ быть отнесенъ къ сапожному производству. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ количествѣ лицъ, которымъ комбинированная дѣятельность составляетъ большій доходъ, а въ большинствѣ случаевъ несомнѣнно и лучшее въ физическомъ и нравственномъ отношеніи существованіе, чѣмъ одностороннее, вполнѣ отвѣчающее принципу раздѣленія труда, занятіе. И это-то количество лицъ оказывается въ Германіи весьма значительнымъ, составляя немногимъ менѣе трети всего имѣющаго самостоятельный заработокъ населенія.

2. *Сотрудничество.*

Принципъ соединенія труда при всемъ разнообразіи формъ его проявленія довольно простъ: излишекъ силъ долженъ быть

[1]) Цифры, приведенныя далѣе въ скобкахъ, получены такимъ образомъ: общему числу занятыхъ въ данной профессіи противопоставлено число лицъ, которыя занимались ею самостоятельно—либо какъ побочнымъ занятіемъ, либо какъ главнымъ, но въ соединеніи съ другимъ побочнымъ занятіемъ (графа 6 и 8 въ Reichsstatistik, табл. 1).

употребленъ съ пользой. Принципъ сотрудничества нельзя выразить столь простой формулой. Въ общемъ суть всегда заключается въ томъ, чтобы дополнить недостаточную силу отдѣльнаго человѣка настолько, насколько это нужно для выполненія данной работы. Но недостаточность силы отдѣльнаго лица можетъ опять таки имѣть различныя причины. Она можетъ вытекать изъ опредѣленнаго духовнаго склада работника, вслѣдствіе чего онъ не въ состояніи одинъ непрерывно работать въ теченіе продолжительнаго времени; она можетъ покоиться на недостаточной физической силѣ; наконецъ, она можетъ заключаться въ техническихъ условіяхъ, не допускающихъ выполненія этой работы безъ одновременнаго выполненія другой, отъ нея отличной. Смотря по тому, какой изъ этихъ трехъ случаевъ имѣетъ мѣсто, мы получаемъ три различныхъ вида сотрудничества. Первый мы можемъ назвать работой въ компаніи (Gesellschaftsarbeit или gesellige Arbeit), второй—работой скопомъ, а третій—групповой работой. Мы разсмотримъ ихъ поочередно.

1. Работа въ компаніи имѣетъ мѣсто, когда нѣсколько работающихъ соединяются вмѣстѣ, причемъ работа каждаго нисколько не зависитъ отъ хода работы другихъ. Каждый, слѣдовательно, работаетъ самостоятельно съ любой скоростью. Исключительная цѣль этихъ сборищъ—быть въ компаніи во время работы, говорить, шутить, пѣть и не оставаться со своими мыслями наединѣ.

Ученый, который лучше всего работаетъ въ полномъ уединеніи и тишинѣ, слыша это, пожметъ, быть можетъ, съ сожалѣніемъ плечами и не найдетъ этотъ предметъ достойнымъ вниманія. Но кто хоть разъ наблюдалъ толпу деревенскихъ бабъ за трепаньемъ льна или за полосканьемъ бѣлья на рѣчкѣ, кто прислушивался къ странствующимъ рабочимъ, полющимъ рѣпу или къ жнецамъ за работой, кто слышалъ пѣніе маляровъ или итальянскихъ работницъ на виноградникахъ, тотъ совсѣмъ иначе отнесется къ этому. Чѣмъ ниже ступень развитія, на которой находится человѣкъ, тѣмъ труднѣе для него одному усидчиво и регулярно работать.

Лучшимъ же доказательствомъ значенія работы въ компаніи является то, что она почти повсюду на земномъ шарѣ получила своеобразную организацію. Напомню мѣста общественныхъ работъ и общинные дома дакарей [1]), свѣтелки русскихъ кустарей, прядильни, въ которыхъ сходятся наши деревенскія дѣвушки; съ этими послѣд-

---

[1]) K. v. d. Steinen, l. c. стр. 374. Erman въ Ztschr. f. Ethnologie II, стр. 318 (о колюшахъ на Ситхѣ). Jakobson: Reise in der Inselwelt des Banda-Meeres, стр. 213. Finsch: Samoafahrten, стр. 357. Burton's und Speekes Reisen (обраб. Andree) стр. 64, 217, 333. Nachtigal: Sahara und Sudan II, стр. 624, III, стр. 146, 244. Graf Schweinitz: Durch Ostafrika im Krieg und Frieden, стр. 171. Stanley: Through the dark Continent, II, стр. 32. Wie ich Levingstone fand, II, стр. 72. Semon: Im austr. Busch etc. стр. 353. Срвн. „Arbeit und Rhythmus", стр. 35 и сл., 68 (К. Бюхеръ: Работа и ритмъ. Русск. пер., стр. 19 и сл., 30) и выпускъ первый, стр. 32 и слѣд. Schurtz: Altersklassen und Männerbünde, стр. 210.

ними такъ неразумно боролась бюрократія XVIII вѣка, все же онѣ сохранились по сю пору во многихъ деревняхъ въ видѣ вечернихъ собраній для совмѣстной работы. Повсюду къ этимъ собраніямъ постепенно присоединились танцы, пирушки или другіе обычаи, которые дѣлаютъ работу болѣе пріятной. Достаточно будетъ немногихъ примѣровъ, указывающихъ на широкое распространеніе этихъ учрежденій.

На островахъ Фиджи «для приготовленія тапы всегда собирается по нѣсколько женщинъ вмѣстѣ; иногда даже всѣ женщины села работаютъ вмѣстѣ». И при рыбной ловлѣ посредствомъ сѣтей «нѣсколько женщинъ идутъ всегда вмѣстѣ на ловлю; работа въ то же время является отдыхомъ и прохлаждающее купанье нерѣдко сопровождается большимъ весельемъ» [1]). У многихъ негритянскихъ племенъ на площадахъ можно видѣть женщинъ, которыя сообща молотятъ или мелютъ рожь. Подробныя свѣдѣнія сообщаетъ одинъ миссіонеръ [2]) относительно сѣверо-американскихъ индѣйцевъ: «Воздѣлываніе полей, доставка дровъ, размалываніе зерна совершается часто цѣлой компаніей женщинъ... Вслѣдствіе этого работа идетъ легко и скоро; когда она окончена, а иногда и въ перерывахъ, онѣ сидятъ вмѣстѣ и наслаждаются яствами, приготовленными лицомъ или семьей, на которыхъ онѣ работаютъ, изъ дичи, заранѣе принесенной главой семьи изъ лѣсу; это является главной приманкой, ибо среди работницъ обыкновенно имѣется не мало такихъ, которыя, вѣроятно, въ теченіе долгаго времени не ѣли мяса, какъ напримѣръ, вдовы, сироты и иной бѣдный людъ. Даже болтовня, которою сопровождается работа женщинъ, доставляетъ имъ большое удовольствіе, вслѣдствіе чего онѣ стараются какъ можно дольше работать вмѣстѣ обходя всѣхъ жителей села, у которыхъ имѣются полевыя работы».

Подобное же сочетаніе труда и удовольствія мы находимъ почти у всѣхъ нецивилизованныхъ народовъ въ видѣ общественныхъ домовъ для собраній. Обыкновенно они существуютъ для каждаго пола отдѣльно; чаще всего они устраиваются для холостыхъ мужчинъ и дѣвушекъ. Они служатъ не только мѣстомъ общихъ работъ, но нерѣдко и ночлегомъ, и почти всегда помѣщеніемъ для танцевъ и игръ; здѣсь поютъ, шутятъ, болтаютъ, смѣются надъ безплодными усиліями неумѣлыхъ, восторгаются удачей прилежныхъ и искусныхъ.

Слабымъ снимкомъ съ этихъ учрежденій являются и понынѣ сохранившіяся у насъ свѣтелки («прядильни») деревенскихъ дѣвушекъ [3]). Въ каждой мѣстности Германіи онѣ имѣли свои уста-

[1]) A. Bässler: Südsee-Bilder, стр. 224—226.

[2]) Heckewelder, l. c. стр. 249. То же о Южной Америкѣ у Ehrenreich'а: Beiträge zur Völkerkunde Brasiliens, стр. 28.

[3]) Онѣ, впрочемъ, встрѣчаются при равныхъ условіяхъ повсемѣстно. Henry S. Landor („An verbotenen Wegen. Reisen und Abendteuer in Tibet", стр. 89 и сл.) нашелъ ихъ даже на южномъ склонѣ Гималайскихъ горъ у племени шокасъ, у которыхъ для этого имѣются особыя помѣщенія (рамбангъ).

новленные неписанные правила и законы «Въ Брауншвейгѣ онѣ начинались съ приближеніемъ зимы, когда закончены были полевыя работы, во многихъ деревняхъ къ Мартынову дню, и продолжались до конца масляницы, самое позднее—до Вербнаго воскресенья, ибо въ это время нужно было уже исполнять другія работы. Вечернія собранія («бесѣды») происходили по очереди у всѣхъ участниковъ даннаго кружка. Къ кружку принадлежали четыре, самое большее—восемь дѣвушекъ, состоящихъ между собой въ дружескихъ или родственныхъ отношеніяхъ. Основу ихъ составляли работницы, но часто къ нимъ присоединялись и хозяйскія дочери. Старыя женщины пряли отдѣльно. Въ началѣ вечера женщины были однѣ, и лишь часовъ въ 8 появлялись мужчины, покончившіе со своими работами, и сначала скромно, а затѣмъ все смѣлѣе принимали участіе въ компаніи. Основной чертой этихъ свѣтелокъ являлось похвальное прилежаніе дѣвушекъ» [1]. Обыкновенно задавался на недѣлю опредѣленный урокъ; кто съ нимъ не справлялся, получалъ к.-н. обидное прозвище. Иногда устраивались состязанія въ пряденіи, и всегда господствовало оживленное соревнованіе [2]. Мало того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ учреждалось даже нѣчто вродѣ полицейскаго надзора. Въ Нассау той, которая засыпаетъ за работой, углемъ дѣлаютъ усы; у той у которой оборвется или ссядется нитка, парень отнимаетъ прялку и она должна выкупить ее поцѣлуемъ [3].

«Свѣтелка» стала жертвой техническихъ переворотовъ новѣйшаго времени; но повсюду въ деревнѣ и теперь еще въ длинные зимніе вечера дѣвушки собираются и работаютъ вмѣстѣ; это имѣетъ мѣсто и тамъ, гдѣ распространены кустарные промыслы, какъ, напр., плетеніе кружевъ въ Рудныхъ горахъ, гдѣ такія сборища работницъ и теперь называются «ze Rocken gehn» (идти прясть) [4] Особенно развитъ этотъ обычай у русскихъ кустарей [5]. У нихъ кустари, мужчины и женщины, часто не работаютъ у себя дома

---

[1]) R. Andree: Braunschweiger Volkskunde, стр. 168 и сл Zeitschr. d. Ver. f. Volkskunde III, стр. 291 и сл., VIII, 366, XII, 121 и слѣд., 316 и слѣд., Blätter f. hess. Volksk. II 101 и слѣд. Подробно O Böckel: Volkslieder aus Oberhessen, стр. CXXIII и слѣд.

[2]) Интересныя свѣдѣнія о состязаніяхъ въ пряденіи имѣются въ Ztschr. d. Ver. f. Volksk. VIII, стр. 215 и сл. Срав. „Arbeit und Rythmus" 3 изд., стр. 89 и сл. (Русск. перев., стр. 31 и слѣд.).

[3]) У вендовъ въ Лузаціи, въ послѣдній сборный вечеръ передъ Рождествомъ, надъ копунами и лѣнтяями учреждается судъ. Haupt und Schmaler: Volkslieder der Wenden in der Oberk-und Nieder-Lausitz II, стр. 220. Подобные же примѣры товарищескаго надзора за трудомъ мы находимъ и въ другихъ случаяхъ крестьянскаго сотрудничества, какъ напримѣръ, при уборкѣ сѣна и хлѣба, молотьбѣ, пахоти, трепаньи льна, Сравн. Hörmann: Das Tiroler Bauernjahr (Innsbruck 1899), стр. 50, 52, 66, 70 и сл., 75, 129.

[4]) „Arbeit und Rhythmus" стр. 97 и слѣд. (Русск. пер. стр 34 и слѣд.).

[5]) Подробно см. у Stellmacher'а: Ein Beitrag zur Darstellung der Hausindustrie in Russland, стр 106 и сл—M. Gorbunoff: Ueber russische Spitzenindustrie (Wien, 1886), стр. 23 и сл.

а собираются большой компаніей, въ которую входятъ иногда всѣ односельчане, занимающіеся даннымъ промысломъ, въ особомъ помѣщеніи, либо нанятой большой крестьянской избѣ, либо спеціально для этой цѣли построенной мастерской. Такое помѣщеніе для совмѣстной работы чаще всего и теперь называется «свѣтелкой», иногда и «фабрикой». Мы находимъ ее въ хлопчато-бумажномъ, суконномъ, шелковомъ, сапожномъ и игрушечномъ промыслахъ; въ женскихъ свѣтелкахъ работаютъ обыкновенно только дѣвушки, тогда какъ замужнія женщины работаютъ у себя на дому. «По разсказамъ стариковъ, хлопчатобумажное ткачество вначалѣ почти исключительно производилось въ «свѣтелкахъ», ибо здѣсь, подъ постояннымъ наблюденіемъ опытнаго ткача, легче и скорѣе можно было научиться техническимъ пріемамъ, связаннымъ съ пользованіемъ станкомъ. Первоначально «свѣтелкой» была жилая изба, позже стали пристраивать особое отъ нея помѣщеніе. Молодые люди и усердные ткачи и нынѣ охотнѣе работаютъ въ «свѣтелкѣ», чѣмъ дома; первые потому, что тамъ веселѣе, вторые потому, что тамъ работается спокойнѣе и лучше. Дома ткача часто отрываютъ домашнія дѣла, изба мала и темновата, душна, ибо въ ней нерѣдко живутъ не только люди, но также телята и овцы; къ тому же въ «свѣтелкѣ» лучше сохраняется бумага, которая въ избѣ легко сырѣетъ и плѣсневѣетъ».

Такимъ образомъ работа въ компаніи, хотя и возникла изъ общественнаго инстинкта, нисколько однако не нарушаетъ принципа хозяйственности. Въ компаніи работа происходитъ болѣе усидчиво, чѣмъ въ одиночествѣ, а благодаря соревнованію, въ общемъ и лучше. Трудъ становится удовольствіемъ. И въ результатѣ получается возрастаніе производительности труда.

2. Подъ **работой скопомъ** мы понимаемъ приложеніе нѣсколькихъ однородныхъ рабочихъ силъ для выполненія единой трудовой задачи, напримѣръ, для нагрузки большой тяжести, передвиганія бревна, покоса луга, погони во время охоты. Работа сама по себѣ можетъ быть и по силамъ одному человѣку, но если онъ не можетъ исполнить ее въ опредѣленное время, то приложеніе нѣсколькихъ рабочихъ силъ является уже болѣе выгоднымъ. Это особенно важно при такихъ работахъ, которыя связаны съ опредѣленнымъ временемъ года или зависятъ отъ погоды. Соціальныя условія также могутъ вызвать необходимость ускоренія работъ.

Эти обстоятельства давно уже привели къ особаго рода организаціи труда скопомъ, которая основывается на признанной во всемъ свѣтѣ обязанности сосѣдей помогать другъ другу. Мы назовемъ ее согласно принятому у южныхъ славянъ выраженію, «помочи» (Bittarbeit). Коль скоро имѣется спѣшная работа, съ которою семья не въ состояніи справиться собственными силами, на помощь призываются сосѣди. Они исполняютъ ее въ положенное время безъ всякаго вознагражденія, кромѣ предлагаемаго имъ хозяиномъ угощенія, съ тѣмъ лишь разсчетомъ, что въ случаѣ необходимости сосѣди подобнымъ же образомъ придутъ имъ на помощь. Работа идетъ

весело, съ соревнованіемъ, среди шутокъ и пѣсенъ, а вечеромъ часто заканчивается танцами или иными увеселеніями [1]).

Этотъ обычай распространенъ по всему земному шару. Слѣды его находимъ даже на островахъ южнаго океана. Такъ, напримѣръ, на Новой Помераніи при изготовленіи корзинъ и большихъ сѣтей для ловли рыбы собираются вмѣстѣ по нѣскольку семействъ. «Прежде, чѣмъ корзина впервые пускается въ воду, происходитъ общая трапеза, въ которой участвуютъ всѣ работающіе» [2]).

На Діяйлозо (Галамагера), при распашкѣ части общинной земли созываются 10—20 родственниковъ для содѣйствія при рубкѣ деревьевъ, за что имъ отплачиваютъ впослѣдствіи другими работами. То же происходитъ при посѣвѣ пади и сборѣ риса [3]). «Когда кто-нибудь собирается строить домъ, онъ проситъ нѣсколькихъ родственниковъ помочь ему за харчи, чтобы за время отлива заготовить строительный матеріалъ... При устройствѣ крыши изъ листьевъ саго приглашаются помощники, устраивающіе затѣмъ праздникъ, на которомъ обыкновенно присутствуютъ и предводители племени [4]).

У племени мади или мору, въ центральной Африкѣ, «каждый обрабатываетъ самъ свою землю, а если ея много и требуется больше рабочихъ рукъ, чѣмъ имѣется въ его семьѣ — онъ приглашаетъ на помощь друзей и сосѣдей. Въ этихъ случаяхъ не дается и не предполагается вознагражденіе, ибо всѣ готовы помогать и въ свою очередь получать помощь» [5]). Этотъ обычай въ Африкѣ распространенъ, повидимому, повсюду [6]); особенно развитъ онъ по берегамъ средняго Конго, гдѣ временное сотрудничество (темо), проникло во всѣ стороны жизни [7]). «У племени галла, жители села собираются на гумнѣ и, распѣвая въ тактъ работѣ мелодическія пѣсни, молотятъ снопы дурры и очищаютъ зерно» [8]). Очень часто взаимопомощь имѣетъ мѣсто и при постройкѣ дома [9]). Когда у племени гова на Мадагаскарѣ какому-нибудь видному лицу строится надгробный склепъ, то въ переноскѣ каменныхъ глыбъ принимаютъ участіе не

---

1) Много примѣровъ собрано мною въ главѣ V книги „Arbeit und Rhythmus“ (въ русск. пер., сдѣланномъ съ перваго нѣм. изд., соотвѣтствующей главы нѣтъ; нѣкоторые факты собраны на стр. 94).

2) Parkinson: Im Bismarck-Archipel, стр. 115.

3) Riedel въ Ztschr. f. Ethnol. XVII (1885) стр. 70 и сл. То же и въ Новой Гвинеѣ (см. Finsch: Samoafahrten, стр. 56 и сл.) и у племени багобасъ въ Южномъ Минданао: Schadenberg въ Ztschr. f. Ethnol. XVII, стр. 19 и слѣд.

4) Riedel, l. c. стр. 61. Срвн. Kubary: Ethnogr. Beitr. zur Kenntnis des Karolinen-Archipels, стр. 264. C. Hose: The natives of Borneo — въ Journal of the Anthropol. Inst. XXIII (1894), стр. 161 и сл.

5) Rob. Felkin въ Proceedings of the Royal Society of Edinburg, Session 1883/84, стр. 310.

6) Endemann въ Ztschr. f. Ethnol. VI (1874), стр. 27. Pogge въ книгѣ Wissmann'a: Unter deutscher Flagge quer durch Afrika, стр. 311. Nachtigall: Sahara und Sudan, III, стр. 249. Post: Afrikanische Jurisprudenz II, стр. 172.

7) Thonnar, l. c., стр. 64 и сл.

8) Paulitschke: Ethnographie Nordost-Afrikas I стр. 134, 217.

9) Schurtz: Afr. Gewerbe, стр. 21.

только родственники и члены его рода, но всѣ вообще жители деревни, въ которой онъ жилъ. «Вознагражденія деньгами за такія услуги не полагается, но за то въ продолженіе всей переноски, которая тянется иногда много дней и совершается съ большими перерывами, для нихъ должно доставляться огромное количество съѣстныхъ припасовъ, въ особенности же закалывается множество быковъ. А такъ какъ здѣсь всѣ помогаютъ другъ другу, то народъ не малую долю своего времени проводитъ за такими работами. Весьма часто на большихъ дорогахъ можно встрѣтить толпу въ 200—300 мужчинъ, женщинъ и рабовъ, которые тащатъ на крѣпкихъ канатахъ укрѣпленный простой петлей камень» [1]).

Грузины прибѣгаютъ къ «помочамъ» также при уборкѣ винограда, при посѣвѣ и жатвѣ кукурузы и пшеницы, при рубкѣ и доставкѣ дровъ въ лѣсу. Въ Сербіи они обыкновенно имѣютъ мѣсто при покосѣ, вскапываніи кукурузы, сборѣ сливъ, винограда, а также при пряденіи, тканьѣ, вязаніи ковровъ; во многихъ мѣстностяхъ Россіи — при покосѣ и жатвѣ, при копаніи капусты, рубкѣ дровъ, возкѣ удобрительныхъ туковъ, распахиваніи поля, а у женщинъ и при пряденіи и даже при домашней уборкѣ жилищъ. Въ Германіи «помочи» сохранились почти повсюду въ деревняхъ при постройкѣ домовъ, а мѣстами и при нѣкоторыхъ второстепенныхъ сельскихъ работахъ (чесаніи льна, сниманіи бобовъ, мытьѣ овецъ). Не трудно замѣтить, что онѣ являются средствомъ, къ которому прибѣгаетъ замкнутое домашнее хозяйство и поэтому съ возникновеніемъ и развитіемъ предпріятія постепенно исчезаютъ.

Въ большинствѣ случаевъ, въ которыхъ прежде примѣнялись «помочи», крупный помѣщикъ и теперь нанимаетъ значительное количество рабочихъ, если онъ не въ состояніи ускорить работу посредствомъ машины. Особое значеніе пріобрѣтаетъ для него работа скопомъ въ начальныхъ стадіяхъ такихъ процессовъ производства, конечныя стадіи которыхъ обходятся дешевле, если работа совершается разомъ. Лугъ, допустимъ, могъ бы скосить и одинъ человѣкъ въ три дня. Тѣмъ не менѣе помѣщикъ предпочтетъ поставить шесть и больше косцовъ, которые справятся съ работой въ одно утро, ибо сѣно лучше сушить и убрать все разомъ. При многократной перевозкѣ расходы по производству значительно возрасли бы.

Но и тамъ, гдѣ нѣтъ такихъ причинъ, помѣщикъ, земли котораго лежатъ черезполосно, предпочтетъ, чтобы всѣ его рабочіе вмѣстѣ обрабатывали одинъ участокъ за другимъ, чѣмъ распредѣлять ихъ по разнымъ участкамъ. Работа въ компаніи идетъ скорѣе и лучше, чѣмъ въ одиночку; никому не хочется отставать отъ другихъ, настроеніе поднимается благодаря быстрому ходу работы, между тѣмъ какъ работа, при которой не замѣтно, подвигается ли она впередъ, и не видно конца, всегда отнимаетъ бодрость. Поэтому шесть косцовъ въ приведенномъ примѣрѣ при среднемъ прилежаніи скосятъ

---

1) Sibree: Madagaskar, стр. 255 и сл.

лугъ въ менѣе чѣмъ шестую часть того времени, какое употребилъ бы при среднемъ прилежаніи одинъ человѣкъ. Въ большихъ хозяйствахъ, въ которыхъ землевладѣлецъ самъ не работаетъ, присоединяется къ этому еще то обстоятельство, что вслѣдствіе разбросанности рабочихъ, расходы по надзору за единицу пространства увеличиваются [1]).

Трудъ скопомъ относится почти исключительно къ области несложныхъ работъ, которыя совершаются простыми ручными орудіями или безъ всякихъ инструментовъ. Поэтому онъ очень распространенъ въ эпоху мало развитой техники [2]), но съ усовершенствованіемъ орудій производства все болѣе сокращается. Однако онъ и до сихъ поръ сохраняетъ за собой значительное поле дѣйствія; наиболѣе крупный примѣръ примѣненія труда скопомъ даетъ во всѣ времена войско.

При совмѣстномъ трудѣ большого числа людей возможны два случая. Въ одномъ случаѣ рабочіе въ различные моменты приложенія силы дѣйствуютъ независимо другъ отъ друга, и соединеніе ихъ производится лишь въ цѣляхъ болѣе скораго выполненія работы. Мы обозначимъ этотъ случай какъ простой трудъ скопомъ. Примѣрами его являются: нѣсколько каменщиковъ при постройкѣ, группа рабочихъ, мостящихъ улицу, кучка людей, сгребающихъ снѣгъ, или группа землекоповъ, рядъ косцовъ или рабочихъ, полющихъ рѣпу. Переходной формой являются: толпа африканскихъ носильщиковъ, идущихъ гуськомъ, погонщики на охотѣ, нѣсколько пахарей въ полѣ.

Во второмъ случаѣ движенія отдѣльныхъ рабочихъ совершаются не независимо другъ отъ друга, а наоборотъ, либо всѣми одновременно, либо поперемѣнно въ одинаковые промежутки времени—всегда, слѣдовательно, въ опредѣленный тактъ. Этотъ родъ работы

---

[1]) Уже старикъ Thaer въ своихъ „Grundsätze der rationellen Landwirtschaft" (4 Aufl., Berlin 1847, I, стр. 112 и сл.) устанавливаетъ слѣдующія правила: „Никогда не слѣдуетъ браться за нѣсколько крупныхъ работъ сразу, особенно если онѣ разбросаны на большомъ пространствѣ. Слѣдуетъ по возможности выполнять одну за другой, и въ каждой примѣнять всѣ имѣющіяся на-лицо силы, отчасти ради надзора, отчасти потому, что между значительнымъ числомъ рабочихъ, находящихся подъ общимъ наблюденіемъ, всегда возбуждается нѣкоторое соревнованіе,—тогда какъ при большихъ размѣрахъ работы они, когда ихъ мало, почти пугаются ея величины, отчаиваются, когда видятъ, какъ медленно работа подвигается, и полагаютъ, что вслѣдствіе обширности работы все равно не будетъ замѣчено, сдѣлано ли ими что-нибудь или нѣтъ. При такихъ работахъ лишній человѣкъ или лошадь всегда лучше, чѣмъ недостатокъ въ нихъ. При мелкихъ же работахъ нужно, наоборотъ, остерегаться ставить больше рабочихъ, чѣмъ нужно; иначе они будутъ только мѣшать другъ другу, полагаться одинъ на другого и легко могутъ подумать, что трудъ ихъ считается большимъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности". То же находимъ у H. Settegast'a: Die Landwirtschaft und ihr Betrieb, I, стр. 313, III, стр. 138.

[2]) Такъ это было, напримѣръ, у древнихъ египтянъ. Много данныхъ объ этомъ я собралъ въ своей книгѣ „Arbeit und Rhythmus" 3 изд. стр. 409 и слѣд. (Русск. пер. стр. 94 и слѣд.).

скопомъ мы назовемъ **зависимой работой**, ибо здѣсь каждый участвующій въ смыслѣ времени выполненія движеній зависитъ отъ своего сосѣда и всѣ посредствомъ такта связаны въ одно расчлененное цѣлое, образуютъ какъ бы одинъ автоматически дѣйствующій рабочій аппаратъ. Всѣ относящіяся сюда работы, если онѣ происходятъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, должны принять ритмическій характеръ. Конечно, есть и такія, которыя совершаются единичнымъ усиліемъ, напримѣръ, поднятіе тяжестей многими подъ числовую команду, опрокидываніе дерева посредствомъ веревки.

Работы этого рода, протекающія ритмично, можно въ свою очередь, раздѣлить на работы съ простымъ тактомъ (Gleichtakt-Arbeiten) и работы съ перемѣннымъ тактомъ (Wechseltakt-Arbeiten)—смотря по тому, совершаются ли движенія отдѣльныхъ работниковъ одновременно или поперемѣнно [1]).

Работу съ простымъ тактомъ совершаютъ, напримѣръ, оба ряда гребцовъ весельной лодки, матросы при поднятіи якоря, парусовъ, бурлаки при передвиженіи лодки вверхъ по рѣкѣ, плотники, которые при закладкѣ фундамента посредствомъ копровъ вбиваютъ въ землю большіе колья, рабочіе, передвигающіе бочки, и вообще такія группы рабочихъ, которымъ приходится тащить на канатѣ тяжести, затѣмъ нѣсколько (четное число) работниковъ, поднимающихъ носилки, наконецъ, марширующіе солдаты. Очень часто ритмъ поддерживается простымъ счетомъ, хоровымъ пѣніемъ рабочихъ, или посредствомъ какого-либо инструмента, въ особенности барабана.

Работы съ перемѣннымъ тактомъ совершаютъ, напримѣръ, три мостильщика, которые ручными молотами въ тактъ вбиваютъ камни, три-четыре молотильщика на токѣ, два кузнеца при ковкѣ желѣза, два плотника при распилкѣ или обрубкѣ дерева, двѣ служанки при синькѣ бѣлья или выколачиваніи ковровъ.

Въ работахъ съ простымъ тактомъ суть заключается въ томъ, чтобы выполнять работу, значительно превышающую силы одного человѣка, съ возможно меньшимъ числомъ рабочихъ: это достигается такимъ образомъ, что всѣ работающіе прилагаютъ наибольшее усиліе въ одинъ и тотъ же моментъ.

Работами съ перемѣннымъ тактомъ обычно являются такія, которыя сами по себѣ могутъ быть выполнены однимъ человѣкомъ. Это почти всегда тяжелыя работы, въ которыхъ отдѣльныя движенія (напримѣръ, поднятіе и опусканіе рукъ при молотьбѣ цѣпомъ) требуютъ продолжительнаго времени. У работающаго въ одиночку является при этомъ всегда искушеніе сдѣлать небольшую паузу послѣ каждаго удара или толчка, вслѣдствіе чего утрачивается равномѣрность движеній. Удары и толчки совершаются съ различной

---

[1]) Подробности можно найти въ моей не разъ уже приведенной книгѣ „Arbeit und Rhythmus" (Русск. пер., стр. 44—64), къ которой я и для дальнѣйшаго разъ навсегда отсылаю читателя.

силой и съ различными промежутками времени, и работа вслѣдствіе этого гораздо больше утомляетъ. Если работаютъ двое или трое, то движенія каждаго регулируются звукомъ, получающимся въ тактъ отъ удара инструмента объ обрабатываемый матеріалъ. Такимъ образомъ достигается болѣе короткій тактъ, удержаніе котораго не представляетъ трудности. Каждый рабочій, хотя и остается самостоятельнымъ, долженъ тѣмъ не менѣе соразмѣрять свои движенія съ движеніями всѣхъ другихъ. Сущность такой организація труда заключается, слѣдовательно, не въ томъ, что работа по своимъ размѣрамъ требуетъ удвоенія или утроенія силъ, а въ томъ, что отдѣльный рабочій не въ состояніи удержать опредѣленный ритмъ движеній.

Казалось бы, само по себѣ примѣненіе двухъ или трехъ рабочихъ можетъ только удвоить или утроить результатъ работы. Однако и эта организація работы имѣетъ своимъ послѣдствіемъ повышеніе производительности труда; благодаря тому, что напряженіе и паузы у каждаго равномѣрно распредѣлены, является возможность работать въ теченіе болѣе продолжительнаго времени. Работающій въ одиночку, когда устаетъ, опускаетъ руки или замедляетъ темпъ своихъ движеній. Короткій тактъ работы подбодряетъ; ея общность вызываетъ соревнованіе; никто не хочетъ отстать отъ другого.

Еще яснѣе это принужденіе слабаго подражать сильному выступаетъ въ нѣкоторыхъ работахъ съ болѣе свободнымъ ритмомъ, при которыхъ зависимость обусловливается тѣмъ, что рабочіе выстраиваются въ рядъ, такъ что ходъ работы одного зависитъ отъ хода работы другихъ. Въ рядѣ косцовъ, работающихъ на лугу, каждый долженъ работать равномѣрно, чтобы не задерживать слѣдующаго за нимъ и не быть задѣтымъ его косой. Въ рядѣ рабочихъ, передающихъ другъ другу на постройкахъ кирпичи, каждый вынужденъ одинаково скоро принимать кирпичи, чтобы не останавливать всей работы.

Это приспособленіе рабочихъ другъ къ другу, свойственное всѣмъ видамъ зависимыхъ работъ, становится такимъ образомъ дисциплинирующимъ элементомъ, имѣющимъ весьма важное значеніе въ особенности въ неквалифицированномъ трудѣ, какой главнымъ образомъ преобладаетъ на низшихъ ступеняхъ хозяйственнаго и техническаго развитія. Оно даже можетъ примѣняться какъ принудительное средство для ускоренія работы и въ тѣхъ случаяхъ, которые сами по себѣ не требуютъ зависимости движенія. Въ такихъ случаяхъ необходимо искусственное отбиваніе такта (счетомъ, пѣніемъ, музыкой), съ помощью котораго простая работа скопомъ превращается въ зависимую работу. Такъ это дѣлается, напримѣръ, при рабскомъ трудѣ, который, по причинамъ всѣмъ извѣстнымъ, производится группами, при отбываніи барщины и при публичныхъ работахъ у первобытныхъ народовъ.

Въ Камерунѣ, «предводитель племени Нгилла, извѣстный магометанинъ, схотившійся на рабовъ, заставлялъ своихъ людей группами

въ 100 человѣкъ въ тактъ музыки пахать землю. За ними, опять таки въ тактъ, шли сѣятели, бросавшіе сѣмена изъ привѣшанныхъ мѣшковъ»[1]). Племя бассутосовъ собирается ежегодно, чтобы вспахать и засѣять поля, предназначенныя для содержанія ихъ начальника и его главной жены. «Удивительное зрѣлище», пишетъ Казалисъ[2]), «представляютъ эти сотни чернокожихъ, выстроенныхъ въ одну линію и съ абсолютной правильностью поднимающихъ и опускающихъ свои кирки. Раздается пѣніе, подбодряющее рабочихъ и заставляющее ихъ держаться такта. Начальникъ обыкновенно считаетъ своимъ долгомъ присутствовать при этомъ и даетъ распоряженіе, чтобы для рабочихъ закололи и приготовили нѣсколько жирныхъ быковъ. Всѣ классы примѣняютъ этотъ способъ, чтобы облегчить и ускорить работы, но у простого народа онъ основывается на взаимности».

Послѣдній примѣръ весьма ясно показываетъ переходъ «отъ помочей» къ барщинѣ. То же мы находимъ въ Суданѣ, гдѣ въ особенности постройка и починка городскихъ стѣнъ всегда производится подъ аккомпаниментъ музыки, а также у малайцевъ и китайцевъ, которые исстари отбываютъ государственную барщину подъ звуки барабана. Это средство примѣнялось и въ Европѣ. Въ Прибалтійскомъ краѣ еще въ XVIII столѣтіи помѣщики заставляли своихъ крѣпостныхъ жать подъ звуки волынки. Въ культурныхъ государствахъ мы эту, поддерживаемую искусственными средствами, зависимость въ работѣ находимъ въ тактическихъ движеніяхъ арміи, гдѣ все направлено къ тому, чтобы въ массѣ людей добиться совершеннаго единства напряженія, и гдѣ всякое отступленіе отъ темпа со стороны одного неблагопріятно отражается на общемъ дѣлѣ.

3. Переходимъ къ послѣднему виду сотрудничества, который мы назовемъ **групповой работой**.

Нѣкоторые виды дѣятельности требуютъ одновременнаго выполненія нѣсколькихъ различныхъ работъ. Эти работы дополняютъ другъ друга (дополнительныя работы), и такъ какъ онѣ никоимъ образомъ не могутъ быть выполнены однимъ рабочимъ, то необходимо соединить въ одну расчлененную, но нераздѣльную группу нѣсколькихъ разнородныхъ рабочихъ. Такая группа при лѣсныхъ работахъ въ Баваріи и Австріи называется «пассъ»[3]), въ другихъ мѣстахъ — «рота», «труппа», «банда».

---

[1]) Meinecke: Die deutschen Kolonien in Woit und Bild, стр. 35 съ рисункомъ.

[2]) Casalis: Les Bassoutos, стр. 171 и относ. къ ней иллюстрація. Послѣднюю также у G. Gerland'a: Atlas der Ethnographie (Leipzig 1876), табл. 22 № 25. То же разсказываютъ K. Endemann о негритянскомъ племени сото въ Ztsch. f. Ethnol. VI, стр. 26 и 30, Paulitschke: Etnographie Nordost-Afrikas I, стр. 216—о племени Галла въ Гарирѣ и Schadenberg—о племени багобосъ въ Южномъ Минданао, тамъ же XVII, стр. 19 и слѣд.

[3]) Сравн. Schmeller, Bayer. Wörterbuch I, стр. 409, Settegast, l. c., называетъ такую группу рабочихъ „Pasch". Происхожденіе этихъ словъ неясно.—Сравн. italiанское squadra, французское escouade, англійское squad, gang, set.

Добывающая промышленность представляетъ не мало примѣровъ такой организаціи труда. Такъ, при уборкѣ съ поля сѣна или хлѣба нагружающіе, подающіе и сгребающіе остатки рабочіе, а при вязкѣ—сноповязы и подателя представляютъ нераздѣльныя группы; при жатвѣ необходимо еще одно лицо, для того, чтобы сгребать ее, а при копкѣ картофеля — для собиранія остатковъ. Изъ области промышленности можно привести слѣдующіе примѣры: кузнецъ и работникъ, раздувающій огонь; канатный мастеръ, свивающій веревки, и тотъ, который наматываетъ ихъ на колесо; рабочій, который кладетъ стѣну, и помощникъ, подающій ему кирпичи; рабочій, мостящій улицу, и другой, утрамбовывающій ее. Изъ другихъ областей: поваръ и вертельщикъ; кравчій, лакей и дворникъ; въ конкѣ—кучеръ и кондукторъ, въ лодкѣ—гребецъ и рулевой, затѣмъ—охотникъ и погонщикъ, надувальщикъ мѣховъ и органистъ, барабанщикъ и флейтщикъ, театральная труппа, оркестръ. Перечень этотъ можно было бы продолжить и дальше.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ работами, возникшими путемъ раздѣленія труда и затѣмъ соединенными, а съ совершенно разнородными дѣйствіями, которыя не могутъ существовать каждое въ отдѣльности и поэтому всегда совершаются одновременно. Успѣшность каждой изъ этихъ работъ зависитъ отъ всѣхъ прочихъ, всѣ онѣ содѣйствуютъ другъ другу и лишь всѣ вмѣстѣ составляютъ одно цѣлое. Въ виду этого, участвующіе въ работѣ должны приноравливаться другъ къ другу; они должны работать рука объ руку, и каждый въ отдѣльности ничего сдѣлать не можетъ. Его трудъ самъ по себѣ не имѣлъ бы никакого значенія.

Въ такомъ сочетаніи работъ почти всегда можно выдѣлить одно дѣйствіе какъ главное, руководящее,—тогда какъ остальныя находятся по отношенію къ нему въ подчиненномъ и служебномъ положеніи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и отношеніе между работниками пріобрѣтаетъ характеръ зависимости. Если главную работу исполняетъ хозяинъ дѣла, то производящій подчиненную работу будетъ находиться въ положеніи наемнаго рабочаго. Если же вся группа представляетъ часть какого-нибудь другого предпріятія, то обыкновенно устанавливается коллективная плата (Gruppen-Accord, collective piece work), напримѣръ, для сигарочника и завивальщицы вмѣстѣ, для выдувальщика стекла и его помощника. Такая организація даетъ возможность примѣненія системы сдѣльной платы даже тамъ, гдѣ трудъ одного рабочаго не отдѣлимъ отъ труда другихъ, но это всегда невыгодно для тѣхъ, кто выполняетъ подчиненныя функціи [1].

Въ общемъ и этотъ видъ сотрудничества относится къ періоду мало развитой техники производства. По мѣрѣ ея усовершенствованія явилось стремленіе замѣнять подчиненный трудъ животною или механическою силой. Наиболѣе извѣстный примѣръ представ-

---

[1] Сравн. Schloss: Methods of industrial remuneration, стр. 61 и сл. (Русск. пер.—Шлоссъ: Формы заработной платы. СПБ. 1900. Стр. 118 и слѣд.).

ляетъ плугъ. Первоначально человѣкъ самъ тащилъ его, затѣмъ его смѣнилъ быкъ, при чемъ, однако, нѣкоторое время сохранилась группа изъ пахаря и одного или нѣсколькихъ погонщиковъ, пока усовершенствованная конструкція плуга не устранила и ее [1]).

Въ заключеніе необходимо еще разъ подчеркнуть то обстоятельство, что вся область примѣненія принципа сотрудничества, такъ же какъ и область приложенія системы соединенія труда, относится къ сферамъ хозяйства, гдѣ капитала вовсе нѣтъ или роль его весьма незначительна. Они являются средствами необходимыми для экономически слабыхъ. Но, какъ таковыя, они имѣли большое культурно-историческое значеніе, ибо воспитали въ человѣкѣ умѣнье правильно и экономно пользоваться временемъ и распредѣлять его, подчиняться сообща преслѣдуемой цѣли и регулярно и интенсивно работать. Покоясь первоначально исключительно на обычаѣ, они, съ теченіемъ времени, вызываютъ развитіе правовыхъ зависимыхъ отношеній, какія мы имѣемъ въ институтахъ рабства и крѣпостничества.

Помимо этого принципы соединенія труда и сотрудничества создали мало прочныхъ учрежденій, но зато оставили много безсмертныхъ твореній. Нужно видѣть пирамиды и каменные памятники береговъ Нила, руины месопотамскихъ великановъ-городовъ, постройки древне-американскихъ культурныхъ народовъ, чтобы понять, что̀ въ состояніи сдѣлать люди, движимые могучимъ стремленіемъ къ сотрудничеству даже безъ знакомства съ желѣзомъ, безъ рабочаго скота и безъ простѣйшихъ механическихъ орудій, рычага, винта, полиспаста.

Но и для науки оба разсмотрѣнныя явленія, понятія которыхъ теперь опредѣлились, при безпристрастной оцѣнкѣ не покажутся безполезными. Ученіе о трудѣ еще сильно нуждается въ разработкѣ. Дальнѣйшее развитіе взглядовъ, которые могли быть здѣсь только намѣчены, несомнѣнно обнаружитъ, что въ этой области еще многое можетъ быть сдѣлано. Но и теперь уже видно, что при соединеніи труда и сотрудничествѣ дѣйствуютъ болѣе тонкіе психическіе моменты, чѣмъ при раздѣленіи труда, которое одно только до сихъ поръ привлекало къ себѣ вниманіе. Прослѣдить всѣ эти факторы можетъ, впрочемъ, только сознательный рабочій посредствомъ самонаблюденія.

---

[1]) Интересныя видоизмѣненія системы соединенія труда получаются тамъ, гдѣ необходимы цѣнныя орудія, имѣющіяся только у одного изъ участвующихъ, тогда какъ другіе доставляютъ только свою рабочую силу. Такъ, въ особенности при рыбной ловлѣ въ сѣверной Россіи, а также при вспахиваніи поля, когда почва неподатлива и требуетъ впряганія 6—8 лошадей. Примѣры изъ Уэльса, Ирландіи, Шотландіи у Seebohm'a: Die englische Dorfgemeinde (нѣм. пер. Th. v. Bunsen'a) стр. 81 и сл.; Meitzen: Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten etc. I, стр. 212 и сл. II, стр. 129 и сл. Однородныя свѣдѣнія относительно племени богосъ въ абиссинскихъ горахъ находимъ у Post'a: Afrik. Jurisprudenz, II, стр. 184 и сл., объ армянахъ—у Tarajanza l. c. стр. 12, о грузинахъ—у Gogitschayschwili, l. c., стр. 24 и сл., о черногорцахъ—у Popovic'a: Recht und Gericht in Montenegro § 79.

VIII.

Раздѣленіе труда.

Въ настоящее время почти въ каждой наукѣ имѣются популярныя истины. Это, большею частью, положенія, имѣющія общій характеръ и получившія отъ своихъ творцовъ такую внѣшнюю и внутреннюю законченность, что они какъ бы окончательно пріобщены къ сокровищницѣ нашихъ знаній въ качествѣ прочныхъ пріобрѣтеній человѣческаго разума. Съ поражающей иногда быстротой проникаютъ они въ общій кругъ понятій образованныхъ людей. Благодаря удобной формѣ, полученной ими съ самаго начала, они становятся монетой для духовнаго обихода, обращеніе которой простирается далеко за предѣлы той научной дисциплины, для которой она первоначально была отчеканена. Въ свою очередь, самое пріобщеніе ихъ къ сокровищницѣ знанія и языка служитъ къ укрѣпленію ихъ положенія въ той наукѣ, въ которой они возникли. Если наука эта находится на пути быстраго движенія впередъ, то может случиться, что въ то время, какъ вся научная постройка разбирается и перестраивается, положенія, ставшія популярными, остаются нетронутыми и образуютъ какъ бы неорганическія тѣла, покрытыя и окруженныя пышно разросшимся организмомъ.

Такъ именно, если не ошибаюсь, обстоитъ дѣло и съ экономическимъ ученіемъ о раздѣленіи труда. Въ нынѣшней его формѣ оно исходитъ отъ Адама Смита, и его распространенію, конечно, не мало способствовало, между прочимъ, то обстоятельство, что оно изложено въ первой главѣ первой книги его классическаго труда, гдѣ оно не могло остаться незамѣченнымъ даже и тѣми многочисленными читателями, которые только «просматриваютъ» книги. Адамъ Смитъ, правда, не былъ творцомъ этого ученія. Онъ заимствовалъ его въ основахъ у своего соотечественника Адама Фергюсона (Adam Ferguson), сочиненіе котораго «Essay on the history of civil society» появилось въ 1767 году. Однако, оно стало достояніемъ послѣдующихъ поколѣній только въ той привлекательной формѣ, въ какую ее облекъ Смитъ; въ этой же формѣ оно перешло въ другія науки и усвоено было всѣми образованными людьми.

Приступая къ попыткѣ подвергнуть критическому обзору какъ ученіе о раздѣленіи труда, такъ и то примѣненіе, какое изъ него сдѣлано было въ послѣднее время съ соціологія, я могу, слѣдова-

тельно, разсчитывать на знакомство читателей съ тѣми понятіями, въ кругу которыхъ мнѣ придется вращаться. Примѣненіе этого ученія въ области соціологіи представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ одну изъ немногихъ попытокъ выйти въ этомъ вопросѣ за предѣлы Адама Смита. Въ остальномъ обыкновенно удовлетворяются тѣмъ, что исправляютъ въ несущественныхъ пунктахъ ученіе Смита, излагаютъ его исторію до Смита, восходя до древнихъ грековъ, стараются привести пояснительные примѣры въ соотвѣтствіе съ успѣхами современной техники и, наконецъ, отмѣчаютъ рядомъ съ выгодными сторонами и неблагопріятныя послѣдствія раздѣленія труда. Въ общемъ же, къ ученію о раздѣленіи труда вполнѣ примѣнимо то, что сказано выше о тѣхъ научныхъ истинахъ, которыя стали популярными: оно осталось нетронутымъ, въ то время какъ вокругъ все зданіе экономической теоріи тщательно перестраивалось и надстраивалось. Еще недавно одинъ извѣстный экономистъ въ критическомъ обзорѣ развитія политической экономіи со времени Адама Смита печатно заявилъ, что предметъ этотъ исчерпанъ, и о немъ можно лишь вкратцѣ повторить то, что уже сказано другими [1]).

При такихъ обстоятельствахъ будетъ вполнѣ достаточно, если я въ своемъ изложеніи буду исходить непосредственно отъ великаго шотландца. Я не имѣю, однако, въ виду охватать всю проблему раздѣленія труда, а постараюсь только разрѣшить два вопроса: что такое раздѣленіе труда, и каково его значеніе въ хозяйствѣ?

Что такое раздѣленіе труда—этого Адамъ Смитъ нигдѣ не говоритъ. Онъ только поясняетъ явленіе, которое онъ обозначаетъ этимъ терминомъ, на отдѣльныхъ примѣрахъ, и изъ нихъ прямо выводитъ то положеніе, которому дано было названіе «закона» раздѣленія труда. Сущность его можно формулировать такъ: въ каждомъ промыслѣ производительность труда возрастаетъ пропорціонально степени приложенія раздѣленія труда [2]).

Приводимые же имъ примѣры, если ближе присмотрѣться къ нимъ, говорятъ о весьма разнородныхъ экономическихъ явленіяхъ.

Разсмотримъ прежде всего знаменитую булавочную фабрику Смита. Смитъ противополагаетъ обыкновеннаго рабочаго, не обученнаго спеціально въ данномъ производствѣ, который, работая одинъ, при самомъ большемъ усердіи за день можетъ изготовить едва одну булавку, но ужъ никакъ не двадцать—фабрикѣ, гдѣ выдѣлываются тѣ же булавки многими рабочими при раздѣленіи труда. «Одинъ вытягиваетъ проволоку, другой выпрямляетъ ее, третій рѣжетъ, четвертый заостряетъ, пятый оттачиваетъ конецъ для головки; изготовленіе головки въ свою очередь распадается на двѣ различныя

---

[1]) Block: Le progrès de la science économique depuis Adam Smith. Paris, 1890, I, стр. 533.

[2]) Эта рѣзкая формулировка вытекаетъ изъ слѣдующихъ выраженій въ первой главѣ: The division of labor, so far as can be introduced, occasions, in every art, a proportionable increase of the productive powers of labor.

спеціальности» и т. д. Такимъ образомъ, въ производствѣ булавокъ насчитываются восемнадцать различныхъ операцій, изъ которыхъ каждая можетъ исполняться особымъ рабочимъ. Смитъ полагаетъ, что въ такой совмѣстно работающей группѣ рабочихъ производительность каждаго по сравненію съ рабочимъ, производящимъ тотъ же продуктъ цѣликомъ, увеличивается во сто и даже въ тысячу разъ.

Этотъ примѣръ приводился безконечное число разъ. Онъ сталъ даже классическимъ способомъ иллюстраціи раздѣленія труда вообще, и большинство представляютъ себѣ послѣднее не иначе, какъ въ образѣ фабрики, въ которой весь трудъ по производству продукта разложенъ на возможно большее число простыхъ функцій, выполняемыхъ различными лицами одновременно въ одномъ и томъ же хозяйствѣ [1]).

Но Адамъ Смитъ не ограничился этимъ примѣромъ. Онъ обозначаетъ раздѣленіемъ труда и тотъ случай, когда продуктъ проходитъ черезъ различныя хозяйства, отъ момента добыванія сырья вплоть до его окончательной обработки: какъ, напримѣръ, шерсть, проходящая черезъ хозяйства овцевода, прядильщика, ткача и красильщика. На низкой ступени развитія общества всѣ эти функціи производятся, по мнѣнію Смита, однимъ и тѣмъ же лицомъ, тогда какъ въ странѣ болѣе развитой въ хозяйственномъ отношеніи, наоборотъ, земледѣлецъ есть только земледѣлецъ, фабрикантъ— только фабрикантъ, и трудъ, необходимый для производства готоваго фабриката, распредѣленъ между большимъ числомъ рукъ.

Смитъ не проводитъ различія между обоими видами раздѣленія труда и приписываетъ имъ одинаковое вліяніе. Но не трудно убѣдиться въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя совершенно различными явленіями. При производствѣ шерстяной ткани цѣлый процессъ производства распадается на различныя части, изъ которыхъ каждая составляетъ особую хозяйственную единицу; продуктъ, начиная съ момента полученія сырого матеріала, долженъ пройти путемъ возмезднаго обмѣна чрезъ цѣлый рядъ хозяйствъ, прежде чѣмъ онъ получаетъ годную для потребленія форму. На булавочной же фабрикѣ предметомъ раздѣленія является не весь процессъ производства, а лишь одна его часть. Ибо здѣсь сырымъ матеріаломъ (проволока) служитъ получившій извѣстную обработку полуфабрикатъ. Результатомъ же раздѣленія труда является не рядъ новыхъ хозяйствъ, а цѣпь несамостоятельныхъ функцій, для выполненія которыхъ при современныхъ условіяхъ необходимо существованіе наемныхъ рабочихъ, объединенныхъ предпринимателемъ. Продуктъ

[1]) Helmolt: De laboris divisione (докторская диссертація, представленная утрехтскому университету), 1840 стр. 38 и слѣд., такъ опредѣляетъ раздѣленіе труда: ubi plures operarii simul opus quoddam conficiunt, singuli vero continue eadem operis parte sunt occupati, ut, si aliquid perfecerint, eandem rem de novo aggrediantur. А между тѣмъ уже Фергюсонъ назвалъ главу о раздѣленіи труда: On the separation of arts and professions.

до окончанія своего проходитъ, правда, черезъ большое число рукъ, чѣмъ прежде, но не мѣняетъ своего владѣльца.

Два столь различные процесса нельзя называть однимъ и тѣмъ же именемъ. Мы назовемъ распаденіе всего процесса производства на нѣсколько экономически самостоятельныхъ отдѣловъ — раздѣленіемъ производства, разложеніе же одного такого отдѣла производства на простые, зависимые другъ отъ друга элементы— расчлененіемъ труда.

Наконецъ, Адамъ Смитъ приводитъ еще третій примѣръ, который не представляетъ собою ни раздѣленія производства, ни расчлененія труда. Онъ сравниваетъ трехъ кузнецовъ: одинъ обыкновенный кузнецъ, хотя и владѣющій молотомъ, но не умѣющій ковать гвоздей; другой умѣетъ выдѣлывать гвозди, но производство ихъ не составляетъ его единственнаго или главнаго занятія; третій же—спеціалистъ по изготовленію гвоздей, никогда ничего другого не производившій. Онъ находитъ, что, если всѣ трое въ продолженіе нѣкотораго времени будутъ выдѣлывать гвозди, то производительность труда будетъ больше у того, кто ограничивается производствомъ этого одного продукта, и это-то ограниченіе производства однимъ предметомъ Смитъ также называетъ раздѣленіемъ труда.

Сразу даже трудно разобрать, что послужило ему основаніемъ для такого обозначенія. Что собственно здѣсь раздѣлено и гдѣ же тутъ отдѣльныя части?

Очевидно, объектомъ раздѣленія у Смита является совокупность всего того, что входитъ въ спеціальность кузнеца, выдѣлывающаго, какъ это было въ старину, не только подковы, плуги, желѣзные обручи, но и топоры, лопаты, гвозди. Изъ этой обширной области производства выдѣляется одинъ видъ продуктовъ, производство которыхъ беретъ на себя особый рабочій, въ данномъ случаѣ гвоздарь, тогда какъ все прочее по-прежнему изготовляется кузнецомъ. Продукты, производившіеся прежде въ одномъ хозяйствѣ, теперь выдѣлываются въ двухъ различныхъ предпріятіяхъ. Изъ одного промысла стало два, и каждый изъ нихъ для того, кто имъ занимается, является главнымъ занятіемъ—профессіей.

Ясно, что здѣсь нѣтъ ни раздѣленія болѣе или менѣе значительнаго процесса производства на отдѣлы, ни разложенія одного такого отдѣла на простѣйшія составныя части. Ибо, какъ Смитъ и самъ указываетъ, процессъ производства не короче и не проще у гвоздаря, чѣмъ у кузнеца: каждый изъ нихъ самъ раздуваетъ мѣха, мѣшаетъ огонь, раскаляетъ желѣзо и куетъ. Измѣненіе заключается лишь въ томъ, что каждый, совершая эти дѣйствія, вырабатываетъ меньше видовъ продукта. Самые же продукты при такомъ раздѣленіи труда проходятъ не меньшее число рукъ, чѣмъ прежде. Этотъ третій видъ раздѣленія труда мы назовемъ спеціализаціей или профессіональнымъ раздѣленіемъ труда (распаденіемъ на отдѣльныя профессіи).

Чѣмъ специализація отличается отъ расчлененія труда, замѣтить нетрудно. Специализація есть распредѣленіе всего производства между различными хозяйствами, расчлененіе же труда имѣетъ мѣсто въ предѣлахъ одного и того же предпріятія. Труднѣе, на первый взглядъ, установить различіе между раздѣленіемъ производства и специализаціей. Въ первомъ случаѣ все производство раздѣлено какъ бы поперечными разрѣзами на нѣсколько отдѣловъ, во второмъ,—вдоль одной замкнутой области проведены продольныя линіи, раздѣляющія ее на нѣсколько специальностей.

Возьмемъ простой примѣръ. Все производство кожаныхъ издѣлій происходило первоначально въ одномъ и томъ же хозяйствѣ. Сибирскій кочевникъ, крестьянинъ у южныхъ славянъ и теперь еще добываютъ въ собственномъ хозяйствѣ кожи, сами дубятъ ихъ, изготовляютъ обувь, сбрую и т. п. Въ западно-европейскихъ странахъ уже въ средніе вѣка различались два ремесла: дубильщика и кожевника. Кожаныя издѣлія проходили вслѣдствіе этого чрезъ три хозяйства: добывающаго кожи, отдѣлывающаго ихъ и производящаго кожаные предметы. Это было раздѣленіе производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ обширная область производства кожаныхъ предметовъ современемъ распалась на специальныя ремесла: сапожное, сѣдельное, шорное, кошелечное и т. п., изъ которыхъ каждое приблизительно одинаковыми пріемами производитъ особый видъ кожаныхъ издѣлій. Это и есть специализація или профессіональное раздѣленіе труда (распаденіе на отдѣльныя профессіи). Чтобы представить себѣ образно оба эти явленія, можно раздѣленіе производства сравнить съ огромнымъ потокомъ, который по пути запруженъ нѣсколькими плотинами, а специализацію—съ такимъ же потокомъ, искусственно разведеннымъ на множество небольшихъ каналовъ и ручьевъ.

Этими примѣрами Смитъ ограничивается, и мы также пока остановимся на нихъ, чтобы разрѣшить вопросъ: что побудило «отца политической экономіи» соединить подъ однимъ названіемъ три столь различныя явленія, какъ раздѣленіе производства, расчлененіе труда и специализацію? Что общаго между этими явленіями, глубокія различія которыхъ мы могли лишь вкратцѣ указать?

Общее между этими тремя различными формами раздѣленія труда, очевидно, заключается лишь въ слѣдующемъ: всѣ они представляютъ созданные человѣческой волей соціальные процессы развитія, въ которыхъ функція, выполнявшаяся прежде однимъ лицомъ, распредѣляется между нѣсколькими лицами, изъ коихъ каждое исполняетъ отнынѣ лишь опредѣленную часть общей работы. Вслѣдствіе этого всякое раздѣленіе труда выразится въ увеличеніи числа рабочихъ рукъ, необходимыхъ для выполненія какой-нибудь хозяйственной задачи, а также въ дифференціаціи труда. Задача каждаго упрощается, болѣе приноравливается къ ограниченнымъ человѣческимъ силамъ, какъ бы индивидуализируется. Поэтому раздѣленіе труда всегда есть вмѣстѣ съ тѣмъ и разложеніе его, организація его по принципу хозяйственности; результатомъ его всегда

является совмѣстное дѣйствіе различныхъ силъ, направленныхъ къ одной общей цѣли, которая прежде достигалась одной силой.

Если мы, принявъ это во вниманіе, бросимъ затѣмъ взглядъ на всю область хозяйственнаго приложенія труда въ томъ видѣ, какъ она исторически сложилась и ежедневно развивается дальше, то убѣдимся, что типическими примѣрами Адама Смита и выведенными изъ нихъ тремя формами раздѣленія труда не ограничивается кругъ его дѣйствія. Мы, наоборотъ, находимъ четвертый и пятый видъ раздѣленія труда, изъ которыхъ одинъ мы назовемъ образованіемъ профессій, а другой перемѣщеніемъ труда.

Что касается прежде всего **образованія профессій**, то эта форма, собственно говоря, должна быть поставлена впереди всѣхъ остальныхъ. Ибо ее мы встрѣчаемъ въ началѣ всякаго народно-хозяйственнаго развитія. Чтобы уразумѣть ее, нужно вспомнить, что до возникновенія народнаго хозяйства всѣ народы пережили періодъ домашняго хозяйства, въ продолженіе котораго всѣ потребности семьи удовлетворялись трудомъ ея членовъ. Трудъ этотъ различнымъ образомъ распредѣлялся между членами семьи сообразно возрасту, полу, физическимъ силамъ, отношенію къ главѣ семейства, но это раздѣленіе труда не носило экономическаго характера; его дѣйствіе ограничивалось одной семьей, не связывало этой семьи съ другими, не служило основаніемъ для образованія общественныхъ классовъ. Поэтому на этой ступени хозяйства хотя и имѣется сельско-хозяйственная и промышленная техника, но нѣтъ ни сельскаго хозяйства, ни ремесла, ни торговли какъ отдѣльныхъ отраслей хозяйства, нѣтъ также ни крестьянъ, ни промышленниковъ, ни купцовъ какъ соціально-профессіональныхъ группъ.

Это положеніе мѣняется, какъ только изъ многосторонняго хозяйства начинаютъ выдѣляться нѣкоторыя работы и становиться объектомъ особой профессіи, источникомъ спеціальнаго заработка. Явленіе это подготовляется тѣмъ раздѣленіемъ труда въ крупныхъ рабовладѣльческихъ и крѣпостныхъ хозяйствахъ, о которыхъ была рѣчь въ третьемъ очеркѣ. Обособившаяся отъ замкнутаго домашняго хозяйства и превратившаяся въ особую профессію функція представляетъ либо цѣлый процессъ производства, какъ, напримѣръ, гончарное производство, либо одинъ отдѣлъ его, какъ, напримѣръ, валяніе сукна, помолъ зерна [1]), либо какой-нибудь родъ личныхъ услугъ, какъ, напримѣръ, врачеваніе ранъ. Чаще, однако, образованіе профессій происходитъ засчетъ производительной части домашнихъ хозяйственныхъ задачъ, и послѣднія въ теченіе вѣковъ все болѣе оттѣсняются въ область потребленія. Съ другой стороны, возникаютъ новыя отрасли промышленности и ремесла, число которыхъ, благодаря спеціализаціи и раздѣленію производства, увеличивается до безконечности.

Было бы ошибочно думать, что процессъ образованія профессій,

---

[1]) Въ этомъ случаѣ образованіе профессіи совпадаетъ съ раздѣленіемъ производства.

начавшійся еще въ раннее средневѣковье, уже давно завершился. Еще и теперь постоянно отдѣляются части домашняго хозяйства—медленно въ деревнѣ, быстрѣе въ городахъ—и въ каждой городской адресной книгѣ можно найти цѣлый рядъ самостоятельныхъ промысловъ, возникшихъ лишь за послѣднія двадцать лѣтъ путемъ выдѣленія изъ сферы дѣятельности прежняго домашняго хозяйства.

Конечно, не слѣдуетъ полагать, что всякое возникновеніе новыхъ профессій, не происшедшее путемъ спеціализаціи или раздѣленія производства, должно быть сведено къ раздѣленію труда между домашнимъ хозяйствомъ и новыми промыслами. Фабрика велосипедовъ, гальванизаціонное учрежденіе, электрическая станція, заводъ для приготовленія искусственнаго льда, фотографія—все это промышленныя учрежденія, которыя обязаны своимъ возникновеніемъ не раздѣленію труда, а появленію новыхъ предметовъ потребленія. Въ виду этого они должны быть исключены изъ нашего разсмотрѣнія. Однако и они не находятся внѣ воздѣйствія раздѣленія труда, ибо съ самаго начала должны приспособиться къ обусловленнымъ имъ формамъ производства.

Между этимъ явленіемъ и тѣмъ, которое мы выше обозначили какъ перемѣщеніе труда, существуетъ только внѣшнее сходство. Послѣднее имѣетъ мѣсто при изобрѣтеніи новыхъ машинъ и другихъ орудій производства. Раздѣленіе труда проявляется здѣсь слѣдующимъ образомъ.

Введеніе вновь изобрѣтенной машины въ какой-нибудь отрасли производства ведетъ къ измѣненію существовавшей въ ней организаціи труда. Обыкновенно машина беретъ на себя лишь отдѣльныя движенія, которыя до того совершались человѣческою рукой, и возможно, что послѣ введенія новой машины въ данномъ предпріятіи все измѣненіе выразится въ томъ, что рабочій, производившій эти движенія, теперь приставленъ къ машинѣ, которая требуетъ отъ него иныхъ движеній. Такъ, напримѣръ, послѣ введенія швейной машины, рабочій въ портняжной мастерской работаетъ рукой и ногой, тогда какъ прежде онъ работалъ только рукой, да и то иначе.

Однако въ изготовленіи одежды и прежде, кромѣ портного, принимали участіе много другихъ лицъ. Во 1-хъ, производители матеріала, изъ котораго работаетъ портной: производитель шерсти, прядильщикъ, ткачъ, красильщикъ и т. п. Во 2-хъ, производители употребляемыхъ портнымъ орудій: фабрикантъ иголокъ, кузнецъ, изготовляющій ножницы, и многіе другіе. Всѣ эти производители продолжаютъ свою дѣятельность и послѣ введенія швейной машины. Но къ нимъ присоединяется еще новый: фабрикантъ машинъ, или даже—въ виду того, что при производствѣ машины имѣетъ мѣсто расчлененіе труда—цѣлый рядъ новыхъ производителей: слесарь-машинистъ, литейщикъ, токарь по металлу, модельщикъ, монтеръ, лакировщикъ и т. п. Если обозрѣть весь процессъ производства платья въ цѣломъ, то оказывается, что часть общей работы перемѣщена изъ болѣе поздней стадіи въ болѣе раннюю, часть труда

портного перенесена изъ портняжной мастерской на машинную фабрику.

Весь этотъ процессъ типиченъ и несомнѣнно обнаруживаетъ черты раздѣленія труда. Терминъ «перемѣщеніе труда» слѣдуетъ понимать въ смыслѣ времени и мѣста. Въ смыслѣ мѣста перемѣщеніе труда означаетъ перенесеніе части труда изъ одного предпріятія въ другое; въ отношеніи времени оно является замѣной непосредственнаго труда трудомъ предварительнымъ, перенесеніемъ части труда, прилагавшагося прежде въ производствѣ самого предмета, на изготовленіе орудій производства. При этомъ вовсе не требуется, чтобы возникало новое хозяйство (предпріятіе), спеціально производящее этотъ новый инструментъ; изготовленіе его— напримѣръ, швейной машины — можетъ быть также выполнено существующими машиностроительными заводами. Сущность разсматриваемаго явленія заключается лишь въ томъ, что новый способъ производства платья требуетъ большаго числа различныхъ пріемовъ, а слѣдовательно, и большаго числа рабочихъ силъ.

Мы познакомились такимъ образомъ съ пятью различными видами экономическихъ явленій, которыя всѣ подходятъ подъ понятіе труда, и всѣ еще могутъ быть ежедневно наблюдаемы въ настоящее время. Этимъ однако еще очень мало сказано объ ихъ относительномъ значеніи въ современной экономической жизни. Ибо экономическая жизнь представляетъ собою продуктъ продолжительнаго процесса развитія, и если смотрѣть на нее глазомъ историка, то повсюду старое окажется рядомъ съ новымъ, первое—выступая скромно, второе — съ широко развернувшейся сферой дѣятельности. Человѣчество на длинномъ пути своемъ отъ изолированнаго хозяйства къ соціальному постоянно искало и находило новыя формы организаціи труда. Но оно при этомъ не покидало старыхъ и не покинетъ ихъ, пока онѣ не сыграютъ своей роли до конца. Ибо и здѣсь имѣетъ силу великій экономическій принципъ: ничто не пропадаетъ, что хоть гдѣ-либо можетъ быть примѣнено съ пользой.

Это относится и къ различнымъ формамъ раздѣленія труда. Если даже расчлененіе и перемѣщеніе труда по значенію своему въ настоящее время и превосходятъ спеціализацію и раздѣленіе производства, а образованіе профессій, какъ форма раздѣленія труда, почти не играетъ роли, то все же ни одинъ изъ этихъ принциповъ хозяйственной организаціи не исчезъ окончательно, а продолжаетъ оказывать свое дѣйствіе тамъ, гдѣ онъ можетъ имѣть еще значеніе.

Въ исторіи хозяйства у каждаго изъ нихъ свой періодъ господства. Образованіе профессій относится къ періоду ранняго средневѣковья; развитіе спеціализаціи совпадаетъ съ расцвѣтомъ городовъ. Одновременно начинается раздѣленіе производства; однако въ полной силѣ оно обнаруживается лишь въ эпоху капиталистическаго хозяйства послѣ появленія расчлененія и перемѣщенія труда, которыя врядъ ли возникаютъ ранѣе XVII вѣка.*

* К. Бюхеръ.

Я весьма сожалѣю, что не имѣю возможности подробно выяснить, чѣмъ обусловливалось появленіе каждаго изъ этихъ видовъ раздѣленія труда, а равно изложить причины и слѣдствія ея появленія, сожалѣю особенно потому, что лишь въ этомъ предпринятое мною болѣе строгое разграниченіе отдѣльныхъ формъ можетъ найти себѣ полное оправданіе, и только этимъ путемъ абстрактное разсмотрѣніе проблемы раздѣленія труда можетъ быть вполнѣ опровергнуто. Тѣмъ не менѣе я долженъ коснуться въ немногихъ словахъ причинъ и послѣдствій раздѣленія труда. Ибо различіе упомянутыхъ пяти видовъ его не имѣло бы никакого научнаго значенія и явилось бы празднымъ мудрствованіемъ, если бы всѣ они находились въ одинаковой причинной связи съ прочими экономическими явленіями.

Адамъ Смитъ всякое раздѣленіе труда выводитъ изъ одного и того же источника—прирожденной человѣку склонности къ обмѣну, при чемъ остается невыясненнымъ, дѣйствуетъ ли эта склонность инстинктивно, или на основаніи сознательнаго размышленія. Онъ не даетъ такимъ образомъ точнаго психологическаго анализа хозяйственной дѣятельности и удовлетворяется тѣмъ, что погружаетъ корни раздѣленія труда въ туманную глубину жизни инстинктивной.

Этимъ однако онъ самъ впадаетъ въ противорѣчіе съ приводимыми имъ же примѣрами. Если раздѣленіе труда вытекаетъ изъ присущаго „человѣку инстинкта, то оно представляетъ абсолютную категорію. Послѣдняя должна проявлять свое дѣйствіе во всѣ времена и повсюду, гдѣ имѣются люди. Между тѣмъ примѣры Адама Смита всегда рядомъ съ состояніемъ раздѣленія труда изображаютъ состояніе, гдѣ раздѣленіе труда отсутствуетъ, и первое выводится изъ послѣдняго. Этого требуетъ уже динамическій характеръ слова «дѣленіе». И дѣйствительно, какъ мы уже знаемъ, состояніе безъ экономическаго раздѣленія труда существовало много столѣтій, и время возникновенія отдѣльныхъ его видовъ можно даже опредѣлить довольно точно. Слѣдовательно, раздѣленіе труда есть вообще категорія историческая, а не элементарное хозяйственное явленіе.

То же слѣдуетъ сказать и относительно обмѣна. Подобно тому, какъ существовали періоды безъ экономическаго раздѣленія труда, были періоды и безъ обмѣна. Первые случаи обмѣна появляются не одновременно съ раздѣленіемъ труда, а значительно ранѣе. Они служатъ для того, чтобы уравнять между собой излишки и недочеты въ общемъ автономныхъ хозяйствъ. Обмѣнъ является здѣсь чѣмъ-то случайнымъ, а не вытекающимъ изъ существа хозяйства. И даже тогда, когда съ образованіемъ профессій начинается раздѣленіе труда, оно принимаетъ такія формы, въ которыхъ замѣтно стремленіе по возможности исключить обмѣнъ. Хозяйка прежняго времени мелетъ изъ собственнаго зерна муку на ручной мельницѣ и изъ своей муки сама же печетъ хлѣбъ. Съ образованіемъ профессій мельника и пекаря зерно дается мельнику на помолъ, а затѣмъ мука передается пекарю для изготовленія хлѣба. Отъ мо-

мента полученія сырого матеріала до момента окончательнаго изготовленія продукта послѣдній ни разу не мѣняетъ своего владѣльца. За свой трудъ мельникъ и пекарь удерживаютъ часть произведеннаго ими продукта. Это единственный моментъ въ этомъ основанномъ на раздѣленіи труда производствѣ, нѣсколько напоминающій обмѣнъ.

Изъ этого видно, что приведенное Смитомъ якобы инстинктивное стремленіе человѣка къ обмѣну не есть объясненіе, а скорѣе—оговорка. Мы не будемъ вдаваться въ подробности относительно этого пункта, тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи новѣйшіе экономисты не послѣдовали за своимъ англійскимъ учителемъ. Они скорѣе склонны разсматривать обмѣнъ какъ необходимое послѣдствіе раздѣленія труда, и мы можемъ признать это правильнымъ—съ оговоркой, что обмѣнъ становится необходимостью съ того момента, когда производитель дѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ и собственникомъ всѣхъ средствъ производства. Тогда онъ является необходимымъ элементомъ каждаго хозяйства, и съ этого времени всякій шагъ впередъ въ отношеніи раздѣленія труда увеличиваетъ число необходимыхъ мѣновыхъ сдѣлокъ. Однако, отъ перваго проявленія раздѣленія труда до наступленія этой ступени развитія опять-таки проходятъ столѣтія. Даже въ настоящее время такое, напримѣръ, положеніе вещей, при которомъ мельникъ является собственникомъ зерна, а пекарь собственникомъ муки, и хлѣбъ поэтому можетъ дойти до потребителя лишь путемъ троекратнаго обмѣна — для деревни вовсе не является общимъ правиломъ.

Если такимъ образомъ, при экономическомъ процессѣ развитія раздѣленія труда обмѣнъ составляетъ только вторичный моментъ, то мы поневолѣ принуждены искать другой мотивировки для человѣческихъ дѣйствій, направленныхъ къ установленію раздѣленія труда.

Тѣмъ самымъ мы снова подходимъ къ основнымъ чертамъ хозяйственной жизни: къ безграничности человѣческихъ потребностей и ограниченности средствъ для удовлетворенія ихъ. Человѣческія потребности увеличиваются и утончаются безпредѣльно; по мѣрѣ культурнаго развитія онѣ растутъ какъ въ силѣ, такъ и въ объемѣ. Матерія же, которою человѣкъ располагаетъ для своихъ цѣлей, ограничена, какъ ограничены и его силы, превращающія эту матерію въ цѣнности и увеличивающія ея запасъ. Съ ростомъ народонаселенія отношеніе между общимъ количествомъ потребностей и количествомъ годнаго для хозяйственныхъ цѣлей сырого матеріала, имѣющагося въ природѣ, становится все менѣе благопріятнымъ. Для производства необходимыхъ продуктовъ количество труда должно быть увеличено по двумъ причинамъ: во-1-хъ, потому, что необходимо произвести больше продуктовъ и лучшаго качества, во-2-хъ, потому, что они должны производиться при менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Количество труда, падающаго на каждаго, участвующаго въ производствѣ, должно было бы возрасти въ концѣ концовъ до невозможныхъ размѣровъ, если бы путемъ

экономической организаціи приложенія труда не удалось его сократить.

Уже простое наблюденіе показываетъ, что не каждый человѣкъ по своимъ природнымъ качествамъ одинаково годенъ для всякой работы. Различіе въ физическихъ и умственныхъ способностяхъ людей обусловливаетъ и существенную разницу въ результатахъ ихъ труда и, съ развитіемъ общественной жизни или, что то же, съ увеличеніемъ разнообразія трудовыхъ задачъ, пріобрѣтаетъ все большее значеніе. Принципъ хозяйственности требуетъ, чтобы каждый былъ занятъ работой, соотвѣтствующей его способностямъ, ибо только такимъ образомъ достигается наибольшая производительность его труда. Человѣкъ же тѣмъ легче найдетъ себѣ надлежащее мѣсто, чѣмъ многочисленнѣе подлежащія выполненію операціи.

Рука объ руку съ умноженіемъ этихъ задачъ происходитъ и ихъ упрощеніе. Всякая сложная работа сводится для производящаго ее къ частой смѣнѣ движеній, а всякая смѣна послѣднихъ вызываетъ излишнюю трату силъ. Ибо при переходѣ отъ одного рода движеній къ другому, необходимо умственное и физическое приспособленіе къ новому виду труда — слѣдовательно, непроизводительная затрата силъ. При равномѣрно же совершаемыхъ мышечныхъ движеніяхъ, напротивъ, умственный элементъ можетъ быть совершенно исключенъ изъ участія въ работѣ, и послѣ нѣкотораго приспособленія наступаетъ автоматическое выполненіе движеній, при чемъ, по мѣрѣ навыка, моментъ утомленія отодвигается все далѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ при такихъ автоматическихъ работахъ можетъ достигнуть высокой степени и интенсивность ихъ, такъ что увеличивается не только продолжительность работы, но и количество движеній, падающихъ на единицу времени, вслѣдствіе чего производительность труда значительно возрастаетъ [1]).

Все это приводитъ къ необходимому, вытекающему изъ принципа хозяйственности, требованію упрощенія трудовыхъ задачъ, съ той цѣлью, чтобы использовать способности всякаго рода и избѣжать всякой непроизводительной траты силъ. Но большая часть процессовъ производства обнимаетъ собой самые разнообразные элементы труда: ручной и умственный трудъ, операціи, требующія большой физической силы, на-ряду съ такими, при которыхъ важна ловкость пальцевъ, тонкость чувствъ, острота зрѣнія; работы, для выполненія которыхъ необходимо предварительное обученіе и опытность, и такія, которыя могутъ быть произведены каждымъ. Въ прежнія эпохи, когда всѣ эти виды труда соединялись въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, широко расточались квалифицированныя рабочія силы, и производительную часть населенія составляли лишь тѣ, кто владѣлъ какой-либо техникой производства во всѣхъ ея частяхъ. Благодаря раздѣленію труда, при которомъ разъединяются

---

[1]) Подробно объ этомъ въ „Arbeit und Rhythmus“ стр. 22 и сл. (Русск. перев.—стр. 12 и слѣд.).

различные по своему качеству элементы труда, представляется возможнымъ использовать какъ самыя крупныя, такъ и самыя мелкія рабочія силы и является побужденіе къ выработкѣ высшей сноровки въ той или другой спеціальности.

Такимъ образомъ, раздѣленіе труда есть въ концѣ концовъ не что иное, какъ одинъ изъ тѣхъ процессовъ приспособленія, которые играютъ столь важную роль въ исторіи развитія всего живого міра: приспособленіе трудовыхъ задачъ къ разнообразію человѣческихъ силъ, приспособленіе рабочихъ силъ къ трудовымъ задачамъ, непрерывная дифференціація тѣхъ и другихъ. И тѣмъ самымъ весь процессъ изъ полумрака инстинктивной жизни выносится на яркій свѣтъ сознательныхъ человѣческихъ дѣйствій.

Необходимо однако отмѣтить здѣсь еще одно обстоятельство, а именно: индивидуальный моментъ при возникновеніи раздѣленія труда выступаетъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ далѣе мы заходимъ назадъ въ исторіи человѣчества. Поэтому на болѣе раннихъ ступеняхъ развитія преобладаютъ такія формы раздѣленія труда, при которыхъ индивиду отводится самостоятельная жизненная задача, выполняемая безъ особыхъ вспомогательныхъ матеріальныхъ средствъ. Ранѣе всѣхъ обособляются въ профессіи преимущественно духовныя и художественныя функціи. Жрецъ, прорицатель, врачъ, кудесникъ, пѣвецъ, танцовщикъ, какъ носители особыхъ дарованій, прежде всего выдѣляются въ качествѣ самостоятельныхъ профессій.

Во время существованія системы подневольнаго труда раздѣленіе труда прежде всего развивается среди рабовъ подъ вліяніемъ одного почти не отмѣченнаго до сихъ поръ момента моральнаго свойства. Тамъ, гдѣ нельзя было примѣнить систему находящагося подъ надзоромъ опредѣленныхъ лицъ сотрудничества, господинъ вынужденъ былъ опредѣлить каждому невольнику особый кругъ обязанностей, за который послѣдній являлся отвѣтственнымъ; чтобы извлечь изъ него пользу, онъ долженъ былъ отвести ему одному особый родъ труда. Отсюда хитроумная спеціализація у римлянъ въ familia urbana [1]), тщательный подборъ рабовъ по ихъ тѣлеснымъ и духовнымъ качествамъ для различныхъ сельско-хозяйственныхъ работъ [2]); отсюда же столь частое въ средніе вѣка установленіе натуральнаго оброка съ крѣпостныхъ въ опредѣленныхъ продуктахъ домашняго производства [3]). Тотъ, кто въ рабовладѣльческомъ хозяйствѣ исполнялъ исключительно роль полевого работника или кузнеца, брадобрея или писаря, а въ барщинномъ хозяйствѣ долженъ былъ поставлять въ усадьбу исключительно

---

[1]) См. выше стр. 73.

[2]) Срвн. объ этомъ тонкія замѣчанія у Columella I, 9: Sed et illud censeo, ne confundantur opera familiae, sic ut omnes omnia exsequantur; nam id minime conducit agricolae, seu quia nemo suum proprium aliquod esse opus credit, seu quia, cum enisus est, non suo sed communi officio proficit ideoque labori multum se subtrahit; nec tamen viritim malefactum deprehenditur, quod fit a multis etc.

[3]) Факты см. выше стр. 94 и слѣд.

бочки, миски, ножи или холстъ, пріобрѣталъ въ этихъ работахъ особую сноровку, съ которой онъ, когда наступилъ часъ свободы, вошелъ въ общество въ качествѣ профессіональнаго работника. Такимъ образомъ, индивидуальное опредѣленіе подлежащей выполненію задачи, вызываемое въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ экономіей подневольнаго труда, и обусловленная этимъ спеціализація заключаетъ въ себѣ зародышъ общественнаго раздѣленія труда на послѣдующихъ ступеняхъ развитія.

Лишь значительно позже при раздѣленіи труда, на-ряду съ индивидуальнымъ моментомъ способностей и приспособленія, получаетъ значеніе и моментъ матеріальнаго свойства [1]). Подобно людямъ дифференцируются и вещи: орудія, сырые матеріалы, готовые продукты. Каждый успѣхъ въ области раздѣленія труда вызываетъ необходимость соотвѣтствующаго приспособленія существующихъ орудій и машинъ или созданія новыхъ. Стоитъ только вспомнить безчисленные виды молотовъ, щипцовъ, рѣзцовъ, употребляемыхъ въ различныхъ отрасляхъ металлической и древообрабатывающей промышленности. Подобно дифференціація людей при раздѣленіи труда происходитъ и дифференціація орудій, въ зависимости отъ характера работы. Но до тѣхъ поръ, пока орудіе служитъ лишь для усиленія человѣческихъ органовъ, рѣшающимъ въ процессѣ раздѣленія труда является индивидуальное приспособленіе. И лишь съ момента изобрѣтенія такихъ искусственныхъ аппаратовъ, благодаря которымъ въ распоряженіе человѣка поступаютъ силы природы, орудіе производства пріобрѣтаетъ власть какъ надъ его тѣлесными движеніями, такъ и надъ его соціальной индивидуальностью. И толчокъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ въ области раздѣленія труда можетъ уже затѣмъ исходить равнымъ образомъ какъ отъ изобрѣтенія новаго орудія, такъ и отъ обладанія или пріобрѣтенія особыхъ личныхъ качествъ. Большинство вновь изобрѣтенныхъ машинъ требуютъ, для пользованія ими, рабочихъ такого качества, какихъ ранѣе въ предпріятіи не было. Въ связи съ этимъ выступаетъ капиталистическій моментъ экономіи расходовъ съ расширеніемъ размѣровъ производства — однако, при условіи объединенія и концентраціи спроса, дѣлающаго массовое производство, которое технически, быть можетъ, уже давно было возможно, экономически осуществимымъ. Нѣкоторыя работы (вспомнимъ, напримѣръ, окраску, шлифовку, сушку, пересылку писемъ по почтѣ) вызываютъ одинаковые расходы, независимо отъ того, имѣется ли малое или большое количество объектовъ. Если

---

[1]) Для пониманія дальнѣйшаго срвн. гл. IX „Arbeit und Rythmus" (Русск. пер. — гл. V, стр. 87 и слѣд.). Насколько въ средневѣковомъ городскомъ хозяйствѣ преобладалъ въ раздѣленіи труда индивидуальный моментъ, можно видѣть изъ условій пріема въ цехъ. Въ отношеніи ремесла поступающему ставятся только требованія личнаго характера (умѣніе самостоятельно производить промыселъ); требованіямъ матеріальнаго свойства вновь поступающій долженъ удовлетворять только въ качествѣ гражданина (владѣніе домомъ, вооруженіемъ) и христіанина (вступительный взносъ въ видѣ извѣстнаго количества воска).

удается организовать производство такимъ образомъ, что масса подлежащихъ такой обработкѣ сырыхъ матеріаловъ и полуфабрикатовъ скопляется въ опредѣленныхъ мѣстахъ, то наемъ особыхъ рабочихъ въ этихъ случаяхъ становится выгоднымъ и приводитъ къ значительному сокращенію издержекъ производства.

Насколько при такого рода процессахъ соціальные принципы связанности труда съ одной стороны, и свободной конкурренціи съ другой, дѣйствуютъ благотворно или неблагопріятно, — здѣсь не мѣсто выяснять. Мы только предостерегаемъ отъ разсмотрѣнія и критики этихъ вопросовъ исключительно съ точки зрѣнія условій современной промышленности. Раздѣленіе труда простирается далеко за предѣлы матеріальнаго міра; въ новѣйшее время имъ сдѣланы, особенно въ области умственнаго труда, такіе успѣхи, равныхъ которымъ врядъ ли можно указать въ области промышленной техники; мало того, во многихъ случаяхъ первые являются непосредственными причинами и поводами послѣднихъ. Въ обширной же области, лежащей за предѣлами матеріальнаго производства, вещественныя средства труда не играютъ существенной роли; здѣсь въ процессѣ раздѣленія труда рѣшающимъ всегда является моментъ индивидуальный, за которымъ мы и вообще должны признать главное значеніе въ этомъ великомъ культурно-историческомъ явленіи. Ничего больше, однако, объ общихъ причинахъ возникновенія раздѣленія труда мы сказать не можемъ. Что же касается тѣхъ особыхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ возникаютъ отдѣльные его виды и формы, то о нихъ вкратцѣ указано будетъ въ другомъ мѣстѣ.

Точно также лишь вскользь можемъ мы здѣсь коснуться экономическихъ послѣдствій раздѣленія труда, хотя именно въ этомъ отношеніи отдѣльныя его формы расходятся особенно сильно.

Адамъ Смитъ знаетъ только одинъ результатъ раздѣленія труда: возрастаніе производительности труда. Онъ ограничиваетъ такимъ образомъ вліяніе раздѣленія труда одной лишь сферой производства. И въ этомъ отношеніи онъ совершенно правъ: раздѣленіе труда даетъ возможность произвести при извѣстной затратѣ рабочей силы продукты въ большемъ количествѣ и лучшаго качества, чѣмъ это возможно при отсутствіи раздѣленія труда. Производство удешевляется; издержки, поскольку онѣ касаются платы за трудъ, уменьшаются. А такъ какъ для Адама Смита трудъ являлся истиннымъ мѣриломъ мѣновой цѣнности, то онъ могъ избѣжать дальнѣйшаго вопроса: при всѣхъ ли условіяхъ раздѣленіе труда обезпечиваетъ болѣе дешевое удовлетвореніе потребителя?

Сколь ни узокъ такой взглядъ, онъ все же, безъ сомнѣнія, болѣе основателенъ, чѣмъ то крайне преувеличенное представленіе о вліяніи раздѣленія труда, которое мы находимъ у новѣйшихъ экономистовъ [1]), выводящихъ весь современный хозяйственный

---

[1]) На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и теперь еще Schmoller. Grundriss der allg. Volkswirtschaftslehre I (Leipzig, 1900), стр. 364 и сл.

строй непосредственно изъ раздѣленія труда и полагающихъ, что его можно даже охарактеризовать терминомъ: «хозяйство, основанное на раздѣленіи труда». При этомъ они исходятъ изъ представленія о томъ, что важнѣйшія экономическія явленія въ ихъ современной формѣ и дѣйствіи опредѣляются раздѣленіемъ труда, что созданная имъ широко развитая профессіональная спеціализація образуетъ какъ бы скелетъ хозяйственнаго организма, тогда какъ обмѣнъ представляетъ связки и мышцы, скрѣпляющія его и заставляющія его функціонировать, на подобіе огромнаго живого тѣла. Обмѣнъ, по ихъ мнѣнію, непосредственно обусловливается раздѣленіемъ труда, которое будто бы является его причиной.

Въ этомъ кроется большое заблужденіе. Раздѣленіе труда само по себѣ еще не вызываетъ обмѣна, и точно такъ же, наоборотъ, можно легко представить себѣ общество, въ которомъ нѣтъ раздѣленія труда, но сравнительно богато развитъ обмѣнъ.

Чтобы разъяснить, прежде всего, послѣднее положеніе, напомнимъ, что народы, въ общемъ находящіеся еще на ступени замкнутаго домашняго хозяйства, все же могутъ имѣть довольно значительный (возмездный или безвозмездный) обмѣнъ продуктовъ, если, вслѣдствіе большой неравномѣрности въ распредѣленіи природныхъ богатствъ или незначительности отдѣльныхъ хозяйствъ, ощущается въ немъ потребность. Каждый домъ и каждая рабочая сила производитъ здѣсь на основаніи принципа соединенія труда все, что позволяютъ естественныя условія мѣстности. Обмѣнъ заполняетъ только пробѣлы собственнаго производства, его объектомъ являются только избытки автономныхъ хозяйствъ. Чѣмъ слабѣе каждое отдѣльное хозяйство, чѣмъ чаще,—вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ условій, падежа скота, порчи запасовъ, болѣзней членовъ семьи,—ощущается недостатокъ въ отдѣльныхъ предметахъ, тѣмъ чаще приходится привлекать избытки изъ другихъ хозяйствъ и давать въ обмѣнъ за нихъ излишки своего.

Такъ, у негритянскихъ племенъ Центральной Африки мы находимъ большое количество еженедѣльныхъ рынковъ, устраиваемыхъ нерѣдко среди дѣвственнаго лѣса подъ покровительствомъ особыхъ постановленій о мирѣ. Между тѣмъ у нихъ не найдется ни одного профессіональнаго ремесла и совершенно отсутствуетъ какое бы то ни было раздѣленіе труда, развѣ только раздѣленіе всей сферы труда между различными полами. То же наблюдалось въ различныхъ частяхъ Океаніи, и нужно полагать, что и въ западно-европейскихъ странахъ въ раннее средневѣковье существовалъ довольно оживленный рыночный обмѣнъ при совершенномъ отсутствіи раздѣленія труда.

Съ другой стороны, какъ мы уже указали, на той же ступени домашняго хозяйства можетъ имѣть мѣсто раздѣленіе труда, несмотря на то, что нѣтъ обмѣна,—въ томъ именно случаѣ, когда, благодаря рабству или крѣпостничеству, создаются хозяйства, заключающія въ себѣ большое число людей. Въ хозяйствахъ богатыхъ римлянъ и средневѣковыхъ помѣщиковъ имѣлись работники

весьма разнообразнаго характера—вѣроятно, даже такіе, которые работали по принципу расчлененія труда; между тѣмъ обмѣнъ не связывалъ ихъ ни между собой, ни съ потребителями ихъ продуктовъ. Связующимъ звеномъ между ними являлась власть главы хозяйства, которою этотъ послѣдній обязанъ былъ при господствѣ рабства—владѣнію рабами, а при крѣпостничествѣ — владѣнію землей. Организованное такимъ образомъ хозяйство представляетъ прочную производительную и потребительную единицу, то, что сю производится, ею же и потребляется; мало того, раздѣленіе труда даже является для нея какъ бы желаннымъ средствомъ для избѣжанія обмѣна.

Въ такого рода крупныхъ хозяйствахъ подготовляется профессіональное раздѣленіе труда, возникающее на слѣдующей ступени хозяйственнаго развитія. Оно отрываетъ часть людей отъ земли, на владѣніи которою до того времени исключительно покоилось ихъ существованіе. Оно создаетъ рядомъ съ крестьянствомъ и городскіе промыслы. Спеціализація увеличиваетъ источники заработка; она какъ бы образуетъ рамку, внутри которой развивается искусность въ области физическаго труда. Таково же ближайшее вліяніе и раздѣленія производства. Всѣ эти три вида раздѣленія труда вмѣстѣ взятые, конечно, въ состояніи создать «хозяйство, основанное на раздѣленіи труда», но это не будетъ еще народное хозяйство, ибо въ немъ еще отсутствуетъ обращеніе продуктовъ.

Весь совершающійся до этого момента процессъ раздѣленія труда происходитъ, какъ мы знаемъ, такимъ образомъ, что отъ замкнутаго домашняго хозяйства землевладѣльца отдѣляются нѣкоторыя рабочія силы и предоставляютъ свой трудъ въ распоряженіе другихъ хозяйствъ въ формѣ работы на заказъ. Хотя они и являются профессіональными работниками, живущими своей профессіей, однако сырой матеріалъ, обрабатываемый ими, принадлежитъ тому, кто намѣренъ воспользоваться продуктомъ ихъ труда. Но бываютъ случаи, что въ одномъ и томъ же производствѣ до окончательнаго изготовленія продукта принимаютъ участіе нѣсколько такихъ «работниковъ на заказъ», какъ, напримѣръ, при производствѣ хлѣба—мельникъ и пекарь, или при производствѣ платья—ткачъ, красильщикъ и портной. Технически всѣ эти самостоятельно работающіе спеціалисты связаны между собой продуктомъ, который въ различныхъ стадіяхъ производства попадаетъ имъ въ руки. Каждый изъ нихъ продолжаетъ работу другого. Экономическая связь между ними создается чрезъ посредство собственника сырого матеріала, который большею частью самъ его добываетъ и къ которому, въ концѣ концовъ, возвращается готовый продуктъ,—иначе говоря: чрезъ потребителя. Средство же, при помощи котораго послѣдній въ состояніи заставить работать на себя всѣхъ этихъ различныхъ производителей, заключается въ уплачиваемой имъ заработной платѣ. Въ этой уплатѣ состоитъ и единственный мѣновой актъ, существующій при этой формѣ раздѣленія труда.

При постройкѣ новаго дома нанимаются за плату поочередно

каменщикъ, плотникъ, кровельщикъ, стекольщикъ, столяръ, слесарь, штукатуръ, которымъ выдается необходимый для ихъ работы матеріалъ. Вещественнымъ средоточіемъ для нихъ является новая постройка, личнымъ звеномъ—ея хозяинъ. Послѣдній какъ бы связываетъ ихъ во временную производительную единицу. Но связь эта непрочна, измѣнчива и не ведетъ къ образованію постоянной хозяйственной организаціи; сегодня они служатъ одному, завтра другому лицу, строящему домъ. При этомъ раздѣленіи труда производители не зависятъ въ соціальномъ отношеніи ни другъ отъ друга, ни отъ предпринимателя. Они остаются самостоятельными «мастерами».

Это положеніе почти не измѣняется и тогда, когда работникъ на заказъ (Lohnwerker) превращается въ ремесленника, обрабатывающаго собственный матеріалъ (Handwerker). Телѣга, напримѣръ, заказывается у каретника, затѣмъ ее отдаютъ кузнецу для обивки и красильщику для окраски. Каретникъ доставляетъ дерево, кузнецъ — желѣзо, красильщикъ — краску. Получаемая ими плата включаетъ только цѣну затраченнаго ими матеріала и вознагражденіе за трудъ. Руководителемъ же производства по-прежнему является потребитель произведеннаго при раздѣленіи труда продукта.

Такимъ образомъ во всѣхъ старыхъ формахъ раздѣленія труда господствуетъ ясное стремленіе ограничить число мѣновыхъ актовъ безусловно необходимымъ. Въ центрѣ всѣхъ возникшихъ вслѣдствіе раздѣленія труда профессій находится домашнее хозяйство, изъ котораго онѣ произошли, съ его древнимъ, лишь медленно исчезающимъ, сотрудничествомъ. И даже на ступени городского хозяйства его еще связываютъ крѣпкія и весьма короткія нити съ отдѣльными промышленными предпріятіями и профессіональными работниками, вызванными къ жизни образованіемъ профессій, спеціализаціей и раздѣленіемъ производства. Они принимаютъ заказы отъ своихъ кліентовъ и исполняютъ ихъ; нерѣдко они даже образуютъ съ кліентами временную, на время выполненія заказа, потребительную единицу (отхожій промыселъ).

На ступени народнаго хозяйства потребитель все болѣе удаляется отъ той роли, которую онъ игралъ въ теченіе столѣтій— роли руководителя и объединителя раздѣленнаго на части производства. Теперь эти функціи сами превращаются въ профессію; но ею можетъ самостоятельно заниматься лишь тотъ, въ чьихъ рукахъ находятся вмѣстѣ съ тѣмъ орудія производства (по крайней мѣрѣ, оборотный капиталъ), т. е. капиталистъ. Послѣдній, въ виду двойной задачи, на него такимъ образомъ возложенной (доставленія капитала и руководительства производствомъ) — называется также предпринимателемъ.

Въ его рукахъ раздѣленіе труда совершенно измѣняетъ свой характеръ. Что касается раздѣленія производства, то каждый работникъ, производящій часть продукта, передаетъ своему преемнику по производству продукты, изготовленные имъ изъ собственнаго ма-

теріала. Продукты являются для каждаго источником дохода, оборотным капиталом. Таким образом, рядом с обмѣном готовых продуктов, возникает послѣдовательный обмѣн продуктов болѣе ранних ступеней производства или полуфабрикатов, с тою лишь цѣлью, чтобы связать отдѣльныя ступени раздѣленія труда. Этот обмѣн носит совершенно иной характер, чѣм тот, который был прежде единственно необходимым — именно обмѣн между потребителем и различными производителями. В послѣднем случаѣ он, — по крайней мѣрѣ для пріобрѣтателя продукта,—является чисто потребительным обмѣном, при котором продукт имѣет для него значеніе только как предмет потребленія; первая же форма обмѣна составляет как для продавца, так и для покупателя каждый раз акт наживы, при котором обмѣниваемый продукт имѣет значеніе не столько в качествѣ предмета потребленія, сколько в качествѣ капитала, в качествѣ источника прибыли. При вновь возникающих формах раздѣленія труда — перемѣщеніи и расчлененіи его — пріобрѣтают характер капитала также и орудія производства. Расчлененіе труда создает постоянный зависимый рабочій класс, лишь оно поднимает капиталистическое производство на его настоящую высоту и снова уничтожает в доступных его вліянію областях то, что создано было образованіем профессій и спеціализаціей: самостоятельность мелких производителей.

Эта новая фаза раздѣленія труда доводит, правда, обмѣн до неслыханных ранѣе размѣров. Она вызывает в области торговли, транспортнаго, кредитнаго, страхового дѣла новыя, основанныя на предпринимательском принципѣ, проявленія раздѣленія труда, слѣдствіем которых являются в свою очередь множество новых мѣновых актов. Но не раздѣленіе труда само по себѣ создает эти новыя формы обмѣна, но оно составляет двигающій, творческій элемент современнаго народнаго хозяйства, а промышленный капитал, питаемый обмѣном.

Область, в которой капитал в формѣ денег впервые обнаруживается в качествѣ источника дохода, есть торговля. Отсюда он проникает и в производство, гдѣ руководителем его вмѣсто потребителя становится купец. Таким путем возникла домашняя промышленность. С внѣшней стороны скупщик занимает по отношенію к работнику на заказ и к ремесленнику совершенно то же положеніе, какое занимал прежде домохозяин; первому он выдает в качествѣ аванса сырой матеріал, у второго он скупает изготовленные им из собственнаго матеріала продукты, чтобы перепродать их далѣе. Там, гдѣ производство распадается на нѣсколько различных отдѣлов, он переводит продукт из одного в другой, и в концѣ концов доставляет его в готовом видѣ на рынок. В общем он оперирует только оборотным капиталом. На постоянный капитал он начинает обращать свое вниманіе лишь с того времени, когда становится выгодным перейти от домашней формы промышленности к фа-

бричной. Но если торговый капиталъ въ промышленности имѣлъ значеніе только реформирующее, то въ банковомъ, транспортномъ и страховомъ дѣлѣ его роль является творческой; эти области, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія раздѣленія труда, представляются въ сущности лишь развѣтвленіями торговли.

Такимъ образомъ, мы должны, какъ мнѣ кажется, признать, что организующую силу современнаго народнаго хозяйства представляетъ собою капиталъ, а средство его—раздѣленіе труда. Его носителемъ и представителемъ является предприниматель. Ясно, что этотъ послѣдній сумѣлъ съ большимъ успѣхомъ использовать средство раздѣленія труда, чѣмъ прежній домохозяинъ. Въ настоящее время предприниматель опредѣляетъ то, что мы ѣдимъ и пьемъ, читаемъ въ газетахъ и смотримъ въ театрѣ,—опредѣляетъ, какъ мы должны жить и одѣваться. Этимъ сказано все. У насъ отнято право самоопредѣленія въ отношеніи большей части нашихъ потребностей, а такъ какъ для предпринимателя наиболѣе выгодно массовое производство однородныхъ предметовъ, то въ области потребленія имѣетъ мѣсто все увеличивающееся однообразіе.

Въ противоположность этому, въ области труда происходитъ все возрастающая дифференціація. Поле дѣятельности каждаго все болѣе суживается. Лишь разложивъ технически трудовыя способности на ихъ атомы, предприниматель можетъ использовать ихъ для своей цѣли. Всякое предпріятіе есть соединеніе разнообразныхъ, возникшихъ путемъ раздѣленія труда, частичныхъ функцій въ одно органическое цѣлое. Оно соединяетъ экономически и технически несамостоятельныхъ рабочихъ въ одну постоянную производительную единицу. Эта производительная единица не совпадаетъ уже, однако, съ потребительною; члены ея, наоборотъ, принадлежатъ къ различнымъ, освобожденнымъ отъ выполненія производительныхъ задачъ домохозяйствамъ, не находящимся ни въ какой связи ни между собой, ни съ домохозяйствомъ предпринимателя.

При образованіи такихъ производительныхъ единицъ предприниматель идетъ различными путями, смотря по тому, имѣются ли въ той области, въ которой онъ намѣренъ приложить свой капиталъ, уже болѣе раннія формы раздѣленія труда, или нѣтъ.

Въ первомъ случаѣ онъ привлекаетъ въ свое предпріятіе всѣ существующія, экономически самостоятельныя профессіи, занимавшіяся ранѣе производствомъ даннаго продукта, устанавливаетъ спеціализацію рабочихъ, заставляя ихъ выполнять лишь отдѣльныя части того, что необходимо въ данномъ производствѣ. Примѣромъ можетъ служить мебельная фабрика, гдѣ въ одномъ производствѣ соединены работающіе рядомъ столяръ, токарь, рѣзчикъ по дереву, обойщикъ, стекольщикъ, красильщикъ и лакировщикъ.

Во второмъ случаѣ онъ прежде всего организуетъ данное производство по принципу расчлененія труда и обставляетъ фабрику большимъ аппаратомъ механическихъ средствъ производства.

Въ обоихъ случаяхъ въ оборудованномъ предпріятіи рядомъ съ предпринимателемъ существуютъ только зависимые, технически несамостоятельные рабочіе. Въ первомъ случаѣ они происходятъ изъ самостоятельныхъ ремесленниковъ, и задача предпринимателя заключается въ организаціи ихъ, чтобы создать единство производства; во второмъ—это единство уже дано, и нужно только отыскать необходимыя для него составныя части. Вскорѣ, однако, отличіе между рабочими того и другого предпріятія исчезаетъ.

Въ основѣ прежняго ремесленнаго предпріятія лежало сотрудничество немногихъ одинаково обученныхъ силъ, хотя бы и находившихся въ различныхъ стадіяхъ подготовки (ученикъ, подмастерье, мастеръ). Работавшія совмѣстно въ каждомъ ремеслѣ группы во всѣхъ своихъ элементахъ рѣзко отличались отъ такихъ же группъ въ другихъ ремеслахъ, и переходъ изъ одного промысла къ другому былъ невозможенъ: кузнецъ не могъ стать шорникомъ. Законъ признавалъ это, проводя рѣзкія границы между различными ремеслами.

Современная промышленность соединяетъ совершенно неравныя и различно подготовленныя рабочія силы для совмѣстной работы въ одномъ и томъ же предпріятіи. Группировка ихъ въ цѣляхъ производства совершается во всѣхъ отрасляхъ промышленности на основаніи одинаковыхъ принциповъ организаціи. Рѣзкихъ границъ между промыслами нѣтъ. Нѣтъ и профессіональныхъ отличій между предпринимателями; они имѣются только между рабочими. Функціи предпринимателя тѣ же, стоитъ ли онъ во главѣ городского трамвая, металлургическаго завода, или ткацкой фабрики. Между рабочими, напротивъ, благодаря постоянному расчлененію труда, мы находимъ въ настоящее время многочисленныхъ спеціалистовъ, въ которыхъ нуждаются различныя отрасли промышленности. Слесарь, токарь по металлу, литейщикъ, строгальщикъ встрѣчаются во всѣхъ отдѣлахъ широко развитой металлической промышленности, во всѣхъ областяхъ машиностроительной индустріи, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и т. под.; истопники и машинисты необходимы въ каждомъ крупномъ предпріятіи, независимо отъ того, производятся ли въ немъ бумажныя нитки или иллюстрированныя газеты; столяръ, жестяникъ, токарь, бондарь могутъ входить въ составъ самыхъ разнообразныхъ предпріятій и такое же всестороннее примѣненіе находятъ себѣ конторщики, чертежники, инженеры. Къ нимъ нужно прибавить еще массу неквалифицированныхъ рабочихъ, которыхъ поглощаетъ крупное производство. Во многихъ случаяхъ предпринимателю остается только сочетать эти рабочіе элементы въ необходимой пропорціи и организовать ихъ такъ, чтобы они дѣйствовали какъ цѣльный механизмъ.

Изъ всего изложеннаго видно, что раздѣленіе труда въ различныя времена оказывало совершенно различное вліяніе на хозяйство народовъ и на жизнь людей, смотря по причинамъ, преобладавшимъ на данной ступени хозяйственной жизни.

На ступени замкнутаго домашняго хозяйства господствуетъ либо соединеніе труда въ рукахъ отца или матери семейства, либо раздѣленіе труда, основанное на институтахъ рабства и крѣпостничества. И въ томъ и въ другомъ случаѣ семья является постоянной производительной и потребительной единицей. Здѣсь имѣютъ силу принципъ: кто трудится со мною, тотъ и ѣстъ со мною.

На ступени городского хозяйства господствуетъ спеціализація и раздѣленіе производства. Производители отдѣльныхъ частей продукта лично свободны, но способъ и время ихъ производства опредѣляются главнымъ образомъ потребителемъ ихъ продуктовъ, который въ соотвѣтствующихъ случаяхъ соединяетъ ихъ во временныя производительныя единицы. Въ теченіе этого времени онъ нерѣдко даетъ имъ также и харчи.

На ступени развитаго народнаго хозяйства производствомъ предметовъ, основаннымъ на раздѣленіи труда, руководитъ предприниматель. Производители отдѣльныхъ частей—лично свободные рабочіе, которыхъ предприниматель соединяетъ въ продолжительныя производительныя единицы. Всякая иная форма общенія здѣсь исключена, и если, по случаю юбилея предпріятія, предприниматель устраиваетъ праздникъ своимъ рабочимъ, то газеты отмѣчаютъ, что онъ ѣлъ и пилъ за однимъ столомъ съ ними, и усматриваютъ въ этомъ особенно милостивое отношеніе съ его стороны.

Передъ нами два совершенно различныхъ экономическихъ міра, отдѣленныхъ другъ отъ друга глубокою пропастью. Въ то время какъ отъ первоначальнаго соединенія труда въ домохозяйствѣ, а отчасти и отъ раздѣленія труда стараго времени вѣетъ теплотой основаннаго на нравственныхъ принципахъ общенія людей, современное раздѣленіе труда пронизано холоднымъ, непримиримымъ духомъ разсчета, договора, наживы. Въ то время какъ прежнее раздѣленіе труда являлось носителемъ хозяйственной самостоятельности, современное раздѣленіе труда повергаетъ все большія массы въ зависимость. По своимъ производительнымъ функціямъ люди подъ гнетомъ капитала все болѣе дифференцируются, въ потребленіи же своемъ они все болѣе нивеллируются. Если въ старое время имущество каждаго было индивидуальнымъ произведеніемъ его рукъ и головы, какъ бы воплощеніемъ частицы его «я», то въ настоящее время окружающіе насъ предметы потребленія представляютъ собою произведенія многихъ головъ и многихъ рукъ. Къ ихъ творцамъ мы совершенно равнодушны, также какъ и къ самимъ произведеніямъ, за которыя мы уплатили владѣльцу по рыночной цѣнѣ. Въ тѣсномъ кругу профессіональной дѣятельности, умъ съуживается нерѣдко до полнаго отупѣнія. За эту утрату полноты бытія и радостей творчества получили ли мы достаточное вознагражденіе въ видѣ богатства предметовъ потребленія, которыми мы теперь располагаемъ благодаря тому, что для насъ трудятся тысячи рукъ и за насъ думаютъ тысячи головъ? Или, быть можетъ, раздѣленіе труда, сдѣлавъ жизнь болѣе богатой наслажденіями, въ то же время сдѣлало ее болѣе бѣдной радостями?..

IX.

Организація труда и образованіе общественныхъ классовъ.

Экономическая организація труда [1]) во всѣхъ своихъ формахъ есть актъ приспособленія. Всѣ явленія этого рода, относятся ли они къ области соединенія труда, сотрудничества или раздѣленія труда, исходятъ изъ стремленія устранить возможное несоотвѣтствіе между трудовою задачей и индивидуальными силами и привести ихъ въ соотвѣтствіе другъ съ другомъ. Вслѣдствіе этого, они должны оказывать вліяніе на личность, вынуждая ее приноровляться физически и духовно къ опредѣленной трудовой задачѣ и приспособляться къ ней. При этомъ вначалѣ всегда необходимо преодолѣть извѣстное сопротивленіе со стороны человѣческой природы; но коль скоро это удалось, дальнѣйшее упражненіе уже вызываетъ вмѣсто отрицательнаго дѣйствія положительное. Человѣкъ начинаетъ вникать въ особенности своего труда; у него вырабатывается въ этомъ отношеніи особая сноровка; направленныя постоянно къ одной и той же цѣли, умственныя силы развиваются въ этомъ именно направленіи; словомъ—предрасположеніе къ этому труду становится частью его существа, которою онъ отличается отъ другихъ людей.

Если, такимъ образомъ, родъ труда, которому посвящаетъ себя человѣкъ, способенъ наложить особый отпечатокъ на его индивидуальность, то возникаетъ вопросъ, насколько такія обусловленныя трудомъ индивидуальныя отличія вліяютъ на общественную жизнь человѣчества. Болѣе рѣзко вопросъ этотъ формулируется такъ: со-

---

1) Для лучшаго пониманія излагаемаго въ этомъ очеркѣ и двухъ предыдущихъ будетъ небезполезно дать здѣсь схематическій обзоръ видовъ и подвидовъ организаціи труда.

A. Соединеніе труда.

B. Сотрудничество.
- 1. Работа въ компаніи.
- 2. Работа скопомъ.
  - a. Простыя работы скопомъ.
  - b. Связныя работы.
- 3. Групповыя работы.

C. Раздѣленіе труда.
- 1. Образованіе профессій.
- 2. Спеціализація.
- 3. Раздѣленіе производства.
- 4. Расчлененіе труда.
- 5. Перемѣщеніе труда.

отвѣтствуетъ ли опредѣленной организаціи труда и опредѣленный строй общества, и какое вліяніе первая оказываетъ на второй?

Вопросъ этотъ не такъ простъ, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Проще всего, напримѣръ, было бы свести индійскую кастовую систему къ наслѣдственной передачѣ профессій и считать, слѣдовательно, источникомъ ея раздѣленіе труда. Но мы знаемъ, что низшія касты другого происхожденія, чѣмъ высшія, и существуютъ нѣкоторыя указанія на то, что при возникновеніи этихъ наслѣдственныхъ общественныхъ классовъ оказали также вліяніе мѣсто жительства и имущественное состояніе. Затѣмъ, сущность кастъ усматривали въ чистотѣ крови и общенія. Такъ, напримѣръ, различіе кастъ исключало общность трапезъ, не препятствуя, повидимому, тому, чтобы занятія были одинаковы. Все это вполнѣ допускаетъ предположеніе, что раздѣленіе по профессіямъ является не причиной [1]), а слѣдствіемъ возникшаго изъ племенныхъ различій раздѣленія на касты. Подобный же процессъ развитія можно установить и для средневѣковыхъ сословій.

Вообще, что касается отношеній между хозяйствомъ и обществомъ, то не слѣдуетъ забывать, что они имѣютъ взаимный характеръ, и при этомъ весьма рѣдко удается точно установить, что является причиной и что послѣдствіемъ. Подобно тому какъ какой-нибудь видъ организаціи труда, захватывающій личность на всю жизнь, даетъ обществу своеобразно дифференцированныхъ людей, точно также и общество, съ своей стороны, въ своихъ слояхъ и отдѣльныхъ личностяхъ, даетъ для организаціи труда готовый матеріалъ. Извѣстнаго рода организація труда облегчаетъ развитіе опредѣленныхъ формъ сотрудничества и раздѣленія труда, тогда какъ другія формы организаціи затрудняютъ ихъ развитіе. При господствѣ рабства, напримѣръ, лучше всего процвѣтаютъ связныя работы (Arbeitverkettung); наличность многочисленнаго класса неимущихъ рабочихъ способствуетъ тому, что развивается расчлененіе труда. Но соціальные моменты сами по себѣ еще не могутъ вызвать указанныхъ явленій; для этого должны существовать кромѣ того условія техническаго и общекультурнаго характера: напримѣръ, для расчлененія труда — многообразно дифференцированный аппаратъ орудій производства.

Такимъ образомъ, всѣ эти взаимоотношенія чрезвычайно сложны и требуютъ при изслѣдованіи ихъ большой осторожности. Большею частью удается только установить, что въ хозяйственной и соціальной жизни идетъ рука объ руку, но мы лишь рѣдко въ состояніи рѣшить, какова причинная зависимость между данными явленіями. Если мы, сообразно съ этимъ, попытаемся указать тѣ соціальныя отношенія, какія соотвѣтствуютъ различнымъ формамъ организаціи труда, то мы очутимся въ области, чрезвычайно мало изслѣдован-

---

[1]) Быть можетъ, сказанное выше (стр. 47 и слѣд.) о племенныхъ промыслахъ способно навести на правильное объясненіе.

ной, гдѣ каждый шагъ, сдѣланный въ сторону отъ прямого пути, ведетъ въ непроходимыя дебри.

Что касается, прежде всего, наиболѣе древней системы организаціи труда—соединенія труда, то оно, повидимому, не оказало на общество никакого вліянія. Первыя его проявленія относятся къ дохозяйственному періоду, когда каждый вынужденъ былъ производить всю необходимую для его жизни работу. Въ болѣе широкихъ размѣрахъ соединеніе труда встрѣчается на раннихъ ступеняхъ замкнутаго домашняго хозяйства. Орудія производства несложны и малочисленны; каждое изъ нихъ служитъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей; всякій долженъ умѣть владѣть ими. Такого рода трудъ, очевидно, не можетъ породить расслоенія общества, не можетъ создать соціально зависимыхъ отношеній. Такое общество должно, повидимому, состоять изъ однородной массы хозяйствъ, и таковымъ оно дѣйствительно является, пока господствуетъ общинная собственность на землю. Внутри каждаго отдѣльнаго хозяйства можетъ имѣть мѣсто раздѣленіе труда между мужчинами и женщинами; но внутри общества раздѣленія труда еще нѣтъ; каждое домохозяйство въ этомъ отношеніи есть точная копія прочихъ. Если тѣмъ не менѣе встрѣчаются соціальныя различія, то причину ихъ нужно искать въ другихъ обстоятельствахъ.

На болѣе высокихъ ступеняхъ развитія вплоть до самыхъ высшихъ соединеніе труда сохраняетъ тотъ же характеръ. Въ настоящее время оно имѣетъ мѣсто почти исключительно въ низшихъ сферахъ экономической жизни и въ низшихъ слояхъ общества. Оно большею частью вытекаетъ изъ стремленія къ самостоятельности, являясь поддержкой «маленькихъ людей», ихъ опорой и утѣшеніемъ. Иногда оно проявляется здѣсь даже какъ противодѣйствіе слишкомъ далеко зашедшему раздѣленію труда [1]). Если бы оно одно господствовало въ хозяйствѣ народовъ, то это привело бы общество къ смертельному однообразію, ибо имъ исключается всякое стремленіе снизу вверхъ.

Другое дѣло сотрудничество. Правда, въ своей наиболѣе непрочной формѣ—работы въ компаніи, оно имѣетъ мѣсто только временно между равными и не можетъ поэтому оказывать вліяніе на разслоеніе общества, являясь, въ лучшемъ случаѣ, отраженіемъ его. Напротивъ того, обѣ формы работы скопомъ оказываются не безразличными для соціальной группировки; онѣ создаютъ и сохраняютъ зависимыя соціальныя отношенія или поддерживаютъ существованіе тѣхъ отношеній, какія образовались подъ вліяніемъ другихъ условій. И то же, хотя и съ меньшей опредѣленностью, можно сказать о нѣкоторыхъ формахъ групповыхъ работъ. Въ обоихъ случаяхъ сотрудничество многихъ обусловливается значи-

---

[1]) Сравн. мою статью въ Handwörterbuch d. Staatsw. IV, стр. 377. (Русск. перев.—въ сборникѣ „Исторія труда, въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности". Статьи изъ „Handw. d. Staatsw.", подъ ред. С. Н. Булгакова. Изд. Водовозовой. 1897, стр. 76 и слѣд.).

тельностью работы по сравненію съ недостаточностью орудій, и въ томъ случаѣ, если такого рода работы постоянны или часто повторяются въ какой-нибудь отрасли хозяйства (напримѣръ, въ сельскомъ хозяйствѣ), онѣ требуютъ для своего обезпеченія прочной соціальной группировки, охраняемой какою-нибудь высшею властью.

Этимъ въ значительной мѣрѣ объясняется продолжительное существованіе рабства и крѣпостничества, хотя нельзя сказать, чтобы эти институты первоначально возникли изъ необходимости сотрудничества. Повсюду, однако, гдѣ существовало владѣніе людьми и наслѣдственная зависимость рабочаго населенія, мы видимъ, что вначалѣ господинъ и рабъ мало отличались другъ отъ друга, что оба они одинаково трудились, и что зависимое сословіе по численности не только не превосходило господствующее, но было даже меньше его. Но съ теченіемъ времени это измѣняется; порабощенная часть населенія становится болѣе многочисленной, не столько вслѣдствіе естественнаго роста, сколько благодаря войнамъ, похищенію и покупкѣ рабовъ, угнетенію болѣе слабыхъ свободныхъ людей. И одновременно происходитъ рѣзкое отдѣленіе имущаго свободнаго населенія отъ несвободнаго; въ глазахъ перваго трудъ является чѣмъ-то позорнымъ, для второго онъ становится все болѣе тяжелымъ ярмомъ. Глубокая пропасть раздѣляетъ общество на двѣ части, и нѣтъ другого средства устранить ее, какъ отмѣна принудительнаго труда. Но и это не всегда оказывается дѣйствительнымъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ того рѣзкаго различія между свободными и вольноотпущенниками, какое мы находимъ у римлянъ.

Необходимость такого постепеннаго развитія объясняется моментами техническаго характера, которыми обусловливаются болѣе сложныя формы сотрудничества. Вслѣдствіе несовершенства орудій [1]), для достиженія болѣе крупныхъ результатовъ необходимо массовое примѣненіе человѣческой силы. Всякій успѣхъ отдѣльнаго хозяйства возможенъ лишь при условіи увеличенія числа его подневольныхъ рабочихъ. Всякій ростъ благосостоянія господствующихъ классовъ связанъ съ огромнымъ, по нашимъ понятіямъ, расточеніемъ человѣческаго матеріала. Послѣдній же въ цѣляхъ болѣе производительнаго примѣненія труда долженъ быть организованъ и дисциплинированъ.

Необходимость групповою пользованія рабочей силой несвободнаго населенія всегда объяснялась его ненадежностью и лѣностью, вслѣдствіе чего требуется строгій надзоръ за работой, и, дѣйствительно, эти признаки являются повсюду характерными для несвободнаго труда въ качествѣ постояннаго института. Но не только для него одного; они представляютъ собою необходимыя сопутствующія явленія всякаго полуцивилизованнаго общества и встрѣчаются также среди людей свободныхъ. Кромѣ того, рабовла-

---

[1]) Сравн. также A. Loria: „Die Sklavenwirtschaft im modernen Amerika und im europäischen Altertum" въ Ztschr. f. Social- und Wirtschaftsgeschichte IV, стр. 68 и сл.

дѣлецъ на-ряду съ системой сотрудничества примѣняетъ также систему раздѣленія труда тамъ, гдѣ есть возможность отвести каждому рабочему особый кругъ обязанностей, за выполненіе которыхъ онъ является отвѣтственнымъ [1]). Но большею частью въ области производства такое выдѣленіе особаго круга работъ для каждаго является или невозможнымъ, или невыгоднымъ, вслѣдствіе чего при принудительномъ трудѣ сотрудничество имѣетъ особенно обширное примѣненіе и является преобладающимъ принципомъ организація хозяйства.

Уже Давидъ Юмъ [2]) замѣтилъ, что рабство необходимо требуетъ строгой военной дисциплины, и мы дѣйствительно находимъ ее всегда при этой системѣ организація труда.

Въ древнемъ Египтѣ «каждое большое хозяйство имѣло своихъ ремесленниковъ и рабочихъ, раздѣленныхъ на партіи. Мы встрѣчаемъ такія партіи во владѣніяхъ знатныхъ людей древняго царства и видимъ, какъ онѣ, предводительствуемыя знаменосцемъ, дефилируютъ предъ владѣльцемъ помѣстья. Особую партію составляютъ и гребцы; и даже демоны, везущіе ночью солнечную ладью по подземному царству, носятъ его названіе. Такъ же организованы ремесленники въ храмахъ и некрополяхъ; египетскій чиновникъ не можетъ себѣ иначе представить людей низшаго сословія, какъ въ формѣ толпы; единичный рабочій такъ же мало существуетъ для него, какъ для нашихъ генераловъ—единичный солдатъ... Если даже свободные и полусвободные работники выступаютъ только партіями, то настоящіе крѣпостные храмовъ и некрополей, а также крѣпостные крестьяне организованы совершенно какъ воинскія команды и считаются даже частью арміи» [3]).

Нѣчто подобное существовало и въ крупныхъ рабовладѣльческихъ хозяйствахъ древняго Рима. Въ помѣстьяхъ несвободные рабочіе раздѣлены на отдѣлы, смотря по ихъ занятіямъ; каждый отдѣлъ распадается, въ свою очередь, на рабочіе отряды,—не болѣе чѣмъ въ десять человѣкъ каждый,—которые подчинены «погонщику»; всѣ они вмѣстѣ находятся подъ начальствомъ вилликуса. Ежедневный трудъ совершается въ военномъ порядкѣ; ночью они помѣщаются въ казармахъ. Въ наиболѣе богатыхъ домахъ и familia urbana имѣетъ такой же характеръ; при императорскомъ дворѣ отдѣлы рабовъ носятъ прямо названія коллегій или корпорацій [4]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ необходимость сотрудничества привела къ прочнымъ организаціямъ среди несвободнаго населенія. Въ неменьшей степени это имѣло мѣсто и впослѣдствіи въ римскомъ колонатѣ, въ средневѣковомъ барщинномъ строѣ и въ новѣйшемъ

---

1) Это дѣлается даже особенно часто при домашнихъ работахъ и службахъ. См. выше, стр. 77 и слѣд., а также стр. 213 и слѣд.

2) Essays, стр. 252.

3) Erman: Aegypten und ägyptisches Leben im Altertum, стр. 180—186.

4) Сравн. Marquardt: Privatleben der Römer, стр. 144 и слѣд., 154.

крѣпостничествъ, благодаря которымъ необходимыя для крупныхъ хозяйствъ рабочія силы объединялись въ замкнутыя корпораціи для того, чтобы при измѣняющейся потребности въ рабочихъ рукахъ они всегда имѣлись наготовѣ на время посѣва и жатвы. Можно даже сказать, что барщинный отдѣлъ, прикрѣпленіе къ землѣ и личная крѣпостная зависимость коренились въ необходимости сотрудничества, которой и обусловливалось широкое ихъ распространеніе и продолжительное существованіе.

Въ виду этого становится несомнѣннымъ воздѣйствіе сотрудничества на общественную группировку. Оно наложило на общество не только особый соціально-правовой отпечатокъ, но оказало существенное вліяніе и на душевный складъ работниковъ. Одинъ изъ самыхъ глубокомысленныхъ наблюдателей сѣверо-германскихъ аграрныхъ условій XVIII вѣка [1]) находилъ, что наиболѣе бросающеюся въ глаза чертой характера крестьянъ является «тѣсная привязанность ихъ другъ къ другу. Они болѣе общительны между собой, чѣмъ простые горожане. Они встрѣчаются ежедневно за работой въ усадьбѣ, лѣтомъ—на полѣ, зимой—въ амбарѣ или прядильнѣ. Они, подобно солдатамъ, образуютъ корпусъ и пріобрѣтаютъ также esprit de corps». Это относится ко всѣмъ видамъ несвободнаго состоянія: однородность и дисциплинированность труда создаетъ стадоподобныя массы, которыя тѣмъ тупѣе и лѣнивѣе, чѣмъ безнадежнѣе ихъ положеніе.

Въ этомъ заключается отчасти причина малой производительности ихъ труда, что, въ свою очередь, вызываетъ безчеловѣчную жестокость въ обращеніи съ ними, низводящую рабочаго на ступень животнаго. Отъ одного поколѣнія къ другому вмѣстѣ съ одинаковымъ трудомъ передается и одинаковый образъ мыслей, тѣ же чувства по отношенію къ угнетателю. Господствующій классъ уже замѣтнымъ образомъ, какъ умственно, такъ и физически, отличается теперь отъ угнетаемаго, какъ рослое дерево отличается отъ зачахшаго. Но причины и слѣдствія спутаны въ этомъ процессѣ въ одинъ безпорядочный клубокъ; мы видимъ только лабиринтъ дѣйствій и противодѣйствій хозяйственныхъ и соціальныхъ моментовъ, и нигдѣ не находимъ нити, по которой можно было бы безошибочно направиться при изученіи этихъ явленій. Существуютъ тѣсныя взаимоотношенія между обѣими областями—вотъ все, что мы можемъ установить съ нѣкоторою достовѣрностью.

Несравненно легче вопросъ этотъ разрѣшается въ отношеніи третьей формы организаціи труда, именно раздѣленія труда, и здѣсь онъ пріобрѣтаетъ для насъ особый интересъ. Ибо въ настоящее время онъ затрагиваетъ каждаго человѣка въ отдѣльности. Каждый изъ насъ, если онъ не хочетъ быть безполезнымъ членомъ человѣческаго общества, долженъ приспособиться къ какой-нибудь спеціаль-

---

[1]) Christian Garve, Ueber den Charakter der Bauern und ihr Verhältnis gegen die Gutsherrn und gegen die Regierung, Breslau 1786, стр. 14 и сл.

ной отрасли труда, и чѣмъ лучше онъ достигаетъ этого, тѣмъ болѣе значительными становятся различія между людьми во всѣхъ ихъ поступкахъ и мышленіи.

Германская перепись профессій 1907 года различала 13.668 профессій. Если даже допустить, что нѣкоторыя профессіи въ различныхъ частяхъ государства носятъ различныя наименованія, и что поэтому, во избѣжаніе двойного счета, необходимо сдѣлать изъ этой цифры нѣкоторый вычетъ, то не слѣдуетъ, съ другой стороны, забывать, что особенно въ области общественной службы и либеральныхъ профессій имѣются весьма различныя занятія, называемыя однимъ именемъ, и что многочисленныя работы, обусловленныя въ отдѣльныхъ крупныхъ предпріятіяхъ расчлененіемъ труда и составляющія спеціальность особыхъ рабочихъ, тоже далеко не всегда различаются переписью. Поэтому приведенную цифру можно скорѣй считать слишкомъ малой, чѣмъ преувеличенной. Такимъ образомъ мы имѣемъ 13.500 различныхъ видовъ человѣческой дѣятельности, изъ которыхъ каждая въ современномъ обществѣ можетъ стать задачей человѣческой жизни и подчинить себѣ всю личность человѣка.

Къ тому же постоянно образуются новыя спеціальности [1]). Всякій новый способъ производства, всякій успѣхъ въ области техники или науки подчиняется общему принципу раздѣленія труда и замыкаетъ мыслящихъ и чувствующихъ людей въ узкія рамки мелкихъ и мелочныхъ профессіональныхъ интересовъ. Время, которое предсказывалъ Фергюсонъ, когда и мышленіе станетъ особой профессіей, уже давно наступило. Кругъ общечеловѣческихъ интересовъ суживается въ той же мѣрѣ, въ какой расходятся между собой частные интересы безчисленныхъ жизненныхъ сферъ, и становится труднѣе борьба за существованіе.

Естественныя и культурныя различія между людьми, безъ со-

---

1) Съ 1882 по 1907 годъ число профессій, различаемыхъ германской статистикой, увеличилось на 7469. Оно равнялось по

	профессіональной переписи:		
	1882	1895	1907
A. земледѣліе, садоводство, скотоводство, лѣсоводство и рыболовство	352	465	851
B. горная, горнозаводская, фабричная и строительная промышленность	2661	5406	7616
C. торговля, пути и средства сообщенія	1215	2266	2592
D. домашнія услуги и перемѣнный поденный трудъ	75	82	125
E. военная, придворная, государственная, общественная и церковная служба, свободныя профессіи	1876	2079	2484
Итого	6179	10298	13668

Насколько этотъ численный прироостъ дѣйствительно соотвѣтствуетъ увеличенію видовъ профессій и въ какой мѣрѣ его слѣдуетъ приписать большей точности статистической обработки матеріала—трудно сказать. Но, безъ сомнѣнія, доля замѣчаемой разницы должна быть отнесена къ росту раздѣленія труда.

мнѣнія, способствуютъ тому, что они расходятся въ жизни въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ — но все же въ значительно меньшей степени, чѣмъ это нерѣдко полагаютъ. Конечно, всякій знаетъ, чѣмъ долженъ отличаться жокей отъ носильщика, пивоваръ отъ портного, танцовщица отъ пѣвицы, поэтъ отъ купца, если они находятся на высотѣ своего призванія. Но какія природныя качества заставляютъ одного стать изслѣдователемъ трихинъ, другого переплетчикомъ, мозольнымъ операторомъ, чулочнымъ фабрикантомъ или продавцомъ сигаръ,—было бы такъ же трудно опредѣлить, какъ предсказать успѣхъ отдѣльнаго человѣка въ какой-нибудь либеральной профессіи.

Если, такимъ образомъ, нѣкоторыя профессіи могутъ довести исключительное природное дарованіе до высшаго развитія, то въ большинствѣ случаевъ дарованіе не можетъ имѣть значенія. Но всѣ профессіи при постоянномъ упражненіи и навыкѣ приводятъ къ извѣстной дифференціаціи людей, ими занимающихся: одни органы, вслѣдствіе неупотребленія ихъ, атрофируются, тогда какъ другіе, вслѣдствіе постояннаго примѣненія, достигаютъ значительнаго совершенства; въ зависимости отъ рода труда личность физически, умственно и нравственно настраивается на извѣстный ладъ; профессія накладываетъ на нее особый, нерѣдко даже внѣшнимъ образомъ замѣтный отпечатокъ. Это все мы признаемъ, когда, встрѣчая незнакомыхъ намъ людей, мы невольно относимъ ихъ про себя къ той или иной профессіи.

Дифференцируя людей, экономическая организація труда простираетъ тѣмъ самымъ свое вліяніе и на все общество. Одинаковыя жизненныя задачи и воззрѣнія, одинаковое экономическое положеніе и привычки ведутъ къ образованію новыхъ соціальныхъ группъ. Возникаютъ профессіональныя сословія, связанныя до мельчайшихъ своихъ развѣтвленій настолько сильной общностью интересовъ, что она въ состояніи сгладить прежнюю сословную разницу или, по крайней мѣрѣ, свести ея значеніе до минимума. Мы сами были свидѣтелями того, какъ эти новыя соціальныя группы вышли за предѣлы политическихъ границъ, какъ эти, вытекающіе изъ профессіональной группировки, соціальные интересы и чувство общественности заглушали національное чувство, покоющееся на общемъ происхожденіи.

При этихъ условіяхъ мы имѣемъ основаніе поставить выдвинутый уже новѣйшей біологіей вопросъ: преемственны ли и въ какой мѣрѣ, вызванныя раздѣленіемъ труда, индивидуальныя различія между людьми въ обществѣ со свободнымъ выборомъ профессіи подобно тому, какъ этого рода особенности унаслѣдуются въ кастахъ и родовыхъ сословіяхъ? Дѣло идетъ въ данномъ случаѣ не только о прирожденныхъ, необходимыхъ для той или иной профессіи, качествахъ, возможность передачи которыхъ — но и только—никакъ нельзя отрицать. Дѣло идетъ о физическомъ и умственномъ предрасположеніи къ какой-нибудь профессіи, о пріобрѣтенной путемъ приспособленія къ опредѣленной сферѣ труда спо-

ровнѣ, объ обусловленномъ этимъ трудомъ умственномъ уровнѣ, о сложившемся подъ его вліяніемъ міровоззрѣніи и направленіи воли.

Съ такой точки зрѣнія вопросъ этотъ со времени шекспировской «Зимней Сказки» трактовался въ литературѣ не разъ, и обыкновенно такимъ образомъ, что изображалось вліяніе воспитанія, идущаго въ разрѣзъ съ характеромъ и условіями жизни родителей. Взгляды на результаты такого воспитанія въ теченіе послѣдняго столѣтія измѣнялись неоднократно, и на этой проблемѣ воспитанія и наслѣдственности историкъ литературы съ успѣхомъ могъ бы прослѣдить зависимость поэтическаго творчества отъ духа времени и жизненныхъ условій писателей. Въ то время какъ у Ландау («Gräfin Lea») дочь ростовщика, несмотря на отцовское воспитаніе, представляетъ образецъ благородства характера,—въ романѣ Арсена Гуссэ (Arsène Houssaye: Les trois duchesses) изъ трехъ подмѣненныхъ тотчасъ послѣ рожденія дѣтей сынъ крестьянина, несмотря на княжеское воспитаніе, по уму и наклонностямъ остается крестьяниномъ, дочь легкомысленной актрисы становится куртизанкой, а дочь герцогини и въ низменной средѣ проявляетъ прирожденную высоту образа мыслей.

И въ научной литературѣ вопросъ этотъ затрагивался не разъ. Такъ В. Г. Риль въ своихъ «Kulturgeschichtliche Charakterköpfe» противопоставляетъ «ограниченныхъ крестьянскихъ мальчиковъ», оканчивающихъ гимназію первыми, «умственно весьма развитыхъ сыновей образованныхъ родителей», которые съ трудомъ переходятъ изъ класса въ классъ. Первые, полагаетъ онъ, становятся въ университетѣ посредственными студентами, которыхъ скоро обгонитъ, если онъ вообще дойдетъ до университета, «образованный сынъ образованныхъ родителей». Въ концѣ концовъ прежній крестьянскій мальчикъ станетъ «въ высшей степени посредственнымъ, но всегда корректнымъ чиновникомъ». Что выходитъ изъ сына образованныхъ родителей, которому «различные умственные интересы были навѣяны уже въ родительскомъ домѣ», объ этомъ мы, къ сожалѣнію, не узнаемъ.

Съ притязаніемъ на строго-научное изслѣдованіе — котораго предыдущій авторъ, повидимому, не предъявляетъ—разсматриваетъ впервые и съ большой увѣренностью разрѣшаетъ этотъ вопросъ Шмоллеръ [1]). «Приспособленіе индивидовъ, говоритъ онъ, къ тому или другому роду труда, усиленное передачей по наслѣдству въ теченіе столѣтій, все болѣе увеличивало индивидуальныя различія

[1]) Шмоллеръ, въ рецензіи о моей книгѣ въ Jahrbuch für Gesetzg., Verw. und Volksw. XVII (1893), стр. 303 и сл., оспаривалъ это выраженіе, предлагая смотрѣть на эти его разсужденія какъ на своего рода „историко-философскій опытъ". Я не вижу разницы между этимъ опредѣленіемъ и выраженіемъ, мною употребленнымъ. Не могу также принять за доказанное, что я въ существенныхъ пунктахъ его не понялъ. Въ виду этого считаю наиболѣе правильнымъ оставить дальнѣйшее изложеніе въ томъ же видѣ, какъ оно было напечатано въ первомъ изданіи, обративъ вниманіе читателей на относящіяся сюда въ указан. мѣстѣ замѣчанія Шмоллера.

людей». Всякая высшая общественная организація покоится, по его мнѣнію, на непрерывной дифференціаціи, обусловленной раздѣленіемъ труда. «Касты, аристократія, въ видѣ духовенства, военачальниковъ, купцовъ, цеховой строй, вся современная организація труда являются лишь измѣняющимися по времени формами, навязанными обществу раздѣленіемъ труда и дифференціаціей, и каждый выполняетъ ту или иную функцію не только благодаря своимъ индивидуальнымъ особенностямъ и случаю, но также благодаря своему физическому и умственному складу, своимъ нервамъ, своимъ мускуламъ, которые обусловлены наслѣдственной передачей, предопредѣлены причинной зависимостью многихъ поколѣній. Различія же въ соціальномъ положеніи, имуществѣ, почетѣ и доходѣ являются лишь вторичными послѣдствіями соціальной дифференціаціи» [1].

Читатель, можетъ быть, ожидаетъ, что авторъ попытается доказать столь поразительныя положенія на основаніи данныхъ біологіи. Однако, если не считать многолѣтнихъ біологическихъ аналогій, онъ не идетъ этимъ путемъ. Между тѣмъ, если бы онъ пошелъ дальше въ томъ же направленіи, онъ неминуемо дошелъ бы до опредѣленія понятія наслѣдственности и разграниченія ея области отъ области подражанія и воспитанія [2].

Поэтому и мы вынуждены будемъ оставить этотъ путь и обратиться къ анализу того обширнаго историческаго и этнографическаго матеріала, на основаніи котораго Шмоллеръ выводитъ свои положенія.

Нѣчто странное происходитъ съ такого рода историческими доказательствами! Взору, обращенному назадъ, вещи представляются какъ бы перемѣщенными. Причина и слѣдствіе кажутся одинаково близкими. Мы находимся въ положеніи смотрящаго въ даль человѣка, которому выступающая далеко изъ-за группы домовъ колокольня представляется находящеюся непосредственно за передними зданіями.

Боюсь, что и Шмоллеръ въ рѣшающихъ моментахъ своихъ обширныхъ изысканій видѣлъ причинную зависимость историческихъ явленій въ послѣдовательности, противоположной дѣйствительной.

---

1) Срвн. статья Шмоллера о раздѣленіи труда въ его Jahrbuch, XIII, стр. 1003—1074, XIV, стр. 45—105 и краткую сводку выводовъ въ Preussische Jahrbücher, т. LXIX, стр. 464.

2) Такого рода попытку, правда, очень слабую, сдѣлалъ Felix: Entwicklungsgeschichte des Eigentums, стр. 130 и слѣд. Среди новѣйшихъ біологовъ занимающая насъ здѣсь проблема наслѣдственности уже кажется рѣшена; особенно Weismann (Das Keimplasma, Jena, 1892) рѣшительно оспариваетъ передачу по наслѣдству пріобрѣтенныхъ качествъ. Сравн. также: Galton: A theory of heredity въ Journal of the Anthropological Institut, V, стр. 329 и слѣд.; James: The Principles of Psychologie, II, 678.—Alfr. Russel Wallace (Studies scientific and social, I, стр. 512) приводитъ очень интересные примѣры, изъ которыхъ онъ выводитъ заключеніе, что пріобрѣтенная въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, путемъ упражненія, сноровка не передается по наслѣдству и не обнаруживаетъ способности къ росту.

Поскольку эти явленія не относятся къ временамъ, ускользающимъ отъ историческаго изслѣдованія, какъ, напримѣръ, возникновеніе кастъ, жреческаго сословія, древнѣйшаго дворянства—поразительный выводъ Шмоллера можно было бы, мнѣ кажется, безъ труда перевернуть и сказать: различіе въ имуществѣ и доходахъ есть не слѣдствіе, а главная причина раздѣленія труда.

Для прошлаго, поскольку изученіе его для насъ доступно, это можетъ быть доказано съ очевидною ясностью. Неравенство въ размѣрѣ и характерѣ землевладѣнія у древнихъ грековъ и римлянъ, а также у германскихъ и романскихъ народовъ, начиная съ ранняго средневѣковья, являлось основой сословныхъ различій. Дворянство, крестьянство, крѣпостные рабы представляютъ прежде всего только различныя въ имущественномъ отношеніи сословія и лишь со временемъ становятся профессіональными классами[1]. Образованіе профессій, начавшееся собственно въ средніе вѣка съ появленіемъ сословія ремесленниковъ, также имѣетъ свои корни въ распредѣленіи имущества. Дворовые или крѣпостные, не имѣвшіе земли, но владѣвшіе какимъ-нибудь промысломъ, начинаютъ примѣнять свое искусство за свой страхъ. Форма, въ какой они занимаются ремесломъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ бѣдности: это исключительно работа на заказъ, при которой ремесленникъ получаетъ матеріалъ отъ заказчика. Настоящее раздѣленіе производства между земледѣльцемъ и ремесленникомъ наступаетъ только позже. Ремесленникъ пріобрѣтаетъ собственный промышленный капиталъ. Но насколько капиталъ этотъ еще ничтоженъ, можно лучше всего усмотрѣть изъ того, что обыкновенно ремесленникъ работаетъ только поштучно на заказъ, и весь процессъ производства, продѣлываемый продуктомъ, находится въ однѣхъ рукахъ. Производство почти исключительно мелкое. Если какое-нибудь ремесло, вслѣдствіе обширности области производства, нуждалось въ болѣе крупномъ капиталѣ, то прибѣгали не къ крупному предпріятію съ расчлененіемъ труда, а къ спеціализаціи, которая, уменьшая размѣръ необходимаго промышленнаго капитала, сохраняла мелкое производство.

Такимъ образомъ, каждый шагъ, сдѣланный раздѣленіемъ труда въ средневѣковой промышленности, зависѣлъ отъ размѣровъ имущества. То же имѣло мѣсто и въ торговлѣ. Средневѣковый торговый классъ происходитъ изъ городскихъ землевладѣльцевъ, которые посредствомъ заклада домовъ и покупки ренты стали обладателями движимаго капитала. Изъ этихъ рентьеровъ и купцовъ создается въ XVII вѣкѣ классъ фабрикантовъ. Благодаря тому, что послѣдній своими капиталами оплодотворяетъ промышленность, возникаютъ обѣ новыя формы раздѣленія труда—расчлененіе и перемѣщеніе труда—и достигаетъ своего расцвѣта уже существовавшее

[1] „Служилое дворянство" не только не является доказательствомъ противъ этого, но, наоборотъ, говоритъ за такое пониманіе. Оно было бы немыслимо, если бы ему не предшествовало дворянство помѣстное.

ранѣе раздѣленіе производства. Только теперь полуфабрикаты массами переходятъ изъ одной мастерской въ другую, становясь въ каждой изъ нихъ капиталомъ, въ каждой принося доходъ; во всѣхъ отдѣлахъ производства на нихъ нарастаютъ новые проценты и издержки. Расчлененіе труда предполагаетъ наличность класса неимущихъ рабочихъ. Онъ возникаетъ изъ части ремесленнаго класса, лишившейся работы вслѣдствіе капиталистической организаціи раздѣленія труда, и изъ безземельнаго крестьянства.

Именно въ области промышленности зависимость раздѣленія труда отъ имущественныхъ условій особенно ярко выступаетъ наружу. Въ средніе вѣка всякій успѣхъ раздѣленія труда въ области промышленности приводилъ къ увеличенію числа источниковъ дохода для городского населенія, ибо уменьшалъ размѣры промышленныхъ капиталовъ; въ настоящее время прогрессъ въ сферѣ раздѣленія труда уменьшаетъ, наоборотъ, число самостоятельныхъ хозяйствъ, ибо увеличиваетъ размѣры необходимаго основного и оборотнаго промышленнаго капитала. Въ средніе вѣка стремились возможно дольше задержать продуктъ въ производствѣ, чтобы воплотить въ немъ возможно большее количество труда; въ настоящее время, благодаря расчлененію труда, оборотный капиталъ возможно быстро проводится черезъ данный отдѣлъ процесса производства, чтобы создать возможно болѣе выгодное отношеніе между уплачиваемымъ процентомъ и выручаемой прибылью. Въ средніе вѣка недостатокъ въ капиталахъ вызывалъ спеціализацію; въ настоящее время обиліе капиталовъ ведетъ къ расчлененію и перемѣщенію труда.

Итакъ, въ своихъ основныхъ чертахъ современная соціальная дифференціація обязана своимъ возникновеніемъ различіямъ въ распредѣленіи имущества и продолжаетъ покоиться на этомъ основаніи, все болѣе укрѣпляемомъ современнымъ хозяйственнымъ строемъ. Послѣднее объясняется весьма просто слѣдующими двумя обстоятельствами: 1) при нашемъ экономическомъ строѣ всякая профессія приноситъ доходъ; но только имущіе имѣютъ возможность изъ всей области организаціи труда выбрать себѣ наиболѣе доходныя мѣста, предоставивъ неимущимъ удовлетворяться менѣе доходными [1]. 2) имущество по своей капиталистической природѣ способно и безъ личнаго труда владѣльца приносить доходъ и съ этой своей способностью передается по наслѣдству. Поскольку наши имущіе классы представляютъ собою и соціально-профессіональные классы, они являются таковыми не въ силу того, что профессія создаетъ имущество, а вслѣдствіе того, что выборъ профессіи обусловливается имущественнымъ состояніемъ, и приносимый ею доходъ обыкновенно повышается и понижается подобнымъ же образомъ, какъ и размѣры имущества, на которомъ основывается данная профессія.

---

[1]) Сравн. Lotmar: Die Freiheit der Berufswahl (Leipzig, 1898), стр. 27.

Все это не представляетъ собою ничего новаго. Каждый изъ насъ дѣйствуетъ по этому принципу, который подсказываетъ намъ ежедневный опытъ и который признавался всегда и экономической наукой. Не даромъ же вся теорія заработной платы исходитъ изъ предположенія, что сынъ рабочаго не можетъ стать ничѣмъ инымъ, какъ рабочимъ, и что обусловливается это не его наслѣдственной профессіональной приспособленностью, а его бѣдностью. Неужели же нужно еще доказывать, что профессіи, для которыхъ требуется капиталъ или значительныя издержки на подготовку, почти что закрыты для неимущихъ? Пресловутая «свобода выбора занятій» имѣетъ такимъ образомъ значеніе только въ очень узкихъ предѣлахъ. Въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ эти предѣлы иногда переступаются; въ общемъ же степенью состоятельности родителей опредѣляется если не спеціальность каждаго, то во всякомъ случаѣ тотъ соціально-профессіональный классъ [1]), къ которому онъ будетъ принадлежать. «Соціальный рангъ» для каждаго профессіональнаго класса въ глазахъ людей врядъ ли сохранилъ бы свое значеніе безъ соотвѣтственнаго имущественнаго ценза—доказательство тому, что и онъ въ концѣ концовъ есть не «вторичный результатъ соціальной (основанной на раздѣленіи труда) дифференціаціи», а дитя брака по разсчету между имуществомъ и профессіей.

Сколько бы мы ни различали соціально-профессіональныхъ классовъ, каждый изъ нихъ обнимаетъ собой весьма разнообразныя отрасли, между которыми совершается постоянный обмѣнъ рабочихъ силъ. Этотъ обмѣнъ происходитъ постольку, поскольку приблизительно равны имущественныя условія этихъ профессій, т. е. поскольку онѣ находятся въ одномъ «соціальномъ рангѣ»—иначе говоря: поскольку люди вступаютъ между собой въ бракъ, бываютъ другъ у друга, находятся на одномъ и томъ же образовательномъ уровнѣ. Всѣ эти моменты находятся между собой во взаимодѣйствіи. Намъ ежедневно приходится видѣть, какъ крупный чиновникъ заставляетъ сына своего заниматься сельскимъ хозяйствомъ, имѣя въ виду купить ему впослѣдствіи помѣстье, какъ сынъ крупнаго помѣщика или фабриканта избираетъ ученую карьеру, сынъ священника становится инженеромъ, сынъ инженера—врачемъ, сынъ врача—купцомъ, сынъ купца—юристомъ или архитекторомъ. Такъ же легко и часто совершается переходъ отъ крестьянина къ сельскому учителю или пивовару, отъ пекаря къ часовыхъ дѣлъ мастеру, отъ кузнеца къ переплетчику, отъ рудокопа къ фабричному рабочему, отъ сельскаго батрака къ желѣзнодорожному сторожу или извозчику. Несмотря на большую разницу въ техникѣ труда, мы всѣ находимъ такіе переходы въ соціальномъ отношеніи вполнѣ подходящими, а въ экономическомъ—вполнѣ правильными, хотя врядъ ли существуютъ болѣе «дифференцированные» раздѣленіемъ труда

[1]) Объ этомъ понятіи, въ которомъ я старался выразить взаимодѣйствіе между имуществомъ и профессіей, сравн. мое сочиненіе „Bevölkerung des Kantons Basel-Stadt", стр. 70.

люди, чѣмъ министръ и сельскій хозяинъ, фабрикантъ и профессоръ, купецъ и архитекторъ и т. п. Къ тому же мы знаемъ, что во многихъ случаяхъ, когда сынъ фабриканта дѣлается фабрикантомъ, а сынъ крестьянина остается крестьяниномъ, это вызвано соотвѣтственнымъ профессіи имущественнымъ состояніемъ, независимо отъ того, насколько навязанная роль подходитъ данному человѣку.

Брошенный нами взглядъ на дѣйствительную жизнь долженъ предостеречь насъ отъ слишкомъ узкаго пониманія Шмоллеровской теоріи наслѣдственности дифференцированныхъ индивидуальныхъ качествъ, пріобрѣтенныхъ подъ вліяніемъ раздѣленія труда. Нельзя понимать эту теорію въ томъ смыслѣ, что сынъ сапожника, благодаря наслѣдственной приспособленности, дѣйствительно болѣе пригоденъ тачать сапоги, чѣмъ изготовлять, напримѣръ, рамки для картинъ, а сынъ пастора, хотя бы при рожденіи потерявшій отца, проявитъ наибольшую склонность къ духовному званію. Если бы въ этомъ послѣднемъ случаѣ предки пастора въ теченіе двухъ столѣтій передавали другъ другу духовный санъ, то, по біологической теоріи наслѣдственности, профессіональное приспособленіе изъ поколѣнія въ поколѣніе должно было бы возрасти, вслѣдствіе чего должно было бы обнаружиться большее совершенство въ области данной профессіи. Однако, врядъ ли кто-либо будетъ серьезно утверждать, что находящіяся въ подобномъ положеніи многочисленныя пасторскія семьи евангелической Германіи даютъ въ настоящее время сравнительно лучшихъ проповѣдниковъ и болѣе даровитыхъ пастырей, чѣмъ въ XVII вѣкѣ.

Въ области цехового ремесла нашихъ городовъ званіе мастера, вслѣдствіе эгоистичной замкнутости отдѣльныхъ промысловъ, съ XVI до XVIII вѣка, за ничтожными исключеніями, дѣйствительно всегда переходило отъ отца къ сыну. Тѣмъ не менѣе техника при этомъ не только не усовершенствовалась, но даже понижалась и падала, какъ доказалъ это самъ Шмоллеръ въ одной изъ болѣе раннихъ своихъ работъ [1]). Сыновья не только не превзошли отцовъ въ искусности, но оказались даже неспособными удержаться на достигнутой предками высотѣ профессіональной сноровки.

Въ виду всего этого, не желая быть несправедливыми къ этой новой теоріи, мы должны будемъ понимать ее въ смыслѣ наслѣдственной передачи физическихъ и умственныхъ свойствъ между членами одного и того же соціально-профессіональнаго класса. Но такъ какъ соціально-профессіональная группировка обыкновенно совпадаетъ съ имущественною и подоходною, и такъ какъ имущество и доходъ опредѣляютъ высоту (матеріальнаго и умственнаго) уклада жизни, то отъ автора этой теоріи мы въ правѣ потребовать проведенія границы между тѣмъ, что есть слѣдствіе обусловленнаго имущественнымъ состояніемъ класса образа жизни и воспитанія, и

---

1) Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19 Jahrhunde. стр. 14, 667 и сл.

тѣмъ, что должно быть отнесено къ унаслѣдованію профессіональной приспособленности. Если такое разграниченіе возможныхъ и вѣроятныхъ причинъ не проводится, если раздѣленію труда безъ разбора приписывается то, что съ большимъ вѣроятіемъ должно быть отнесено къ условіямъ имущественнаго распредѣленія, то всю эту теорію, при несомнѣнной слабости ея «историческаго доказательства», придется считать лишь неудачной дарвинистической аналогіей, бездоказательно выставленнымъ положеніемъ.

Никто, кажется, не подвергалъ сомнѣнію преемственность «физическаго и умственнаго склада», «нервовъ и мускуловъ» изъ поколѣнія въ поколѣніе въ предѣлахъ одного и того же соціально-профессіональнаго класса. Пусть она называется наслѣдственностью, но слѣдуетъ только упускать изъ виду, что каждое новое поколѣніе лишь путемъ обученія и воспитанія поднимается на духовный и нравственный уровень родителей. И если при этомъ элементы образованія навѣваются на него (по мѣткому выраженію Ріля—anfliegen) окружающей средой и примѣръ ея побуждаетъ къ подражанію, если безъ труда имъ усваивается многое, что другому, воспитывающемуся при иныхъ условіяхъ поколѣнію дается лишь съ большими усиліями, то все же главное здѣсь не въ прирожденномъ, а въ пріобрѣтенномъ. Это относится до извѣстной степени даже къ тѣлосложенію, поскольку оно зависитъ отъ питанія и воспитанія, отъ «нервовъ и мускуловъ» [1]).

Конечно элементы профессіональной приспособленности могутъ передаваться тѣмъ же путемъ «навѣванія» и подражанія, какъ и другіе элементы. Но процессъ этотъ кореннымъ образомъ отличается отъ наслѣдственности въ біологическомъ смыслѣ [2]). Унаслѣдуемое въ этомъ смыслѣ должно было бы обнаружиться даже въ томъ случаѣ, если бы потомство съ момента рожденія совершенно не находилось подъ вліяніемъ родителей.

Не знаю, существуютъ ли люди, полагающіе, что физическія и духовныя особенности, опредѣляющія культурный уровень нашихъ шести или восьми соціально-профессіональныхъ классовъ, преемственны въ томъ смыслѣ, что проявятся даже тогда, если потомство одного класса будетъ воспитываться въ сферѣ вліянія другого класса. Практическая жизнь даетъ въ этомъ отношеніи лишь единичные примѣры, и никто до сихъ поръ не потрудился собрать

---

1) Schäffle (Bau und Leben des socialen Körpers II, стр. 201) называетъ это физическою стороной педагогики. Онъ говоритъ: „Физическое воспитаніе каждаго новаго поколѣнія, развитіе въ немъ тѣлесныхъ качествъ отцовъ или дѣдовъ составляетъ огромную задачу, приходящую къ функціи полового размноженія... Этимъ вторымъ актомъ достигается такое физическое приспособленіе, какимъ не обладаютъ родители".

2) О немъ-то у Шмоллера и идетъ рѣчь, какъ онъ самъ ясно говоритъ въ „Preuss. Jhb." 69, стр. 464. Соціологическое понятіе наслѣдственности, конструированное Шефле (l. c. I, стр. 208 и сл.), его не интересуетъ, хотя многія изъ его разсужденій вызываютъ въ памяти конструкцію Шефле.

ихъ. Въ такихъ случаяхъ большею частью дѣло идетъ о дѣтяхъ низшихъ сословій, воспитанныхъ и даже формально усыновленныхъ членами высшихъ профессіональныхъ классовъ. Врядъ ли кто-нибудь рѣшится утверждать, что эти искусственно вошедшіе въ высшую соціальную группу элементы впослѣдствіи отличаются отъ элементовъ, принадлежащихъ къ ней по рожденію, худшими профессіональными качествами или болѣе низкимъ культурнымъ уровнемъ.

Другой рядъ относящихся сюда наблюденій даютъ тѣ случаи, когда потомство одного класса собственными силами поднимается до болѣе высоко стоящаго класса. Каждый знаетъ, какія трудности встрѣчаютъ такого рода попытки въ нашъ вѣкъ капиталистическаго производства, и какъ часто онѣ терпятъ крушеніе. Каждый легко представитъ себѣ и образъ «выскочки», который при всѣхъ своихъ профессіонально-техническихъ достоинствахъ не въ состояніи достигнуть духовно-нравственнаго уровня новаго класса, въ который онъ вошелъ. Въ этомъ уже кроется и тотъ фактъ, что вынуждаемое раздѣленіемъ труда приспособленіе къ профессіи—главное условіе матеріальнаго успѣха—можетъ быть безъ особаго труда достигнуто каждымъ, тогда какъ нравственное и умственное приспособленіе, требуемое культурнымъ уровнемъ профессіональнаго класса, созрѣваетъ очень медленно, при томъ лишь въ соотвѣтствующей обстановкѣ, и часто достигается только вторымъ или третьимъ поколѣніемъ.

Строго доказать несостоятельность наслѣдственной теоріи Шмоллера такъ же трудно, какъ трудно было найти доказательства въ пользу ея. Нужно было бы, пожалуй, разобрать всѣхъ великихъ людей того или другого народа по профессіямъ ихъ родителей и опредѣлить, сколько изъ нихъ вышло изъ низшихъ слоевъ. Одновременно съ этимъ необходимо было бы установить для каждаго класса степень вѣроятности достиженія принадлежащими къ нему лицами болѣе высокаго положенія, въ которомъ они только и въ состояніи найти приложеніе своему крупному дарованію. И, наконецъ, надо было бы опредѣлить отношеніе дѣйствительнаго количества великихъ людей, вышедшихъ изъ каждаго профессіональнаго класса, къ полученному на основаніи теоріи вѣроятности. Я думаю, нѣтъ надобности доказывать, что для такого изслѣдованія нѣтъ никакихъ данныхъ.

Можно однако положительно утверждать, что новая теорія противорѣчитъ пониманію современныхъ культурныхъ народовъ, основанному на наблюденіи многихъ поколѣній.

Какъ часто приходится слышать жалобы на то, что столько талантовъ погибаетъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій! Правда, на это возражаютъ, что всякій истинный талантъ всегда пробьетъ себѣ дорогу. Однако это утвержденіе, лестное для самолюбія счастливцевъ, жизнью рѣдко оправдывается.

Все наше соціально-правовое развитіе со времени французской революціи покоится на томъ принципѣ, что каждому открытъ доступъ ко всѣмъ свободнымъ профессіямъ и всѣмъ государствен-

нымъ должностямъ, въ которыхъ мы все еще видимъ высшую ступень профессіональнаго разслоенія. Принципъ «свободнаго выбора профессіи», признаніе котораго завоевано было послѣ тяжелой борьбы, былъ бы крупнымъ заблужденіемъ, а старанія провести его въ жизни—напраснымъ трудомъ, если бы для осуществленія его нужно было преодолѣть не только неравномѣрность имущественнаго распредѣленія, но еще и наслѣдственность профессіональнаго приспособленія.

Къ тому же и нѣкоторыя наиболѣе старыя учрежденія нашей университетской жизни при свѣтѣ этой теоріи оказались бы ошибочными. Всѣмъ извѣстно, какъ сильно затрудняетъ доступъ къ наиболѣе выгоднымъ профессіямъ дороговизна подготовки. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ давно усматривали большую опасность, являющуюся тормозомъ для созданія хорошихъ чиновниковъ и профессоровъ, и ее старались предотвратить посредствомъ установленія стипендій, предоставленія даровыхъ обѣдовъ, допущенія платежей въ разсрочку и т. п. мѣръ, которыя должны сдѣлать образованіе доступнымъ и для бѣдныхъ. Можно спорить о практическихъ результатахъ этихъ мѣръ. Но все же при оцѣнкѣ ихъ никогда не слѣдуетъ забывать, что успѣхъ въ той или иной привилегированной профессіи зависитъ не только отъ личныхъ достоинствъ человѣка, но также и отъ соціальнаго воспитанія каждаго, отъ его умѣнья использовать свои силы; что въ нашемъ несовершенномъ мірѣ скромный, хотя бы и достойный человѣкъ нерѣдко легко затирается дерзко пролѣзающею посредственностью; что поднимающемуся по соціальной лѣстницѣ съ самаго низу труднѣе взобраться на самый верхъ, чѣмъ тому, кто началъ взбираться съ середины ея. Нѣмецкое выраженіе «sich hervortun» [1]) удачно отмѣчаетъ моментъ личнаго участія въ успѣхѣ на профессіональномъ поприщѣ. Поэтому и «крестьянскія дѣти съ высшимъ образованіемъ», о которыхъ говоритъ Риль, впослѣдствіи остаются незамѣтными людьми врядъ ли по той причинѣ, что они неспособны создать ничего выдающагося, а вѣроятнѣе и потому, что въ извѣстный моментъ не сумѣли «выдвинуться», не сумѣли себя показать.

При всякой соціальной группировкѣ, при которой имѣетъ значеніе профессія, въ каждой группѣ возникаетъ классовое чувство, инстинктивно противящееся всякому желающему проникнуть извнѣ и не дающее ему ходу, несмотря на талантъ, тогда какъ своихъ членовъ, принадлежащихъ къ группѣ по рожденію, хотя и слабыхъ, оно поддерживаетъ и защищаетъ. Такъ, для карьеры въ чиновничьемъ мірѣ, болѣе другихъ сохранившемъ характеръ чисто профессіональнаго класса, на-ряду съ имуществомъ рѣшающее значеніе имѣютъ личныя и семейныя связи, и тамъ, гдѣ онѣ служатъ прикрытіемъ системы непотизма, онѣ могутъ придать этому сословію прямо таки родовой характеръ. Во всей остальной лежащей за его

---

[1]) Ему соотвѣтствуетъ русское слово „выдвинуться". *Примѣч. перев.*

предѣлами, обширной области профессіональнаго труда, до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать современная организація хозяйства, за имуществомъ тѣмъ паче сохранится значеніе главнаго фактора въ образованіи общественныхъ классовъ, рядомъ съ которымъ раздѣленіе труда будетъ имѣть лишь второстепенное значеніе, подобно тому, какое имѣетъ сотрудничество на ступени принудительнаго труда. Если профессія переходитъ отъ отца къ сыну, то это происходитъ не вслѣдствіе того, что унаслѣдуется профессіональная приспособленность, а потому, что переходитъ по наслѣдству имущество, отъ котораго зависитъ принадлежность къ профессіи.

Въ виду этого, наслѣдственная теорія Шмоллера —конечно, помимо воли ея автора—являетъ непривлекательныя черты соціальной философіи имущихъ классовъ. Она говоритъ человѣку низкаго происхожденія, почуявшему въ себѣ силу занять болѣе высокое положеніе въ профессіональной жизни: «оставь всякія надежды; твоя тѣлесная и духовная структура, твои нервы, твои мускулы, причинная зависимость между поколѣніями тянутъ тебя внизъ. Твои предки въ теченіе столѣтій были крѣпостными, твой отецъ и дѣдъ были поденщиками, ты предназначенъ для подобной же профессіи». Мнѣ нѣтъ надобности доказывать, насколько выводы этого новаго ученія рѣзко противорѣчатъ нашему нравственному сознанію, нашему идеалу справедливости.

Въ той стадіи недоказаннаго тезиса, въ которой это ученіе находится въ настоящее время, оно, по моему мнѣнію, опровергается довольно часто дѣлаемымъ наблюденіемъ, что весь путь отъ низшей до высшей точки современной культуры, отъ низшей до высшей ступени раздѣленія труда, отъ подножья до вершины соціальной лѣстницы продѣлывается въ обоихъ направленіяхъ въ теченіе одного поколѣнія. Нужно собственно удивляться, что подобное ученіе могло возникнуть у народа, который среди своихъ гигантовъ мысли насчитываетъ Лютера, сына рудокопа, Канта, сына шорника, Фихте, сына бѣднаго сельскаго ткача, Винкельмана, сына сапожника, Гауса, сына садовника, не говоря уже о многихъ другихъ [1]).

Существуетъ старинный анекдотъ о кардиналѣ, отецъ котораго былъ свинопасомъ, и гордомъ своимъ происхожденіемъ французскомъ посланникѣ. Въ какомъ-то сложномъ дѣлѣ, въ которомъ кардиналъ умѣло и настойчиво защищалъ интересы церкви, посланникъ вспылилъ и попрекнулъ его происхожденіемъ. «Дѣйствительно, ска-

---

1) Еще Валерій Максимъ написалъ главу (III, 4) „De humili loco natis, qui clari avaserunt“, которая начинается такъ: Saepe evenit, ut et humili loco nati ad summam dignitatem consurgant et generosissimarum imaginum foetus in aliquod revoluti dedecus acceptam a maioribus lucem in tenebras convertant.—Въ новѣйшемъ значительно смягченномъ изложеніи своей теоріи (Grundriss, стр. 396 и слѣд.) Шмоллеръ объясняетъ тотъ фактъ, „что въ народѣ, находящемся въ общемъ на высокой ступени развитія, великіе люди выходятъ изъ всѣхъ классовъ“ „своеобразнымъ вліяніемъ принципа измѣнчивости“. Но это ничего намъ не объясняетъ.

залъ кардиналъ, отецъ мой пасъ свиней, но если бы вашъ отецъ былъ свинопасомъ, то и вы остались бы тѣмъ же».

Въ этомъ маленькомъ разсказѣ лучше, пожалуй, чѣмъ это можно было бы сдѣлать длинными разсужденіями, выражено наблюденіе многихъ поколѣній, что достоинства отцовъ не всегда передаются внукамъ и правнукамъ, и если даже унаслѣдуется профессія, то часто умѣнье ее выполнять исчезаетъ. Всякая аристократія,—имущественная, или профессіональная,—съ теченіемъ времени вырождается, какъ вырождается растеніе, растущее на слишкомъ тучной почвѣ. Нѣтъ даже надобности понимать подъ этимъ нравственное вырожденіе, достаточно ослабленія физическихъ и умственныхъ силъ, пониженія размноженія, чтобы доказать, что притокъ свѣжей крови изъ низшихъ слоевъ профессіональной жизни въ высшіе является главнымъ условіемъ здороваго соціальнаго обмѣна вещества. Именно въ томъ, чтобы сдѣлать возможнымъ постепенное соціальное восхожденіе и постоянное обновленіе высшихъ профессіональныхъ классовъ, мы всегда усматривали великую задачу нашего времени, между тѣмъ какъ кастовый строй, являющійся необходимымъ результатомъ теоріи наслѣдственности, представлялся намъ не началомъ, а концомъ всякаго культурнаго развитія.

Мы твердо будемъ стоять на этой точкѣ зрѣнія. Разрѣшеніе этой проблемы является для современныхъ культурныхъ народовъ вопросомъ жизни. Ибо если исторія чему-нибудь насъ научила, то прежде всего слѣдующему. Если народъ не можетъ обновляться изъ бьющаго въ низшихъ классахъ родника свѣжихъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, то къ нему можно отнести сказанное когда-то Нибуромъ объ Англіи и Голландіи: онъ лишенъ своей сердцевины и неминуемо долженъ погибнуть.

X.

Типы большихъ городовъ на протяженіи пяти тысячелѣтій.

Большіе города не представляютъ явленія новѣйшаго времени. Имена Өивъ, Мемфиса, Вавилона, Ниневіи, Зузы, Экбатаны ведутъ насъ въ глубокую древность. Въ третьей главѣ пророка Іоны мы читаемъ, что Ниневія, этотъ «великій городъ», занималъ пространство въ три дня пути; Геродотъ [1]) разсказываетъ о Вавилонѣ, что онъ представлялъ огромный четыреугольникъ въ 120 стадій съ каждой стороны, всего, слѣдовательно, въ 480 стадій, или на нашу мѣру—въ 88 километровъ. Такимъ образомъ онъ занималъ плоскость въ 484 кв. килом., т. е. въ восемь разъ большую, чѣмъ Берлинъ, и почти въ двѣнадцать разъ большую, чѣмъ Дрезденъ. Одинъ теологъ-статистикъ, на основаніи указанія Іоны, что въ Ниневіи было «120,000 человѣкъ, не умѣвшихъ отличать правой и лѣвой стороны», насчиталъ въ ней милліонъ жителей [2]). Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что массы народа жили на пространствахъ, окруженныхъ крѣпкими стѣнами, величина которыхъ приводила въ изумленіе не только современниковъ, но и позднѣйшихъ путешественниковъ, видѣвшихъ развалины этихъ городовъ. Однако, они совершенно не походили на наши города. Они не имѣли связной сѣти улицъ, а представляли лишь огромныя пространства съ многочисленными большими и малыми группами домовъ, между которыми разстилались поля, сады, луга и фруктовыя рощи, служившія во время войны убѣжищемъ для всего окружнаго населенія и его стадъ и, благодаря своимъ размѣрамъ, крайне затруднявшія для непріятеля осаду. Разсказъ Аристотеля [3]) о томъ, что въ то самое время, какъ Вавилонъ уже три дня находился въ рукахъ непріятеля, часть «города» ничего не знала объ этомъ, представляется правдоподобнымъ.

Но возникновеніе подобныхъ городовъ всегда, повидимому, шло рука объ руку съ основаніемъ большихъ царствъ отдѣльными могущественными предводителями воинственныхъ племенъ. Поэтому

---

[1]) I, 178. (Геродотъ: Исторія въ девяти книгахъ. Русск. перев. Ө. Г. Мищенко. Москва, 1885. Т. I, стр. 91). Относ. дальн. срвн. въ особ. Pöhlmann: Die Uebervölkerung der antiken Grosstäde, Leipzig 1884.

[2]) Süssmilch: Göttl. Ordnung II, стр. 335 и сл.

[3]) Polit. III, 1, 12. (Аристотель: Политика. Перев. съ греческ. Н. Скворцова. Москва, 1865, стр. 125).

города эти были одновременно и столицами. Въ центрѣ ихъ возвышался царскій дворецъ, который со своими каменными громадами и стѣнами самъ представлялъ крѣпость, гдѣ жилъ царь со своими сокровищами, женами, тѣлохранителями и безчисленнымъ количествомъ рабовъ. По близости отъ него находились храмы національныхъ боговъ. Кругомъ жили вольные люди, чтобы въ случаѣ войны быть наготовѣ, тогда какъ женщины и дѣти во время походовъ оставались укрытыми отъ нападеній кочующихъ разбойниковъ. Въ господствѣ надъ Малой Азіей одно племя смѣнялось другимъ. Халдейское царство смѣнилось ассирійскимъ, ассирійское—вавилонскимъ, вавилонское—мидійскимъ, мидійское—персидскимъ. Но во время всѣхъ этихъ смѣнъ погабъ одинъ только большой городъ: Ниневія. Персидскіе цари жили попеременно во всѣхъ трехъ столицахъ царства: зимой—въ Вавилонѣ, весной—въ еламитской Зузѣ, а лѣтомъ—въ мидійской Экбатанѣ, съ тою цѣлью чтобы ихъ повсюду признавали наслѣдниками національныхъ царей [1]).

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ городами Египта [2]). Мы знаемъ относительно фараоновъ такъ называемыхъ средняго и ранняго царства (2180—1050 г.г. до Р. Х.) и есть основаніе предполагать относительно фараоновъ древняго царства (приблизительно 2000—2080 г.г. до Р. Х.), что каждый уважавшій себя царь при вступленіи на престолъ начиналъ «строить для себя городъ», который и получалъ его имя. Городъ строился по плану Ѳивъ, остававшихся, благодаря своей святынѣ, религіознымъ центромъ, въ теченіе долгаго времени, строился съ царскимъ дворцомъ, кладовыми, амбарами, садами и прудами, роскошь которыхъ воспѣвалась придворнымъ пѣвцомъ:

Его величество построилъ городъ
Имя ему побѣдоносный...
Онъ лежитъ между Палестиной и Египтомъ
И полонъ всякаго добра.
Онъ подобенъ южному оону
И будетъ долговѣченъ, какъ Мемфисъ.
Солнце восходитъ на его горизонтѣ
И заходитъ внутри его [3]).
Всѣ люди покидаютъ свои города
И селятся въ западной его части...
Аммонъ живетъ въ южной части въ храмѣ;
Но Астарта живетъ на сторонѣ, гдѣ восходитъ солнце,
А Уд'ойтъ въ сѣверной части [4]).
Дворецъ въ немъ
Подобенъ небесному своду.
Рамзесъ, любимецъ Аммона, въ немъ богъ и т. д.

---

1) Срвн. Ed. Meyer: Gesch. des Altertums III, § 15.

2) Относ дальн. см. Erman: Aegypten und Aegyptisches Leben im Altertum, стр. 242 и слѣд.

3) Указаніе на то, что въ немъ живетъ царь (Erman).

4) Каждое божество имѣетъ свой храмъ, обращенный къ той сторонѣ, въ которой находится его родина (Erman).

Только одна изъ этихъ столицъ, Мемфисъ, просуществовала долгое время; всѣ остальныя погибли вскорѣ послѣ смерти ихъ основателей; выступающія изъ береговъ воды Нила сравняли глиняныя постройки съ землей; насильственно переселенныя жители снова разсѣялись, и только воздвигавшіяся каждымъ изъ властителей пирамиды свидѣтельствуютъ объ ихъ мимолетномъ существованіи.

Это странное явленіе встрѣчается и до сихъ поръ въ Африкѣ, главнымъ образомъ въ обширной области, охватывающей пространство между южной границей Сахары и экваторомъ, и такъ какъ оно представляетъ наиболѣе древній типъ большого города, то не лишнимъ будетъ на немъ нѣсколько остановиться. Всѣ существующія тамъ болѣе или менѣе крупныя царства были основаны выдающимися предводителями воинственныхъ племенъ; покоривъ на большомъ протяженіи сосѣднія племена, они со своими воинами строили хорошо укрѣпленные города, откуда наводили страхъ на своихъ подданныхъ [1]). Послѣ смерти такого царя наслѣдникъ его основываетъ въ другомъ мѣстѣ новую столицу; прежняя же пустѣетъ и оставляется совершенно на произволъ судьбы; или во всякомъ случаѣ въ ней остается лишь небольшое число обитателей [2]). То же самое имѣетъ мѣсто, когда завоеватель покоряетъ какое-нибудь царство, съ тою лишь разницей, что въ этомъ случаѣ покоренная столица нерѣдко, превращаясь въ резиденцію намѣстника, влачитъ и впослѣдствіи жалкое существованіе.

Ясную картину такихъ мертвыхъ городовъ представляетъ собою Суданъ, гдѣ они обозначаютъ этапы распространенія магометанства. То, что сообщается въ описаніяхъ путешествій о размѣрахъ большихъ городовъ Сокото, Кано, Гандо, Кука, Катсена, Масена, напоминаетъ во многомъ описаніе Вавилона у Геродота. Колоссальныя каменныя ограды, выстроенныя и поддерживаемыя тяжелымъ трудомъ, окружаютъ огромныя пространства, лишь въ небольшой своей части застроенныя домами, въ остальной же представляющія поля, луга и фиговыя рощи. Единственное видное строеніе— царскій дворецъ, вблизи котораго ежедневно происходитъ оживленный рынокъ. Извѣстная безопасность въ отношеніи жизни и имущества господствуетъ только въ стѣнахъ города; вплоть до стѣнъ доходятъ разбойничьи племена пустыни, и горе тому, кто выйдетъ изъ города невооруженный! У Барта и Нахтигаля мы не разъ читаемъ о томъ впечатлѣніи, какое производили на нихъ эти города издали, и о той картинѣ пустоты и ужаса, которую они находили за ихъ стѣнами [3]). Даже знаменитый Тимбукту оказался сплошною развалиной, когда въ мартѣ 1894 года французы безъ боя имъ овладѣли; подъ желѣзнымъ игомъ туареговъ онъ превратился въ городъ смерти.

---

[1]) Срвн. Schurtz: Urgeschichte der Kultur, стр. 447 и сл.

[2]) Срвн. вып. первый, стр. 22 и слѣд.

[3]) Срвн. напр. Barth: Reisen und Entdeckungen in Nord-und Zentral-Afrika, II, стр. 49, 78, 123 и слѣд., 148, 168 и другія.

Мы можемъ назвать этотъ типъ города, встрѣчающійся и въ древнемъ Китаѣ, первобытнымъ деспотическимъ городомъ. Желѣзная сила создала его и согнала туда жителей какъ въ большой укрѣпленный лагерь. Дань, доставляемая въ натурѣ покоренными племенами, наполняетъ кладовыя и склады властелина и обильно кормитъ тысячеголовый придворный штатъ и многочисленный зависимый отъ него мелкій людъ; время отъ времени походы приносятъ «неисчислимую добычу». Кой-какая промышленность и производимая иностранцами торговля ютятся на окраинахъ города. Но въ общемъ такой городъ представляетъ собою лишь средство защиты и орудіе власти; въ экономическомъ же отношеніи онъ—только потребительный элементъ, участвующій въ національномъ производствѣ лишь тѣмъ, что снимаютъ его жители со своихъ садовъ, полей и фруктовыхъ деревьевъ.

Обращаясь далѣе къ древнеклассическимъ народамъ, грекамъ и римлянамъ, мы видимъ, что вся ихъ исторія есть въ сущности не что иное, какъ исторія городовъ; ихъ государства—города, ихъ строй—городской строй, ихъ культура—городская культура. Правда, они выступаютъ на историческую арену, какъ чисто земледѣльческій народъ, разсѣянный по неукрѣпленнымъ селамъ (κῶμαι, vici), живущій плодами земли, слабо сплоченный. Но здѣсь это не оканчивается, какъ у восточныхъ народовъ, тѣмъ, что какой-нибудь предводитель племени становится властелиномъ надъ многими или всѣми другими племенами и своей деспотической властью принуждаетъ ихъ къ рабскому повиновенію; здѣсь оно завершается тѣмъ, что племена превращаются въ города, покидаютъ сельскій образъ жизни и основываютъ въ годномъ для укрѣпленія мѣстѣ, за крѣпкими стѣнами, свободныя общины, въ которыхъ они находятъ защиту отъ внѣшняго врага и создаютъ кипучую внутреннюю общественную жизнь. Таковъ тотъ однообразный ходъ развитія, который имѣетъ мѣсто не только у грековъ и италиковъ, но и у всѣхъ почти народовъ, обитающихъ у Средиземнаго моря, отъ Малой Азіи вплоть до Испаніи и Галліи: повсюду небольшія племена стягиваются въ города, частью добровольно, частью по приказанію вліятельныхъ начальниковъ. Во времена римской имперіи этотъ процессъ захватываетъ даже варварскія страны: такъ, галльское племя аллоброговъ растворяется въ римской колоніи Віенна, а германскіе убіи въ Colonia Agrippinensis, нынѣшнемъ Кельнѣ.

Ранѣе всего этотъ замѣчательный процессъ превращенія въ города совершился у грековъ: у нихъ онъ обозначается особымъ выраженіемъ—синойкизмъ (общее поселеніе), и можно даже сказать: все то великое, что создано было эллинскимъ духомъ, вошло въ законъ и строй полиса—этого города-государства [1]). Греки и

1) Изложено на основаніи изслѣд. Emil Kuhn'a: Ueber die Entstehung der Städte der Alten. Komenverfassung und Synoikismus. Leipzig 1878. Срвн. кромѣ того Jac Burckhard: Griechische Kulturgeschichte Bd. I, и H. Francotte: La polis grecque, Paderborn. 1907.

сами сознавали это; горныя племена этоловъ, акарнановъ, озолійскихъ локрійцевъ, не продѣлавшія такого развитія, они считали полуварварами. Изъ всѣхъ греческихъ народностей, сыгравшихъ роль въ исторіи, только спартанцы составляютъ исключеніе, ибо у нихъ господствующее сословіе жило въ пяти неукрѣпленныхъ селахъ. Въ остальныхъ же мѣстностяхъ былъ полностью проведенъ принципъ синойкизма, либо такимъ образомъ, что все населеніе соединялось въ одномъ городѣ, какъ, напримѣръ, въ Аттикѣ (согласно сказанію—Тезеемъ), либо путемъ образованія нѣсколькихъ городскихъ центровъ, какъ, напримѣръ, въ Беотіи.

Сами греки видѣли основу синойкизма въ томъ, что люди, живущіе разбросанно, не способны поддерживать другъ друга во время войны, и политическое ихъ единство страдаетъ, если каждая мѣстность преслѣдуетъ свои цѣли. Къ нему прибѣгли, слѣдовательно, въ интересахъ обороны и гражданскаго единенія; и дѣйствительно, та воинская и политическая мощь, тотъ общественный духъ, то высокое развитіе искусства, выражающееся въ общественныхъ зданіяхъ, какія обнаружили эти городскія общины, останутся безпримѣрными во всѣ времена. Ѳукидидъ въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ: если допустить, что Спарта и Аѳины были бы разрушены вплоть до храмовъ и основаній стѣнъ, то позднѣйшія поколѣнія съ большимъ сомнѣніемъ отнеслись бы къ славѣ спартанцевъ, въ то время какъ могущество Аѳинъ имъ показалось бы вдвое большимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности [1]).

Въ маленькихъ государствахъ-городахъ, въ которыхъ, во время общенародныхъ собраній на рыночномъ мѣстѣ, голосъ оратора овладѣвалъ всей толпой, и всѣ граждане знали другъ друга, греки усматривали высшее воплощеніе политическаго духа, и тѣ идеальные образы государства, которые даютъ намъ Платонъ и Аристотель, въ существенныхъ своихъ чертахъ скопированы съ дѣйствительности. Человѣкъ для нихъ растворялся въ гражданинѣ, а гражданинъ въ полисѣ; внѣ города они не признавали жизни, для которой стоило бы жить.

Строго проведенный синойкизмъ представлялъ слiяніе всѣхъ населенныхъ мѣстностей страны въ одинъ городъ. Однако, вполнѣ достигалась эта цѣль только очень маленькими общинами, какъ, напримѣръ, Платеей, Ѳеспіей; въ болѣе крупныхъ странахъ, какъ въ Аттикѣ, селенія внѣ города, конечно, сохранились; но всѣ правительственныя власти находились въ городѣ, въ деревнѣ же для веденія хозяйства продолжали жить только мелкіе землевладѣльцы, арендаторы и рабы крупныхъ помѣщиковъ, во время войны поспѣшно спасавшіеся вмѣстѣ со скотомъ и добромъ за городскія стѣны. Состоятельный гражданинъ имѣлъ большею частью, кромѣ дома въ городѣ, еще и домъ въ деревнѣ, въ которомъ въ спокойныя времена онъ проживалъ часть года. Во всякомъ случаѣ идеальный

---

[1]) Ѳукидидъ I, 10. (Русск. перев. Ѳ. Г. Мищенко. Москва. 1887. Т. I, стр. 42).

гражданинъ государства-города долженъ быть землевладѣльцемъ и сельскимъ хозяиномъ, идеальное государство производитъ все, необходимое для существованія граждан, собственными силами; для него не существуетъ различія между городомъ и деревней. Обрабатывающая промышленность предоставлена чужестранцамъ (метэкамъ) и рабамъ. Только въ городахъ съ приморскими портами, которые соединялись съ городомъ «длинными стѣнами», торговля играли существенную роль въ снабженія жителей.

Ясно, что въ странѣ, раздѣленной по своимъ естественнымъ условіямъ на множество различныхъ частей, видѣвшей высшее политическое единство въ автономной городской общинѣ, несмотря на живое національное самосознаніе, не могло возникнуть объединенное національное государство. Города, правда, заключали между собою союзы, т. н. симмахіи, нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Аѳины въ делійскомъ морскомъ союзѣ, достигали при этомъ гегемоніи, а иногда могущественныя общины и прямо покоряли другія, присоединяли ихъ земли или дѣлили ихъ между гражданами по жребію; но все же въ общемъ сильнее стремленіе къ расширенію большею частью выражалось въ основаніи колоній, создававшихъ на чужбинѣ новыя поселенія по образцу родного города. Такимъ образомъ, мало по малу все Средиземное побережье и всѣ острова покрылись насажденными греками городами, изъ которыхъ греческій городской строй проникъ даже въ варварскія страны. Въ глубинѣ современной Россіи, въ странѣ будиновъ бѣглые греки основали городъ Гелонъ; ограда длиною въ тридцать стадій была изъ дерева, дома изъ дерева и храмы изъ дерева. Въ то время, какъ туземные варвары ведутъ кочующій образъ жизни, «гелоны воздѣлываютъ землю, ѣдятъ хлѣбъ и занимаются садоводствомъ». Ихъ святилища, по греческому обычаю, имѣютъ изображенія божества; «каждые три года они празднуютъ въ честь Діонисія празднества съ оргіями» [1]). Таково культурное значеніе эллинскаго городского строя, создававшаго повсюду только эту одну форму политической организаціи; лишь впослѣдствіи, въ царствахъ Александра Великаго и его діадоховъ, онъ, въ соединеніи съ македонскимъ вліяніемъ, сталъ ферментомъ крупныхъ территоріальныхъ государствъ. Только въ этотъ эллинистическій періодъ возникли дѣйствительно большіе города, какъ Александрія, Селевкія и Антіохія; но еще большой вопросъ, произошло бы это безъ вліянія восточныхъ элементовъ.

Эллинизмъ національный не создалъ большихъ городовъ. Многіе, правда, причисляли къ таковымъ Аѳины во времена ихъ расцвѣта. Точныя свѣдѣнія о численности аѳинскаго населенія до насъ не дошли; новѣйшія вычисленія общаго числа населенія, предпринятыя на основаніи античныхъ данныхъ относительно отдѣльныхъ классовъ населенія, колеблются между 250.000 и 640.000 душъ для всей

---

[1]) По Геродоту IV, 108 и слѣд. (Русск. перев. Ѳ. Мищенко, т. I, стр. 344—345).

Аттики, включая сюда гражданъ, метэковъ и рабовъ [1]). Врядъ ли Аѳины вмѣстѣ съ Пирэемъ когда-либо имѣли болѣе 150.000 постоянныхъ жителей. Большинство указанiй древнихъ относится къ числу гражданъ; судя по нимъ, оно равнялось 20—30.000, и это, по всей вѣроятности, соотвѣтствовало дѣйствительности. Надо помнить, что собственныхъ источниковъ пропитанiя въ этой большей частью гористой странѣ было мало, и что оживленная торговля, сосредоточившаяся въ Пирэѣ, почти всецѣло находилась въ рукахъ метэковъ. Существованiе такого огромнаго количества людей возможно было лишь благодаря тому, что Аѳины свое главенство въ делiйскомъ морскомъ союзѣ превратили въ господство надъ сотнями городовъ и острововъ, обязанныхъ имъ платить дань. Аѳинскiе граждане превратились такимъ образомъ въ властелиновъ огромнаго государства, и, по исчисленiю Аристотеля [2]), свыше 20.000 человѣкъ получало постоянное свое содержанiе изъ этого источника.

Перехожу къ римской имперiи, которая въ интересующемъ насъ вопросѣ имѣетъ особенно важное значенiе. Ибо на вершинѣ своего могущества она представляла господство одного города надъ всѣмъ мiромъ и своей системой управленiя усыпала всю эту обширную область городами, превративъ всѣ земли, подпавшiя подъ ея владычество, въ сплошной рядъ городовъ [3]). Колонiи римскихъ гражданъ и латинянъ въ качествѣ городскихъ укрѣпленныхъ пунктовъ служатъ въ Италiи показателями распространенiя римской государственности: первыя—въ прибрежныхъ мѣстностяхъ, вторыя—внутри страны. Позже возникаютъ земледѣльческiя колонiи—съ соцiально-политической цѣлью надѣленiя землей пролетарiевъ, и колонiи—для награжденiя землей ветерановъ. Во времена Августа вся Италiя вплоть до рѣки По «состояла изъ римскихъ городскихъ территорiй»; то, что мы называемъ «сельскими мѣстностями», не существовало; обычай помѣщиковъ жить въ городахъ, и теперь еще господствующiй въ значительной части Италiи, возникъ въ то время. Изъ Италiи эта система перешла въ провинцiи, отчасти путемъ, напоминающимъ греческiй синойкизмъ и современное присоединенiе предмѣстiй къ крупнымъ городамъ (римляне называли это attribuere), отчасти также благодаря основанiю городовъ императорами, богатыми купцами или дарованiю городскихъ привилегiй т. наз. лагернымъ городамъ. И здѣсь исчезаютъ сельскiя общины;

1) Свѣдѣнiя объ этомъ читатель найдетъ въ слѣдующихъ сочиненiяхъ: Boeckh: Staatshaushaltung der Athener II[3], стр. 42 и слѣд.; Beloch: Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt, стр. 57 и слѣд.; Ed. Meyer: Forschungen zur alten Geschichte II.

2) Аристотель: Аѳинское государственное устройство, 24. (Русск. перев. Н. Шубина. Спб. 1901, стр. 19). Любопытно, что Аристотель подчеркиваетъ въ началѣ и въ концѣ своего исчисленiя, что это и есть причина того, почему населенiе Аѳинъ сосредоточилось въ городѣ.

3) Относительно дальнѣйшаго срвн. E. Kuhn: Die städtische und bürgerliche Verfassung des Römischen Reichs bis auf die Zeiten Justinians. 2 тома, Leipzig, 1864/5 и статью E. Meyer'a „Kolonisation römische" въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, Supplementband II, стр. 544 и слѣд.

публично-правовое значеніе признается только за городами; земля же образуетъ ихъ округъ. Тому, что римляне сумѣли распространить свой языкъ и культуру далеко въ предѣлы варварскихъ странъ, они обязаны именно системѣ превращенія сельскихъ мѣстностей въ города и щедрому дарованію ими правъ гражданства покореннымъ народамъ [1]).

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что городъ Римъ, какъ центръ государства протяженіемъ свыше 100.000 кв. миль плодороднѣйшей на свѣтѣ земли, превратился въ дѣйствительно крупный городъ. О численности его населенія мы, правда, не имѣемъ надлежащихъ данныхъ; новѣйшія оцѣнки колеблются въ предѣлахъ 700.000 и двухъ милліоновъ. Прокормленіе такого количества людей было бы немыслимо при тѣхъ средствахъ сообщенія, которыя существовали въ древности, если бы не было водяного сообщенія съ моремъ по Тибру, по которому привозился изъ провинцій хлѣбъ, поступавшій оттуда въ качествѣ дани. Собственныхъ источниковъ дохода населеніе Рима не имѣло; экспортной промышленности не существовало; господствующее рабовладѣльческое хозяйство ограничивало даже имѣющуюся повсюду, гдѣ скопляется много народа, возможность кормиться розничной торговлей или всякаго рода личными услугами. Въ общемъ, населеніе Рима, подобно населенію Аѳинъ, пользовалось своимъ положеніемъ властелина: богатые составляли себѣ состояніе изъ занимаемыхъ ими должностей; бѣдные получали отъ государства «хлѣбъ и зрѣлища». Болѣе двухъ третей столичныхъ жителей, изъ которыхъ каждый воображалъ себя до извѣстной степени властелиномъ міра, пользовались публично раздаваемымъ хлѣбомъ. Число получавшихъ хлѣбъ еще до Цезаря достигало 320.000 мужчинъ, что вмѣстѣ съ женами и дѣтьми составляло 600.000 пролетаріевъ. Подобное же положеніе вещей находимъ впослѣдствіи въ Константинополѣ, когда туда была перенесена резиденція [2]).

О населеніи другихъ городовъ Италіи и провинцій имѣется мало свѣдѣній [3]). Возможно, что столицы діадоховъ подъ покровительствомъ установленнаго императоромъ мира сохранили или даже умножили численность своего населенія; можно было бы привести и изъ другихъ частей государства тотъ или иной городъ съ значительнымъ населеніемъ. Но на этихъ провинціальныхъ городахъ оправдывается сказанное нѣкогда Ѳукидидомъ объ Аѳинахъ: если мы будемъ судить по ихъ развалинамъ, то необходимо станемъ преувеличивать ихъ размѣры. Повсюду въ этихъ городахъ време-

1) О населеніи Рима см. Wietersheim: Gesch. der Völkerwanderung, I изд. I, стр. 392 и слѣд., Beloch, l. c. стр. 392 и слѣд. Противъ него Seek въ Jhb. f. N u. Stat. III, F. XIII, стр. 169 и слѣд. и отвѣтъ Beloch'a, l. c., стр. 328 и сл.

2) Срвн. ниже XII очеркъ.

3) Я вынужденъ ограничиться ссылкой на Beloch'a l. c., стр. 477 и сл. и Friedländera Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms III⁶, стр. 175 и сл.

нами господствовала настоящая строительная горячка. Побуждаемыя мѣстнымъ патріотизмомъ, даже мелкія городскія общины старались подражать Риму въ отношеніи роскоши храмовъ, портиковъ и акведуковъ; нерѣдко частныя лица тратили огромныя суммы на сооруженіе роскошныхъ общественныхъ зданій; во всѣхъ частяхъ римской имперіи сохранилась, благодаря прочности каменныхъ построекъ, масса величественныхъ остатковъ этой похвальной строительной роскоши. Длина городскихъ стѣнъ, о которой у древнихъ имѣются многочисленныя цифровыя данныя, еще менѣе можетъ служить масштабомъ для опредѣленія размѣровъ населенія, ибо мы не знаемъ, насколько застроена была окруженная стѣнами площадь.

Иную картину представляетъ германо-романское средневѣковье. Мы и здѣсь находимъ множество городовъ, довольно равномѣрно распредѣленныхъ по странѣ, но между ними раскинулись сельскія поселенія, мѣстечки, деревни, деревушки, болѣе древняго происхожденія, чѣмъ города. Если распредѣлять ихъ равномѣрно между городами, то на каждый городъ придется 30—40 [1]). Такой характеръ разселенія указываетъ на соціальный строй, въ которомъ города играли совершенно другую роль, чѣмъ въ древности.

Правда, и въ средніе вѣка они являются прежде всего средствами обороны, крѣпостями, и потому всегда окружены крѣпкими стѣнами, за которыми въ случаѣ войны укрывается и сельское населеніе. Но это сельское населеніе не растворилось въ городахъ, какъ это было въ римскомъ государствѣ. Оно имѣетъ свой особый соціальный строй и политическое значеніе. Оно образуетъ общины съ особымъ мѣстнымъ управленіемъ: старшинами и шеффенами, сельскими судьями и мн. др. Оно подвластно землевладѣльцу, будь то дворянинъ, князь или духовная корпорація, и подчинено особому земскому праву и земскому суду, тогда какъ городъ имѣетъ свое городское право и свой городской судъ. Городскіе жители носятъ названіе горожанъ, а сельскіе—крестьянъ; они образуютъ два рѣзко отличныхъ другъ отъ друга сословія. Итакъ, въ то время, какъ въ древности города поглотили села, въ средніе вѣка и тѣ и другіе являются самостоятельными и равноправными [2]).

Здѣсь передъ нами, такимъ образомъ, совершенно иной міръ, непохожій на древне-классическій,—міръ, для пониманія котораго необходимо уяснить себѣ экономическое различіе между древностью и средними вѣками. Въ Греціи и Римѣ городской житель одновременно является и землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ, хотя бы онъ производилъ работу не самъ лично, а черезъ своихъ рабовъ или

---

[1]) Мнѣ извѣстно только число общинъ, которыхъ въ 1900 году было 76.959, изъ нихъ 3.360 съ 2.000 и болѣе жит. и 73.599—менѣе 2.000 жит. Vierteljahrshefte zur Statistik des deutschen Reichs, XI (1902), 3, 82. Число мѣстностей, конечно, гораздо больше; срвн. выше стр. 91 и слѣд.

[2]) Впрочемъ, въ средневѣковыхъ «посадскихъ» мы имѣемъ зачатки того процесса развитія, который совершался въ древности. Срвн. мое сочиненіе: „Bevölkerung von Frankfurt a. M. im XIV и XV Jh.“, стр. 386 и слѣд.

арендаторовъ. Ксенофонтъ и Катонъ увѣряютъ, что хорошій гражданинъ долженъ быть и хорошимъ помѣщикомъ. Этой роли гражданинъ средневѣкового города не исполнялъ. Если онъ и разводилъ садъ или воздѣлывалъ нѣсколько полосъ земли, однако онъ прежде всего являлся промышленникомъ, ремесленникомъ. Городъ и деревня раздѣляли между собой экономическія функціи. Деревня добываетъ сырье и пищевые продукты, городъ обрабатываетъ эти сырые матеріалы и посредствомъ торговли привлекаетъ изъ другихъ странъ то, чего не можетъ произвести самъ. Крестьянинъ и горожанинъ обмѣниваются своими продуктами на городскомъ рынкѣ. Своего рода естественная необходимость связываетъ городъ и окружающія его села въ одно замкнутое экономическое цѣлое, которое путемъ раздѣленія труда само себя снабжаетъ и имѣетъ самодовлѣющій характеръ. При этомъ города обнаруживаютъ склонность искусственно закрѣплять это выгодное для нихъ положеніе различными окружными и складочными привилегіями. Они устанавливаютъ принципъ, что ремесленникъ не долженъ жить въ селѣ (запрещеніе производить и сбывать издѣлія въ городѣ, городская черта) и въ значительной мѣрѣ осуществляютъ его на дѣлѣ.

Средневѣковый городъ германскихъ и романскихъ народовъ является естественнымъ продуктомъ внутренняго экономическаго развитія страны, мѣстнымъ средоточіемъ промышленнаго и торговаго населенія [1]). Онъ имѣетъ, такимъ образомъ, свой особый «источникъ пропитанія» и представляетъ собою не только потребительный центръ, подобно городамъ грековъ и римлянъ, но и центръ всякой производительной дѣятельности. «Трудъ — краса гражданина». Послѣдній не живетъ данью покореннаго населенія или трудомъ рабовъ и чиншевиковъ, какъ аѳинскій или римскій гражданинъ, и тѣмъ не менѣе имѣетъ обезпеченное существованіе: средневѣковый городъ предоставляетъ городской рынокъ исключительно ремесленнымъ цехамъ; издѣлія, произведенныя внѣ города, онъ допускаетъ лишь въ видѣ исключенія. Онъ заботится о томъ, чтобы всѣ граждане находили себѣ одинаковое пропитаніе.

И по своему происхожденію большинство средневѣковыхъ городовъ отличается отъ городовъ древняго міра. Послѣдніе, какъ мы знаемъ, были почти всегда сооружены по приказанію публичной власти. Мы имѣемъ нѣчто подобное и въ средніе вѣка (напомню основаніе городовъ Генрихомъ I, вельфами, церингами); но большинство нѣмецкихъ городовъ все же выросло постепенно изъ сельскихъ общинъ. Правда, ихъ городское право основывалось на княжеской грамотѣ, но оно не сдѣлало ихъ зависимыми, а напротивъ, указало имъ путь къ гражданской свободѣ.

Экономическое положеніе средневѣковыхъ городовъ не позволяло скопляться слишкомъ большимъ массамъ въ одномъ мѣстѣ. Поэтому

---

[1]) О русскихъ „городахъ“ и ихъ совершенно особомъ положеніи срвн. интересныя данныя у П. Н. Милюкова: Очерки по исторіи русской культуры. 5-е изд. журн. „Міръ Божій“, ч. I, стр. 193 и слѣд.

больших городовъ мы въ эту эпоху не найдемъ. Мы не намѣрены умалять славы такихъ старинныхъ городовъ, какъ Кельнъ, Франкфуртъ, Страсбургъ, Аугсбургъ, Регенсбургъ. Но предположеніе, будто въ средніе вѣка въ нихъ было 60, 80 и даже 120 тыс. жителей, давно уже опровергнуто. Въ настоящее время въ отношеніи Нюренберга, Страсбурга, Нердлингена и Фрейбурга (Швейцарія) мы располагаемъ данными средневѣковыхъ переписей, а для цѣлаго ряда другихъ городовъ—сравнительно точными вычисленіями, сдѣланными на основаніи податныхъ реестровъ и списковъ гражданъ [1]. Согласно этимъ даннымъ получаются слѣдующія цифры городского населенія:

Любекъ (конецъ XIV в.)	22.300	Майнцъ (конецъ XV въ.)	5.800
Страсбургъ (1473/7)	20.722	Нердлингенъ (1459)	5.295
Нюренбергъ (1440)	20.165	Фрейбургъ (Швейц.) (1444)	5.200
Ульмъ (1427)	20.000	Фрейбургъ (Саксон.) (1474)	5.000
Аугсбургъ (1475)	18.000	Юберлингенъ (1444)	4.800
Цюрихъ (1410)	10.500	Дрезденъ (1474)	3.200
Франкфуртъ наМайнѣ (1387)	10.000	Лейпцигъ (1474)	4.000
Базель (1471/5)	9.000	Буцбахъ (1421)	2.200
Эгеръ (1446)	7.300	Мейссенъ (1481)	2.000

Такимъ образомъ, по численности населенія средневѣковые города въ общемъ не превышали размѣровъ современныхъ небольшихъ городовъ. Ихъ несомнѣнная мощь по сравненію съ земскими территоріальными властями покоилась на свободномъ строѣ городской жизни и на болѣе или менѣе совершенной соціально-экономической организаціи. Въ томъ же направленіи вліяла слабость центральной власти, не имѣвшей ни постоянной резиденціи, ни цѣльной системы управленія, при которой отдѣльные города могли бы выдвинуться какъ резиденціи провинціальныхъ и окружныхъ властей.

Все это измѣнилось съ возникновеніемъ централизованнаго государства, съ появленіемъ котораго мы вступаемъ въ современный періодъ развитія городовъ. Современное государство не терпитъ рядомъ съ собою самостоятельныхъ властей, его рѣшило судьбу не только автономнаго средневѣкового города, но также дворянскихъ и церковныхъ сеньоріальныхъ владѣній. Современное государство знаетъ непосредственно своихъ подданныхъ; оно не опредѣляетъ для городовъ и помѣстій податныхъ и рекрутскихъ контингентовъ, а устанавливаетъ для каждаго подданнаго податную и воинскую повинность. Для того, чтобы сложная организація управленія могла оказать свое дѣйствіе, необходимо было снова разложить общество на его естественные элементы и сгруппировать его на новый манеръ. Города, мѣстечки, села являются для него лишь ограниченными извѣстнымъ пространствомъ корпоративными союзами, пред-

---

[1]) Для краткости я сошлюсь на v. Jnama: Handwörterbuch d. Staatsw. II, стр. 663 и слѣд. (Русск. перев.—въ сборникѣ „Народонаселеніе“ ученіе о народонаселеніи. Статьи изъ „Handw. d. Staatsw.“ подъ ред. С. Булгакова. Изд. Водовозовой. 1897, стр. 22 и сл.) и Statist. Monatsschr. XI (1906), стр. 281.

назначенными для осуществленія государственныхъ задачъ; они представляютъ низшіе органы правительственнаго тѣла, простирающагося отъ окружныхъ и провинціальныхъ управленій вверхъ до центральныхъ учрежденій. Каждая мѣстная община должна по мѣрѣ силъ служить благу цѣлаго.

Но, для того, чтобы отдѣльныя мѣстности могли выполнить эту задачу плодотворно и наиболѣе хозяйственнымъ образомъ, ихъ необходимо было дифференцировать. Не всякая община въ состояніи одинаково хорошо выполнить любую задачу для блага цѣлаго, подчиненнымъ членомъ котораго она является. Внутренняя безопасность дѣлаетъ излишнимъ большинство городскихъ стѣнъ. Въ то время какъ въ средніе вѣка каждый городъ былъ укрѣпленъ, теперь достаточно нѣсколькихъ пограничныхъ крѣпостей для защиты всего государства; если прежде въ каждомъ городѣ содержались наемныя войска, то теперь многочисленная армія сосредоточивается въ небольшомъ числѣ гарнизонныхъ городовъ. Одинъ городъ становится постоянною резиденціей главы государства, другіе — резиденціями провинціальныхъ и окружныхъ властей, мѣстонахожденіемъ окружного и мирового суда; въ третьихъ находятся университеты, политехническіе институты, академіи художествъ; четвертые являются узловыми пунктами желѣзнодорожной сѣти, ярмарочными центрами, курортами и т. д. Они берутъ на себя опредѣленныя функціи въ интересахъ всей страны и всѣхъ прочихъ мѣстностей. Но эти функціи не всегда специфически городскія. Онѣ могутъ выполняться и сельскими мѣстностями.

Особенно рѣзко это выступаетъ наружу съ развитіемъ современной крупной промышленности и съ чрезвычайнымъ размноженіемъ и усовершенствованіемъ путей сообщенія. Съ этихъ поръ все національное производство распредѣляется по территоріи такимъ образомъ, чтобы каждая отрасль находилась въ наиболѣе для нея благопріятныхъ условіяхъ. Возникаютъ цѣлые фабричные и кустарные районы, придающіе долинамъ въ горахъ и равнинамъ на значительномъ протяженіи полугородской характеръ. Въ нѣкоторыхъ городахъ отдѣльныя отрасли промышленности и торговли развиваются до предѣловъ, на много превышающихъ не только мѣстный спросъ, но и спросъ всей страны. Въ другихъ, наоборотъ, исчезаетъ всякая промышленная и торговая дѣятельность; они опускаются до ступени деревень, и городское право, которое они сохранили отъ прежнихъ временъ, рѣзко противорѣчитъ ихъ экономическому состоянію и численности населенія [1]. Различія между

[1] Въ Германской имперіи въ 1890 году было всего 2.285 „городовъ". Изъ нихъ 26 имѣли болѣе 100.000 жит.; 22 - отъ 50 до 100.000 ж., 104—отъ 20 до 50.000 ж. и 169 съ 10—20.000 ж. Но кромѣ этого насчитывалось 26 деревень и предмѣстій съ 10—50.000 ж., изъ нихъ 11—съ числомъ жителей свыше 20.000.—Въ Пруссіи въ это время было 46 „городовъ" съ числомъ жит. менѣе чѣмъ 1.000; изъ нихъ 14 въ пров. Познани, 12—въ Силезіи, 10—въ Гессенъ-Нассау, 3—въ Бранденбургѣ, по 2 въ Западной Пруссіи и Вестфаліи, по одному въ Саксоніи, Ганноверѣ и Рейнской провинціи (Шлейденъ съ 515 жит.). Рядомъ съ этими кар-

городомъ и деревней стушевываются: вблизи цвѣтущихъ промышленныхъ городовъ они сглаживаются вслѣдствіе того, что въ ихъ предмѣстьяхъ и окрестностяхъ основываются промышленныя заведенія и жилища для рабочихъ, а вблизи падающихъ маленькихъ городовъ — вслѣдствіе того, что послѣдніе сливаются съ окружными деревнями и возникаютъ многолюдныя промышленныя села.

Разумѣется, этотъ радикальный переворотъ въ области національнаго раздѣленія труда не могъ свершаться безъ одновременнаго переселенія людей. Могли ли удержать у себя все возрастающее народонаселеніе мелкіе города и деревни, не имѣвшіе возможности увеличить количество своей земли? Но для того, чтобы населеніе могло съизнова распредѣлиться по странѣ, соотвѣтственно имѣющимся въ данное время источникамъ пропитанія, необходимо было уничтожить прежнія ограниченія въ отношеніи выбора занятій и свободы передвиженія.

Съ могучими передвиженіями населенія современнаго періода наступила новая жизнь. Этотъ новый міръ не знаетъ ни городскихъ привилегій, ни прикрѣпленія къ землѣ; различіе между городомъ и деревней все болѣе стушевывается; мы почти не знаемъ иного различія между мѣстностями кромѣ количественнаго. Правда, и въ средніе вѣка мы наблюдаемъ движеніе изъ деревень въ города. Но если всѣ ремесла въ городѣ были заняты, то пришельцы не находили себѣ тамъ дѣла, а власти прибѣгали къ ограниченіямъ доступа въ городъ и закрытію доступа въ цехъ. Въ настоящее время мы не въ состояніи опредѣлить предѣлы, какихъ можетъ достигнуть наша промышленность, въ особенности крупная, и въ виду этого не можемъ предсказать, когда завершится непрерывный ростъ нашихъ большихъ городовъ.

Переживаемый нами періодъ роста большихъ городовъ такъ неожиданно налетѣлъ на насъ, что мы въ настоящее время еще не можемъ вполнѣ уяснить себѣ его сущность и значеніе. Вѣдь это развитіе не старше стариковъ нашего поколѣнія. Сто лѣтъ назадъ на протяженіи Германской имперіи только одинъ городъ (Берлинъ) имѣлъ болѣе 100.000 жителей, а Гамбургъ еле достигалъ этой цифры. Около 1850 г. число городовъ, имѣвшихъ больше 100 тыс. жителей въ Германіи, равнялось только 5, главнымъ образомъ благодаря естественному росту населенія; въ

ликовыми городами насчитывалось 37 сельскихъ общинъ съ числомъ жителей свыше 10.000.—Насколько сильно опустились нѣкоторые старинные города, показываютъ слѣдующія данныя, относящіяся къ Бадену. Тамъ въ 1895 году, насчитывалось 114 „городовъ“, изъ которыхъ только 63 имѣли болѣе 2.000 и 9 болѣе 10.000 жит. Изъ остальныхъ 51 „городовъ“ 42 имѣли: 1—2.000 жит., 4—500—1.000 и менѣе 500 жит. (среди нихъ Клейнлауфенбергъ—441, Нейфрайштетъ—427, Блюменфельдъ—349, Фюрстенбергъ—341, Гауенштейнъ—157). На каждый городъ приходилось приблизительно 14 селъ. Съ другой стороны, 12% общинъ (изъ нихъ 14 деревень) имѣли свыше 2.000 жит. Изъ старыхъ городовъ современному понятію города отвѣчало только 55%, а изъ деревень 4% съ точки зрѣнія статистики относятся къ городамъ.

1870 году такихъ городовъ было 8, и съ этого времени начинается гигантскій ростъ ихъ: въ 1880 г.—15, въ 1890 г.—26, въ 1900 г.—33 и въ 1905 г.—41.

Если къ большимъ городамъ причислять только города, имѣющіе болѣе 100 тыс. жителей, то въ 1850 г. изъ 38 нѣмцевъ одинъ былъ жителемъ большого города, въ 1870 г. одинъ изъ 20, въ 1880 г. одинъ изъ 13; въ 1890 г. уже каждый 8-й, въ 1900 г. каждый 6-й, а въ 1905 г. каждый 5-й нѣмецъ былъ жителемъ большого города. Извѣстно, что подобное же развитіе еще ранѣе Германіи имѣло мѣсто въ Англіи, Франціи, Италіи, Бельгіи, что оно охватываетъ всѣ культурныя страны и что еще быстрѣе, чѣмъ въ Европѣ, то же самое происходитъ въ колоніальныхъ странахъ, особенно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки. Наибольшихъ размѣровъ оно достигло въ Англіи, гдѣ уже въ 1891 году не менѣе 32 процентовъ всего населенія жило въ городахъ съ числомъ жителей свыше 100 тыс., 21,7%—въ городахъ съ 20—100 тыс. жит. и только 28% въ сельскихъ округахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ этихъ странахъ населеніе все болѣе скопляется въ отдѣльныхъ пунктахъ. Но совершающійся при этомъ процессъ лишь весьма неточно опредѣляется терминомъ «урбанизація» культурнаго человѣчества. Такое опредѣленіе болѣе подходило бы къ классической древности. Современная «агломерація» обнаруживаетъ сходство съ образованіемъ городовъ въ средніе вѣка постольку, поскольку и она является результатомъ внутренняго экономическаго развитія. Но съ половины XVIII вѣка это развитіе находится подъ вліяніемъ непрерывнаго роста населенія, который за послѣднія десятилѣтія въ Германіи составляетъ круглымъ счетомъ 1 процентъ въ годъ. Такъ какъ за это время очень рѣдко основывались новыя мѣстности, то понятно, что въ существующихъ уже мѣстностяхъ населеніе должно было увеличиваться благодаря естественному росту. Дрезденъ при 40.000 жителей въ 1800 году, путемъ лишь одного естественнаго прироста,—вслѣдствіе превышенія рожденій надъ смертностью,—въ 1900 году сталъ бы большимъ городомъ, т. е. переступилъ бы границу въ 100 тыс.; то же относится ко многимъ изъ нашихъ 41 большихъ городовъ. Мало того, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, Кенигсбергъ и Данцигъ, въ настоящее время не имѣютъ даже того числа жителей, которое они должны были бы имѣть, если бы ихъ населеніе съ конца XVIII вѣка увеличивалось въ той же пропорціи, какъ возростало общее населенія всей Пруссіи или окружающей ихъ провинціи. Берлинъ, насчитывающій въ 1816 году уже почти 200.000 жителей, долженъ былъ имѣть еще до конца XIX вѣка свыше полумилліона, если бы приростъ населенія былъ въ немъ такой же, какъ въ старыхъ прусскихъ провинціяхъ того времени.

Отсюда вытекаетъ, что въ основѣ существованія нашихъ большихъ городовъ лежитъ отчасти естественный ростъ, который получается, если мы общій приростъ населенія съ 1750 года распредѣлимъ между существующими мѣстами пропорціонально прежней

численности ихъ населенія. Но не только этому обязано возникновеніе большихъ городовъ. Ибо въ то же время происходило и мѣстное перемѣщеніе населенія; прибавлявшееся количество людей распредѣлялось не въ равной пропорціи по всѣмъ мѣстамъ; въ однихъ населеніе росло быстрѣе, чѣмъ это соотвѣтствовало бы естественному росту, въ другихъ—медленнѣе; немногіе сохраняли неизмѣнное число жителей; многіе шли назадъ. Этому явленію перемѣщенія дали названіе «движеніе въ города». Крайне неудачное выраженіе! Вѣдь какъ разъ тѣ мѣста, населеніе которыхъ быстрѣе всего увеличивалось и увеличивается теперь, представляютъ собою сельскія общины, между тѣмъ какъ населеніе сохранило неизмѣнную численность или даже пошло назадъ именно въ городахъ.

Созданное такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, положеніе вещей находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ соціально-правовымъ состояніемъ многихъ мѣстъ. Множество мѣстъ по историческому праву называются городами и подлежатъ городовому положенію, между тѣмъ какъ по численности населенія они находятся позади многихъ сельскихъ общинъ. Наоборотъ, многія сельскія общины, насчитывающія 10, 15 и даже 20, 30, а нѣкоторыя свыше 40 тысячъ жителей, сохранили до сихъ поръ земское общинное управленіе. Въ Пруссіи 1 декабря 1900 года было всего 318 общинъ, насчитывавшихъ каждая болѣе 10.000 жителей, изъ нихъ 73 (=22,9%) были сельскія общины, изъ которыхъ наибольшія двѣ (Альтендорфъ, и Борбекъ, Эссенскаго округа) вмѣстѣ имѣли 110.000 жителей. Съ 1895 года населеніе этихъ 78 сельскихъ общинъ увеличилось въ общемъ почти на 40 процентовъ, тогда какъ въ населеніи 245 городскихъ общинъ, съ числомъ жителей свыше 1.000 въ каждой, приростъ составлялъ только 20 процентовъ. Въ Саксоніи одна пятая скопляющагося въ отдѣльныхъ центрахъ населенія принадлежитъ къ сельскимъ общинамъ.

Статистики поэтому давно уже убѣдились, что старое понятіе «города» потеряло всякій смыслъ, и что въ настоящее время мѣста жительства можно различать только по численности ихъ населенія. Они указываютъ этимъ на то, что въ могучемъ движеніи, свидѣтелями котораго мы являемся, какъ бы столкнулись два различныхъ міра. Старые «города» исчезли; выполнивъ свою историческую миссію, они въ безсильной старости дожили свой вѣкъ. Болѣе половины мѣстъ, которыя, опираясь на свое историческое право, еще и теперь носятъ въ Германіи наименованіе «города», его болѣе не заслуживаютъ, ибо они не имѣютъ городского характера, и оффиціальная статистика очень мѣтко назвала ихъ терминомъ «сельскіе города» (Landstädte). Ихъ замѣнили новыя соціальныя образованія, возникшія на мѣстахъ какъ прежнихъ городовъ, такъ и сельскихъ общинъ. Они имѣютъ другое назначеніе въ жизни націи, чѣмъ старые города, и съ этимъ измѣненіемъ ихъ культурной миссіи тѣсно связанъ и поразительный ихъ ростъ.

Современные городскіе центры скопленія населенія отличаются

отъ городовъ прошлаго прежде всего органическимъ характеромъ своего роста. Ихъ вызвала къ жизни не внѣшняя сила; сотни тысячъ людей, наполняющихъ каменные дома и асфальтовыя улицы, сами или ихъ предки, пришли сюда добровольно, гонимые главнымъ образомъ экономическими мотивами; каждый можетъ оставить городъ, когда ему вздумается. Но отъ этого не опустѣютъ его стѣны и жилища; напротивъ, изъ года въ годъ приходится строить сотни новыхъ «каменныхъ казармъ», чтобы дать мѣсто массѣ людей, которыхъ точно гонитъ въ городъ какая-то магическая сила. И нельзя пока предвидѣть конца этому росту.

Возможность прокормить такую огромную массу людей обусловливается современной техникой сообщеній и промышленной организаціей. Въ среднемъ, во всѣхъ крупныхъ городахъ Германіи въ 1907 году приходилось: 51,7% населенія на промышленность, 25,9% на торговлю и перевозочныя предпріятія, 8,7% на государственную и общественную службу и свободныя профессіи, 6,7% на людей безъ профессіи (изъ нихъ 7,4% рентьеровъ и пенсіонеровъ) и, наконецъ, 4,0% на различныя другія профессіи. Если вспомнимъ, что, по крайней мѣрѣ, двѣ трети лицъ, занимающихся торговлей и транспортомъ, получаютъ работу отъ индустріи или заняты тѣмъ, что обслуживаютъ промышленное населеніе, и что тѣмъ же живетъ нѣкоторая часть изъ другихъ группъ населенія, то надо будетъ сказать, что три четверти населенія крупнаго города прямо или косвенно живетъ индустріей. Правда, нѣкоторые города, первые вошедшіе въ категорію большихъ городовъ, обязаны этимъ тому, что они были столицами, гарнизонами и центрами утонченной жизни; но все же безусловно ошибочно было бы утверждать, какъ это дѣлается въ новѣйшее время, будто наши большіе города являются экономически пассивными, главнымъ образомъ потребительными органами соціальнаго тѣла.

Въ качествѣ центра труда, интенсивнѣйшаго національнаго производства наши большіе города, поскольку они дѣйствительно заслуживаютъ этого наименованія, несомнѣнно напоминаютъ средневѣковые города; но все же между тѣми и другими значительная разница: средневѣковый городъ основываетъ свое благополучіе на гармоническомъ развитіи мелкихъ промысловъ, сбытъ которыхъ простирается лишь постольку, поскольку непосредственный обмѣнъ на городскомъ рынкѣ привлекаетъ окрестное населеніе. Современный городъ, вслѣдствіе своей односторонне развитой крупной промышленности, работаетъ не только на національный, но и на международный рынокъ; границы его производства въ настоящее время еще не могутъ быть опредѣлены. Вслѣдствіе этого, первый по существу представляетъ собою небольшой городъ, тогда какъ второй по природѣ своей имѣетъ тенденцію развитія въ направленіи большого города. Но оба они представляютъ собою по преимуществу производительныя общины, между тѣмъ какъ всѣ болѣе раннія типы городовъ носятъ экономически характеръ потребительныхъ единицъ. Первобытный деспотическій городъ является складочнымъ мѣстомъ

военной добычи и дани, подобно той пещерѣ, въ которую хищный звѣрь тащитъ свою добычу; чѣмъ больше страна, центромъ которой онъ является, тѣмъ больше могутъ быть его размѣры. Города обоихъ классическихъ народовъ древности представляютъ собою укрѣпленныя поселенія землевладѣльцевъ; ихъ величина въ общемъ зависѣла отъ размѣровъ страны, эксплоатируемой послѣдними; но несовершенство техники сообщеній не позволяло имъ переходить за извѣстные предѣлы. Исключеніе составляли только приморскіе города и въ особенности столицы государства, обнаруживающія еще нѣкоторыя черты первобытнаго деспотическаго города.

Еще яснѣе выступаютъ различія въ политическомъ отношеніи. Деспотическій городъ заключаетъ въ себѣ господствующее племя, за его предѣлами живетъ только покоренное населеніе. Греческій полисъ представляетъ собою свободную общину, городъ и государство вмѣстѣ; государственное и городское управленіе совпадаютъ, отношеніе между городами такое, какъ и въ настоящее время между цѣлыми народами. Зачатки подобнаго строя мы наблюдаемъ и въ древней Италіи. Въ началѣ расцвѣта Рима могло казаться, будто усиленіе его могущества обозначаетъ принятіе жителей болѣе слабыхъ городовъ въ число гражданъ столицы. Но это не могло продолжаться долго, и дѣло не дошло до общей для всей страны системы управленія; муниципіи со своими территоріями обладаютъ самостоятельностью и ихъ внутренній укладъ подобенъ древнему строю Рима. Средневѣковые города также обнаруживаютъ сильное стремленіе къ политической автономіи, но лишь немногіе достигли господства надъ экономически зависимыми отъ нихъ сельскими общинами. Все же и они по своему политическому положенію значительно отличаются отъ современныхъ городскихъ общинъ; они являются почти государствами въ государствѣ, тогда какъ современные города, хотя бы съ населеніемъ въ сотни тысячъ жителей, представляютъ только несамостоятельные органы общаго государственнаго организма. Городское управленіе преслѣдуетъ въ нихъ государственныя цѣли подъ наблюденіемъ и руководствомъ государственной власти; кругъ его самостоятельной дѣятельности ограничивается «порученными ему государственными функціями»

Такимъ образомъ, современные города составляютъ въ общемъ ходѣ развитія новый типъ, не похожій ни на одинъ изъ прежнихъ типовъ городовъ культурнаго міра. Они не возникли ни по приказанію деспота, ни по рѣшенному народнымъ собраніемъ синойкизму, ни путемъ политическо-военной колонизаціи, ни вслѣдствіе публично - правового акта, какимъ является дарованіе городскихъ привилегій въ средніе вѣка. Будучи продуктами чисто соціальнаго развитія, они возникли на почвѣ политическо-гражданской свободы, и притязанія ихъ на первенствующую роль въ побѣдномъ шествіи современной культуры основываются не на писанныхъ пергаментахъ, а на фактахъ соціальнаго подбора, въ силу котораго они стали носителями всего высшаго, что представляетъ собою нація въ духовномъ и экономическомъ отношеніи. Въ томъ-то и кроется

притягательная сила современныхъ крупныхъ населенныхъ центровъ, что они въ хозяйственномъ строѣ, покоющемся на формѣ крупнаго предпріятія и на принципѣ свободной конкурренціи, открываютъ широкое поле борьбы, гдѣ каждый талантъ можетъ разсчитывать на высшую награду. И хотя надежды эти рѣдко осуществляются, и многіе борцы въ концѣ концовъ безсильно опускаютъ руки, но за ними слѣдуютъ все новыя толпы, вступающія на арену труда, пока на ней есть мѣсто.

Разумѣется, переживаемый нами періодъ когда-нибудь окончится, и тогда наступитъ состояніе неподвижности или даже оцѣпенѣнія, какое имѣло мѣсто въ старинныхъ городахъ съ XVI до XVIII столѣтія. Напрасно было бы печалиться теперь объ этомъ; столь же безполезны часто раздающіяся жалобы на непріятныя сопутствующія явленія, которыми, какъ всякій переворотъ, сопровождается перетасовка населенія. Вѣдь зато жизнь большихъ городовъ создала уже неизвѣстныя дотолѣ силы въ области техники, науки, искусства, помощи неимущимъ классамъ. Наконецъ, изъ нашего историческаго обзора вытекаетъ еще и то, что современный городъ, городъ свободно избраннаго труда, представляетъ собою болѣе высокую форму соціальной жизни, чѣмъ всѣ прежніе типы городовъ, не исключая и греческій полисъ. Несмотря на свое гордое величіе, онъ не существуетъ для себя, не стремится къ господству, къ эксплоатаціи, а, какъ подчиненный членъ организованнаго въ государство народа, онъ для общаго блага прокладываетъ путь къ высшему, истинно-соціальному культурному развитію.

XI.

Соціальный строй средневѣкового города.

Чтобы понять соціальную группировку средневѣкового городского населенія, необходимо выяснить себѣ прежде всего то огромное различіе въ отношеніи характера государства и общества, какое существуетъ между средневѣковьемъ и настоящимъ временемъ.

Обширная область массовыхъ человѣческихъ отношеній и взаимодѣйствій, какую представляетъ современное общество, столь же мало извѣстна среднимъ вѣкамъ, какъ и всеобъемлющее могущество и единство современнаго государства. И то и другое отсутствовало, за недостаткомъ объединяющей силы, которая заключается въ общественныхъ интересахъ истинной народно-хозяйственной жизни.

Что касается государства, то это мало нуждается въ доказательствахъ. Недаромъ же научная терминологія, говорящая объ «исторіи германскихъ императоровъ» вмѣсто употреблявшагося прежде выраженія «исторія германской имперіи», признала тѣмъ самымъ, что объединяющая сила старой имперіи заключалась въ личности государя. Всѣмъ извѣстно, какъ при слабомъ государѣ государство распадалось и какъ оно крѣпло, когда во главѣ оказывались сильные государи, появлявшіеся повсюду лично и отправлявшіе свои функціи управленія въ видѣ—да будетъ разрѣшено экономисту такое выраженіе—странствующаго промысла. Во сколько же разъ прочнѣе сковано современное государство, сколь независимо оно отъ появленія и смерти даже наиболѣе выдающихся государей! Намъ нѣтъ надобности доказывать то, въ чемъ убѣждаютъ насъ наименѣе совершенныя политическія организаціи Европы, сохраняющія свое государственное бытіе, несмотря на происходящія внутри ихъ и граничащія съ анархіей потрясенія.

Что касается, далѣе, общества, то стойкость современнаго государства немыслима безъ тѣсно сплоченнаго общежитія и многообразнаго взаимодѣйствія между всѣми его гражданами. При этомъ поразительное развитіе обмѣна вывело соціальныя отношенія массъ далеко за предѣлы отдѣльнаго государства. Оно создало міровой рынокъ, міровую промышленность, международное раздѣленіе труда, международную кліентуру, приложеніе капитала и «интересы» за границей; мало того, однородность экономическихъ условій пробудила между профессіональными и имущественными классами отдѣль-

ныхъ странъ общность интересовъ и взглядовъ, которая не нуждается болѣе во внѣшнемъ скрѣпленіи.

Въ средніе вѣка, наоборотъ, общественная жизнь протекаетъ въ узкихъ кругахъ; преобладаютъ интересы отдѣльныхъ мѣстныхъ группъ; лишь немногія общественныя связи обнимаютъ все государство; единственная соціальная организація, имѣющая международный характеръ, это—церковь.

А средневѣковое государство! Какъ оно жалко и слабо по сравненію съ широкою мощью современнаго! Весьма многое изъ того, что теперь подчинено принудительной власти политической организаціи, въ средніе вѣка было предоставлено свободной самодѣятельности общества. Наиболѣе важныя общественныя задачи должны были выполняться узко ограниченными мѣстными союзами. Эти маленькія организованныя соціальныя группы нерѣдко получаютъ такую силу и значеніе, которыя вызываютъ ошибочное представленіе о нихъ, какъ о политическихъ образованіяхъ, о государствахъ въ государствѣ, какими они, по крайней мѣрѣ вначалѣ, вовсе не были.

Это прежде всего относится къ городамъ.

Будучи первоначально ничѣмъ инымъ, какъ крестьянскими селеніями, отличавшимися отъ деревень только своими укрѣпленіями, они вскорѣ дѣлаются рыночными мѣстами, центрами свободнаго обмѣна и въ связи съ нимъ гражданской свободы. Они становятся убѣжищами для лучшихъ элементовъ среди крѣпостного населенія, и вскорѣ одно за другимъ въ нѣдрахъ ихъ развиваются два профессіональныхъ класса, неизвѣстныхъ въ прежнемъ обществѣ — классъ ремесленниковъ и классъ торговцевъ. Рядомъ съ землевладѣніемъ, хотя и въ нѣкоторой отъ него зависимости, они образуютъ новую форму имущества—движимый капиталъ.

Такимъ образомъ, города являются всецѣло соціальными образованіями: мѣстомъ защиты и убѣжища для сельскаго населенія, средоточіями обмѣна, центрами промышленной дѣятельности, оазисами денежнаго обращенія въ эпоху почти исключительно натуральнаго хозяйства.

Мы знаемъ, какого политическаго могущества достигли, вслѣдствіе этого, нѣмецкіе города, какъ возвысились они въ концѣ среднихъ вѣковъ надъ большею частью многочисленныхъ мелкихъ территоріальныхъ княжествъ, на которыя распалась священная римская имперія, какое независимое положеніе они постепенно заняли по отношенію къ князьямъ и къ императору, какъ они мощною рукой подавили дворянство и какъ они, наконецъ, добились признанія своего независимаго положенія «имперскихъ городовъ».

Что же придавало имъ такое политическое значеніе? Численность ихъ населенія? Корпоративная организація, завоеванная цехами въ долгой борьбѣ съ патриціями-землевладѣльцами? Денежныя богатства или военная сила?

Я думаю, ни одинъ изъ этихъ моментовъ, или, по крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ нихъ, взятый отдѣльно отъ прочихъ. Ихъ мощь

заключалась скорѣе всего въ удачной соціальной группировкѣ и организаціи населенія, которая давала имъ возможность въ случаѣ опасности выставить такую объединенную народную силу, какой не было въ распоряженіи ни у одной изъ тогдашнихъ властей.

Если принять за масштабъ наиболѣе изслѣдованныя въ послѣднее время XIV и XV столѣтія, когда городское развитіе достигло высшей своей точки, то получаются весьма скромныя цифры городского населенія. Поскольку имѣются данныя о численности населенія нѣмецкихъ городовъ того времени, всѣ они, по нашимъ понятіямъ¹ являются мелкими городами, и намъ кажется даже страннымъ, что можно было предполагать въ нихъ такое значительное населеніе, какого тогдашнее экстенсивное земледѣліе не въ состояніи было бы и прокормить.

И даже такое незначительное число жителей большинство городовъ не въ состояніи было сохранить на продолжительное время. Черезъ каждые два - три года масса народу погибала отъ чумы, голода, междоусобныхъ войнъ или осадъ; иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ умирала десятая, шестая или даже четвертая часть населенія. Съ 1326 по 1400 г. было 32 эпидеміи чумы, съ 1400 по 1500 г.—около 40. Тотъ непрерывный ростъ городовъ, который въ настоящее время является предметомъ нашего удивленія и заботъ, среднимъ вѣкамъ былъ неизвѣстенъ. Правда, и тогда происходило массовое переселеніе въ города. Лучшія условія заработка въ городѣ въ связи съ возможностью пользоваться личной свободой, съ одной стороны, постоянная неувѣренность внѣ городскихъ стѣнъ и гнетъ барщины въ деревнѣ съ другой, — изъ году въ годъ гнали цѣлыя толпы народа въ городъ. И тамъ ихъ охотно принимали чтобы заполнить вызванныя смертностью опустошенія и поддержать учрежденія, предназначенныя для защиты и обороны. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ успѣшнаго роста новое бѣдствіе опять сокращало населеніе, и хорошо, если въ теченіе продолжительнаго времени городу удавалось въ общемъ сохранить неизмѣннымъ число своихъ жителей.

Съ особенною ясностью эти перемѣны въ движеніи населенія выступаютъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, которымъ мы и ограничимся при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи. Такое ограниченіе вызывается двумя соображеніями. Благодаря счастливой случайности тамъ сохранилось такое обиліе актовъ и документовъ, что на основаніи ихъ возможны обширныя статистическія изслѣдованія франкфуртскаго населенія XIV и XV ст., какія немыслимы ни для какого иного города Германіи. Съ другой стороны, большое значеніе этого города въ средніе вѣка находится внѣ всякаго сомнѣнія, вслѣдствіе чего полученныя на основаніи изученія его данныя можно отнести ко всѣмъ крупнымъ городамъ внутренней Германіи,—по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока они не опровергнуты будутъ точными изслѣдованіями относительно какого-нибудь другого значительнаго города.

¹) Сравн. выше стр. 252 и слѣд.

Колебанія населенія Франкфурта можно довольно точно опредѣлить по сохранившимся податнымъ спискамъ (Bedebücher) отъ середины XIV до конца XV столѣтія. Такъ какъ въ списки эти внесены всѣ плательщики (не исключая нищихъ и не могущихъ платить), то по увеличенію и пониженію полученныхъ изъ этихъ данныхъ цифръ можно сдѣлать заключеніе относительно численности населенія въ соотвѣтствующія эпохи. А такъ какъ численность населенія за 1387 и 1440 гг. можно, кромѣ того, установить по сохранившимся спискамъ гражданъ, то посредствомъ комбинаціи цифръ перваго рода съ соотвѣтствующими имъ по времени податными списками можно опредѣлить и приблизительное отношеніе числа плательщиковъ къ общей численности населенія.

На основаніи этого, получаются слѣдующія цифры:

Годы.	Плательщиковъ.	Приблизительное число жителей.
1354	2669	7800
1359	3135	9200
1365	3072	9000
1370	2749	8100
1375	3051	9000
1380	3060	9000
1385	3405	10000
1389	3256	9600
1394	2624	7700
1399	2676	7800
1406	2397	7000
1410	2461	7200
1420	2382	7000
1428	2431	7100
1463	2595	7600
1475	2817	8300
1484	2527	7400
1495	2621	7700
1499	2583	7600

Цифры колеблются такимъ образомъ между 2400 и 3400 плательщиковъ или между 7000 и 10.000 душъ населенія. Цифры, указывающія число жителей, не имѣютъ, конечно, характера результатовъ переписи; онѣ приведены только для наглядности. Высшей точки населеніе Франкфурта достигло въ 1385 году, непосредственно передъ Кронбергской битвой. Въ слѣдующемъ столѣтіи оно колеблется между семью десятыми и девятью десятыми достигнутой въ то время цифры, до которой, однако, оно уже больше не доходитъ. Въ 1499 году оно равняется только 7600 душамъ. Между тѣмъ съ 1385 по 1499 годъ во Франкфуртъ переселилось 5300 новыхъ гражданъ, т. е. вдвое больше того, сколько жило въ немъ въ началѣ этого періода, — такъ что путемъ одного лишь

внѣшняго прироста населеніе къ концу этого періода должно было бы почти утроиться, если бы смертность правильно покрывалась рождаемостью. На самомъ же дѣлѣ численность населенія показываетъ не болѣе трехъ четвертей своего первоначальнаго размѣра. Если бы съ 1389 по 1499 годъ населеніе увеличивалось въ такой пропорціи, въ какой оно увеличивается въ современномъ Франкфуртѣ за послѣднія 5 лѣтъ, то оно въ 1500 году должно было бы равняться 100.000 душъ.

Когда мы разсматриваемъ столь рѣзкія колебанія въ численности населенія, то живо вспоминаются при этомъ прочувственныя слова о бренности и непрочности всего мірского, которыми начинаются многіе средневѣковые документы. Въ связи съ этимъ своеобразнымъ характеромъ движенія населенія находится и то обстоятельство, что составъ населенія по полу, возрасту и состоянію здоровья складывался весьма неблагопріятно.

Мы можемъ обозначить быстро растущее населеніе — въ которомъ, слѣдовательно, сильно представлено молодое поколѣніе,—молодымъ населеніемъ, а медленно увеличивающееся населеніе—старымъ. Такъ, Германія и Соединенные Штаты съ ихъ богатствомъ дѣтей имѣютъ молодое населеніе, а Франція—старое. Средній возрастъ во Франціи — 31 г., въ Германіи — 27, въ Соединенныхъ Штатахъ менѣе 24 лѣтъ.

Въ этомъ смыслѣ населеніе средневѣковыхъ городовъ было старымъ. Если сравнить имѣющіяся у насъ статистическія данныя о Нюренбергѣ, Базелѣ, Фрейбургѣ (швейцарскомъ) средины XV вѣка съ франкфуртскими, то само собой напрашивается заключеніе, что число дѣтей по сравненію съ другими возрастами было меньше, чѣмъ въ настоящее время.

Правда, судя по имѣющимся у насъ даннымъ, браки въ средніе вѣка были очень плодовиты. Однако, вслѣдствіе несовершенства врачебнаго искусства, много дѣтей погибало уже при вступленіи въ жизнь [1]; кромѣ того крестины, совершавшіяся уже въ теченіе перваго дня рожденія въ церкви, уносили, какъ въ настоящее время въ Россіи, не мало младенцевъ; наконецъ, дѣтскія болѣзни въ негигіеничныхъ жилищахъ производили громадныя опустошенія. Есть всѣ основанія предполагать, что число мертворожденныхъ и погибавшихъ въ первый годъ жизни было чрезвычайно велико.

Прослѣдивъ исторію какого-нибудь извѣстнаго франкфуртскаго рода въ средніе вѣка, мы замѣчаемъ, что, несмотря на чрезвычайную плодовитость браковъ, родъ продолжается однимъ или двумя членами, и что эти семьи рѣдко переживаютъ второе столѣтіе своего существованія. Такъ, напримѣръ, въ семьѣ Рорбахъ съ конца XIV до конца XVI вѣка родилось около 65 дѣтей (не считая мертворожденныхъ); изъ нихъ только 18 пережило своихъ

[1] Интересныя подробности объ этомъ имѣются у Stricker'a: Geschichte der Heilkunde in Frankfurt a. M. 1847, стр. 81.

отцовъ и только 12 вступило въ бракъ. Если въ наиболѣе видныхъ и состоятельныхъ семьяхъ смертность была столь велика,— какъ же обстояло дѣло съ дѣтьми ремесленниковъ и бѣдныхъ классовъ! Такимъ образомъ города и при отсутствіи эпидемій и голодовокъ нуждались въ притокѣ сельскаго населенія, чтобы удержать свою цифру жителей.

Столь же неблагопріятною, какъ группировка по возрасту, является и группировка населенія по полу.

Если и въ настоящее время перевѣсъ женскаго пола надъ мужскимъ среди взрослаго населенія становится настолько угрожающимъ, что рядомъ съ многими соціальными вопросами возникъ и «женскій вопросъ», то въ средніе вѣка это обстояло еще хуже. Я не могу, правда, привести точныхъ цифръ для всего вообще населенія Франкфурта. Укажу только, что въ податныхъ спискахъ за 1385 годъ количество мужчинъ и женщинъ, обложенныхъ податями, въ верхнемъ городѣ выражалось отношеніемъ 1000: 1100; въ нижнемъ и новомъ городѣ за 1475 годъ отношеніе: 1000: 1140; и что въ цеховыхъ спискахъ поражаетъ количество вдовъ. Съ другой стороны, намъ извѣстно, что въ Нюрнбергѣ въ 1449 году на 1000 взрослыхъ мужчинъ приходилось 1207 женщинъ; среди населенія старше 14 лѣтъ двухъ базельскихъ приходовъ въ 1454 году на 1000 мальчиковъ приходилось 1246 дѣвочекъ, а въ 1576 году въ Ростокѣ на 1000 мужчинъ было 1295 женщинъ.

Конечно, подобныя же ненормальныя цифровыя отношенія встрѣчаются и въ современныхъ городахъ [1]). Но такъ какъ средневѣковый хозяйственный строй ограничивалъ дѣятельность женщины исключительно домомъ, то еще менѣе, чѣмъ теперь, можно было избѣжать дурныхъ соціальныхъ и моральныхъ послѣдствій, и это обстоятельство при узости городскихъ условій побуждало искать выхода въ такихъ мѣропріятіяхъ, за которыми нельзя отрицать нѣкоторой целесообразности и здраваго смысла. Сюда относится учрежденіе женскихъ монастырей, пріютовъ для одинокихъ женщинъ и допущеніе женщинъ къ ремесламъ. Пріюты эти (Sekinenhäuser) основывались богатыми гражданами, которые жертвовали дома для извѣстнаго числа женщинъ, а нерѣдко и предназначали ренты или другіе доходы на ихъ содержаніе. Во Франкфуртѣ поименно извѣстны были 57 такихъ домовъ, въ которыхъ находили убѣжище 300 призрѣваемыхъ (бекинъ), тогда какъ оба женскіе монастыря (Св. Екатерины и Бѣлыхъ женщинъ) вмѣщали только около 60 монахинь [2]).

Что касается участія женщинъ въ промышленномъ трудѣ, то мы находимъ ихъ почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности, даже въ цеховомъ ремеслѣ, поскольку имѣлись подходящія для женщинъ занятія, и хотя для Франкфурта нѣтъ указаній на суще-

---

1) Срв. мою статью въ Mayr's Allgem. Archiv II. стр. 385 и сл.

2) Подробности см. въ моей статьѣ: Die Frauenfrage im Mittelalter. Tübingen, 2 изд. 1909.

ствованіе спеціально женскихъ цеховъ, какъ это было въ Парижѣ и въ другихъ городахъ, но все же онѣ и здѣсь могли добиться самостоятельнаго положенія въ нѣкоторыхъ цехахъ. Особенно часто женщины встрѣчаются въ текстильномъ промыслѣ и въ розничной торговлѣ. Мы находимъ даже ихъ въ такихъ промыслахъ, въ которыхъ онѣ въ настоящее время не встрѣчаются, какъ, напримѣръ, въ баняхъ и цирульняхъ. Въ періодѣ отъ 1389 до 1497 года насчитываются не менѣе 15 женщинъ лекарей; въ 1368 году изъ 11 разрѣшенныхъ мѣняльныхъ лавокъ 6 находятся въ рукахъ женщинъ; мы встрѣчаемъ одну женщину въ качествѣ откупщика льняной пошлины и другую въ роли надзирателя у городскихъ вѣсовъ.

Эти примѣры весьма поучительны. Съ одной стороны, они указываютъ на тѣ пути, къ которымъ прибѣгали, чтобы устроить массу необезпеченныхъ женщинъ, а съ другой—они служатъ указаніемъ на то, что при скудости городского населенія необходимо было использовать для общественныхъ цѣлей всѣ имѣвшіяся налицо, даже наиболѣе слабыя силы.

Группировка средневѣковаго городского населенія еще въ одномъ отношеніи была неблагопріятна, а именно — въ смыслѣ состоянія здоровья. Число хронически больныхъ тѣлесными и душевными болѣзнями было чрезвычайно велико.

На первомъ планѣ стоятъ прокаженные, которыхъ ужасная ихъ болѣзнь приговаривала къ изгнанію изъ общества. Насколько значительно было ея распространеніе именно въ XIV и XV вѣкахъ, можно приблизительно представить себѣ по числу лепрозій, которыя имѣлись даже въ самыхъ мелкихъ городкахъ. Во Франкфуртѣ для этой цѣли служило лежавшее за городомъ «Gutleuthof». Число его членовъ было, вѣроятно, велико, ибо они имѣли даже свой собственный кабакъ.

Число калѣкъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ и душевно-больныхъ было также, сравнительно, гораздо значительнѣе, чѣмъ въ настоящее время.

Правда, даже въ наукѣ теперь еще сильно распространенъ взглядъ, что наше время со своей быстрою тратою жизненной энергіи, возбуждающею торопливостью, рѣзкими соціальными противорѣчіями, особенно способствуетъ развитію душевныхъ болѣзней. Но если отнестись критически къ имѣющимся цифровымъ даннымъ, то этотъ взглядъ окажется недоказаннымъ. Напротивъ, многое указываетъ на то, что возрастаніе цифръ, полученныхъ изъ народныхъ переписей (въ послѣднее время, впрочемъ, этотъ моментъ въ нихъ почти не отмѣчается), нужно отнести къ все болѣе увеличивающейся точности ихъ. И если мы допустимъ, что причинами душевныхъ болѣзней являются и физическія и психическія условія жизни, то нетрудно будетъ придти къ убѣжденію, что въ обоихъ этихъ отношеніяхъ средніе вѣка представляли больше опасностей, чѣмъ настоящее время. Рѣзкія противоположности въ тогдашней жизни уживались рядомъ: изобиліе и недостатокъ, пресыщеніе и нужда, наслаж-

денія и лишенія. Кровавые ужасы, всевозможныя насилія, осады казни, междоусобныя войны, чумныя эпидеміи, голодовки—все это въ связи съ религіознымъ фанатизмомъ и жестокимъ, часто непровѣреннымъ судомъ, должно было глубоко потрясать душу людей Понятнаго сознанія, спокойнаго, равномѣрнаго наступательнаго движенія жизни средневѣковье не знало.

Кто взялся бы измѣрить послѣдствія всего этого для душевнаго состоянія людей! Но, читая у лѣтописцевъ о настоящихъ душевныхъ эпидеміяхъ, охватившихъ въ концѣ среднихъ вѣковъ цѣлые слои населенія, о томъ впечатлѣніи, какое производила на людей чума, о крестовыхъ походахъ дѣтей, о бичующейся братіи, объ еврейскихъ погромахъ, о пляскѣ Св. Витта, охватившей прирейнскіе города,— мы не можемъ не поставить въ связь эти два ряда явленій. Съ этимъ совпадаетъ столь часто встрѣчающееся во франкфуртскихъ актахъ упоминаніе о «дурачкахъ», о тѣхъ, «кто не совсѣмъ въ умѣ»; для обозначенія понятія душевно-больного имѣется около тридцати различныхъ выраженій. Въ городскихъ счетныхъ книгахъ расходы по призрѣнію своихъ и выселенію иногороднихъ помѣшанныхъ составляютъ постоянную графу. Первые запирались въ башняхъ, общественныхъ или частныхъ тюрьмахъ; въ 1477 году при домѣ призрѣнія даже построено было для нихъ особое зданіе.

Цифръ относительно распространенія этого бѣдствія мы, конечно, не имѣемъ; столь же трудно сказать, что преобладало: сумасшествіе или идіотизмъ. Относительно калѣкъ, глухихъ, глухонѣмыхъ, эпилептиковъ мы также можемъ только сказать, что о нихъ часто упоминается.

Что касается слѣпыхъ, то я, напротивъ, имѣю возможность привести довольно достовѣрныя цифры. Такъ какъ этотъ тѣлесный недостатокъ отмѣчается нашими переписями, то я прежде всего укажу, что по новѣйшимъ переписямъ на 10 тыс. жителей въ Германіи приходится 7, въ Австріи, Франціи, Англіи 8, въ Италіи 10, въ Испаніи и Ирландіи 11, а въ Норвегіи 13 слѣпыхъ. Въ средневѣковомъ же Франкфуртѣ, для котораго за десять различныхъ лѣтъ въ періодѣ отъ 1399—1499 г. количество слѣпыхъ можетъ быть опредѣлено съ нѣкоторою точностью, это число было такъ велико, что на 10 тыс. приходится 20—42 слѣпыхъ(въ 1871 году только 5). Этой цифры количество слѣпыхъ въ настоящее время достигаетъ въ Европѣ только у одного народа: финско-эстонскаго: въ Финляндіи на 10 тыс. приходится 69, въ Эстляндіи—46 слѣпыхъ.

Въ средніе вѣка и не думали учреждать для лицъ съ различными тѣлесными недостатками особыхъ больницъ, ибо смотрѣли на такое несчастье, какъ на непредотвратимую кару божью. Поскольку эти несчастные были здоровы и безопасны, ими пользовались для различныхъ работъ, часто не совсѣмъ для нихъ подходящихъ. Въ 1440 г., напримѣръ, городской совѣтъ имѣлъ у себя на службѣ нѣсколько слѣпыхъ въ качествѣ привратниковъ и ночныхъ сторожей. Но большинство калѣкъ должны были содержать себя милостыней— обстоятельство существенное для выясненія интересующаго насъ

вопроса. Подобно тому, какъ еще и теперь въ Россіи, нищіе образуютъ между собой артели, точно также и въ средніе вѣка эти уроды и калѣки соединялись для взаимопомощи въ церковныя братства; такія братства встрѣчаются и во Франкфуртѣ, какъ, напримѣръ, кармелитское братство слѣпыхъ и калѣкъ. Распространеніе этихъ братствъ является лишнимъ доказательствомъ въ пользу большого количества калѣкъ и безумныхъ въ тѣ времена.

Послѣ всего сказаннаго нельзя не признать, что трудно представить себѣ менѣе благопріятный по естественнымъ условіямъ составъ населенія, чѣмъ тотъ, который существовалъ въ средневѣковомъ городѣ. Избытокъ женщинъ, поскольку онѣ не были заняты домашнимъ и промышленнымъ трудомъ или не содержались на особые предназначенные для этого доходы, въ экономическомъ отношеніи являлся обременительнымъ. Масса же неспособныхъ къ труду калѣкъ, требовавшая не только содержанія, но и затраты труда здоровыхъ людей на уходъ и надзоръ за ними, представляла уже прямо отрицательную величину для хозяйства. Только небольшое количество дѣтей, хотя и задерживало ростъ населенія, является съ экономической точки зрѣнія отчасти благопріятнымъ. Дѣти составляютъ исключительно потребляющій элементъ въ хозяйствѣ, отъ котораго они требуютъ затратъ на содержаніе и воспитаніе. Семьи съ малымъ числомъ дѣтей, при прочихъ равныхъ условіяхъ, могутъ больше выработать и больше сберечь, чѣмъ семьи, обремененныя большимъ количествомъ дѣтей. Но эта точка зрѣнія, властно требующая себѣ признанія въ настоящее время, въ средніе вѣка, когда недостатокъ былъ не въ источникахъ пропитанія, а въ рабочихъ рукахъ, не могла имѣть значенія. Для средневѣковаго города бѣдность дѣтьми составляла большое несчастье.

Если мы обратимся теперь къ соціальной, въ тѣсномъ смыслѣ слова, группировкѣ населенія, то при бѣгломъ взглядѣ прежде всего бросаются въ глаза политическія и сословныя различія. Но какъ мы увидимъ далѣе, ихъ значеніе въ XIV и XV ст. ничтожно.

Для нашихъ цѣлей будетъ лучше всего раздѣлить все населеніе на двѣ части: постоянныхъ жителей и подвижное населеніе. Въ первой выдѣляются опять таки двѣ замкнутыя группы, которыя мы можемъ оставить пока въ сторонѣ: духовенство и евреи. Остальные постоянные жители въ политическомъ отношеніи раздѣляются на гражданъ и на лицъ, не пользующихся правомъ гражданства. Число послѣднихъ было очень незначительно, ибо городской совѣтъ придерживался принципа — не допускать проживанія въ городѣ лицъ, которыя не были бы его гражданами, почему и этому различію мы можемъ не придавать значенія. Граждане до конца XIV столѣтія дѣлились на двѣ одинаково могущественныя группы: городскую общину и цехи или организованныхъ ремесленниковъ. Во главѣ городской общины стояли родовитыя семьи, въ позднѣйшіе вѣка называемыя также патриціями. По всей вѣроятности, и во Франкфуртѣ они первоначально одни вмѣстѣ съ королевскими чиновниками управляли городомъ, но уже въ неизвѣстное намъ время они уступили треть

имѣетъ въ городскомъ совѣтѣ цехамъ. Число этихъ семействъ незначительно—обыкновенно не болѣе 20—30, съ 60—100 душами; оно было бы еще меньше, если бы время отъ времени не притекала свѣжая кровь изъ другихъ слоевъ городского населенія или извнѣ.

Въ общемъ же различіе между городскою общиной и цехами не имѣетъ соціальнаго значенія; въ особенности не слѣдуетъ понимать подъ нимъ различіе между ремесленниками и гражданами, занимающимися иными профессіями. Точно также и обычное въ XV столѣтіи дѣленіе населенія на родовитыхъ, цеховыхъ и нецеховыхъ имѣло главнымъ образомъ политическое значеніе.

Гораздо большій интересъ имѣетъ для нашихъ цѣлей группировка гражданъ по занятіямъ. Но прежде, чѣмъ обратиться къ ней, мы должны отдѣлаться отъ довольно распространеннаго представленія, будто число цеховъ и ихъ членовъ можетъ служить надлежащимъ мѣриломъ для профессіональной дѣятельности городского населенія. Оно не является даже вѣрнымъ показателемъ дѣятельности ихъ въ области промысловъ, понимая послѣдніе въ узкомъ смыслѣ. Во Франкфуртѣ мы находимъ въ однихъ и тѣхъ же цехахъ ремесленниковъ разнаго рода, а нерѣдко даже людей, вовсе не занимающихся ремесломъ. Далѣе, имѣлись цехи, члены которыхъ вообще не занимались обрабатывающей промышленностью, а воздѣлывали сады и виноградники, промышляли торговлей и маклерствомъ или состояли на городской службѣ. Наконецъ, и число ремесленниковъ, не входившихъ въ составъ цеховъ, было довольно значительно.

Въ виду этого, если мы хотимъ получить вѣрное представленіе о профессіональномъ составѣ гражданъ, мы должны пойти инымъ путемъ: необходимо, какъ это дѣлаетъ современная статистика, распредѣлить гражданъ по профессіямъ, которыми они дѣйствительно занимались. Однако, выполнить эту задачу по отношенію къ среднимъ вѣкамъ чрезвычайно трудно, и даже для Франкфурта, несмотря на богатство матеріала въ его городскомъ архивѣ, это возможно было сдѣлать только для 1440 года [1]).

Въ 1440 году во Франкфуртѣ насчитывалось 1800 имѣющихъ самостоятельный заработокъ мужчинъ, распредѣлявшихся, по меньшей мѣрѣ, на 151 профессію. Число это, однако, не выражаетъ всего количества профессій, существовавшихъ во Франкфуртѣ въ средніе вѣка. Если считать и единично попадающіяся въ XIV и XV вѣкѣ занятія, то получается списокъ 340 самостоятельныхъ занятій мужчинъ. Притомъ надо помнить, что повсюду рѣчь идетъ о главномъ занятіи, т. е. о занятіи постоянномъ и составляющемъ главный источникъ пропитанія семьи.

Это большое количество различныхъ профессій составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ соціальной группировкѣ населенія. Оно является мѣриломъ развитія средневѣкового раздѣленія труда, и значеніе его можетъ быть правильно оцѣнено лишь послѣ того,

---

[1]) Подробности см. въ моей книгѣ „Bevölkerung von Frankfurt a. M." I, стр. 210 и слѣд.: здѣсь я ограничиваюсь главными выводами.

какъ мы уяснимъ себѣ своеобразный характеръ средневѣкового раздѣленія труда и способа производства.

Современный способъ производства въ промышленности—капиталистическій; онъ основывается на превращеніи денегъ въ товаръ и товара въ большее количество денегъ. Предприниматель покупаетъ сырой матеріалъ, орудія, машины, рабочую силу и затѣмъ продаетъ возникшій путемъ совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ этихъ элементовъ продуктъ съ прибылью. Прибыль эта тѣмъ больше, чѣмъ больше капиталъ и чѣмъ скорѣе его оборотъ.

Передъ нами открывается обширный міръ промышленной дѣятельности, гдѣ каждый конкуррируетъ со всѣми другими. Всѣ же вмѣстѣ находятся подъ давленіемъ постояннаго прироста населенія, принуждающаго общество изобрѣтать каждый разъ новыя средства для прокормленія прирастающихъ милліоновъ.

Средневѣковый городъ представлялъ собой узкій міръ, ограничивавшій стремленіе къ наживѣ отдѣльныхъ лицъ на каждомъ шагу. Его могущество опредѣлялось тѣмъ, что населеніе въ теченіе продолжительнаго времени не падало ниже той цифры, которая могла прокормиться; во Франкфуртѣ оно обыкновенно не достигало ея, такъ что иногда во время ярмарки приходилось даже допускать чужихъ торговцевъ, а женщины часто въ значительномъ количествѣ могли принимать участіе въ промыслахъ: правда, промыслы и торговля еще не отличались тѣмъ постоянствомъ, которое мы находимъ въ городахъ XVII и XVIII столѣтій. Процессъ образованія профессій находится еще въ полномъ ходу и охватываетъ многое, что впослѣдствіи снова отъ него уходитъ. Но, свободный еще отъ давленія постояннаго прироста населенія, онъ не соединенъ еще съ быстрымъ техническимъ прогрессомъ и выражается лишь въ распредѣленіи существующихъ заработковъ между наличными силами.

Современное раздѣленіе труда представляетъ собою по преимуществу расчлененіе труда. Оно заключается въ томъ, что много рабочихъ рукъ различнаго качества дѣйствуютъ совмѣстно въ одномъ и томъ же предпріятіи при изготовленіи товара, большею частью при помощи механическихъ двигателей и рабочихъ машинъ. Всякій успѣхъ въ области раздѣленія труда ведетъ къ расширенію предпріятія и къ увеличенію необходимаго оборотнаго, а зачастую и основного капитала.

Средневѣковой способъ производства основывается большею частью на одномъ лишь трудѣ. Промышленникъ при простотѣ орудій производства долженъ самъ отличаться большимъ умѣньемъ. Сырой матеріалъ дается ему часто заказчикомъ, который затѣмъ потребляетъ его издѣліе въ собственномъ своемъ хозяйствѣ. Заработокъ ремесленника составляетъ вознагражденіе за трудъ, и оно тѣмъ выше, чѣмъ искуснѣе сработано издѣліе.

Средневѣковое раздѣленіе труда представляетъ собою главнымъ образомъ спеціализацію: оно сводится къ распаденію одной профессіи на нѣсколько. Область труда, которую раньше обнималъ одинъ

мастеръ, становится источникомъ пропитанія для многихъ, независимыхъ другъ отъ друга, лицъ. Успѣхъ техники происходитъ лишь такимъ образомъ, что способъ, употреблявшійся въ производствѣ цѣлой группы однородныхъ продуктовъ, начинаетъ спеціально примѣняться къ какому-нибудь одному виду ихъ, орудія производства соотвѣтственно видоизмѣняются, а изготовленіе ихъ становится занятіемъ новаго ремесленника. А такъ какъ толчекъ въ области производства всегда исходитъ отъ потребителя, временно пользующагося услугами ремесленника, то производитель новаго вида издѣлій становится къ своимъ заказчикамъ въ такія же отношенія какъ и прежній производитель всей группы издѣлій.

Пояснимъ лучше всего этотъ процессъ на примѣрѣ. Портной стариннаго стиля самъ стригъ сукно, шилъ и вышивалъ мужское и дамское платье, бѣлье, чепцы, шапки, мѣховыя вещи. Изъ этого одного портняжнаго ремесла въ XIV и XV вѣкахъ образовались ремесла сукностригa, вышивальщика шелкомъ, шляпника, скорняка и починщика, изготовленіе же дамскаго платья и бѣлошвейное ремесло предоставлено было женщинамъ.

Процессъ этотъ можно наблюдать еще и въ настоящее время въ такихъ областяхъ труда, въ которыхъ неприменимо капиталистическое производство: напримѣръ, въ области науки или всякаго рода личныхъ услугъ. Приведу хотя бы врачебную профессію съ ея все болѣе увеличивающимися спеціальностями. Къ тому, что достигнуто этими спеціалистами въ техническомъ отношеніи, именно стремилась и этого же добивалась средневѣковая промышленность. Высшее индивидуальное искусство для стариннаго городского мастера и современнаго врача-спеціалиста то же, что для фабриканта его патентованныя машины и способы производства и его хорошо дисциплинированная армія рабочихъ.

Въ то время какъ современное раздѣленіе труда все болѣе затрудняетъ рабочему путь къ самостоятельности, неизбѣжно приводя къ раздѣленію капитала и труда, средневѣковое раздѣленіе профессій увеличивало число самостоятельныхъ предпріятій и повышало значеніе труда для личнаго успѣха.

Мы не имѣемъ здѣсь возможности вдаваться въ подробности профессіональной группировки. Если распредѣлять по большимъ группамъ, то изъ 1800 лицъ, имѣвшихъ самостоятельный заработокъ, приходились на:

	Лицъ.	Процентъ.
ремесла въ тѣсномъ смыслѣ	1050	58,3
добывающую промышленность	330	18,3
торговлю, средства сообщенія и трактирный промыселъ	230	12,8
поденную работу неопредѣленнаго характера	60	3,3
общественныя должности	60	3,3
либеральныя профессіи	30	1,7
различныя занятія	40	2,3

На числа эти, понятно, нельзя смотрѣть, какъ данныя современной статистики. Они распредѣляютъ гражданъ только по главному занятію и не отмѣчаютъ, что большинство ихъ часть своего пропитанія добывали изъ одного, а иногда и изъ нѣсколькихъ побочныхъ занятій. Результатомъ этихъ многочисленныхъ случаевъ соединенія труда является то, что нѣкоторыя области производства не выступаютъ наружу въ томъ видѣ, какой они дѣйствительно имѣли.

Такъ, напримѣръ, въ числѣ занимающихся добывающею промышленностью мы насчитали всего лишь 130 сельскихъ хозяевъ, между тѣмъ какъ вплоть до XVI вѣка и даже позже почти каждый горожанинъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, либо по меньшей мѣрѣ, разводилъ садъ и виноградники на городской землѣ или на близлежащихъ поляхъ. Точно также и на низшей городской службѣ состояло гораздо болѣе 60 человѣкъ; а если считать только тѣхъ, кто дѣйствительно могъ жить на доходы со своей должности, то и эта цифра окажется слишкомъ высокою. Къ нимъ нужно присоединить многочисленный персоналъ, необходимый городу для различнаго рода сторожевой службы у воротъ башенъ, тюремъ, карауленъ, заставъ,—большею частью бѣдныя ремесленники, которые продолжали вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься своимъ ремесломъ; далѣе, многочисленныхъ полудолжностныхъ лицъ для торговли на рынкѣ и, наконецъ, содержавшихся на городской счетъ ремесленниковъ: городского строителя, городского кузнеца, городского повара, мельника на городской мельницѣ и пекаря въ городской пекарнѣ. Такимъ образомъ мы въ общемъ получимъ около 200 человѣкъ, состоящихъ на городской службѣ—кромѣ солдатъ. При этомъ, подобно тому, какъ нѣкоторые ремесленники соединяли въ своихъ рукахъ двѣ профессіи, такъ и нѣкоторые служащіе занимали одновременно нѣсколько мелкихъ должностей.

Наиболѣе же поразительною особенностью городской промышленной жизни является та второстепенная роль, какую играетъ торговля. Это объясняется попросту тѣмъ, что, съ одной стороны, въ средніе вѣка торговля имѣла мѣсто только тамъ, гдѣ мѣстное производство оказывалось недостаточнымъ, а съ другой стороны— стремленіемъ поставить на городскомъ рынкѣ потребителя по возможности въ непосредственныя сношенія также и съ иногороднимъ производителемъ; и лишь въ цѣляхъ гарантіи правильной торговли между ними, вводилась въ качествѣ экспертовъ-посредниковъ армія присяжныхъ маклеровъ (перекупщиковъ), мѣрильщиковъ, вѣсовщиковъ. Изъ 280 приведенныхъ выше лицъ, занятыхъ въ области торговли, сообщеній и трактирнаго промысла, только 70 были розничными и мелочными торговцами и 15 занимались оптовой торговлей. Но и этихъ немногихъ оптовыхъ торговцевъ не слѣдуетъ себѣ представлять богатыми купцами, ведущими постоянныя торговыя операціи. Это были люди, принадлежавшіе къ семьямъ, которыя имѣли право засѣдать въ городской ратушѣ; и какъ въ настоящее время богатый человѣкъ, въ видѣ исключенія,

иногда спекулируетъ на биржѣ, такъ и они помѣщали на нѣкоторое время часть своего имущества, состоявшаго преимущественно изъ земли, рентъ и чинша, въ торговыя операціи, принимая участіе въ какой-нибудь компаніи; и, право, не знаешь, куда собственно отнести этихъ людей—къ рентье, сельскимъ хозяевамъ, или купцамъ.

Если мы и причисламъ ихъ къ купцамъ, то все же на всю торговлю въ современномъ смыслѣ приходилось едва 5% населенія, имѣющаго самостоятельный заработокъ, между тѣмъ какъ въ 1895 году она занимала болѣе 18%. Къ сферѣ торговли, средствъ сообщенія и трактирнаго промысла въ средніе вѣка принадлежали всего вмѣстѣ 12,8 проц., въ 1895 году—29,9 проц. Зато въ непосредственно производительныхъ профессіяхъ ремесла и добывающей промышленности въ средніе вѣка было занято 80% населенія, а въ 1895 всего 46%. Въ томъ обстоятельствѣ, что четыре пятыхъ населенія трудились своими руками, съ помощью собственныхъ орудій, а иногда и собственнымъ матеріаломъ, въ мастерскихъ, на поляхъ, садахъ и виноградникахъ, и что выручка съ этого труда поступала цѣликомъ въ ихъ пользу,—въ этомъ кроется вторая причина могущества средневѣкового городскаго хозяйства. То поразительное преобладаніе распредѣлительныхъ профессій, на которое раздаются жалобы въ настоящее время, въ средневѣковомъ обществѣ не имѣло мѣста.

Въ связи съ вопросомъ о профессіональной группировкѣ населенія намъ осталось еще упомянуть о двухъ группахъ постояннаго населенія, занимавшихъ въ соціальномъ отношеніи особое положеніе. Это—лица духовнаго сословія и евреи.

Духовное сословіе въ XIV и XV ст. насчитывало 85—100 лицъ бѣлаго духовенства, 80—100 монаховъ, 40—45 монахинь и 35—55 представителей иностранныхъ рыцарскихъ орденовъ, монастырей и капитуловъ. Такъ какъ содержаніе этого многочисленнаго персонала обезпечено было опредѣленными фондами, и лишь нищенствующіе ордена иногда прибѣгали къ помощи гражданъ, то они для городского хозяйства вовсе не являлись столь обременительными, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ. Но зато, съ другой стороны, эти лица, несмотря на свои богатства, не принимали участія въ расходахъ города, ибо были освобождены отъ податей.

Еврейская община съ 1360—1500 года составляла менѣе 30 семействъ; за это время, судя по имѣющимся за всѣ эти годы податнымъ спискамъ, составъ ея сильно колебался; въ 1440 году она насчитывала всего 6—9 домохозяйствъ. Единственною профессіей ихъ были банкирскія и ссудныя операціи; торговлей товарами въ средневѣковомъ Франкфуртѣ евреи не занимались.

Но мы сдѣлали бы крупную ошибку, еслибы умалили экономическое значеніе этихъ двухъ группъ населенія. Это значеніе выражалось не только въ томъ, что онѣ являлись платежеспособными покупателями произведеній городского ремесла, но еще болѣе въ

томъ, что онѣ кредитовали населеніе; духовенство обращало обильно притекавшія къ нему денежныя средства на покупку рентъ съ мѣстныхъ недвижимостей и, такимъ образомъ, и менѣе состоятельнымъ давало возможность владѣть домомъ или самостоятельно заниматься промысломъ; евреи же часто выручали людей изъ нужды, доставляя имъ потребительный кредитъ въ единственно возможной въ то время формѣ, хотя послѣдняя и не всегда являлась благодѣтельной для должника.

Переходимъ къ подвижной части населенія, къ рабочему классу, какъ мы сказали бы теперь—къ работникамъ и работницамъ (Knechte und Mägde), какъ выражались въ средніе вѣка. Постояннаго мѣстнаго рабочаго населенія, подобно современному, средневѣковье не знало, развѣ только въ видѣ ограниченнаго числа поденщиковъ и рабочихъ на виноградникахъ. Что же касается числа пришлыхъ подмастерьевъ, батраковъ и женской прислуги, то мы не можемъ опредѣлить его по мѣстнымъ источникамъ. Для 1440 года я предположилъ 1500—1600 лицъ—по примѣру Нюрнберга, хотя Франкфуртъ въ промышленномъ отношеніи стоялъ ниже Нюрнберга, и цифра эта, пожалуй, даже слишкомъ высока.

Относительно распредѣленія имущества среди населенія мы тоже не имѣемъ прямыхъ данныхъ. Но мы можемъ себѣ составить о немъ приблизительное представленіе по сохранившимся почти цѣликомъ спискамъ, относящимся къ существовавшей тогда во Франкфуртѣ поимущественной подати. Если возьмемъ наиболѣе близкій къ 1440 году, сохранившійся почти цѣликомъ, списокъ плательщиковъ за 1420 г., то мы прежде всего замѣчаемъ, что налогъ составлялся изъ постоянной подати (подымной подати) въ 12 шиллинговъ (около 4 марокъ 20 пфениговъ), которая взималась съ каждаго домохозяйства, и изъ измѣнявшейся, соотвѣтственно различнымъ имущественнымъ объектамъ, подати, которая составляла на движимое имущество 1,8%, а на недвижимое достигала крайне высокой цифры въ 7%. Кромѣ того надо отмѣтить, что значительная часть имущества—своего рода прожиточный минимумъ—освобождалась отъ обложенія, а именно: треть жилья, одна лошадь, одна корова, домашняя утварь и одежда, два серебряныхъ кубка на каждую семью, а также годовой запасъ хлѣба, вина, дровъ, корма для скота и соломы [1]).

При такихъ условіяхъ на 2382 человѣка, подлежавшихъ обложенію, въ 1420 году было:

	Лицъ	Процентъ.
освобождено по бѣдности и другимъ основаніямъ . . .	94	3,9
освобождено въ размѣрѣ до 10 шилл. (=3 марки 50 пф.)	387	16,3

---

[1]) Срвн. Bedeordnung за 1475 годъ въ моей статьѣ „Zwei mittelalterliche Steuerordnungen" въ „Kleine Beiträge zur Geschichte", юбилейное изданіе историческаго конгресса въ Лейпцигѣ (1854), стр. 151 и слѣд.

	Лицъ.	Процентъ.
обложено въ размѣрѣ отъ 10 шилл. до 1 фунта (=3 м. 50—7 м.)	1219	51,2
обложено въ размѣрѣ отъ 1 до 10 ф. (7—70 м.)	533	22,4
обложено въ размѣрѣ отъ 10 до 50 ф. (70—350 м.)	132	5,5
обложено въ размѣрѣ свыше 50 ф. (350 м.)	17	0,7

Свыше 100 фунтовъ платятъ только 7 лицъ. Высшій налогъ въ 145 фунтовъ, а на наши деньги въ 1015 марокъ уплачиваютъ два лица (Іоаннъ фонъ Гольцгаузенъ и Генрихъ Виссе-цумъ-Виссенъ).

Это весьма значительные оклады, даже если и не принимать въ соображеніе большую цѣнность денегъ въ средніе вѣка. Они вообще становятся понятными лишь тогда, если имѣть въ виду, что средневѣковый городъ, взимая отъ времени до времени поимущественную подать, въ этихъ случаяхъ доходилъ до крайнихъ предѣловъ платежеспособности жителей. Различіе же между современнымъ распредѣленіемъ имущества и тѣмъ, которое, насколько можно заключить изъ раскладки податей за 1420 г., существовало въ тѣ времена, можно кратко резюмировать такъ: преобладаніе мелкаго и средняго имущества, незначительное число неимущихъ и очень богатыхъ. Правда, число лицъ, обладавшихъ имуществомъ сверхъ того, что необходимо для жизни, составляло всего 35%; но сюда приходитъ еще большое количество платившихъ постоянную подымную подать, изъ которыхъ весьма многіе, надо полагать, жили безбѣдно. Нельзя же назвать бѣднымъ человѣка, у котораго есть лошадь и корова, припасено сѣна, овса и соломы до Мартынова дня, имѣются одежда и утварь, а также хлѣбъ, вино и топливо отъ жатвы до жатвы; такой человѣкъ, имѣя къ тому же свободныя руки для ремесла, жилъ въ средніе вѣка сравнительно лучше, чѣмъ большинство людей въ современномъ Франкфуртѣ, обложенныхъ по низшимъ разрядамъ подоходнаго налога [1].

Что имущественная состоятельность въ средніе вѣка не ограничивалась классомъ землевладѣльцевъ, видно изъ того, что ремесленный классъ между отдѣльными разрядами обложенія распредѣляется вполнѣ пропорціонально всему населенію, съ тою лишь разницей, что ремесленниковъ меньше въ низшемъ разрядѣ и обыкновенно совсѣмъ нѣтъ въ высшемъ. Тѣмъ не менѣе мастера, платящіе 30—40 фунтовъ налогу, вовсе не такъ рѣдки, и

---

[1]) Въ послѣднее время это положеніе оспаривалось. Но какъ видно будетъ изъ II тома моего сочиненія „Bevölkerung von Frankfurt a/M", оно вполнѣ подтверждается списками поимущественнаго обложенія, изъ которыхъ можно усмотрѣть, что многія лица, платившія подымную подать, уплачивали въ то же время чиншъ, т. е. владѣли недвижимостью. Изъ 411 платившихъ подымную подать лицъ верхней части города въ 1406 г. 161 оказываются домовладѣльцами или землевладѣльцами, иренты, уплачиваемыя ими, составляли иногда значительныя суммы.

если мы захотимъ примѣнять къ тогдашней франкфуртской промышленности старинную поговорку, что „ремесло имѣетъ золотое дно“, то податные списки этому нисколько не будутъ противорѣчить.

Правда, всякое сравненіе средневѣковаго и современнаго обложенія натыкается на три почти непреодолимыя трудности: 1) различіе податныхъ системъ: главный прямой налогъ въ средніе вѣка взимался съ имущества, въ настоящее же время взимается съ дохода; 2) различіе въ цѣнности денегъ въ средніе вѣка и въ новѣйшее время; 3) невозможность опредѣлить въ деньгахъ цѣнность обозначеннаго въ податныхъ листахъ имущества. Послѣднее затрудненіе исчезаетъ лишь въ концѣ разсматриваемаго періода, въ 1495 году, когда поимущественная подать преобразована была въ періодически взимаемый по однимъ и тѣмъ же ставкамъ налогъ со всего оцѣненнаго въ деньгахъ имущества. Но осуществленіе этого новаго по своему характеру имущественнаго обложенія вначалѣ было, конечно, весьма несовершенно, и если я тѣмъ не менѣе приведу нѣсколько цифръ относительно распредѣленія имущества среди городского населенія, полученныхъ изъ сдѣланной по этой системѣ оцѣнки въ 1495 году, то я прошу не забывать, что мы во всякомъ случаѣ имѣемъ здѣсь дѣло съ минимальными цифрами.

Изъ 100 лицъ, подлежавшихъ обложенію, имѣли:

имущества подлежавшаго обложенію въ гульденахъ:	на современныя деньги въ маркахъ	среди всего населенія	среди ремесленниковъ
менѣе 20	менѣе 140	45,7	32,7
20— 100	140— 700	26,8	32,6
100— 200	700— 1400	8,2	12,5
200— 400	1400— 2800	5,9	10,6
400— 600	2800— 4200	2,9	4,3
600— 1000	4200— 7000	3,2	4,3
1000— 2000	7000—14000	2,2	2,0
2000— 5000	14000—35000	2,3	0,8
5000—10000	35000—70000	1,1	—
сверхъ 10000	сверхъ 70000	1,7	0,2

И здѣсь обращаетъ на себя вниманіе сравнительно большій процентъ ремесленниковъ въ среднихъ имущественныхъ разрядахъ. Однако, было бы ошибочно думать, что широкое распространеніе средняго достатка объясняется исключительно подъемомъ промышленности, и что въ среднемъ мастера того времени обладали значительнымъ промышленнымъ капиталомъ. Многіе изъ нихъ, напримѣръ, шерстоткачи, мясники и отчасти пекаря, дѣйствительно давно уже перешли отъ работы на заказъ къ сбыту изготовленныхъ изъ собственнаго матеріала продуктовъ и поэтому, конечно, должны были имѣть оборотный капиталъ. Это можно сказать и относи-

тельно большей части промысловъ въ области обработки металловъ, нѣкоторыхъ ремеслъ по обработкѣ кожи, по производству деревянной обуви и другихъ; ремесленники этихъ отраслей производства развозили свои издѣлія по городскимъ рынкамъ вплоть до Фульды и Нёрдлингена. Но большая часть ремесленниковъ, какъ это видно изъ городскихъ счетовъ, была вынуждена при болѣе или менѣе значительномъ заказѣ брать матеріалъ отъ заказчика.

Съ другой стороны, значительная часть ремесленниковъ состояла изъ землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ. Это видно изъ сохранившейся за 1438 годъ описи домовъ,—къ сожалѣнію, недостаточно полной для статистической обработки. И хотя эти дома ремесленниковъ были небольшихъ размѣровъ и обременены чиншемъ и повинностями, тѣмъ не менѣе они составляли прочную опору матеріальнаго существованія ихъ владѣльцевъ. Еще болѣе это относится къ землевладѣнію, которое было разбросано не только по всей территоріи Франкфурта, но и по всѣмъ почти окрестнымъ селеніямъ вплоть до Веттерау; и повсюду велось собственное хозяйство. Такимъ образомъ, большинство жителей тогдашняго Франкфурта еще добывали значительную часть средствъ существованія изъ сельскаго хозяйства, городскія же ремесла давали имъ лишь нѣкоторую дополнительную сумму наличныхъ денегъ. Этотъ-то двойной хозяйственный фундаментъ придавалъ жизни горожанина въ безпокойныя времена средневѣковья сравнительную устойчивость, распространявшуюся отчасти и на тѣхъ, кто жилъ исключительно трудомъ своихъ рукъ.

Мы пришли къ концу нашего странствія. Если мы теперь съ достигнутой нами точки обратимъ свой взоръ назадъ, то мы увидимъ, что, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія въ смыслѣ естественнаго состава населенія, его соціальный составъ по профессіямъ и имущественному состоянію отличался вполнѣ здоровымъ характеромъ. Городское хозяйство способствовало самостоятельности значительной части горожанъ; оно содѣйствовало развитію производительныхъ профессій; оно не дало развиться слишкомъ рѣзкимъ различіямъ въ распредѣленіи имущества и дохода.

Значеніе этихъ условій мы оцѣнимъ надлежащимъ образомъ лишь тогда, если обратимъ свой взоръ на то, что въ это время происходило за предѣлами городскихъ стѣнъ. Здѣсь землевладѣніе все еще составляло единственную форму имущества, а сельское хозяйство—единственную профессію. Но земля соединена въ рукахъ дворянства и церкви въ немногія крупныя владѣнія, а сельскій трудъ взваленъ на плечи прикрѣпленнаго къ землѣ, а иногда и лично-несвободнаго крестьянства—неподвижнаго, отвыкшаго отъ военной службы, тяжко угнетаемаго.

Хотя городъ еще не вполнѣ эмансипировался отъ земли, но въ немъ рядомъ съ земледѣліемъ, принимающимъ здѣсь болѣе интенсивныя формы садоводства и винодѣлія, процвѣтаетъ богато развѣтвленная, развивавшаяся до поразительнаго многообразія, область самостоятельнаго профессіональнаго труда — ремесло. По

самому своему характеру оно может принимать лишь форму мелкаго производства. Оно создает крѣпкій слой свободных, независимых трудящихся людей, значеніе которых основывается на их умѣніи. Производитель работает собственными орудіями производства, а иногда и с собственным капиталом; обыкновенно он работает не на большой рынок, а на тѣсный круг заказчиков из граждан или окрестнаго населенія; между ним и потребителем его издѣлій нѣт мѣста сворѣ алчных посредников.

Гдѣ ремесло не в состояніи удовлетворять всѣх потребностей, на помощь приходит торговля, прежде всего в характерной формѣ обмѣна на рынкѣ. Средневѣковый рынок нуждается в большом сравнительно числѣ полудолжностных лиц—посредников: множествѣ присяжных маклеров, мѣрильщиков соли, угля, холста, носильщиков, вѣсовщиков, контролеров, разливателей вина, гонцов и корабельщиков; тут же располагается мѣняла со своим ларем и писарь со своей конторкой, чтобы составлять дѣловыя бумаги для многочисленных неграмотных людей. Правда часть года большинство этих людей живет впроголодь. Но все же каждые полгода бывает ярмарка, от времени до времени устраивается турнир, происходит собраніе имперских чинов или выборы императора, во время которых многіе находят себѣ обильный заработок и пропитаніе. Чрезвычайно доходную статью франкфуртских жителей составляла отдача в наем жилых и торговых помѣщеній на время ярмарки и содержаніе многочисленных пріѣзжих на ярмарку.

Кого не может прокормить одно занятіе, тот соединяет его с другим или берется за иное. Ибо промышленная жизнь еще не застыла и не окостенѣла в цеховых постановленіях; продолжают еще возникать новые виды профессій, и если какое-нибудь ремесло негостепріимно закрывает свои двери, то вступается городской совѣт и уничтожает вредныя постановленія.

На этом экономическом и соціальном основаніи средніе вѣка создали совершенную в своем родѣ организацію труда и политическаго общежитія. В отношеніи первой они руководились двумя принципами—идеей общаго блага и стремленіем, чтобы каждое ремесло пропитывало занимающагося им собственноручно работника. Прямым послѣдствіем перваго принципа было то, что право на занятіе ремеслом в городѣ разсматривалось как должность, которую общество поручало отдѣльному мастеру или цеху и которая налагала на них опредѣленныя обязанности; выводом из второго принципа было всеобщее равенство и братство, которыя были обязательны для товарищей по профессіи. С этими двумя принципами, господствующими в городском хозяйствѣ, перекрещиваются два других, родственных им, в области политической жизни: с одной стороны, убѣжденіе что общество охраняет и защищает каждаго гражданина и «отвѣчает» за каждаго, а с другой, что каждый обязан отдать жизнь и имущество на пользу города. Из

перваго вытекала солидарность гражданъ, изъ второго—всеобщая воинская и податная повинность.

Эта солидарность, это всеобщее братство не ограничивалось многочисленными мелкими союзами, цехами, гильдіями, корпораціями, которыя образовывали патриціи, ремесленники, подмастерьи. Оно обнимало всѣхъ гражданъ города въ одно, связанное присягой, цѣлое, въ которомъ всѣ готовы были «дѣлить вмѣстѣ радость и горе въ городѣ, или гдѣ придется».

Огромное количество правилъ и постановленій, въ которыхъ дѣятельность городскихъ управленій получила свое письменное выраженіе, раскрываетъ передъ нами цѣлый міровъ, гдѣ отъ начальства каждому отведено его мѣсто и точно опредѣлены его обязанности, нерѣдко самаго мелочнаго свойства. У современнаго городского жителя захватываетъ духъ, когда онъ попадаетъ въ этотъ міръ стѣсненій и ограниченій, гдѣ столь немногое разрѣшено и такъ много запрещеній. Но, если отдѣлавшись отъ перваго впечатлѣнія, мы задумаемся надъ тѣми принципами, которыми руководствовалось это общинное законодательство, то нельзя не усмотрѣть ихъ въ идеѣ призванія, въ установленіи по отношенію къ обществу обязанностей, которыя каждый долженъ исполнять на своемъ мѣстѣ, а съ другой стороны, въ стремленіи обезпечить средства существованія всѣмъ трудящимся.

Къ какимъ искусственнымъ мѣропріятіямъ прибѣгало ремесленное законодательство, чтобы всѣ мастера получали одинаковое пропитаніе, видно изъ ряда постановленій цеховыхъ уставовъ; меньше вниманія обращалось до сихъ поръ на то, что и городъ въ отношеніи своихъ многочисленныхъ служащихъ, выполняющихъ обязанности городской и рыночной полиціи, руководился тѣми же принципами. Они принимаютъ присягу, публика оплачиваетъ ихъ трудъ пошлинами, и каждый долженъ зарабатывать столько же, сколько всѣ остальные. Когда носильщики или надзиратели за продажей вина кончали свой трудовой день, они собирались вечеромъ вмѣстѣ, каждый обязанъ былъ бросить въ кружку заработанныя деньги, и сумма должна была дѣлиться между всѣми поровну; больные и лишенные возможности работать получали свою долю въ половинномъ размѣрѣ. Если въ то время, какъ чесальщикъ сукна отмѣряетъ купцу сукно, подойдетъ къ нему другой чесальщикъ, то ему поручается отмѣрить слѣдующій кусокъ и такъ по очереди дальше, дабы «никто не наносилъ ущерба другому».

Почти все населеніе, за исключеніемъ патриціевъ, раздѣлено на профессіональныя группы, составляетъ союзы (гильдіи) и во всѣхъ областяхъ жизни подчиняется профессіональному регламенту. Если, съ одной стороны, этотъ послѣдній распространяется даже на правила внѣшняго приличія и, прибѣгая къ курьезнѣйшей казуистикѣ, запрещаетъ употребленіе оружія и произношеніе непристойныхъ словъ, то въ то же время за нимъ нельзя не признать большого воспитательнаго значенія, благодаря которому грубые и нео-

тесанные люди пріучались къ мирному сожительству и подчиненію установленнымъ правиламъ.

Въ этой организаціи общества, покоившейся на твердой почвѣ благопріятныхъ хозяйственныхъ условій, и заключается источникъ могущества средневѣковыхъ городовъ. Несмотря на незначительную численность населенія, они были сильнѣе сельскихъ областей, потому что здѣсь человѣкъ имѣлъ цѣну, имѣлъ большее значеніе, чѣмъ тамъ, а также потому, что здѣсь каждый отдавалъ себя добровольно на служеніе общему благу по принципу: одинъ за всѣхъ и всѣ за одного.

И тѣмъ не менѣе мы имѣемъ передъ собой одностороннее, въ извѣстномъ смыслѣ эгоистическое развитіе, которое было возможно лишь благодаря все усиливавшемуся рѣзкому соціальному разграниченію между городомъ и деревней, благодаря той экономической зависимости, въ какую городъ поставилъ окружавшія его на большомъ протяженіи сельскія мѣстности. Это развитіе должно было завершиться установленіемъ политической зависимости деревни отъ города, и Франкфуртъ принадлежитъ къ числу немногихъ нѣмецкихъ городовъ, сознательно преслѣдовавшихъ эту цѣль путемъ присоединенія къ себѣ сельскихъ общинъ.

Однако, то обстоятельство, что въ Германіи развитіе городовъ было одностороннее и осталось незаконченнымъ, послужило, на мой взглядъ, главной причиной того, что города явились въ государственномъ отношеніи не объединяющимъ, какъ это казалось вначалѣ, а разлагающимъ элементомъ, и что они въ XVII и XVIII вѣкахъ пали со своей высоты еще быстрѣе, чѣмъ достигли ея.

Въ настоящее время городъ не является уже болѣе замкнутою общиной; онъ подчиненный органъ большого цѣлаго—организованнаго въ государство общества. И если въ качествѣ такового онъ соединяетъ въ своихъ стѣнахъ наиболѣе блестящіе результаты общественнаго труда, то не слѣдуетъ все же забывать, что онъ является въ то же время и наиболѣе рѣзкимъ выразителемъ соціальныхъ противорѣчій въ обществѣ, его безпокойства и неудовлетворенности. Какъ не пожелать, чтобы современному обществу удалось создать такую организацію труда, въ которой въ равной мѣрѣ соблюдены были бы интересы личности и государства, подобно тому, какъ соблюдалъ интересы своихъ гражданъ соціальный строй средневѣковаго города!

XII.

Внутреннія передвиженія и города въ ихъ культурно-историческомъ значеніи.

Всякое изслѣдованіе доисторическихъ временъ, поскольку оно касается одушевленнаго міра, имѣетъ своею исходною точкой переселенія. Распространеніе растеній, животныхъ и людей по земному шару, родственная связь между языками, религіозными представленіями, сказаніями и легендами, нравами и общественными учрежденіями—все это, повидимому, находитъ себѣ объясненіе въ гипотезѣ переселеній.

Правда, относительно исторіи человѣчества въ настоящее время уже оставленъ взглядъ, будто кочевой образъ жизни представляетъ общую для всѣхъ ступень развитія, которую долженъ былъ пройти каждый народъ, прежде чѣмъ стать осѣдлымъ, и черезъ которую онъ, съ прирученіемъ домашнихъ животныхъ, «естественно» переходилъ отъ охотничьяго образа жизни къ земледѣлію. Этнографія выяснила, что всѣ нецивилизованные народы, каковъ бы ни былъ экономическій базисъ ихъ существованія, легко и зачастую по незначительному поводу мѣняютъ свою осѣдлость, и что мы находимъ у нихъ чрезвычайно много промежуточныхъ ступеней между кочевою и осѣдлою жизнью. И теперь еще не только сѣверная и южная граница обитаемой части земного шара населена кочевниками, но и во внутреннихъ его частяхъ есть не мало пространствъ, на которыхъ происходитъ постоянное переселеніе народовъ. У большинства культурныхъ народовъ сохранились преданія или историческіе памятники, свидѣтельствующіе о томъ, что они пережили такое состояніе.

И нѣмецкій языкъ сохранилъ глубокіе слѣды этой давно минувшей эпохи всеобщихъ передвиженій. «Gesund» (здоровый отъ слова: senden—посылать) первоначально обозначало «готовый въ путь», а «Gesinde» (прислуга)—провожатыхъ. Буквальный смыслъ словъ Gefährte, Gefährtin (товарищъ, подруга)—попутчикъ, попутчица; Erfahrung (опытъ) есть то, что узнается (erfahren) въ пути. Бывалымъ (bewandert) является тотъ, кто много странствовалъ (Wanderung). Перечень этихъ словъ далеко не полонъ. Общее значеніе, которое они современемъ пріобрѣли, служитъ указаніемъ на общераспространенность тѣхъ конкретныхъ взглядовъ и наблюденій,

Отсюда само собой вытекаетъ, что состояніе всеобщаго передвиженія и укоренившіеся благодаря ему нравы странствующей жизни не могли исчезнуть сразу, и что, напротивъ, все дальнѣйшее развитіе, вплоть до нынѣшняго времени, должно быть разсматриваемо какъ непрерывный процессъ постепеннаго осѣданія, усиленія связи между человѣкомъ и клочкомъ земли, на которомъ онъ родился.

Такого рода взглядъ подтверждается многочисленными фактами. У предковъ нашихъ домъ являлся движимымъ имуществомъ, и доказано, что многіе поселенія въ историческій періодъ перемѣнили свое мѣсто. Несмотря на отсутствіе искусственныхъ дорогъ и удобныхъ путей сообщенія, человѣкъ въ средніе вѣка былъ гораздо подвижнѣе, чѣмъ въ позднѣйшее время. На это указываютъ многочисленныя паломничества къ святымъ мѣстамъ, простиравшіяся до Сантъ-Яго въ Испаніи, крестовые походы, наличность цѣлыхъ массъ бродячихъ людей, странствующій образъ жизни королей и ихъ дворовъ, право гостепріимства, развитіе института конвоя.

Каждый новый шагъ въ развитіи культуры какъ бы начинается съ новаго періода переселеній. Земледѣліе первоначально носило кочевой характеръ съ ежегодной перемѣной запашки; древнѣйшая торговля была кочевая; первыя ремесла, выдѣлившіяся изъ домашняго хозяйства въ качествѣ самостоятельныхъ профессій, производились странствующими ремесленниками. Великіе основатели религій, древнѣйшіе поэты и философы, музыканты и художники повсюду проводили свою жизнь въ странствіяхъ. Да и теперь, несмотря на чрезвычайное развитіе средствъ извѣщенія, изобрѣтатели, проповѣдники новыхъ ученій, артисты переходятъ съ мѣста на мѣсто, ища себѣ приверженцовъ и поклонниковъ.

Чѣмъ старѣе культура, тѣмъ болѣе осѣдлымъ характеромъ она отличается. Греки были болѣе осѣдлы, чѣмъ финикіяне, римляне— болѣе, чѣмъ греки, ибо каждый изъ этихъ народовъ унаслѣдовалъ культуру предшествовавшаго. Нѣчто подобное наблюдается и въ настоящее время. Германецъ подвижнѣе представителя романской народности, славянинъ подвижнѣе германца. Французъ крѣпко привязанъ къ родной землѣ; русскій съ нею разстается съ легкимъ сердцемъ, чтобы искать въ другомъ мѣстѣ своего обширнаго отечества лучшаго заработка. Даже фабричный рабочій въ Россіи представляетъ собою не болѣе какъ періодически странствующаго крестьянина.

Ко всему фактическому матеріалу, который можно привести въ пользу того положенія, что человѣчество въ историческомъ своемъ развитіи становилось все болѣе осѣдлымъ, присоединяются еще два соображенія общаго характера. Съ развитіемъ культуры основной капиталъ увеличивается: производитель дѣлается неподвижнымъ, благодаря орудіямъ производства. Странствующій южно-славянскій кузнецъ и вестфальскіе металлургическіе заводы, вьючная лошадь средневѣковаго купца и универсальные магазины современныхъ городовъ, странствующій балаганъ и постоянный театръ обозначаютъ

исходныя и конечныя точки этого процесса развитія. Далѣе, современныя средства сообщенія въ гораздо большей мѣрѣ облегчили перевозку товаровъ, чѣмъ людей. Вслѣдствіе этого нерѣдко имѣетъ большее значеніе распредѣленіе по мѣсту рабочихъ силъ, чѣмъ естественныхъ средствъ производства, такъ какъ послѣднія слѣдуютъ за первыми; ранѣе же отношеніе было какъ разъ обратное.

Правда, этому противорѣчатъ нѣкоторыя другія соображенія и факты. Прежде всего—прикрѣпленіе человѣка къ землѣ въ прежніе періоды аграрной исторіи, овеществленіе всѣхъ хозяйственно-правовыхъ отношеній въ противоположность современной свободѣ личности и собственности. Затѣмъ и въ связи съ этимъ—возникновеніе въ новѣйшее время многочисленныхъ профессій, требующихъ только подвижного капитала или индивидуальной подготовки. Далѣе, все увеличивающаяся мобилизація поземельной собственности, предоставляющая современному крестьянину возможность продать свое имущество и устроиться по ту сторону океана, тогда какъ средневѣковый земледѣлецъ могъ развѣ только приписаться посадскимъ въ сосѣднемъ городѣ, откуда либо самъ продолжалъ вести хозяйство, либо передавалъ его другому за ежегодный натуральный оброкъ. Наконецъ, наблюдаемое увеличеніе притока сельскаго населенія въ города, обнаруживающееся за послѣднія полъ-столѣтія въ необычайно быстромъ ростѣ населенія городовъ и остановкѣ или даже упадкѣ его въ сельскихъ мѣстностяхъ. На основаніи всего этого многіе находятъ возможнымъ говорить о непрерывно увеличивающейся подвижности общества.

Какъ же примирить оба эти ряда явленій? Имѣемъ ли мы здѣсь двѣ противоположныя другъ другу тенденціи развитія? Или, быть можетъ, современныя передвиженія отличаются совершенно инымъ характеромъ, чѣмъ прежнія?

Можно было бы пожалуй согласиться съ послѣднимъ предположеніемъ. Передвиженія въ первый періодъ исторіи европейскихъ народовъ были переселеніями народовъ: въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій происходитъ продвиганіе и оттѣсненіе племенъ съ востока на западъ. Въ средніе вѣка передвиженія захватывали всегда лишь отдѣльныя сословія: рыцарей во время крестовыхъ походовъ, купцовъ, ремесленниковъ (отхожіе промыслы), подмастерьевъ, фокусниковъ и актеровъ, крѣпостныхъ, искавшихъ защиты за городскими стѣнами. Наконецъ, современныя передвиженія являются всегда дѣломъ отдѣльныхъ лицъ, побуждаемыхъ къ этому самыми разнообразными мотивами. Эти передвиженія, тысячами происходящія ежедневно, большею частью неорганизованы и имѣютъ между собой лишь то общее, что всѣ они представляютъ собою перемѣну мѣстъ съ цѣлью отысканія лучшихъ условій жизни.

И все же такое разграниченіе современныхъ и средневѣковыхъ передвиженій не исчерпываетъ вопроса. Чтобы понять значеніе ихъ въ исторіи культуры, необходимо прежде всего внести свѣтъ въ тѣ многочисленныя смутныя представленія, которыя до сихъ поръ

господствуютъ по этому вопросу среди большой публики, несмотря на старанія статистики и политической экономіи.

Среди всѣхъ массовыхъ явленій соціальной жизни, доступныхъ статистическому изслѣдованію, массовое передвиженіе, казалось бы, болѣе всѣхъ другихъ подчинено закону причинности, а между тѣмъ именно относительно его ближайшихъ причинъ существуютъ самыя неясныя представленія.

Вѣдь не только среди широкой публики и въ періодической печати, но даже въ научныхъ сочиненіяхъ говорятъ о тяготѣніи къ родинѣ (Heimatsinn) и о страсти къ путешествіямъ (Wandertrieb), и такимъ образомъ передвиженія людей съ мѣста на мѣсто ставятся внѣ сферы сознательныхъ человѣческихъ дѣйствій. Съ другой стороны, однако, какъ это ни странно, при всемъ равнодушіи широкой публики къ оффиціальной статистикѣ, общественное мнѣніе большею частью живо реагируетъ на появляющіяся въ печати данныя, касающіяся переселеній. Ихъ возрастаніе и уменьшеніе вызываетъ страхъ и надежды, одобреніе и неудовольствіе и служитъ объектомъ передовыхъ статей и парламентскихъ рѣчей. Тутъ уже не слышно о тяготѣніи къ родинѣ и о страсти къ путешествіямъ, есть смутное сознаніе, что за этими колебаніями кроются весьма конкретныя причины. Но какъ мало еще выяснены эти причины, можно видѣть, напримѣръ, изъ того, что однажды въ германскомъ рейхстагѣ шли совершенно серьезные дебаты о томъ, выселяются ли люди оттого, что имъ хорошо живется, или оттого, что имъ плохо.

Нельзя сказать, чтобы статистика сумѣла выбраться изъ путаницы обыденныхъ представленій и придти къ твердымъ выводамъ на основаніи точныхъ наблюденій. Конечно, она смотритъ на переселеніе прежде всего какъ на массовое явленіе, обусловленное экономическими и соціальными факторами; но, по моему мнѣнію, она все же слишкомъ рано ставила изученіе причинъ при помощи имѣющихся въ ея распоряженіи средствъ и обратилась къ анкетѣ, не исчерпавъ всѣхъ средствъ численнаго метода.

Тѣ скудныя замѣчанія, которыя мы находимъ у Кетлэ [1]) по поводу явленія эмиграціи, убѣждаютъ насъ въ томъ, что и его объясненія еле выходятъ за предѣлы всѣмъ извѣстныхъ общихъ мѣстъ. Въ новѣйшихъ же оффиціальныхъ матеріалахъ, правда, нерѣдко встрѣчаются весьма подробныя схемы вопросовъ, касающихся «причинъ» или «мотивовъ» переселенія, при которыхъ даже наиболѣе ограниченные изъ заполняющихъ листы служащихъ общинъ не окажутся въ затрудненіи, но тѣмъ не менѣе сразу становится яснымъ, что при такихъ наводящихъ вопросахъ объективные результаты изслѣдованія замѣняются субъективными взглядами.

Прежде чѣмъ прибѣгать къ такому способу, при которомъ въ цифры вкладывается то, что само по себѣ не вытекаетъ изъ нихъ,

---

[1]) Du système social et des lois qui le régissent, стр. 186—190 (Русск. перев.—Ад. Кетле: Соціальная система и законы, ею управляющіе. Перев. съ франц. кн. Л. Шаховского. Спб. 1866. Гл. VII, стр. 189—193).

слѣдовало бы установить цифровую закономѣрность явленій передвиженія во всѣхъ его формахъ, сопоставить ихъ съ другими доступными статистическому изслѣдованію массовыми явленіями, совершающимися въ данное время и въ данномъ пространствѣ (напримѣръ, съ густотой населенія, его профессіональнымъ составомъ, распредѣленіемъ земельной собственности, высотой заработной платы, движеніемъ цѣнъ на съѣстные припасы), т. е. примѣнить методъ параллельнаго сопоставленія изолированныхъ рядовъ цифръ.

Однако, мы еще весьма далеки отъ этихъ первыхъ шаговъ по пути къ точному методу. Нигдѣ еще планомѣрная статистическая обработка не захватила всей области явленій передвиженія; вниманіе удѣлялось только отдѣльнымъ бросающимся въ глаза явленіямъ. У насъ даже нѣтъ раціонально составленной соціально-экономической классификаціи всѣхъ видовъ переселеній.

Исходной точкой для такой классификаціи должны быть тѣ измѣненія въ распредѣленіи населенія, къ которымъ приводо передвиженіе. Такимъ путемъ мы получимъ три группы:

1. Передвиженія съ непрерывной перемѣной мѣста.

2. Передвиженія съ временной перемѣной мѣстожительства.

3. Передвиженія съ перемѣной мѣстожительства на продолжительное время.

Къ первой группѣ относится кочевой образъ жизни, странствующая торговля и странствующіе (отхожіе) промыслы, бродяжничество.

Ко второй—странствія подмастерьевъ, прислуги, промышленниковъ, ищущихъ наиболѣе благопріятныхъ условій для устройства временнаго предпріятія, чиновниковъ, которымъ временно поручается какая-нибудь должность, учащихся, посѣщающихъ учебныя заведенія въ другихъ мѣстахъ, и т. п.

Къ третьей—переселенія съ одного мѣста на другое, какъ въ предѣлахъ одного и того же государства, такъ и за границу, въ особенности за океанъ.

Промежуточную ступень между первою и второю группой составляютъ періодическія передвиженія. Сюда относятся переходы сельскихъ рабочихъ во время жатвы, рабочихъ на сахарныхъ плантаціяхъ во время сахарной кампаніи, сѣверно-итальянскихъ и тичинскихъ каменщиковъ, землекоповъ, трубочистовъ, индійскихъ и китайскихъ кули—все это переходы, повторяющіеся періодически въ опредѣленныя времена года.

Хотя эта классификація оставляетъ безъ вниманія естественныя и политическія границы странъ, но этимъ вовсе не имѣется въ виду отрицать то значеніе, какое имѣетъ въ нашъ вѣкъ націоналистическаго принципа и охраны національнаго труда то или иное подданство для переселенія. Послѣднему моменту, напротивъ того, мы отдадимъ должное въ другой классификаціи, въ основу которой положимъ географическое протяженіе передвиженій. Съ этой точки зрѣнія они распадаются на внутреннія и внѣшнія.

Внутреннія передвиженія суть такія, исходная и конечная точки которыхъ находятся въ предѣлахъ одного и того же государства, внѣшними—такія, которыя простираются за эти предѣлы. Послѣднія могутъ быть либо международными въ предѣлахъ Европы, либо внѣевропейскими (какъ ихъ обычно называютъ—заокеанскими). Но можно и всѣ передвиженія въ предѣлахъ одной части свѣта называть внутренними, въ отличіе отъ собственно внѣшнихъ переселеній въ другія части свѣта.

Изъ всѣхъ этихъ многообразныхъ видовъ передвиженій до сихъ поръ предметомъ правильной оффиціальной статистики служила только заокеанская эмиграція, да и она разработана недостаточно, съ чѣмъ, я думаю, согласится всякій, знакомый съ вопросомъ. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ періодическіе переходы рабочихъ и подвижная торговля дѣлались предметомъ изученія—чаще всего въ цѣляхъ изданія ограничительныхъ законовъ. Только итальянское правительство путемъ мѣстныхъ разслѣдованій, обмѣна индивидуальныхъ карточекъ и консульскихъ сообщеній давно уже стремится пролить свѣтъ на періодическую эмиграцію части своего населенія за границу.

Передвиженія между отдѣльными государствами Европы съ временной или окончательной перемѣной мѣстожительства отмѣчаются весьма несовершенно въ народныхъ переписяхъ,—въ графахъ, указывающихъ мѣсто рожденія и подданство; внутреннимъ же передвиженіямъ удѣлялось серьезное вниманіе лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

А между тѣмъ эти-то передвиженія съ мѣста на мѣсто въ предѣлахъ одного и того же государства несравненно многочисленнѣе и по своимъ послѣдствіямъ гораздо болѣе важны, чѣмъ всѣ прочія передвиженія взятыя вмѣстѣ [1]).

Изъ всего населенія королевства Бельгіи, по даннымъ народной переписи 31 дек. 1900 года, не менѣе 36,5% родились внѣ той общины, гдѣ проживали во время переписи [2]), а изъ всего населенія Австріи—34,8%. Изъ 27.279.111 лицъ наличнаго населенія Пруссіи 1 дек. 1880 года 11.552.038 чел. или 42,4% родились внѣ той общины, гдѣ проживали [3]). Болѣе двухъ пятыхъ населенія по меньшей мѣрѣ разъ въ жизни перемѣнили свое мѣсто жительства (общину)! Изъ переписаннаго 1 дек. 1900 года въ Швейцаріи населенія родились: въ той же общинѣ, гдѣ проживали, 52,0%, въ другихъ общинахъ того же кантона 24,8%, въ другихъ кантонахъ 13,9%, за границей—9,3% [4]). При томъ вѣдь и самая

---

[1]) Срвн. G. von Mayr: Statistik und Gesellschaftslehre II, стр. 106 и сл., 354 и сл. (Русск. перев.—Георгъ Майръ: Статистика и обществовѣдѣніе. Изд. товар. „Знаніе". Спб. 1900-01. Т. II, стр. 165 и слѣд., 494 и слѣд., особ. стр. 498).

[2]) Annuaire statistique de la Belgique XXXV (1904), стр. 60.

[3]) Zeitschrift der k. preuss. statist. Bureaux XXI (1881), прилож. I, стр. 46 и сл.

[4]) Statist. Jahrbuch d. Schweiz XII (1903), стр. 7.

община является административной единицей, обнимающей во многихъ случаяхъ нѣсколько селеній. Приведенныя цифры не касаются, слѣдовательно, многочисленныхъ передвиженій въ предѣлахъ одной и той же общины.

Послѣдній видъ внутреннихъ передвиженій, насколько мнѣ извѣстно, только однажды былъ предметомъ изслѣдованія, а именно въ баварской статистикѣ населенія по мѣсту рожденія за 1871 г.[1]). Согласно этимъ даннымъ изъ всего наличнаго населенія Баварія родилось:

	лицъ	
1. на мѣстѣ, гдѣ застала ихъ перепись . . .	2.975.146	61,2°/₀
2. въ общинѣ, гдѣ застала ихъ перепись . .	143.186	3,0 »
3. въ переписномъ участкѣ	677.752	13,9 »
4. въ Баварія	944.101	19,4 »
5. въ Германіи	78.241	1,6 »
6. за границей	44.150	0,9 »

Баварское населеніе 1871 года такимъ образомъ отличалось нѣсколько большею осѣдлостью, чѣмъ прусское 1880 года или швейцарское 1900 года, что, вѣроятно, объясняется болѣе раннимъ годомъ переписи. Тѣмъ не менѣе и здѣсь почти двѣ пятыхъ населенія (1.888.000 изъ 4.863.000) не родились въ томъ мѣстѣ, гдѣ проживали, т. е. когда-нибудь сюда переселились. Въ большихъ городахъ число пришлаго населенія достигло даже 54,5°/₀, въ мѣстечкахъ—48,2°/₀, и даже въ сельскихъ общинахъ оно не опускается ниже 35,6°/°.

Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ колоссальнымъ массовымъ движеніемъ; и если допустима будетъ приблизительная оцѣнка —я не имѣю возможности привести здѣсь подробно фактическихъ основаній ея—то я рѣшаюсь утверждать, что число жителей Европы, обязанныхъ своимъ мѣстомъ жительства не рожденію, а переселенію, значительно превышаетъ сотню милліоновъ. Какъ ничтожны по сравненію съ этимъ цифры пресловутой заокеанской эмиграціи![2]).

Что т. ія массовыя передвиженія должны производить переворотъ въ жизни населенія, ясно само собой. Послѣдствія ихъ главнымъ образомъ экономическія и соціальныя. Экономическимъ результатомъ всякаго передвиженія является обмѣнъ рабочихъ силъ между различными мѣстностями и областями, а иногда, вслѣдствіе тѣсной связи человѣка съ имуществомъ, также и перемѣщеніе капиталовъ. Эти движенія способствуютъ болѣе цѣлесообразному распредѣленію и группировкѣ труда и капитала на всемъ земномъ

---

1) Die bayerische Bevölkerung nach der Gebürtigkeit. Разработано Г. Майромъ: Beiträge zur Statistik des Königreichs Bayern, Heft XXXII, стр. 10.

2) За 85 лѣтъ съ 1821 до 1905 г. въ Соединенные Штаты Америки переселились изъ всѣхъ вообще европейскихъ странъ 22.926.568 эмигрантовъ.

шарѣ—частью вслѣдствіе того, что трудъ слѣдуетъ за капиталомъ и природными богатствами, частью благодаря тому, что капиталъ отыскиваетъ свободныя рабочія руки. Соціальнымъ послѣдствіемъ этихъ передвиженій являются значительныя измѣненія въ распредѣленіи населенія, которое непрерывными волнообразными колебаніями стремится придти въ равновѣсіе съ наличными средствами пропитанія. Въ однихъ мѣстахъ они задерживаютъ ростъ населенія, въ другихъ ускоряютъ его. Мѣстное распредѣленіе населенія, обусловленное его естественнымъ органическимъ ростомъ, вслѣдствіе превышенія рожденій надъ смертностью, нарушается.

Однако, именно въ этомъ отношеніи для отдѣльнаго государства заключается огромная разница между внутренними передвиженіями и эмиграціей.

Непосредственныя послѣдствія эмиграціи для родины выражаются въ томъ, что она ведетъ къ разрѣженію населенія и даетъ возможность тѣмъ, кто остается, нѣсколько раздвинуться. Вызванный же ею быстрый ростъ населенія и эксплоатація свободныхъ земель въ малонаселенныхъ колоніяхъ даетъ себя почувствовать лишь косвеннымъ путемъ, въ томъ именно случаѣ, если на дѣвственной почвѣ колоній развивается земледѣліе, представляющее опасную конкурренцію отечественному сельскому хозяйству, или если за границу переносятся промышленная техника и средства производства, подрывающія сбытъ отечественной промышленности.

Послѣдствія же внутреннихъ передвиженій всегда имѣютъ двусторонній характеръ: они обнаруживаются какъ въ исходной, такъ и въ конечной точкѣ передвиженій. Въ первой они сказываются въ порѣдѣніи, во второй—въ сгущеніи населенія. Создается какъ бы раздѣленіе мѣстъ и странъ на производящихъ человѣческій матеріалъ и потребляющихъ его. Производителями человѣческаго матеріала у насъ большею частью являются сельскія мѣстности и мелкіе города, потребителями его—крупные города и промышленные центры. Въ послѣднихъ населеніе увеличивается сверхъ естественнаго прироста, въ первыхъ оно остается значительно позади его. Въ Германіи насчитывалось:

насел. мѣста съ жителями		общее число въ 1875	жителей въ 1900	приростъ въ %
болѣе	100.000	2.665.914	9.120.280	242,1
20.000	100.000	3.487.857	7.111.447	103,9
5.000	20.000	5.138.438	7.585.495	47,6
2.000	5.000	5.364.968	6.815.853	27,0
менѣе	2.000	26.070.188	25.734.103	—1,3
Итого		42.727.360	56.367.178	31,9

Почти весь приростъ населенія вылился въ большіе города. Конечно, явленіе внутреннихъ передвиженій не такъ просто и прозрачно, какимъ оно кажется, если судить по этимъ рядамъ цифръ. Правда, онѣ въ яркой формѣ иллюстрируютъ ставшее поговоркою

выраженіе «движеніе въ города» (Zug nach der Stadt), но это выраженіе представляетъ только часть истины. Упускается изъ виду большое число внутреннихъ передвиженій, покрывающихъ другъ друга и не находящихъ себѣ поэтому выраженія въ измѣненіи численности населенія въ городахъ и селахъ.

Если охватить однимъ взглядомъ внутреннія передвиженія, совершающіяся въ большой странѣ безотносительно къ обусловленному ими распредѣленію жителей по пространству, то они представятся въ видѣ густой пестрой сѣти, нити которой, многообразно скрещиваясь, бѣгутъ по всѣмъ направленіямъ. Чрезъ простую, сравнительно, основу, натянутую между сельскими мѣстностями и городами съ одной стороны, крупными городами и промышленными округами съ другой стороны, ложится пестрый утокъ, нити котораго соединяютъ въ разныхъ направленіяхъ небольшія поселенія между собой. Можно это иллюстрировать еще такимъ образомъ: подъ сильнымъ и бурнымъ верхнимъ теченіемъ множество мелкихъ волнъ ведутъ самостоятельную игру.

Эти послѣднія до сихъ поръ оставались почти незамѣченными, и даже въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда онѣ становились предметомъ статистики, онѣ не были оцѣнены по достоинству.

Среди населенія Баваріи въ 1871 году было:

	Родившихся на мѣстѣ переписи.	переселившихся.	Всего.
въ большихъ городахъ . . .	301.494	361.899	663.393
въ прочихъ городахъ съ населеніемъ свыше 2.000 жит. .	205.887	157.000	362.887
всего	507.381	518.899	1.026.280
въ сельскихъ общинахъ. . .	2.467.765	1.357.981	3.825.746
Итого. . .	2.975.146	1.876.880	4.852.626

Отсюда ясно, что число переселившихся въ сельскія общины за предыдущія десятилѣтія абсолютно болѣе чѣмъ вдвое превышало число переселившихся въ города. И то же повторяется во всѣхъ другихъ большихъ государствахъ.

Но самое важное заключается не въ томъ, что сельскія мѣстности, въ отношеніи обмѣна населенія, въ одинаковой мѣрѣ являются берущими и дающими, а въ двухъ другихъ обстоятельствахъ. Одно состоитъ въ томъ, что онѣ больше отдаютъ людей, чѣмъ получаютъ; другое же въ томъ, что притекающее къ нимъ населеніе преимущественно набирается изъ ближайшихъ сельскихъ мѣстностей, тогда какъ уходящее отъ нихъ населеніе частью направляется въ отдаленные города. Такимъ образомъ перевѣсъ отлива надъ приливомъ

идетъ въ пользу мѣстностей высшаго порядка и переходитъ въ другую экономически-соціальную сферу жизни.

Если мы назовемъ все населеніе, родившееся въ какомъ-нибудь мѣстѣ и находящееся въ предѣлахъ страны, уроженцами (Geburtsbevölkerung), то, по приведеннымъ выше условіямъ обмѣна населенія, число уроженцевъ въ сельскихъ мѣстностяхъ будетъ больше числа наличнаго населенія, а число уроженцевъ въ городахъ — меньше. Такъ, по переписи 1871 года въ баварскихъ сельскихъ округахъ число уроженцевъ составляло 108,5 процента наличнаго населенія, а въ большихъ городахъ всего 61 процентъ [1]). Въ великомъ герцогствѣ Ольденбургскомъ [2]) по переписи 1 декабря 1880 года мы находимъ:

	въ городахъ:	въ сельскихъ мѣстностяхъ:
приливъ изъ другихъ мѣстъ.	25.370 чел.	57.366 чел.
отливъ въ другія мѣста.	10.208 »	72.528 »

Такимъ образомъ балансъ внутреннихъ передвиженій указываетъ на избытокъ въ городахъ и недохватъ въ сельскихъ мѣстностяхъ въ 15.162 человѣка. Города и села дополняютъ другъ друга въ отношеніи экономики населенія, подобно двумъ братьямъ, изъ которыхъ одинъ пожираетъ все, что сберегаетъ другой. Поэтому можно съ полнымъ основаніемъ обозначить города какъ соціальныя образованія, потребляющія человѣческій матеріалъ, а сельскія мѣстности — какъ производящія его.

Вообще въ совокупности отливъ населенія изъ сельскихъ мѣстностей почти въ четыре раза превышаетъ приливъ его къ городамъ даже въ приведенномъ примѣрѣ небольшого государства. И столь же высокимъ оказывается приливъ, получаемый ими другъ отъ друга. Но какъ бы значителенъ ни былъ этотъ обмѣнъ населенія между сельскими мѣстностями, все же онъ не представляетъ большого научнаго интереса. Эти передвиженія вызваны узкими соціальными условіями сельскихъ мѣстностей и имѣютъ поэтому тѣмъ большее значеніе, чѣмъ меньше община. Во всемъ великогерцогствѣ Ольденбургскомъ число лицъ, не родившихся въ общинахъ, гдѣ они имѣли жительство (а переселившихся туда), было въ общинахъ:

съ числомъ жителей.	процентъ.	съ числомъ жителей.	процентъ.
ниже 500	55,0	2000—3000	28,7
500—1000	37,4	3000—4000	22,2
1000—1500	41,7	4000—5000	20,6
1500—2000	40,4	свыше 5000	29,4

Изъ этого видно, что въ небольшихъ общинахъ (имѣющихъ не болѣе 4000 жителей) съ возрастаніемъ размѣровъ мѣстности умень-

---

[1]) Mayr, I, стр. 53 и сл., въ веденіи.

[2]) Statistische Nachrichten über das Grossh. Oldenburg. Heft XIX, стр. 64.

шается количество пришлаго населенія по сравненію съ уроженцами, а въ крупныхъ, наоборотъ, возрастаетъ.

То же доказалъ Майръ относительно Баваріи. Въ 1871 году тамъ въ болѣе крупныхъ сельскихъ общинахъ (съ 2000 и болѣе населенія) число уроженцевъ составляло 66,9 проц., а въ мелкихъ только 64,4 проц. [1]), тогда какъ въ городахъ дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ. Въ большихъ городахъ число уроженцевъ равнялось 45,5 проц., а въ другихъ (мелкихъ) городахъ—56,8 проц. На основаніи этого Майръ установилъ, что въ городахъ количество мѣстныхъ уроженцевъ обратно пропорціонально величинѣ города, а въ сельскихъ мѣстностяхъ, наоборотъ, прямо пропорціонально величинѣ мѣстности [2]).

Объясняется это явленіе въ сельскихъ мѣстностяхъ весьма просто. Тамъ, гдѣ вслѣдствіе незначительности числа жителей, крестьянинъ стѣсненъ въ выборѣ работниковъ, сосѣднія общины дополняютъ другъ друга. Точно также между жителями такихъ мѣстностей браки заключаются чаще, чѣмъ между жителями крупныхъ мѣстностей, гдѣ каждая имѣетъ большой выборъ и у себя. Это служитъ поводомъ къ многочисленнымъ переселеніямъ на небольшихъ разстояніяхъ. Но эти переселенія ведутъ лишь къ мѣстному обмѣну соціально родственныхъ элементовъ.

Это опять-таки подверждается неоднократно упомянутою выше работой Г. Майра о происхожденіи населенія въ герцогствѣ Ольденбургскомъ. Въ ней указывается происхожденіе пришлаго населенія трехъ произвольно взятыхъ сельскихъ общинъ въ отношеніи разстоянія отъ мѣста рожденія. Оказывается, что въ среднемъ 77% пришлаго населенія родилось въ мѣстностяхъ, находящихся на разстояніи не болѣе двухъ миль отъ ихъ мѣста жительства, тогда какъ 86,7% выселившихся поселилось не далѣе какъ нъ 2 мили отъ мѣста рожденія.

Совершенно иное наблюдаемъ въ этомъ отношеніи въ столицѣ герцогства Ольденбургскаго, несмотря на то, что она со своими 20.575 жителями представляетъ лишь небольшой городъ. Изъ общаго числа ея пришлаго населенія (13.364 лицъ или 64,9%) происходили:

изъ мѣстъ на разстояніи:	лицъ:	въ проц.:
менѣе 2 миль	2916	21,8
отъ 2—10 »	5625	42,1
болѣе 10 »	4823	36,1

---

[1]) Die Bayer. Bevölkerung nach der Gebürtigkeit, введеніе, стр. 15.

[2]) Это положеніе подтвердила австрійская перепись 1890 г. Согласно прекрасной обработкѣ Г. Раухберга (H. Rauchberg: Die Bevölkerung Oesterreichs auf Grund der Ergebnisse der Volksz. v. 31 Dec. 1890, Wien 1895, стр. 105), на каждые 100 человѣкъ приходилось мѣстныхъ уроженцевъ въ мѣстностяхъ:

менѣе 500 жителей	65,7		отъ 5.000—10.000 жит.	55,6
отъ 500—2000 жит.	73,5		» 10.000—20.000 »	46,4
» 2000—5000 »	69,9		сверхъ 20.000 »	43,1

Здѣсь большая часть пришлаго населенія переселялась издалека; здѣсь вступленіе переселенцевъ въ новую общину означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и переходъ къ новымъ соціальнымъ условіямъ и къ новой хозяйственной организаціи. И городская община не отдаетъ своихъ уроженцевъ другимъ общинамъ въ той же мѣрѣ, въ какой она получаетъ отъ нихъ [1]). Она напротивъ поглощаетъ на большомъ разстояніи подвижное населеніе, отдавая обратно лишь незначительную часть.

Таковъ обликъ современныхъ городовъ, и если мы выдвигаемъ на первый планъ ихъ, а также находящіеся, въ отношеніи переселенія, почти на одинаковомъ съ ними положеніи фабричные округа, то это вполнѣ оправдывается тѣмъ, что на этой группѣ поселеній яснѣе всего выступаютъ результаты внутреннихъ передвиженій. Здѣсь, гдѣ многочисленнѣе всего пришлый элементъ, между ними и мѣстными уроженцами завязывается борьба — борьба за лучшія условія заработка или, если хотите, за существованіе, кончающаяся либо приспособленіемъ другъ къ другу обѣихъ частей, либо побѣдой одной части надъ другою. Такъ, по Шлиману [2]) въ городѣ Смирнѣ въ 1846 году насчитывалось 80.000 турокъ и 8.000 грековъ; а въ 1881 году всего 23.000 турокъ и 76.000 грековъ. Такимъ образомъ, за 35 лѣтъ турецкое населеніе уменьшилось на 71%, тогда какъ греческое увеличилось почти въ десять разъ.

Не вездѣ, конечно, эта борьба кончается такимъ полнымъ вытѣсненіемъ одной части населенія; но въ частности внутри страны безчисленное количество разъ наблюдается тотъ фактъ, что болѣе сильный, лучше вооруженный элементъ вытѣсняетъ болѣе слабый и хуже вооруженный.

Такъ, въ 1900 году въ Мюнхенѣ среди 50.000 жителей ровно 32.000 челов. оказались пришлыми, между тѣмъ какъ въ то же время около 48.000 мюнхенцевъ проживало въ другихъ мѣстахъ Германіи. Въ 1900 году 33 наиболѣе крупныхъ города Германіи насчитывали 56,7% пришлаго населенія, тогда какъ 26,7% ихъ уроженцевъ оказались въ другихъ мѣстностяхъ имперіи [3]). Еще поразительнѣе факты, вытекающіе изъ англійской переписи (ценза) 1901 года, согласно которой въ Англіи и Уэльсѣ проживало лондонскихъ уроженцевъ не многимъ меньше, чѣмъ Англія и Уэльсъ отдавали жителей Лондону [4]).

Мы наблюдаемъ здѣсь, слѣдовательно, явленіе, столь часто встрѣ-

---

[1]) Городъ Ольденбургъ въ 1890 году принялъ изъ другихъ общинъ страны 8.725 жителей, а отдалъ всего 1.925: l. c., стр. 212.

[2]) Schliemann: Reise in der Troas im Mai 1881, стр. 29 и сл.

[3]) Statistik des deutschen Reichs, т. 150, стр. 157 и сл. Особенно замѣчателенъ указанный тамъ на стр. 161* обмѣнъ населенія между крупными городами. Изъ уроженцевъ Берлина, напримѣръ, 772.784 проживали въ Берлинѣ, 33.556 чел. въ другихъ нѣмецкихъ большихъ городахъ, а 191.814 въ другихъ мѣстностяхъ имперіи

[4]) Въ Лондонѣ въ 1901 году было 4.536.541 жителей. Изъ нихъ родились:

чаемое въ природѣ: на той почвѣ, которая уже болѣе не въ состоянія прокормить организмъ высшаго порядка, растеніе или животное, селятся и процвѣтаютъ другіе, менѣе требовательные. Иногда же именно появленіе послѣднихъ ведетъ къ вытѣсненію первыхъ, переходящихъ въ лучшія мѣста.

Но въ соціальной жизни явленіе это не всегда сводится къ вытѣсненію, не всегда оно результатъ худшаго вооруженія мѣстнаго и большей силы пришлаго населенія.

Обратное положеніе имѣетъ мѣсто, пожалуй, столь же часто и въ приведенныхъ нами примѣрахъ является, вѣроятно, обычнымъ. При безконечной дифференцировкѣ рабочихъ силъ въ современномъ народномъ хозяйствѣ иногда какъ разъ наиболѣе квалифицированные рабочіе труднѣе всего находятъ соотвѣтственное приложеніе и оцѣнку своимъ способностямъ тамъ, гдѣ эти способности получили свое развитіе, ибо здѣсь-то и наиболѣе сильно развита конкурренція. Они выселяются и ищутъ лучшихъ условій заработка, между тѣмъ какъ въ то же время на этомъ мѣстѣ есть спросъ на менѣе квалифицированныя рабочія силы, которыя и привлекаются извнѣ. Эти послѣднія у себя на родинѣ могутъ, въ свою очередь, составлять наиболѣе сильный и лучше вооруженный элементъ, который также не находитъ себѣ здѣсь полезнаго приложенія, въ другихъ же случаяхъ они, уходя, оставляютъ ничѣмъ незаполненный пробѣлъ.

Такъ, выселеніе изъ городовъ наиболѣе развитыхъ въ техническомъ отношеніи рабочихъ силъ никогда, быть можетъ, не было въ Германіи такъ значительно, какъ во время т. наз. экономическаго подъема въ началѣ 70-хъ годовъ. Но одновременно происходило массовое переселеніе рабочихъ изъ селъ въ тѣ же города, что вызывало въ областяхъ съ крупнымъ землевладѣніемъ чувствительный недостатокъ въ сельскихъ рабочихъ, повышеніе заработной платы, а мѣстами и настоящій кризисъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Повсюду здѣсь сравнительно наиболѣе сильные элементы уходили, а болѣе слабые оставались; о взаимномъ вытѣсненіи не могло быть и рѣчи.

Еще менѣе такая точка зрѣнія можетъ имѣть мѣсто въ отношеніи тѣхъ случаевъ внутренняго передвиженія, когда мотивомъ переселенія является не стремленіе къ лучшимъ условіямъ заработка, а поиски болѣе выгодныхъ условій потребленія.

въ самомъ Лондонѣ	3.016.580	лицъ	или	66,5%
„ другихъ мѣстностяхъ Англіи и Уэльса	1.207.621	„	„	26,6%
„ Шотландіи	56.605	„	„	1,2%
„ Ирландіи	60.211	„	„	1,3%
„ другихъ странахъ	195.524	„	„	4,3%

Съ другой стороны, въ разныхъ частяхъ Англіи и Уэльса оказалось 1.115.878 уроженцевъ Лондона. Слѣдовательно, на каждые 100 человѣкъ, переселившихся изъ этихъ областей въ Лондонъ, приходится 92 человѣка, покинувшихъ Лондонъ. См. Census of England and Wales 1901 г.

Получающій пенсію чиновникъ или военный, переѣзжающій изъ большого города въ деревню или провинцію, легко нажившійся биржевикъ, мѣняющій непрочныя биржевыя цѣнности на солидное помѣстье, парижскій лавочникъ, проѣдающій скопленное состояніе въ тиши скромнаго сельскаго уголка, а съ другой стороны, разбогатѣвшій скотопромышленникъ, переселяющійся въ городъ, чтобы спекулировать на биржѣ, такъ удачно изображенный Фрицомъ Рейтеромъ «откормленный баранъ» (Fetthammel), т. е. разбогатѣвшій крестьянинъ, который, сдавъ свое хозяйство, спѣшитъ насладиться городскими удовольствіями, бѣдная пасторская вдова, переселяющаяся въ городъ, чтобы дать дѣтямъ лучшее образованіе, и пополняющая свою скудную пенсію содержаніемъ пансіона—всѣ эти люди въ новыхъ мѣстахъ своего жительства не являются опасными конкуррентами мѣстному рабочему населенію.

И все же, даже въ такихъ случаяхъ, когда о вытѣсненіи кого-либо не можетъ быть и рѣчи, въ конечныхъ точкахъ переселенія разыгрывается борьба и происходятъ многочисленныя тренія, приводящія къ соціальной амальгамѣ между туземнымъ и пришлымъ населеніемъ. Пришлый элементъ долженъ приспособиться къ условіямъ жизни, къ мѣстной организаціи хозяйства, къ нравамъ, нарѣчію, политическимъ, церковнымъ и соціальнымъ учрежденіямъ своего новаго мѣстожительства. А населеніе этого мѣста, какъ бы сильно и самобытно оно ни было, съ своей стороны, не можетъ совершенно устоять противъ чужого, нахлынувшаго на него вліянія. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ результатомъ этого вліянія является подъемъ трудовой энергіи, расширеніе кругозора, свѣжее дуновеніе въ застывшія мѣстныя формы, то, можетъ быть, еще чаще послѣдствіемъ его будетъ порча старыхъ добрыхъ нравовъ, утрата солидной хозяйственности, чувства гражданственности, въ особенности же соціальной самобытности.

Безъ сомнѣнія, эта борьба и взаимное приспособленіе можетъ принять различный характеръ и имѣть различный исходъ, въ зависимости отъ того, происходитъ ли она между однородными или между разнородными элементами, и въ этомъ отношеніи городская статистика, различающая только уроженцевъ и наличное населеніе, недостаточна для болѣе тонкаго соціально-статистическаго анализа.

Ибо если намъ извѣстно, что въ городѣ Мюнхенѣ, напримѣръ, въ 1900 году число уроженцевъ составляло 36%, а въ Гамбургѣ—50%, то изъ того одного факта, что въ Мюнхенѣ было на 14% больше пришлаго населенія, вовсе нельзя заключать, что мюнхенское населеніе было въ той же мѣрѣ разнообразнѣе гамбургскаго и что тамъ процессъ взаимнаго соціальнаго приспособленія происходилъ при большихъ треніяхъ и борьбѣ, чѣмъ здѣсь. Точно также и то обстоятельство, что въ двухъ городахъ (напримѣръ, въ Позвани и Франкфуртѣ на Майнѣ) отношеніе пришлаго населенія къ мѣстному одинаково (59 : 41), еще не доказываетъ, что въ обоихъ городахъ процессъ этотъ долженъ имѣть одинаковый исходъ. Можно

легко себѣ представить, что пришлое населеніе одного города имѣетъ больше сродства между собой и съ мѣстными уроженцами въ отношеніи нравовъ, языка, хозяйственной энергіи, соціальныхъ обычаевъ, благодаря тому, что оно переселилось изъ ближайшихъ, родственныхъ по племени областей, между тѣмъ какъ въ другомъ городѣ смѣшиваются разнородные элементы изъ отдаленныхъ мѣстностей. Въ первомъ случаѣ конечный результатъ взаимнаго приспособленія пришлаго и мѣстнаго населенія будетъ совершенно иной, чѣмъ во второмъ. Въ то время какъ тамъ отдѣльныя лица и группы приблизительно съ одинаковою экономическою подготовкою и одинаковою соціальною физіономіей мирно уживутся при данныхъ условіяхъ заработка, здѣсь, по всей вѣроятности, болѣе жизнеспособная, энергичная и скромная въ своихъ требованіяхъ народность возьметъ верхъ надъ отжившими, слабыми и болѣе требовательными уроженцами и вытѣснитъ ихъ изъ наиболѣе прибыльныхъ областей труда. Превосходство пришлаго рабочаго надъ мѣстнымъ при конкурренціи между ними въ особенности вызывается болѣе низкими требованіями его въ отношеніи условій жизни, что имѣетъ для мѣстнаго рабочаго печальныя послѣдствія. Иллюстраціей къ этому могутъ служить всѣмъ извѣстные факты переселенія польскихъ рабочихъ въ западныя прусскія провинціи, итальянцевъ въ Швейцарію и южную Германію, китайцевъ въ сѣверо-американскіе города.

Но даже и тамъ, гдѣ экономическая и соціальная ассимиляція происходитъ безъ особенной борьбы, могутъ сохраниться между пришлымъ и мѣстнымъ населеніемъ неизгладимыя различія, которыя нарушаютъ прежній однообразный характеръ населенія данной мѣстности. Я имѣю здѣсь въ виду главнымъ образомъ различія въ религіи, языкѣ и подданствѣ. Швейцарскіе пограничные города Женева и Базель, считавшіеся центрами протестантизма, въ настоящее время, благодаря переселеніямъ, имѣютъ въ числѣ своихъ жителей треть иностранцевъ. При этомъ въ Женевѣ около 22% населенія не считаютъ своимъ роднымъ языкомъ французскій языкъ. Наконецъ, съ 1837 по 1900 годъ число католиковъ въ Базелѣ съ 15% поднялось до 33%, а въ Женевѣ до 45%. Даже тотъ, кто не знакомъ съ подробностями внутренней исторіи этихъ небольшихъ городскихъ общинъ, долженъ будетъ признать, что такія различія не могутъ не вызывать извѣстныхъ опасеній.

Если изложенное выше показало намъ, что внутреннія передвиженія въ большинствѣ случаевъ вовсе не представляютъ стремленія въ большіе города, то съ другой стороны мы видѣли, что только это движеніе въ крупные населенные центры можетъ претендовать на какое-нибудь соціальное и экономическое значеніе. Оно вызываетъ измѣненія въ распредѣленіи населенія по странѣ, вызываетъ въ исходной и конечной точкахъ осложненія, надъ устраненіемъ которыхъ законодательство и управленіе работало до сихъ поръ съ очень незначительнымъ успѣхомъ. Множество людей, благодаря ему, изъ условій жизни, основанныхъ по преимуществу на натуральномъ

хозяйствѣ, почти сразу попадаетъ въ сферу денежнаго и кредитнаго хозяйства, что имѣетъ для образа жизни и соціальныхъ условій трудящагося класса такія послѣдствія, которыя на друзей человѣчества наводятъ тревогу.

Нерѣдко считаютъ массовое движеніе сельскаго населенія въ города и повсемѣстный быстрый ростъ послѣднихъ явленіемъ совершенно новымъ. И въ извѣстномъ смыслѣ это правда; XVIII столѣтіе его не знаетъ—по крайней мѣрѣ, въ Германіи. Великій основатель статистики населенія Зюсмильхъ не могъ найти общей закономѣрности въ движеніи населенія городовъ. Онъ полагаетъ, что населеніе городовъ, по волѣ Божьей, то увеличивается, то снова уменьшается [1]. Точно также Юсти [2] считаетъ почти невозможнымъ увеличить населеніе города иначе, какъ путемъ предоставленія новымъ поселенцамъ особыхъ привилегій. Какъ бы въ соотвѣтствіи съ этимъ находятся сохранившіяся у насъ цифровыя данныя [3]) относительно населенія нѣкоторыхъ городовъ со второй половины XVII столѣтія приблизительно до 1820 года: они указываютъ на неправильную смѣну упадка и роста городского населенія. Во Франціи, наоборотъ, наблюдаемое въ настоящее время движеніе началось, повидимому, на полтора вѣка раньше; здѣсь уже въ XVIII столѣтіи выраженіе «обезлюдѣніе деревни» становится общеупотребительнымъ [4]).

Если вернемся къ болѣе раннимъ эпохамъ въ исторіи европейскихъ народовъ, то мы найдемъ два періода, когда въ большихъ размѣрахъ обнаруживается то же явленіе: древній міръ, въ особенности періодъ Римской Имперіи, и позднее средневѣковье, главнымъ образомъ XIV и XV ст. Между ними находится огромный промежутокъ времени, въ которомъ обнаруживается обратное движеніе и упадокъ или, по крайней мѣрѣ, застой.

Какъ же слѣдуетъ разсматривать эти ранніе періоды передвиженія въ города съ эволюціонной точки зрѣнія? Были ли то преждевременныя попытки достиженія цѣли, осуществить которую суждено было только нашему времени съ его усовершенствованными средствами сообщенія,—или движеніе это вытекало изъ другихъ побужденій, чѣмъ сходное съ нимъ по характеру современное движеніе, и привело поэтому къ другимъ результатамъ? А главное—было ли

[1]) „Такъ великій властелинъ міра даруетъ мощь, богатство и красоту странамъ и городамъ. Онъ же отнимаетъ ихъ и отдаетъ другимъ по своему усмотрѣнію. Онъ низвергаетъ власть имущихъ съ трона и возвышаетъ павшихъ". I. P. Süssmilch: Göttliche Ordnung, II, § 546 (2 изд., стр. 477 и сл.).

[2]) J. H. G. v. Justi: Grundsätze der Polizeiwissenschaft, § 54. См. также Gesammelte politische und Finanzschriften. III, стр. 449 и слѣд.

[3]) Цифры населенія приведены въ ст. Inama-Sternegg'a: Handwörterbuch d. Staatswiss. II. p. 661 и сл. (Русск. перев.—въ сборн. „Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи". Изд. Водовозовой. 1897, стр. 19 и слѣд.).

[4]) Данныя объ этомъ собраны у Legoyt: Du progrès des agglomerations urbaines et l'emigration rurale. Marseille 1870, стр. 8 и сл.

его вліяніе на распредѣленіе населенія и его экономическій характеръ такого же рода, какъ въ настоящее время?

Что касается древности, то, несмотря на недостовѣрность дошедшихъ до насъ цифръ населенія, есть, повидимому, основаніе предполагать, что результатомъ прилива сельскаго населенія въ города былъ несоразмѣрный ростъ послѣднихъ [1]. Однако не слѣдуетъ упускать изъ виду, что только часть переселенцевъ слѣдовала собственному побужденію, а именно: только люди свободные. Гораздо большая часть—рабы—сгонялись въ города по приказу господина или приводились сюда на продажу. Въ тѣхъ случаяхъ, когда свободные люди оставляли деревню, они дѣлали это не потому, что ихъ манили въ городъ лучшія экономическія условія, а вслѣдствіе того, что ростъ крупнаго рабовладѣльческаго хозяйства фактически лишалъ ихъ земли. Правда, и въ городахъ всѣ наиболѣе прибыльныя области труда находились въ рукахъ рабовъ и вольноотпущенниковъ; но здѣсь имъ все же меньше грозилъ голодъ, ибо городская пролетарская масса, въ которую они попадали, содержалась на счетъ общественной и частной благотворительности.

Большіе города классической древности представляютъ собою главнымъ образомъ потребительныя единицы. Своимъ величіемъ они обязаны политической централизаціи, благодаря которой въ одну точку, въ которой сосредоточивался правящій классъ, стягивались богатства, созидаемыя обширными странами [2]. Всѣ они столицы государства или провинцій. Вотъ почему они впервые возникаютъ во времена діадоховъ и достигаютъ своего расцвѣта въ періодъ Римской Имперіи. Даже самая столица—Римъ, какъ позднѣе и Константинополь, основываетъ свое существованіе на натуральныхъ оброкахъ провинцій [3]. Это было коммунистически-имперіалистическое хозяйство, подобнаго которому свѣтъ никогда не видалъ: вымогательства чиновниковъ, откупъ податей, ростовщичество, крупныя помѣстья богачей, обрабатываемыя рабами, признанная государствомъ обязанность доставлять массамъ населенія хлѣбъ, мясо и вино—все это ставило производительный трудъ половины міра въ услуженіе столицы и оставляло свободнымъ для приложенія частнаго труда одну только область личныхъ услугъ. Все, что намъ извѣстно о провинціальныхъ городахъ, заставляетъ

---

[1]) Относ. дальнѣйшаго срвн. главнымъ образомъ R. Pöhlmann: Die Uebervölkerung der antiken Grosstädte im Zusammenhang mit der Gesammtentwickelung städtischer Zivilisation. Leipzig 1884. Кромѣ того, W. Roscher: System der Volkswirtschaft III, вначалѣ и Bücher: Die Aufstände der unfreien Arbeiter 143—129 v. Chr., Frankf. a. M. 1874.

[2]) Прекрасно говоритъ Овидій (Ars. am. III, 113): Nunc aurea Roma est et domiti magnas possidet orbis opes.

[3]) Krakauer: Das Verpflegungswesen der Stadt Rom in der späteren Kaiserzeit, Leipzig 1874 и E. Gebhardt: Studien über das Verpflegungswesen von Rom und Konstantinopel in der späteren Kaiserzeit, Dorpat 1881. Кромѣ того Rodbertus въ Jahrb. für N-Ö. und Stat. VIII, особ. стр. 400.

предполагать, что и тамъ существовало подобное же положеніе вещей [1]).

Большой городъ древняго міра не былъ ни рынкомъ свободнаго труда, ни мѣстомъ квалифицированнаго массоваго производства на вывозъ [2]). Все, что напоминаетъ фабричную промышленность, покоится, также какъ и крупное сельское хозяйство, на рабскомъ трудѣ. Поэтому среди мотивовъ, приводимыхъ древними въ качествѣ объясненія того, почему свободное сельское населеніе стремится въ города, никакой роли не играетъ мотивъ, обычный въ настоящее время: виды на лучшій заработокъ. «Оглянись на эту массу людей,—пишетъ Сенека [3]) своей матери,—ихъ не вмѣщаютъ даже дома безмѣрнаго города. Изъ муниципій и колоній, со всѣхъ концовъ земли пришли они сюда. Однихъ привело сюда честолюбіе, другихъ—обязанности службы, третьихъ—возложенное на нихъ порученіе (посольство), четвертыхъ—развлеченія, ищущія блестящаго, удобнаго для порока, многолюднаго мѣста, иныхъ—научныя занятія или зрѣлища; тѣ пришли по зову друзей, другихъ гнало стремленіе сдѣлать карьеру, которое находитъ здѣсь широкое поприще для проявленія личныхъ достоинствъ [4]); одни предлагаютъ свою красоту, другіе—свое краснорѣчіе. Нѣтъ такого вида людей, котораго бы не было въ городѣ, гдѣ за добродѣтели и за пороки даютъ большія деньги».

Совершенно иной характеръ имѣетъ «движеніе въ города» въ средніе вѣка. Оно въ общей сложности является не менѣе массовымъ, чѣмъ движеніе во времена Римской Имперіи; но результатомъ его было не появленіе немногихъ центровъ потребленія, а возникновеніе множества разбросанныхъ по всей странѣ укрѣпленныхъ мѣстъ, въ которыхъ сосредоточились всѣ неприкрѣпленныя къ землѣ профессіи. Средневѣковые города обнаруживаютъ большое сходство между собой въ отношеніи соціальной и экономической группировки населенія и, насколько можно судить, лишь незначительныя различія въ численности населенія. При основаніи города передвиженіе сельскаго населенія, повидимому, не всегда носило добровольный характеръ; впослѣдствіи оно поддерживалось главнымъ образомъ тѣмъ, что города представляли большую безопасность для людей и имущества, а также лучшія условія заработка для безземельныхъ свободныхъ и крѣпостныхъ людей. Все движеніе какъ съ экономической стороны, такъ и въ смыслѣ его вліянія на густоту населенія закончилось съ того момента, когда въ городахъ всѣ ре-

---

[1]) E. Kuhn (Die städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reichs I стр. 46 и сл.) указываетъ на такую же, какъ въ столицѣ, организацію cura annonae.

[2]) Относительно греческихъ городовъ это теперь вполнѣ установлено Francotte'омъ: L'industrie dans la Grèce ancienne I, особ. стр. 149—158.

[3]) Cons. ad. Helviam, 6.

[4]) Quosdam industria latam ostendendae virtuti nacta materiam. Подъ этимъ надо понимать карьеризмъ, а не „промышленность", какъ почему-то переводитъ Pöhlmann, l. c. стр. 17.

месла, которыя могъ прокормить ограниченный рынокъ сбыта, были предоставлены достаточнымъ количествомъ мастеровъ. До этого времени городъ не ставилъ препятствій передвиженію и господствовалъ почти свободный доступъ къ цеховымъ привилегіямъ и къ праву гражданства, между тѣмъ какъ въ это же время землевладѣльцы посредствомъ ограничительныхъ постановленій старались предотвратить уходъ крѣпостныхъ. Но когда города могли уже заполнять всѣ профессіи однимъ внутреннимъ приростомъ своего населенія, тогда и у нихъ возникло стремленіе задержать притокъ извнѣ, и созданы были тѣ многочисленныя затрудненія для поселенія и для доступа къ ремесламъ, которыя сохранились почти до новѣйшаго времени. Образовалась рѣзкая грань между городомъ и деревней. Передвиженія, правда, по-прежнему имѣли мѣсто; но они преимущественно ограничивались обмѣномъ рабочихъ силъ между городами. Развитіе городовъ какъ бы застыло, и изъ этого состоянія оцѣпенѣнія его могла вывести лишь новая форма организаціи хозяйства.

Мы имѣемъ возможность въ нѣкоторыхъ пунктахъ подтвердить сказанное цифровыми данными. У насъ есть подробныя изслѣдованія относительно происхожденія населенія средневѣкового Франкфурта-на-Майнѣ [1]), а съ недавняго времени и относительно отдѣльныхъ частей населенія Кельна въ средніе вѣка [2]). Изъ нихъ выясняется, что большинство лицъ, принятыхъ въ XIV и XV ст. въ число гражданъ, въ этихъ городахъ составляетъ пришлое населеніе изъ сельскихъ мѣстъ.

А именно на каждые 100 принятыхъ вновь гражданъ происходятъ:

въ городахъ:	за періодъ:	изъ городовъ:	изъ селъ и мѣстечекъ:
Кельнѣ	1356—1479	37,4%	62,6%
Франкфуртѣ	1311—1400	28,2%	71,8%
	1401—1500	48,9%	51,1%

Изъ этого вытекаетъ, что хотя въ послѣднія два столѣтія средневѣковья движеніе населенія изъ селъ въ города еще продолжалось, но оно уже шло на уклонъ, между тѣмъ какъ примѣсь городскихъ элементовъ среди новыхъ гражданъ все увеличивалась. Въ XV столѣтіи нѣкоторые слои населенія Франкфурта пополнялись преимущественно городскими переселенцами. Такъ, напримѣръ, изъ поселившихся евреевъ 90% переселились изъ городовъ; среди членовъ союза подмастерьевъ по металлу 79,8% происходили изъ городовъ. Матеріалъ, изъ котораго добыта послѣдняя цифра, захватываетъ, правда, и первую четверть XVI вѣка.

[1]) Въ моей кн. „Bevölkerung von Fr." стр. 163 и сл., 304 и сл., 422 и слѣд.

[2]) A. Doren: Untersuchungen zur Gesch. der Kaufmannsgilden des Mittelalters (Schmolles Forschungen XII, 2), прилож. I. и H. Bungers: Beiträge zur mittelalterlichen Topographie, Rechtsgeschichte und Socialstatistik der Stadt Köln, Leipzig 1896 отд. III.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ дальнѣйшихъ цифръ, за XVI и XVII ст. Но зато мы можемъ привести нѣкоторыя цифры, относящіяся къ періоду отъ начала XVIII и до второй половины XIX столѣтія, изъ которыхъ видно, что было время, когда городское ремесло получало своихъ работниковъ почти исключительно изъ другихъ городовъ. Во франкфуртскомъ архивѣ имѣется рядъ записей переплетнаго цеха, гдѣ внесены имена и мѣсто рожденія всѣхъ прибывшихъ во Франкфуртъ за время отъ 1712 до 1867 года подмастерьевъ этого ремесла (всего 14.842). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я обработалъ этотъ чрезвычайно цѣнный матеріалъ и нашелъ, что на 100 прибывшихъ переплетныхъ подмастерьевъ происходили:

на періоды:	изъ городовъ:	изъ селъ и мѣстечекъ:
1712—1750	97,5%	2,5%
1751—1800	94,3%	5,7%
1801—1835	89,2%	10,8%
1836—1850	86,0%	14,0%
1851—1867	81,2%	18,8%

Мы видимъ отсюда, какъ въ специфически городскомъ промыслѣ на протяженіи болѣе полутора столѣтій примѣсь сельскихъ рабочихъ силъ постоянно возрастаетъ. Если бы это изслѣдованіе могло быть продолжено до настоящаго времени, то на время послѣ 1867 года, безъ сомнѣнія, обнаружился бы еще болѣе сильный приливъ ремесленниковъ изъ селъ.

Населеніе, притекающее въ современные города, обнаруживаетъ, повидимому, такое же соединеніе городскихъ и сельскихъ элементовъ, какое нами установлено для XV столѣтія [1]). На каждые 100 человѣкъ пришлаго населенія было:

въ городахъ:	годъ переписи:	городскихъ уроженцевъ:	сельскихъ уроженцевъ:
Лейпцигѣ	1885	50,6	49,4
Базелѣ	1888	23,5	76,5

При этомъ, какъ и въ средніе вѣка, по мѣрѣ увеличенія разстоянія отъ мѣста рожденія, городской элементъ сравнительно возрастаетъ, а сельскій падаетъ въ томъ же размѣрѣ. Различные слои населенія въ этомъ отношеніи не представляютъ большихъ отличій.

---

[1]) Мы можемъ привести здѣсь лишь нѣкоторые результаты этого изслѣдованія. Подробности читатель найдетъ въ моемъ сочиненіи „Bevölkerung des Kanton Basel Stadt am 1 Dez. 1888", стр. 92 и слѣд. Кромѣ того можно указать на книгу Hasse: Ergebnisse der Volkszählung vom 1 Dez. 1885 in der Stadt Leipzig II часть, стр. 7 и сл. Болѣе высокая цифра сельскихъ уроженцевъ въ городѣ Базелѣ объясняется тѣмъ, что при этой переписи граница между городомъ и селомъ установлена была въ 3.000 жителей.

Въ общемъ въ тѣхъ профессіяхъ, которыя требуютъ особой подготовки, примѣсь городского элемента больше, чѣмъ въ областяхъ обыкновеннаго ручного труда.

Очень жаль, что у насъ нѣтъ подобнаго рода статистическихъ изслѣдованій и относительно другихъ современныхъ городовъ. На основаніи тѣхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, можно заключить, что въ большихъ городахъ количество пришлыхъ горожанъ сравнительно больше, чѣмъ въ среднихъ и мелкихъ [1]. Объясняется это очень просто Большой городъ имѣетъ для среднихъ и мелкихъ городовъ такую же притягательную силу, какъ эти послѣдніе для сельскаго населенія. Такимъ образомъ, переходы изъ одного соціальнаго и экономическаго круга въ другой совершаются менѣе рѣзко; происходитъ постепенный подъемъ странствующихъ массъ и непрерывная изъ поколѣнія въ поколѣніе подготовка къ требованіямъ жизни большого города, благодаря чему неизбѣжная въ цѣляхъ приспособленія борьба нѣсколько смягчается.

Если такимъ образомъ современные города обнаруживаютъ такія же перемѣны въ составѣ населенія, какъ это было въ средніе вѣка, то все же сходство это часто внѣшнее. Въ то время какъ въ XIV и XV вѣкахъ дѣло шло о послѣднихъ стадіяхъ развитія, цѣль котораго заключалась въ образованіи многочисленныхъ мелкихъ автономныхъ хозяйствъ, вполнѣ сходныхъ между собой по самостоятельной организаціи производства,—въ XIX столѣтіи происходитъ возрастающая дифференціація населенныхъ пунктовъ, въ соотвѣтствіи съ интересами цѣлаго: регулируемаго государствомъ народнаго хозяйства [2]. Въ общемъ число населенныхъ пунктовъ, въ которые направляется внутреннее передвиженіе, въ настоящее время меньше, чѣмъ во второй половинѣ среднихъ вѣковъ. Но и въ другомъ отношеніи современное, вызванное внутренними передвиженіями, распредѣленіе населенія отличается отъ средневѣкового. Вслѣдствіе большей безопасности жизни и имущества, а также благодаря разумной дѣятельности по охраненію народнаго здравія, за послѣдніе полтора вѣка замѣчается непрерывный ростъ населенія. Его совершенно не знали средніе вѣка съ ихъ опустошительными эпидеміями, войнами и голодовками. Поэтому передвиженіе въ большіе города и фабричные округа часто отвлекаетъ отъ сельскихъ общинъ и мелкихъ городовъ только естественный приростъ населенія, который не могъ бы прокормиться на мѣстѣ. Такимъ образомъ, сгущеніе населенія въ этихъ мѣстахъ задерживается или даже совершенно предотвращается, въ то время какъ тамъ, куда стекается этотъ избытокъ, непрерывный и быстрый ростъ населе-

---

[1]) Кромѣ упомянутой уже работы о Лейпцигѣ, интересныя свѣдѣнія относительно этихъ явленій даетъ появившееся нѣсколько позже подробное изложеніе прилива и отлива населенія Франкфурта на Майнѣ въ 1891 году, опубликованное Bleicher'омъ въ „Beitr. zur Statistik der St Frankf. II стр. 29 и сл.

[2]) Срав. объ этомъ выше стр. 252 и слѣд.

нія не встрѣчаетъ ни стѣсненій въ смыслѣ пространства, ни экономическихъ затрудненій.

Въ средніе же вѣка переселеніе направлялось во множество разсѣянныхъ по странѣ, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, укрѣпленныхъ мѣстъ. Оно продолжалось повсюду лишь до тѣхъ поръ, пока городъ не былъ заполненъ. Когда жителей оказывалось достаточно, чтобы занять всѣ укрѣпленія и башни и замѣстить всѣ отрасли труда, то никто болѣе не находилъ себѣ мѣста. Правда, и тогда городъ все же увеличивался—по мѣрѣ образованія новыхъ профессій и развитія спеціализаціи; однако, большихъ городовъ средніе вѣка не создали и не могли создать при тогдашней организаціи хозяйства и сообщеній. Города нерѣдко отнимали у селъ населеніе, необходимое для обработки земли, и все же численность городского населенія, вслѣдствіе большихъ потерь, лишь удерживалась на неизмѣнномъ уровнѣ.

Послѣ сказаннаго остается, однако, все же неяснымъ, были ли внутреннія передвиженія, сопровождавшія развитіе средневѣкового городского хозяйства, сравнительно многочисленнѣе современныхъ, обусловленныхъ народно-хозяйственною организаціей распредѣленія населенія внутри страны. Несомнѣнно лишь то, что притягательная сила, оказываемая современными большими городами на населеніе маленькихъ городовъ и селъ, ощущается на болѣе далекомъ пространствѣ, чѣмъ протяженіе, какое оказывали средневѣковые города на окружающее населеніе. Но тѣмъ не менѣе нельзя утверждать, чтобы область, изъ которой рекрутируется населеніе какого-нибудь города, съ начала новаго времени расширялась прямо пропорціонально численности населенія. Напротивъ того, нужно удивляться, какъ мало повліяли на протяженіе внутреннихъ передвиженій усовершенствованные пути сообщенія и свобода передвиженій.

Нѣсколько цифровыхъ данныхъ поможетъ намъ выяснить это. На 100 пришлыхъ жителей происходили изъ мѣстъ, отстоявшихъ:

отъ городовъ:	группа населенія:	время:	на 0—2 миль:	2—10 миль:	болѣе 10 миль:
Франкфуртъ	новыхъ гражданъ	XIV ст.	46,7	39,3	14,0
»	»	XV »	23,1	52,7	24,2
	мастеровыхъ по металлу	XV и XVI ст.	2,7	45,0	52,3
Ольденбургъ	иногороднихъ урожевц.	1880	21,8	42,1	36,1
Базель	иногороднихъ урожевц.	1888	16,7	50,2	33,1
»	подмастерьевъ	»	13,9	40,0	46,1
»	фабричныхъ рабочихъ	»	17,1	59,6	23,3

Изъ трехъ различаемыхъ здѣсь поясовъ пришлаго населенія въ настоящее время, по сравненію съ средними вѣками, наибольшее значеніе въ общемъ количествѣ населенія имѣетъ крайній, на-

меньшее—внутренній. Это, по всей вѣроятности, объясняется исключительно тѣмъ обстоятельствомъ, что теперь жители близкихъ отъ города мѣстъ могутъ пользоваться преимуществами городского рынка труда, не переселяясь въ городъ: съ одной стороны, въ городъ легко ежедневно добраться на велосипедѣ или поѣздомъ; съ другой—городскіе фабриканты нерѣдко устраиваютъ свои промышленныя заведенія въ пригородныхъ мѣстностяхъ. Районъ, изъ котораго вербуются городскіе ремесленные подмастерья, по сравненію со средними вѣками, напротивъ того, сузился; это объясняется тѣмъ, что $^3/_4$ ихъ набираются въ настоящее время изъ сельскаго населенія, тогда какъ въ концѣ средневѣковаго періода менѣе $^1/_4$ ихъ происходило изъ селъ и мѣстечекъ. Среди франкфуртскихъ подмастерьевъ по металлу въ XV и XVI вѣкахъ только 20,7% были сельскіе уроженцы; а въ 1888 году среди базельскихъ пекарей и мясниковъ 78,7%, въ другихъ же ремеслахъ—75,2% были сельскаго происхожденія. Тѣмъ не менѣе и теперь еще ремесленные подмастерья странствуютъ въ большемъ количествѣ и на большихъ разстояніяхъ, чѣмъ типичные современные рабочіе-фабричные. Изъ базельскихъ фабричныхъ рабочихъ въ 1888 году въ городахъ родилось 25,8%, а изъ ремесленныхъ подмастерьевъ только 16,3%. Сколько изъ нихъ родилось и жило въ ближайшихъ окрестностяхъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Но все новѣйшее развитіе промышленности ведетъ къ образованію осѣдлаго рабочаго сословія, которое уже теперь, благодаря раннимъ бракамъ, стало менѣе подвижнымъ, чѣмъ прежніе ремесленники, и которое въ будущемъ несомнѣнно такъ же прочно будетъ прикрѣплено къ фабрикѣ, какъ крестьянинъ крупнаго средневѣковаго помѣстья къ землѣ [1]. Если въ настоящее время это мало замѣтно, то это объясняется тѣмъ, что большинство крупныхъ предпріятій пока еще не достигли полнаго своего развитія и, расширяясь, вынуждены покрывать спросъ на новыхъ рабочихъ привлеченіемъ избыточнаго сельскаго населенія. Изъ сказаннаго ясно, что не можетъ быть и рѣчи о растущей подвижности общества, вслѣдствіе сгущенія сѣти путей сообщенія и ихъ усовершенствованія. Мы находимся въ переходномъ періодѣ, въ которомъ еще незаконченное превращеніе городского и территоріальнаго хозяйства въ національное ведетъ непрестанно къ перемѣщенію границъ раздѣленія труда и къ измѣненію центровъ различныхъ отраслей промышленности, а въ связи съ этимъ къ передвиженію рабочаго населенія.

Послѣ вѣкового экономическаго и соціальнаго застоя, въ которомъ всевозможными ограниченіями свободы передвиженія и жительства населеніе прикрѣплялось къ насиженнымъ предками мѣ-

---

[1] Постройка при большихъ фабрикахъ жилищъ для рабочихъ, продаваемыхъ или отдаваемыхъ имъ въ наемъ, уже теперь создала своего рода „прикрѣпленіе къ фабрикѣ", обнаруживающее поразительное сходство съ прикрѣпленіемъ къ землѣ въ прежнія времена. Срвн. мою статью о бельгійскомъ соціальномъ законодательствѣ въ Brauns Archiv f. soc. Gesetzg. und Stat. IV, стр. 484 и сл.

стамъ, современныя массовыя передвиженія представляются многимъ чѣмъ-то опаснымъ. Они легко могутъ показаться возвратомъ къ первобытному состоянію всеобщей кочевой жизни. Но при этомъ упускаютъ изъ виду, что только часть населенія стала болѣе подвижной, а именно—сельскіе жители, большинство которыхъ до начала XIX вѣка прикрѣплено было къ землѣ. Купецъ, ремесленникъ, ученый въ настоящее время менѣе подвиженъ, чѣмъ, напримѣръ, въ эпоху реформаціи, а промышленные рабочіе странствуютъ въ настоящее время сравнительно рѣже и на меньшихъ растояніяхъ, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ. Только количество ихъ увеличилось и все продолжаетъ увеличиваться; а этотъ ростъ промышленности постоянно отвлекаетъ часть сельскихъ рабочихъ отъ насиженнаго мѣста, съ которымъ ихъ ничто не связываетъ, кромѣ интересовъ тѣхъ, кто пользуется ихъ безпомощностью. Дальнѣйшій ходъ этого движенія уже черезъ нѣсколько десятилѣтій, вѣроятно, докажетъ, что человѣчество въ теченіе своего культурнаго развитія въ общемъ все же стало болѣе осѣдлымъ.

Мы можемъ поэтому сказать въ заключеніе: въ массовомъ стремленіи въ города и его предмѣстья мы въ настоящее время опять переживаемъ то, что наши предки однажды уже пережили во второй половинѣ среднихъ вѣковъ—переходъ къ новой экономической и соціальной организаціи и къ новому распредѣленію населенія. Если въ то время это движеніе являлось началомъ и служило введеніемъ въ періодъ городского хозяйства и рѣзкаго разграниченія между городомъ и деревней, то и переживаемое нами движеніе свидѣтельствуетъ о наступленіи новаго періода: періода органическаго разселенія, періода національнаго раздѣленія труда и народо-хозяйственнаго снабженія, въ которомъ различія между городами и селами сглаживаются благодаря многочисленнымъ переходнымъ формамъ.

Всякое переходное время причиняетъ неудобства и страданія. Но и современныя передвиженія населенія, поскольку они выражаются въ стремленіи его въ города, достигнувъ своей цѣли, должны прекратиться, какъ это было и въ средніе вѣка. Цѣль же эта можетъ заключаться только въ томъ, чтобы указать каждому индивиду и каждой группѣ лицъ то мѣсто и то назначеніе въ общей національной жизни, при которыхъ они, сообразно своимъ способностямъ и измѣнившимся техническимъ условіямъ хозяйства, лучше всего могутъ служить общему благу.

Такимъ образомъ, на основаніи изученія внутреннихъ передвиженій, мы, несмотря на многія сопровождающія ихъ темныя явленія, можемъ почерпнуть увѣренность, что и они въ общемъ представляютъ шагъ впередъ къ высшимъ, лучшимъ формамъ соціальной жизни—не только для отдѣльнаго человѣка, но и для всего человѣчества въ цѣломъ.

Указатель.